

ИЗВЕСТИЯ

Уральского федерального
университета

Серия 1
Проблемы образования,
науки и культуры

2021. Т. 27

№ 2

IZVESTIA

Ural Federal University
Journal

Series 1
Issues in Education,
Science and Culture

2021. Vol. 27

№ 2

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

- Т. Е. Автухович**, д-р филол. наук, проф.
(Республика Беларусь, Гродно,
Гродненский государственный
университет имени Янки Купалы)
- А. Е. Аникин**, д-р филол. наук, акад. РАН
(Россия, Новосибирск, Институт
филологии СО РАН)
- Дж. Боулт**, PhD (Art Studies), проф.
(США, Лос-Анджелес, Университет
Южной Калифорнии)
- А. В. Головнев**, д-р ист. наук, чл.-корр.
РАН (Россия, Санкт-Петербург, Музей
антропологии и этнографии (Кунсткамера)
РАН)
- В. Л. Иваницкий**, д-р филол. наук, проф.
(Россия, Москва, Московский
государственный университет
им. М. В. Ломоносова)
- С. Г. Корконосенко**, д-р полит. наук,
проф. (Россия, Санкт-Петербург,
Санкт-Петербургский государственный
университет)
- К. Кроо**, д-р филол. наук, проф.
(Венгрия, Будапешт, Университет
Лоранда Этвеша)
- Дж. Майклсон**, PhD (Philology), проф.
(США, Лоренс, Канзасский университет)
- А. Мустайоки**, PhD (Philology), проф.
(Финляндия, Хельсинки, Хельсинкский
университет)
- Б. Ю. Норман**, д-р филол. наук, проф.
(Республика Беларусь, Минск, Белорусский
государственный университет)
- Г. Саймонс (Greg Simons)**, PhD, проф.
(Швеция, Уппсала, Уппсальский
университет)
- Э. Э. Сыманюк**, д-р психол. наук, проф.
(Россия, Екатеринбург, Уральский
федеральный университет)
- А. Федотов**, д-р филол. наук, проф.
(Болгария, София, Софийский
университет Св. Климента Охридского)
- Г. Г. Щепилова**, д-р филол. наук, проф.
(Россия, Москва, Московский
государственный университет
им. М. В. Ломоносова)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Главный редактор

- В. М. Амиров**, д-р филол. наук, доц.
(Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный
университет)
- Ю. М. Ершов**, д-р филол. наук, проф. (Россия,
Севастополь, Филиал МГУ имени М. В. Ломоносова
в городе Севастополе)
- Т. А. Снигирева**, д-р филол. наук, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
- Л. П. Быков**, д-р филол. наук, проф. (Россия, Екате-
ринбург, Уральский федеральный университет)
- Ю. В. Матвеева**, д-р филол. наук, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
- Б. Н. Лозовский**, д-р филол. наук, доц. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
- М. А. Мясникова**, д-р филол. наук, канд. искусство-
ведения, доц. (Россия, Екатеринбург, Уральский
федеральный университет)
- Э. В. Чепкина**, д-р филол. наук, доц. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
- А. П. Чудинов**, д-р филол. наук, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский государственный
педагогический университет)
- О. Л. Девятова**, д-р культурологии, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
- Н. Б. Кириллова**, д-р культурологии, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
- И. Я. Мурзина**, д-р культурологии, проф. (Россия,
Екатеринбург, Институт образовательных стратегий)
- Г. А. Глотова**, д-р психол. наук, проф. (Россия,
Москва, Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова)
- Н. С. Глуханюк**, д-р психол. наук, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
- И. А. Ершова**, канд. психол. наук, доц. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
- С. А. Минорова**, д-р психол. наук, проф.
(Россия, Екатеринбург, Уральский государственный
педагогический университет)
- Т. Ю. Быстрова**, д-р филос. наук, доц. (Россия,
Екатеринбург, Екатеринбургская академия
современного искусства)
- Г. Е. Зборовский**, д-р филос. наук, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
- И. В. Зиновьев**, д-р филос. наук, доц. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
- В. Ф. Олешко**, д-р филос. наук, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
- Р. Коул (Richard Cole)**, PhD, проф. (США,
Чапел Хилл, Университет Северной Каролины)
- Ответственный секретарь
- Л. А. Хухарева**

СОДЕРЖАНИЕ

ЖУРНАЛИСТИКА И МАССОВЫЕ КОММУНИКАЦИИ	
<i>Сумская А. С., Сумской П. Ф.</i> Тематические приоритеты и перспективы межпоколенческой медиакоммуникации 5	
<i>Нестерова В. Е.</i> Стратегия оценочной аргументации как средство лингвистического моделирования образа полиции в российском и американском газетном дискурсе (на примере проправительственных газет) 22	
<i>Букина Т. Г.</i> Средства создания комического эффекта в развлекательном радиоэфире 35	
<i>Литвицнев А. Э.</i> Трансформация академических исследований массмедиа: опыт машинного анализа..... 44	
<i>Голоусова Е. С.</i> Испаноязычные медиа в США: тенденции и перспективы развития..... 59	
ТРИБУНА УЧЕНОГО	
<i>Кутина Н. А.</i> Руководящие ценности россиян в эпоху пандемии коронавируса..... 74	
<i>Куваева И. О., Стрельникова А. М.</i> Особенности совладания со специфической трудной ситуацией: пандемия COVID-19 84	
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	
<i>Меньщикова А. М.</i> «Годовщину последнюю празднуй...»: ахматовские даты в поколенческой рецепции 92	
<i>Кوشлева О. Д., Працгерук Н. В.</i> О метасюжете чтения вслух в романах Ф. М. Достоевского 102	
<i>Подлубнова Ю. С.</i> «Я иду за окном, когда же начнутся горы»: жанровое своеобразие книги «Поездка на Урал» Елизаветы Полонской..... 110	
КУЛЬТУРОЛОГИЯ	
<i>Шуклина Е. А., Певная М. В.</i> Инклюзивный театр: социокультурные характеристики аудитории, проблемы творчества и соучастия..... 120	
<i>Шаклеева А. И.</i> Юродствование в современном российском театре (на примере режиссерской концепции Льва Эренбурга)..... 132	
<i>Быстрова Т. Ю., Тао Мэнтин.</i> Танская керамика сань цай в контексте представлений о жизни и смерти 140	
<i>Баранова С. И.</i> Интерьеры московских дворцов второй половины XVII в.: опыт инвентаризации 151	
<i>Аблаева Э. С.</i> Роль культурно-символического образа Крыма в формировании бренда региона..... 159	
ПСИХОЛОГИЯ	
<i>Любякин А. А., Соколов В. А.</i> Исследование субъективного ощущения одиночества и психологической зависимости от интернета и социальных сетей у студентов..... 169	
ОБРАЗОВАНИЕ: ВЫЗОВЫ НОВОГО ВРЕМЕНИ	
<i>Амбарова П. А., Шаброва Н. В.</i> Социокультурные основания образовательной (не)успешности учащейся молодежи 178	
<i>Панкова С. Н.</i> Нелинейные образовательные практики студентов российских вузов в условиях социальной неопределенности... 193	
<i>Плотникова И. Ю., Климова О. В.</i> Реализация проектной деятельности в УрФУ: учебный издательский проект «Ее жизнь. По мотивам романа А. Г. Коревановой “Моя жизнь”» 207	
УГОЛ ЗРЕНИЯ	
<i>Коробов-Латынцев А. Ю.</i> Нравственная оптика историософии П. Я. Чаадаева 218	
ЗАМЕТКИ О КНИГАХ	
<i>Мясникова М. А.</i> Маска объясняет мир. Рец. на кн.: <i>Кириллова Н. Б.</i> Культ маски: исторический контекст. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. — 324 с. 223	
<i>Исхаков Р. Л.</i> «Большое видится на расстоянии...»: взгляд на газетоведение через сто лет. Рец. на кн.: <i>Фатеева И. А.</i> Газетоведение как научно-образовательная школа в России: сто лет спустя : монография. — М. : МПГУ, 2020 — 368 с. 227	
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
<i>Гудова М. Ю., Рубцова Е. В., Симбирцева Н. А.</i> Коммуникационные тренды в эпоху постграмотности: от креативности человека к креативности искусственного интеллекта и человекомашинных гибридов 235	
Течение живой мысли (<i>А. М. Меньщикова, Л. А. Назарова, Т. А. Снигирева</i>) 250	
S u m m a r y 253	

DOI 10.15826/izv1.2021.27.2.026
УДК 101.1:316.444.051.63 + 070.1:004.77

А. С. Сумская
П. Ф. Сумской

ТЕМАТИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКОЙ МЕДИАКОММУНИКАЦИИ*

Один из признаков эпохи постграмотности — появление коммуникационного разрыва между медиапоколениями, отличительными особенностями которых являются не только разные медиапрактики в несовпадающих медийных средах, но и различная тематическая направленность медиакоммуникаций. В работе на основе авторской социокультурологической концепции медиапоколений и использования Sketch Engine, современного cloud инструмента для изучения больших текстовых коллекций, выявлены тематические поколенческие приоритеты в СМИ и сформулировано видение перспектив межпоколенческой медиакоммуникации.

К л ю ч е в ы е с л о в а: коммуникационный разрыв; медиапоколения; поколенческая медиакоммуникация; межпоколенческое взаимодействие в цифровой медиасреде

Повсеместная цифровизация способствовала наступлению эпохи постграмотности. Современный «культурно-цивилизационный технологический диалог» разделил «общество технологически и, как следствие, поколенчески...» [Гудова, с. 30]. Технологические цифровые новации обусловили появление так называемого «цифрового» разрыва [Dewan, Riggins], который в России проявляется

* Часть исследования, выполненная А. С. Сумской, реализована при финансовой поддержке РФФ (№19-18-00264) по теме «Цифровизация коммуникативно-культурной памяти и проблемы ее межпоколенческой трансляции».

СУМСКАЯ Анна Сергеевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры телевидения, радиовещания и технических средств журналистики Уральского федерального университета (e-mail: anna.sumskaia@urfu.ru). ORCID: 0000-0001-8186-2937

СУМСКОЙ Павел Федорович — кандидат культурологии, доцент кафедры телевидения, радиовещания и технических средств журналистики Уральского федерального университета (e-mail: sumskoi.pavel@urfu.ru). ORCID: 0000-0002-0052-7908

© Сумская А. С., Сумской П. Ф., 2021

и на уровне цифрового неравенства регионов, и на уровне цифровых компетенций как «набора интернализированных способностей» человека [Gladkova, Vartanova, Ragnedda, с. 3]. Доступ к ИКТ и цифровые компетенции, по мнению исследователей, формируют цифровой капитал медиапользователя [Вартанова, Гладкова; Ragnedda, Ruiu, Addeo]. Поколенческий коммуникационный разрыв, обусловленный разным уровнем цифрового капитала пользователей, приводит, с одной стороны, к «разнице социальных преимуществ, которые пользователи получают при применении технологий и интернет-доступа» [Ragnedda, с. 2370], а с другой — к развитию устойчивых медийных поколенческих субкультур [Sumskaaya, Sumskoу, Solomeina]. Эти проявления не только в различных медиапрактиках, формах трансляции контента, интенциях восприятия и способах интериоризации информации [Олешко], но и в различных тематических предпочтениях, различном символическом (нематериальном ценностном) капитале, форматах репрезентации действительности [Sumskaaya; Sumskaaya, Solomeina].

Таким образом, противоречие между необходимостью и возможностью преодоления коммуникационного поколенческого разрыва, опосредованного медиатехнологиями, актуализирует изучение формирующихся субкультур медиапоколений, в том числе значимых поколенческих тематических приоритетов, транслируемых в средствах массовой информации, и перспектив межпоколенческой коммуникации в цифровой медиасреде.

Событием, определившим значимые различия в поколениях средств массовой информации, является переход от аналоговых к цифровым методам производства и вещания, что привело к тем цивилизационным изменениям, которые мы наблюдаем сегодня: множеству цифровых СМИ, медиатизации современной жизни, цифровизации повседневных коммуникативных практик [Сумская, Свердлов, с. 35].

В своей работе мы опираемся на авторскую концепцию медиапоколений, в которой на основе двух критериев — социально-демографических характеристик и «информационной компетентности»/цифрового капитала медиапользователей — выделяются пять поколенческих субкультур: два поколения с устойчивыми характеристиками «аналогового» и «цифрового», два переходных поколения, отнесенность к которым основывается на уровне их «информационной компетентности»/цифрового капитала, и «эхо-поколение», являющееся промежуточным между «цифровым» и «аналоговым» [Sumskaaya, Lozovskaya, с. 115]. Наши суждения в некотором смысле являются подтверждением неприемлемости чрезмерно упрощенной бинарной поколенческой позиции «digital native» и «digital immigrant» [Wayne, Ross, с. 159]. Мы выявляем типичные характеристики медиапоколений, в том числе возрастной диапазон аудитории, опираясь на утверждение лингвистов В. И. Беликова и Л. П. Крысина: «...возраст и пол являются лингвистически значимыми биосоциальными факторами: представители разных поколений характеризуются неодинаковым использованием средств языка, разными предпочтениями в оценках языковых фактов и т. п., а различия людей по биологическому полу сказываются в их речевых склонностях и неприятиях» [Беликов, Крысин, с. 156]. Так, например, на основании данных исследований 2019 г. мы пришли к убеждению, что типичное «аналоговое» поколение — это

медиааудитория 65 лет и старше, типичное «эхо-поколение» — люди в возрасте 40–50 лет, а типичное «цифровое» поколение — моложе 25 лет.

В ходе исследования мы запланировали на основе анализа больших данных посредством Sketch Engine выявить тематические репертуары интенций СМИ, ориентированных на типично «аналоговое» и типично «цифровое» медиапоколения, т. е. своеобразные «колониализации жизненного мира средствами массовой информации» [Volkmer, p. 6]. Как мы полагаем, это может дать представления о тематических маркерах, поколенческих тематических предпочтениях, знание которых может быть использовано для преодоления поколенческого коммуникационного разрыва.

Мы не являемся абсолютными первопроходцами в организации данного тематически-поколенческого исследования. Подобное изучение речевого поведения и обобщение социолингвистических особенностей пользователей социальной сети «ВКонтакте» на основе инструментов MyStem и MS Access описано в работах М. Ю. Мухина, А. И. Лозовской [Мухин, Лозовская]. Анализ трансформации политического смысла в современном медиатизированном обществе на примере текстов посланий Президента РФ посредством Sketch Engine апробирован О. И. Шарафутдиновой [Ментально-языковые трансформации..., с. 222].

Задачи данного исследования:

1. Сформировать массивы частотной лексики текстовых корпусов СМИ, ориентированных на типично «аналоговое» и типично «цифровое» медиапоколения.
2. Выявить частотные группы лексем в текстах СМИ медиапоколений, используемых только в подкорпусах типично «аналогового» или типично «цифрового» медиапоколения.
3. На основе идеографического и контекстологического анализа в каждом поколенческом подкорпусе объединить частотную лексику согласно денотативным сферам.
4. Интерпретировать полученные данные, выявив крупные смысловые категории в текстах СМИ, ориентированных на разные поколения («аналоговое» и «цифровое»).

Базовыми методами исследования являются: лексико-статистический, сопоставительный, идеографический анализ текстов СМИ, на основании которого проводится социолингвистическая интерпретация данных. В процессе работы проанализирована частотная лексика в подкорпусах текстов типично «аналогового» и «цифрового» медиапоколений на основе идеографической классификации русской лексики, разработанной уральской семантической школой и обобщенной в универсальном идеографическом словаре русского языка, включающем межчастеречные денотативно-идеографические группы [Универсальный идеографический словарь...].

Для работы отобрали сторителлинги (короткие и длинные рассказы), опубликованные в 2018–2019 гг. в СМИ, ядром целевой аудитории которых является типично «аналоговое» или типично «цифровое» медиапоколение. При выборе массмедиа мы ориентировались на социально-демографические портреты аудитории СМИ. В работе предпочли анализировать сторителлинги, поскольку

многими исследователями и практиками доказано, что этот жанр современной журналистики в наибольшей степени обеспечивает развернутое и вовлекающее аудиторию повествование [Симакова, Енбаева, с. 111], дает много фактуры для анализа, что позволяет, на наш взгляд, полноценно раскрыть особенности и приоритеты поколенческой коммуникации. Всего в работе использованы материалы 14 СМИ, из них *It's My City*, *The Village*, ЕТВ, «Бумага», «Медуза» ориентированы преимущественно на «цифровое» медиапоколение, а «Нязепетровские вести», «Уральский рабочий», «Вечерний Челябинск», «Курс дела», «Обл-ТВ», «Южноуральская панорама», «Известия», «АиФ», «Медиазавод» — преимущественно на «аналоговое» поколение. Эмпирическая база исследования включала 381 текст (172 текста адресованы «аналоговому» поколению и 209 — «цифровому» медиапоколению), общее количество слов — 552 237. Нужно отметить, что поиск сторителлингов в СМИ типично «аналогового» поколения был достаточно сложным, так как жанр востребованных ныне историй чаще используется в текстах, ориентированных на «цифровую» медиааудиторию. Исследователям пришлось пересмотреть большой объем источников, чтобы составить репрезентативную эмпирическую базу для выявления маркеров и тематических приоритетов «аналогового» медиапоколения. В то же время в сетевых СМИ, ориентированных на типично «цифровое» медиапоколение, масштабные полноценные сторителлинги представлены в разнообразии. В итоге база текстов, условно говоря, типично «аналогового» поколения составила 177 995 слов, а «цифрового» — 374 242 слова.

На основе использования Sketch Engine, современного cloud инструмента для изучения больших текстовых коллекций, реализована аналитическая модель анализа полученных данных:

во-первых, созданы два лингвистических подкорпуса в соответствии с анализируемыми поколениями;

во-вторых, в результате сопоставления получены ряды лексем, которые являются *частотными* в каждом подкорпусе и нехарактерными для другого;

в-третьих, в процессе ручной проверки лексических множеств (1940 слов) выделены тематические области в соответствии с денотативными сферами и принята попытка интерпретации полученных данных.

Лексические множества «аналогового» поколения в текстах СМИ. 100 наиболее частотных лексем (*разных частей речи*), уникальных для данной выборки текстов СМИ, ориентированных на типично «аналоговое» поколение: Иван (142¹), Сталин (136), великий (108), ряд (87), красный (84), мастер (84), учитель (84), деревня (73), ученик (73), письмо (70), январь (69), военный (68), страх (64), труд (64), период (63), союз (62), Жуков (61), Нязепетровский (60), Кремль (59), ЦК (59), надежда (59), атомный (59), Ленин (58), хозяйство (58), памятник (57), судьба (56), педагог (54), кстати (54), колхоз (53), соревнование (53), отечественный (52), она (52), эпоха (52), гражданин (51), профессия (50), Кутузов (49), традиция (49), Стаханов (48), революция (48), впрочем (48), отход (48), впрочем (48), мера (47), март (47), мавзолей (45), вождь (45), море (45), тыс (45), кг (45),

¹ В данных примерах приведена абсолютная частотность.

картина (45), знаменитый (45), Чехов (44), колония (44), население (44), фронт (44), народный (44), подросток (43), наказание (43), партийный (43), отметить (43), реальный (43), областной (43), Челябинской (43), мировой (42), режиссер (42), председатель (42), кремлевский (41), немецкий (41), необходимый (41), враг (41), училище (41), бомба (40), лесной (40), писатель (40), торговый (39), семейный (38), спортивный (38), выполнять (37), поступить (36), сообщить (36), сельский (35), состояться (35), вовсе (35), уничтожить (34), уметь (34), войти (34), занять (33), погибнуть (32), поднимать (32), успеть (31), окончить (30), далеко (30), известно (30), убивать (28), касаться (28), ранее (28), необходимо (28), вернуть (27), бежать (27), обратиться (27).

Идеографический анализ показывает, что наиболее масштабно представлена денотативная группа «*Общественно-государственная сфера*». В этом лексико-семантическом множестве не только выделяется подгруппа «Государство, власть и общественный порядок» (11.1²), но и, в свою очередь, четко проявляется еще одна подтема, которую мы предпочли назвать «История страны, государства». Если ориентироваться на Универсальный идеографический словарь, то эта подгруппа включает совокупность лемм из подтем «Военные действия, мероприятия, их особенности и результаты», «Человек в общественно-государственной сфере», «Человек в сфере искусства». Однако в рамках данного исследования мы решили выделить в самостоятельный блок эту подтему, во-первых, потому, что тема исторического прошлого является очень важной для нашей страны, значимой для организации межпоколенческой коммуникации, а во-вторых, потому, что в настоящее время глобальных трансформаций и информационных войн историческое прошлое России все еще остается предметом политических международных дискуссий. Обобщения представлены в табл. 1.

Выборочный контекстологический анализ текстов позволяет уточнить значения лексем на основе следующих примеров:

После провала путча действовал разрушительно, стремясь, прежде всего, к единоличной власти в Кремле;

И. о. министра строительства и инфраструктуры В. А. Тупикин заверил, что строительно-монтажные работы будут завершены к 15 августа;

Наша страна будет отмечать 75-летие Победы в Великой Отечественной войне. Пришло время подумать о дедах и прадедах, отстоявших нашу Родину;

Вы должны знать, товарищи, что культ личности т. Сталина в повседневной практике руководства принял болезненные формы и размеры;

В 1944 году, в условиях войны, Лаврентий Берия был куратором советского «атомного проекта»;

По делу арестовано 54 человека, из них 5 членов ВКП(б). Никаких кулаков, с виду порядочные советские граждане;

Красная Армия берет в плен немецких солдат и офицеров, если они сдаются в плен, и сохраняет им жизнь;

² Здесь и далее указывается номер тематической группы.

Переигранные конкуренты были отодвинуты на третьи роли, однако не пошли по этапу и не были переведены в статус «врагов народа»;

В результате этого сильно укрепленная оборона врага была прорвана и врагу нанесены большие потери в живой силе и технике;

15 февраля 1978 года Указом Президиума Верховного Совета Украинской ССР город Кадиевка, в котором Алексей Стаханов установил свой легендарный рекорд, был переименован в Стаханов;

Первый президент России Борис Ельцин подписал указ о возвращении двуглавого орла в качестве официального государственного герба нашей страны.

Таблица 1

**Общественно-государственная сфера в текстах СМИ, ориентированных
на типично «аналоговое» поколение**

Государство, власть и общественный порядок (11.1)	Частота ИРМ*	Государство, власть и общественный порядок / страна, государство / история страны, государства) (11.1.1)	Частота ИРМ
Кремль	270.8	Сталин	624.3
Отечественный	238.7	Жуков	280.0
Гражданин	234.1	ЦК	270.8
Союз	284.6	Ленин	266.2
Колония	201.9	Кутузов	224.9
Население	201.9	Революция	220.3
Народный	201.9	Стаханов	220.3
Наказание	197.3	Мавзолей	206.5
Партийный	197.3	Вождь	206,5
Председатель	192.8	Фронт	201.9
Кремлевский	188.2	Враг	188.2
Учреждение	183.6	Бомба	188.2
Солдат	174.4	Горбачев	179.0
Министр	169.8	Родина	162,6
Постановление	165.2	Солдат	174.4
Родина	160.6	Берия	156,0
Контроль	151.4	Князь	151,4
Заместитель	142.3	Империя	142,3
Министерство	137.7	Каганович	137,7
Гражданский	137.7	Медаль	133.1
Прокуратура	128.5	КПСС	100,9
Двуглавый	110.1	Генерал	100,9

* ИРМ — частотность словоупотребления, здесь и далее рассчитана Sketch Engine на миллион, т. е. приведена к цифрам, допустимым для сравнения лексики различной абсолютной частотности.

Кроме того, лексико-семантические множества, связанные с государством и обществом, — «*Общественно-государственная сфера*» и «*Социальная сфера жизни человека*» — представлены в меньших, но частотных группах лексики, объединенных в тематические подгруппы «*Образование*» (11.6) и «*Искусство*» (11.8), «*Трудовая деятельность, ее отдельные виды и аспекты*» (13.4). Примеры приведены в табл. 2.

Таблица 2

Темы общественно-государственной и социальной сфер в текстах СМИ, ориентированных на типично «аналоговое» поколение

Общественно-государственная сфера / образование (11.6)	Частота ИРМ	Социальная сфера жизни человека / трудовая деятельность (13.4)	Частота ИРМ	Общественно-государственная сфера / искусство (11.8)	Частота ИРМ
Учитель	385.6	Мастер	385.6	Памятник	261.6
Ученик	335.1	Труд	293.8	Картина	206.6
Педагог	247.8	Хозяйство	266.2	Чехов	201.9
Училище	188.2	Колхоз	243.3	Режиссер	192.8
Урок	179.0	Профессия	229.5	Писатель	183.6
СОШ	169.8	Рабочий	174.4	Актер	179.0

Примеры некоторых контекстов по данным темам:

Тогда в училище училось много приезжих студентов из башкирских деревень, из Мордовии, Белоруссии, плохо знавших русский язык;

Бригада из четырех рабочих трудится на стройке каждый день, кроме воскресенья;

Можно сказать, что в этом хозяйстве работы по кормозаготовке практически на выходе;

А еще это тяжелый труд: приходится всю смену стоять за станком;

Любопытно, что Зархи после ухода Борисова из картины предлагал роль Достоевского многим актерам, но все отказались.

Наконец, выделяются группы лексики, значимые по частотности, но меньшие по речевому репертуару, которые можно соотнести с денотативно-идеографическими сферами «Язык и речь» (9), «Населенный пункт» (5), «Конкретная физическая деятельность» (12.1. и 12.5). Результаты обобщений представлены в табл. 3.

Это подтверждают контексты, приведем лишь некоторые из них:

Ты известен тем, что писал письмо премьер-министру российского правительства Дмитрию Медведеву. Результат есть?;

Да вот и говорю: предупреждайте заранее!;

Не раздумывая, я согласилась;

Федеральные окружные соревнования научно-социальной программы по Уральскому федеральному округу «Шаг в будущее» проходили в Челябинске 19–21 ноября.

Таблица 3

**Частотные группы лексики в текстах СМИ,
ориентированных на типично «аналоговое» поколение**

Язык и речь (9)	Часто- та IPM	Населенный пункт (5)	Часто- та IPM	Конкретная физическая деятельность / созидатель- ная деятель- ность (12.5)	Часто- та IPM	Конкретная физическая деятельность / движение (12.1)	Часто- та IPM
Письмо	321.3	Деревня	335.1	Выполнять	169.8	Войти	156.1
Сообщить	165.3	Областной	197.4	Уничтожать	156.1	Бежать	123.9
Обращение	156,0	Челябинск	197.3	Поднимать	146.9	Действовать	105.5
Обратиться	123.9	Сельский	160.7	Убивать	124,8	Возвращаться	105.5
Требование	123.9	Дворец	156.0	Поставлять	114.7	Отправиться	100.9
Согласиться	114,7	Село	142.3	Награждать	114.7	Перейти	100.9

Анализ частотной лексики показывает, что в текстах СМИ, ориентированных на типично «аналоговое» поколение, выделяется 5 денотативных сфер: *Населенный пункт* (5), *Язык и речь* (9), *Общественно-государственная сфера* (11), *Конкретная физическая деятельность* (12), *Социальная сфера жизни человека* (13). Ведущих тем всего 9: *Населенный пункт* (5), *Язык и речь* (9), *Государство, власть и общественный порядок* (11.1), *История страны, государства* (11.1.1), *Образование* (11.6), *Искусство* (11.8), *Трудовая деятельность* (13.4), *Движение* (12.1) *Созидательная деятельность* (12.5).

Тематика, связанная с историей страны, является самой масштабной и наиболее частотной. Контекстологический анализ показывает, что лексика сферы *Образования* связана с обучением подрастающего поколения или с воспоминаниями о ценности среднего профессионального образования в училищах и техникумах. Леммы, связанные с трудовой деятельностью, отражают приоритет рабочих профессий, а связанные с населенными пунктами — значимость областных центров и сельской местности. Любопытным является разброс значений частотной лексики по тематике созидательной физической деятельности. Самая частотная лемма «выполнять», согласно словарю русской идиоматики, означает строгое и неукоснительное выполнение задуманного или предписанного. Высокую частотность показывают леммы «уничтожать» и «убивать», которые имеют близкую частотность с леммами «поднимать», «поставлять», «награждать». Контекстологический анализ показывает, что лексика уничтожения используется в контексте утилизации отходов, сорняков и санкционной продукции, леммы «убивать» отражают статистику уголовных правонарушений.

Таким образом, характеристики активности «аналогового» медиапоколения показывают значимость государственности, интерес к искусству, стремление к полноте и доказательству состоятельности своей жизни. Судьба человека вписана и в историю малой родины, и в жизнь страны в целом. Несмотря на трудности,

поколение активно действует, помня о прошлом и заботясь о будущем — школьном образовании подрастающего поколения.

Лексические множества «цифрового» поколения в текстах СМИ. 100 наиболее частотных для данной выборки лексем (разных частей речи) в текстах СМИ, ориентированных на типично «цифровое» медиапоколение: Екатеринбург (519³), прима (196), рынок (183), продавать (176), бизнес (171), Пономарев (170), выборы (166), депутат (163), полицейский (163), сайт (161), наркотик (157), продажа (139), зарабатывать (137), кандидат (130), митинг (128), протест (121), покупать (118), клиент (115), помещение (113), активист (112), площадка (111), петербургский (111), концерт (110), одежда (109), выбор (108), ездить (106), цена (107), Украина (106), читать (106), экскурсия (104), фестиваль (102), источник (101), мусор (101), обычный (100), начало (99), фонд (97), похожий (93), ЕТВ (91), бар (91), хороший (91), кризис (91), платить (91), Соколов (90), доллар (90), музыка (90), получаться (90), косметика (88), двор (88), уральский (88), бояться (88), попросить (88), ресторан (87), нормальный (87), Ника (86), насилие (86), отказаться (84), планировать (84), кампания (85), Путин (83), половина (82), муниципальный (81), клуб (80), выбирать (80), анекдот (79), лекция (79), украинский (79), пить (78), расти (77), тюрьма (77), видео (77), популярный (76), банк (76), чиновник (76), поехать (75), верить (74), СМИ (74), наверное (73), девственность (73), горожанин (73), ФСБ (72), предприниматель (72), хватать (72), сложно (69), слышать (68), сдавать (68), задерживать (67), черный (65), свердловский (62), далее (62), дом (60), дорогой (59), частный (59), умный (57), абсолютно (56), одновременно (56), правоохранительный (55), легко (55), европейский (54), экология (53), женский (53).

Идеографический анализ показывает, что наиболее масштабно представлена *Общественно-государственная сфера* (подгруппы «Государство, власть и общественный порядок» (11.1), «Культура и искусство» (11.8), «Экономика» (11.3.3), «Развлечения и отдых» (11.18), СМИ (11.9), «Образование» (11.6)). Обобщения и примеры тематик представлены в табл. 4.

Данные результаты могут быть проиллюстрированы контекстами. Приведем примеры некоторых из их:

В Екатеринбурге возникает все больше собственных ярких экопроектов: например, фестивали «Место силы» и MEGA Greenfest;

Публикуем стенограмму и видео встречи;

Современные владельцы бара, стоящего на входе в эти сумрачные комнаты, говорят, что обшарили лишь часть подземелий;

За лето я продал тысячу экземпляров по 110 долларов каждая;

Отвлекаться и слушать музыку за рулем запрещено;

В вузе заявили, что уголовное дело против Соколова из-за жалобы не завели;

Как проходят туры в Чернобыльскую зону отчуждения.

³ В данных примерах приведена абсолютная частотность.

Таблица 4

Общественно-государственная сфера в текстах СМИ, ориентированных на типично «цифровое» поколение

Государство, власть и общественный порядок (11.1)	Частота ИРМ	Культура и искусство (11.8)	Частота ИРМ	Экономика / финансы и финансовая деятельность (11.3.3)	Частота ИРМ	СМИ (11.9)	Частота ИРМ	Развлечения и отдых (11.18)	Частота ИРМ	Образование (11.6)	Частота ИРМ
Выборы	358.0	Прима	422.7	Рынок	394.7	Сайт	347.2	Бар	196.2	Лекция	170.4
Депутат	351.5	Концерт	237.2	Бизнес	368.8	ЕТВ	347.2	Музыка	194.1	Вуз	118.6
Полицейский	351.5	Экскурсия	224.3	Продажа	299.8	Видео	166.0	Ресторан	187.6	Узнавать	121.9
Кандидат	280.4	Фестиваль	220.0	Цена	230.8	Читать	228.6	Клуб	172.5	Преподаватель	119.3
Митинг	276.1	Ника	185.5	Доллар	194.1	СМИ	159.6	Анекдот	170.4	Университет	119.3
Прогест	261.0	Сериал	153.1	Банк	163.9	Новость	127.2	Тур (путешествие)	133.7	Развивать	114.3
Активист	241.5	Стадион	133.7	Покупатель	122.9	Комментарий	116.4	Песня	118.6	Изучать	105.6
Украина	228.6	Спектакль	127.2	Аренда	114.3	Текст	114.3	Гулять	114.3	Умный	100.2
Путин	179.0	Музыкант	114.3	Покупка	105.6	Соцсети	100.2	Спать	107.8	Способный	100.1

Кроме того, выделяются группы лексики, меньшие по речевому репертуару, но значимые по частотности, которые соотносятся с денотативно-идеографическими сферами: «Населенный пункт» (5), «Язык и речь» (9), «Конкретная физическая деятельность» (12), «Социальная сфера жизни» (13). Результаты обобщений представлены в табл. 5.

Данные результаты подтверждаются контекстами, приведем лишь некоторые:

Подвальное помещение дома № 40 по улице Первомайской интересно не только тем, что расположено в центре города;

Я считаю, что это то же самое, что покупать в магазине;

Но также встречаются истории, которые связаны непосредственно с екатеринбургским опытом Ройзмана, в частности — с фондом «Город без наркотиков»;

Поэтому фирма считается жизнеспособной, если сутенер хорошо исполняет работу по набору новых девочек.

Наконец, выделяется не самая масштабная, но частотно значимая группа лексики, которую можно соотнести со сферой «Нации» (6): русский (IPM — 427,0), украинский (IPM — 170.4), европейский (IPM — 116.4), иностранный (IPM — 103.5), английский (IPM — 101.3). Например, это подтверждают контексты:

Я сделала книгу о русских музыкантах, которые стали частью моей жизни;

Украинский общественный деятель Анастасия Мельниченко запустила в Фейсбуке один из самых впечатляющих флешмобов.

Анализ частотной лексики в текстах СМИ, ориентированных на типично «цифровое» поколение, показывает, что выделяются 6 денотативных сфер: «Населенный пункт» (5), «Нации» (6), «Язык и речь» (9), «Общественно-государственная сфера» (11), «Конкретная физическая деятельность» (12), «Социальная сфера жизни человека» (13). Всего 12 ведущих тем: *Населенный пункт* (5), *Нации* (6), *Язык и речь* (9), *Государство, власть и общественный порядок* (11.1), *Образование* (11.6), *Культура и искусство* (11.8), *СМИ* (11.9), *Экономика / финансы и финансовая деятельность* (11.3.3), *Развлечение и отдых* (11.18), *Трудовая деятельность, ее отдельные виды, сферы и аспекты* (13.4), *Движение* (12.1), *Созидательная деятельность* (12.5).

Анализ лексической частотности, речевого репертуара и тематического разнообразия показывает, что в общественно-государственной сфере приоритетны тематические блоки, связанные с государством, властью и обществом, культурой и искусством, экономикой и финансами и, конечно, со СМИ. Оговорка «конечно, со СМИ» подтверждает, что медиа ныне в самом широком смысле включены в ежедневные, если не ежечасные, практики повседневности «цифрового» медиапоколения. Тематика государства и власти включает частотную лексику, связанную с выборностью власти и протестами. «Цифровое» поколение привлекает не только искусство, но и современная культура как формы творчества. Лексика предпринимательства представлена в том числе такими леммами, как «рынок», «бизнес». Любопытно, что тематика государства, финансовой деятельности

Таблица 5

Частотные группы лексики в текстах СМИ, ориентированных на типично «цифровое» поколение

Населенный пункт (5)	Частота ИРМ	Социальная сфера жизни / трудовая деятельность, ее отдельные виды, сферы и аспекты (13,4)	Частота ИРМ	Конкретная физическая деятельность / движение (12.1)	Частота ИРМ	Язык и речь (9)	Частота ИРМ	Конкретная физическая деятельность / созидательная деятельность (12.5)	Частота ИРМ
Екатеринбург	1,119.5	Клиент	248.0	Ездить	228.6	Попросить	189.8	Планировать	181.1
Дом	951.2	Фонд	209.2	Поехать	161.7	Разговаривать	135.8	Выбирать	172.5
Помещение	243.7	Компания	183.3	Задерживать	144.5	Выступление	135.8	Отказываться	138.0
Двор	189.8	Предприниматель	155.3	Переехать	133.7	Спросить	133.7	Создать	135.8
Тюрьма	166.0	Партнер	148.8	Уехать	122.9	Поговорить	131.5	Потерять	129.4
Горожанин	157.4	Фирма	140.2	Уезжать	122.9	Объявление	120.7	Открыть	125.1
Пекарня	138.0	Офис	135.2	Приносить	116.4	Заявление	118.6	Поступить	116.4
Сквер	133.7	Отдел	131.5	Привести	114.3	Назвать	114.3	Развивать	114.3
Жилье	122.9	Услуга	131,2	Отправить	110.0	Жалоба	105.6	Попробовать	105.6

и товарно-денежных отношений показывает лексику почти одинаковой частотности. В сфере *Образования* — явный приоритет вузовского, а не школьного и среднего специального. Тематика *Населенного пункта* в большей степени связана с конкретными местами в мегаполисе, а *Трудовой деятельности* — с клиентской офисной организацией работы. Вероятно, поэтому общий вектор в речевом взаимодействии — заинтересованность в коммуникации, а не только трансляции позиции. Физическая активность представлена лексикой активного передвижения, интенсивного планирования и поступательного достижения бизнес-целей и личных целей. Интерес к международной тематике, вероятно, является результатом глобализации, поколенческой интеграции в общий контекст «мирового», а также отражением современной геополитической ситуации, транслируемой в СМИ.

Таким образом, типично «цифровое» медиапоколение готово развивать деловую активность в условиях современного государства, приобщаться к современной культуре и искусству, продавать и покупать, активно коммуницировать в современном цифровом медиапространстве и при этом оптимистично настроено на преодоление всех проблем.

Сопоставительный анализ отличающейся лексики двух корпусов текстов СМИ «аналогового» и «цифрового» поколений позволяет обобщить выявленные денотативно-идеографические сферы и их тематические подгруппы (табл. 6).

Таблица 6

Темы частотной лексики в СМИ, ориентированных на типично «аналоговое» и типично «цифровое» поколения

Денотативно-идеографические сферы	«Аналоговое» поколение	«Цифровое» поколение
Населенный пункт (5)	Населенный пункт	Населенный пункт
Нации (6)	—	Нации
Язык и речь (9)	Язык и речь	Язык и речь
Общественно-государственная сфера (11)	Государство, власть и общественный порядок	Государство, власть и общественный порядок
	История страны, государства	—
	Образование	Образование
	Искусство	Культура и искусство
	—	СМИ
Конкретная физическая деятельность (12)	—	Экономика / финансы и финансовая деятельность
	Движение	Развлечение и отдых Движение
Социальная сфера жизни человека (13)	Созидательная деятельность	Созидательная деятельность
	Трудовая деятельность, ее отдельные виды, сферы и аспекты	Трудовая деятельность, ее отдельные виды, сферы и аспекты

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Количество сфер и тематических групп больше в текстах СМИ, ориентированных на типично «цифровое» медиапоколение. Вероятно потому, что если для «аналогового» поколения многое *уже, практически и совершенно*, то для «цифрового» значимо *очень, надо, больше, особенно и сильно*.

2. Тема истории страны является частотно значимой только в СМИ, ориентированных на типично «аналоговое» поколение.

3. Тема государства, власти и общественного порядка наиболее частотна в текстах СМИ «цифрового» поколения и, следуя логике, наиболее значима для него. Лексика, используемая в СМИ «аналогового» поколения, больше связана с официальными структурами и исполнительской дисциплиной, а «цифрового» — с выборностью и активной протестной политической активностью. На периферии эта тема в текстах «аналогового» поколения «проговаривается» через труд в производственной деятельности, а в текстах цифрового — через общественный порядок и взаимодействие с властью. Любопытно, что лемма *общественный* является более частотной в СМИ «цифрового» медиапоколения, а *государственный* — в текстах «аналогового».

4. Темы развлечения и отдыха, финансов и товарно-денежных отношений частотно значимы только в СМИ, ориентированных на типично «цифровое» поколение.

5. Тема образования в текстах «аналогового» поколения репрезентуется преимущественно больше через школьное и среднее профессиональное, а «цифрового» — через вузовское обучение.

6. Тема трудовой деятельности в текстах «аналогового» поколения в большей степени показывается через рабочие профессии, а «цифрового» — через предпринимательство и офисную организацию работы. Причем леммы *труд, специалист* наиболее частотны в текстах «аналогового» поколения, а *проект, сотрудник, предприниматель* — в СМИ «цифрового».

7. Типично «аналоговое» поколение больше привлекает классическое искусство, а «цифровое» — современная культура и искусство.

8. Лексика типично «аналогового» поколения по теме *Язык и речь* в большей степени отражает менторскую позицию, трансляцию требования, сообщения как передачу информации, а «цифрового» — заинтересованность в диалоге, обсуждении, более мягких формах коммуникации. К примеру, леммы *попросить, рассказывать, объяснять, обращаться, отвечать* являются наиболее частотными в текстах «цифрового» поколения, а лемма *утверждать* — в СМИ «аналогового».

9. Тема *Населенного пункта* в текстах «аналогового» поколения в большей степени отражена через сельские местности, а «цифрового» — через мегаполисы.

10. Отличительной особенностью текстов, ориентированных на типично «цифровое» поколение, является значимость уникального/собственного, особенного и интерес к международному.

11. Очевидно, что все советское важнее для «аналогового», а российское — для «цифрового» поколения. «Собственный» значим для «цифрового», а «великий» — для «аналогового» поколения.

12. Значимость всего нового принципиально важна для того и другого поколения. В текстах «аналогового» и «цифрового» поколений в приоритете темы, связанные с процессами изменений, движения, созидательной деятельности. Причем практически все леммы, связанные с движением, имеют большую частотность в текстах типично «цифрового» медиапоколения. Кроме того, любопытно, что леммы *сделать, смочь* являются более частотными в текстах «цифрового» медиапоколения, а *получить, установить* — в текстах «аналогового».

13. Характеристики активности «аналогового» медиапоколения показывают значимость масштабности, ориентацию на «большие» достижения, «высокие» результаты, стремление к полноте жизни и доказательству состоятельности. Активность «цифрового» медиапоколения связана с масштабностью проявления уникально-индивидуального и, чаще в условиях развитой территории мегаполиса, с насущной потребностью в свободе и открытом публичном проявлении собственной профессиональной, политической, личностной позиции.

14. Лексическими маркерами «аналогового» поколения являются слова: *народ, Сталин, СССР, Ленин, война, училище, урок, рабочий, родитель* и пр. Маркеры «цифрового» медиапоколения: *момент, лекция, вуз, компания, фирма, фонд, карьера, магазин, бизнес, офис, наркотик, активист, митинг, протест, насилие, феминизм, девственность, доллар, бар, родственник* и др.

Завершая обсуждение темы поколенческих приоритетов в медиакommunikации, считаем целесообразным отметить, что в данном исследовании в соответствии с поставленными целями исключена совпадающая лексика и, соответственно, идеографические группы, объединяющие эти сферы. Дело в том, что, по мнению специалистов в области корпусной лингвистики, например профессора УрФУ М. Ю. Мухина, темы *времени, человека* не всегда являются значимыми для идеографического анализа. Действительно, анализ показал, что лексика этих сфер почти идентична в одном и другом корпусе. Тем не менее некоторые сравнения частотной лексики этих сфер, представленных в СМИ, ориентированных на типично «аналоговое» и типично «цифровое» поколения, дают любопытные результаты. Например, леммы *век, год, день* являются более частотными в текстах СМИ «аналогового» поколения, а леммы *месяц, пора* — в текстах «цифрового» поколения. Тематика, связанная с человеком, имеет большее значение для «цифрового» медиапоколения, чем для «аналогового». Собственно, леммы *человек, женщина, девушка* имеют большую частотность (ipm) в текстах «цифрового» медиапоколения, чем в СМИ «аналогового».

Кроме того, обращает на себя внимание лексика идеографической группы *Родственные и семейные отношения*. Анализ показал, что леммы, включенные в эти сферы и использованные в анализируемых текстах СМИ, практически идентичны. В частности, это *мама/мать, родитель, ребенок, отец, сын, муж, жена, брат, дочь* и т. д. Пожалуй, единственное значимое отличие в этом случае: в текстах «цифрового» поколения лемма *семья* является самой частотной, а после — *мама, родитель, отец* и т. д. В текстах «аналогового» медиапоколения самым частотным является лемма *ребенок*, а после — *семья, отец/папа, родитель, мама*. Результаты этой части работы обобщены нами ранее [Сумская, Иванова, с. 233].

Несмотря на то, что эти сферы не включены в общий анализ данной работы, мы посчитали целесообразным упомянуть о полученных результатах, поскольку пришли к выводу, что именно эти темы, являясь частотно заметными, а значит, и приоритетными, могут быть задействованы в межпоколенческом диалоге.

Таким образом, в ходе исследования мы выделили следующие наиболее крупные смысловые категории, маркирующие и определяющие приоритеты «аналогового» и «цифрового» поколения: общественно-государственная сфера и социальная сфера жизни человека, территория, коммуникация, время и семья. Темы общественно-государственной и преобразующей, в том числе трудовой, деятельности, реализация которой приводит к большим успехам и крупным достижениям, имеют одинаковый уровень частотности упоминания в текстах анализируемых СМИ и могут быть использованы в преодолении существующего коммуникационного разрыва и развитии межпоколенческой коммуникации.

«Цифровым» поколением в меньшей степени востребован опыт «аналогового» в части трансляции истории страны, того наследия, которое является отражением культурной памяти соотечественников. Похоже, «цифровое» поколение готово к коммуникации и новому полезному опыту, в том числе международно признанному, но не к тому, который настойчиво транслирует «аналоговое». Нельзя сказать, что прошлое «цифровым» поколением отвергается, оно просто не является востребованным, поскольку «цифровое» поколение живет «новым», настоящим и будущим.

«Аналоговое» поколение может быть услышано «цифровым», если в коммуникации акцент будет смещен с «народного» и «коллективного» на личностное, индивидуально-неповторимое, с односторонней коммуникации — на равноправное общение, взаимодействие. «Цифровое» поколение сможет услышать «аналоговое», когда последнее ответит на вопрос: как в данном времени и на данной территории посредством деловой и профессиональной активности достичь высокого качества жизни?

Беликов В. И., Крысин Л. П. Социолингвистика : учебник для вузов. М., 2001. 315 с.

Вартанова Е. Л., Гладкова А. А. Цифровой капитал в контексте концепции нематериальных капиталов // Медиаскоп. 2020. Вып. 1. <https://doi.org/10.30547/mediascope.1.2020.8>

Гудова М. Ю. Актуальные проблемы современной культуры: постграмотность // Инновационные проекты и программы в образовании. 2014. Т. 4. С. 27–31.

Ментально-языковые трансформации русской лингвокультурной личности: поиск идентичности а медиатизированном обществе : монография / В. В. Антропова, А. В. Грошева, М. В. Загидуллина и др. ; научн. ред. М. В. Загидуллина. Челябинск, 2018. 340 с.

Мухин М. Ю., Лозовская А. И. Социальная сеть как источник социолингвистических данных: лексико-статистический анализ // Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. Сер. : Лингвистика. 2019. № 16 (4). С. 38–44.

Олешко В. Ф., Олешко Е. В. СМИ как медиатор коммуникативно-культурной памяти : [монография]. Екатеринбург, 2020. 470 с. <https://doi.org/10.15826/B978-5-7996-3074-4.0>

Симакова С. И., Енбаева А. П. Сторителлинг как прием журналистской работы // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2019. № 1 (31). С. 110–117.

Сумская А. С., Иванова Ю. С. Маркеры коммуникативной памяти «аналогового» и «цифрового» поколений в городских медиа // Профессиональная культура журналиста в эпоху социальных и технологических трансформаций медиасферы : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Екатеринбург, 23–24 апр. 2020 г.) / сост. О. Ф. Автохутдинова. Екатеринбург, 2020. С. 231–233.

Сумская А. С., Свердлов С. А. «Аналоговое» и «цифровое» поколение аудитории СМИ: роль коммуникативно-культурной памяти в трансформации медиапрактик // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2019. Т. 25, № 3 (189). С. 32–48.

Универсальный идеографический словарь русского языка : проспект / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. Москва ; Екатеринбург, 2015. 208 с.

Bayne S., Ross J. 'Digital native' and 'digital immigrant' discourses: a critique // Digital difference. Brill Sense, 2011. С. 159–169.

Dewan S., Riggins F. J. The digital divide: Current and future research directions // Journal of the Association for information systems. 2005. Vol. 6, № 12. P. 298–337.

Gladkova A., Vartanova E., Ragnedda M. Digital divide and digital capital in multiethnic Russian society // Journal of Multicultural Discourses. 2020. P. 1–22. <https://doi.org/10.1080/17447143.2020.1745212>

Ragnedda M. Conceptualizing digital capital // Telematics and Informatics. 2018. Vol. 35, № 8. P. 2366–2375.

Ragnedda M., Ruiu M. L., Addeo F. Measuring digital capital: An empirical investigation // New Media & Society. 2020. Vol. 22, № 5. P. 793–816.

Sumskaya A., Lozovskaya A. "Analogue" and "digital" generation of mass media audience // 6th SWS International Scientific Conferences on social sciences 2019. 2019. P. 113–120. <https://doi.org/10.5593/SWS.ISCSS.2019.5>

Sumskaya A. Representation of Symbolic Capital of Territories by Actors of "Digital" and "Analogue" Generations in Multimodal Texts // IV International Scientific Conference "Communication Trends in the Post-literacy Era: Multilingualism, Multimodality, Multiculturalism" (Ekaterinburg, Russia, 8–9 November, 2019). Dubai, 2020. KnE Social Sciences, 4 (2). P. 190–200. <https://doi.org/10.18502/kss.v4i2.6332>

Sumskaya A. S., Solomeina V. G. Screen Technologies of Broadcating Symbolic Capital of the Urals, Russia's Median Region // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences Epsbs. 2019. P. 416–423. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2019.08.02.48>

Sumskaya A., Sumskoy P., Solomeina V. Subcultures of the "Analogue" and the "Digital": Prospects of Intergenerational Communication // Communication Trends in the Post-Literacy Era: Polylingualism, Multimodality and Multiculturalism As Preconditions for New Creativity. Ekaterinburg, 2020. P. 550–572. <https://doi.org/10.15826/B978-5-7996-3081-2.38>

Volkmer I. Dialectical spaces in the global public sphere: Media memories across generations. Harvard, 2003.

Статья поступила в редакцию 21.01.2021 г.

DOI 10.15826/izv1.2021.27.2.027
УДК 070.23:351.741 + 81'27

В. Е. Нестерова

СТРАТЕГИЯ ОЦЕНОЧНОЙ АРГУМЕНТАЦИИ КАК СРЕДСТВО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ОБРАЗА ПОЛИЦИИ В РОССИЙСКОМ И АМЕРИКАНСКОМ ГАЗЕТНОМ ДИСКУРСЕ (на примере проправительственных газет)

Статья посвящена изучению лингвистического моделирования образа полиции в российском и американском газетном дискурсе и, в частности, затрагивает вопрос использования стратегии оценочной аргументации в новостных сообщениях проправительственных газет. В результате исследования автором делается вывод, что образ полиции в русскоязычных и англоязычных изданиях моделируется за счет таких оценочных компонентов, как «защита», «безопасность», «закон», «порядок», «профессионализм», «нравственность» и «мораль».

Ключевые слова: образ; правоохранительные органы; газетный дискурс; лингвистическое моделирование; коммуникативная стратегия; тактика; речевой прием; категория оценочности

Введение

Во всем мире деятельность правоохранительных органов всегда вызывала особую интерес у общества, однако в разные исторические периоды и в различном социальном контексте отношение к сотрудникам полиции и их деятельности претерпевало серьезные изменения. В последнее время полиция как России, так и других стран, в особенности США, подвергается критике со стороны населения, что зачастую обусловлено внутривнутриполитическими и внешнеполитическими событиями и реакцией общества на эти события и действия полиции. Образ защитника правопорядка неоднократно менялся от положительного до нейтрального или даже резко негативного, и наоборот. Зачастую полиция сама стремится выйти на новый уровень взаимодействия с гражданами с целью улучшения своего медийного образа, сложившегося в определенный период времени, который формируется у общества непосредственно при взаимодействии с правоохранительными органами и в результате влияния на общественное сознание различных средств массовой информации (СМИ). Поэтому именно медийный образ сотрудника правоохранительных органов определяет восприятие ОВД как социального института и влияет на общественное мнение.

Одним из самых эффективных методов формирования образа любого объекта является моделирование, с помощью которого осуществляется комплексный подход к описанию того или иного объекта действительности, раскрывается его

НЕСТЕРОВА Валерия Евгеньевна — старший преподаватель кафедры иностранных языков Уральского юридического института МВД, г. Екатеринбург (e-mail: karaelan@mail.ru).

© Нестерова В. Е., 2021

структура и функция. В лингвистике термин «*модель*» понимается как «искусственно созданное в лингвистических целях реальное или мысленное устройство, воспроизводящее или имитирующее своим поведением (обычно в упрощенном виде) поведение или устройство оригинала» [Языкознание..., с. 304], а процесс моделирования образа/имиджа в медиатекстах рассматривается как «способ речевого воздействия, активно используемый адресантами с целью внедрения желаемого образа/имиджа носителя в массовое сознание целевой аудитории» [Катынская, с. 3].

С точки зрения лингвистического моделирования образа социального института, в частности полиции, наибольший интерес представляет газетный дискурс, который является отражением современного состояния языка, а медиатексты сознательно конструируются с целью продвижения того или иного объекта, предмета, факта или явления действительности, реализуя тем самым прагматическую функцию. Вербализованный в медиатекстах образ способен оказывать воздействие на адресата, поэтому язык СМИ следует рассматривать не только как средство передачи информации, но и как средство манипулирования массовым сознанием, а языковые средства, концептуализирующие социальную действительность, являются материальным воплощением абстрактной модели, ментальной единицы, которой представлен этот образ.

Речевое воздействие, направленное на управление коммуникативными процессами и способствующее формированию конструктивных ценностных мотиваций, ориентаций и смыслов адресата, наиболее эффективно осуществляется за счет применения адресантом различных коммуникативных стратегий и тактик. В связи с этим изучение коммуникативных стратегий и тактик при моделировании образа социального института (в широком понимании данного понятия) является актуальной проблематикой современной лингвистики, которая нашла отражение в исследованиях многих ученых [Баранов; Дейк ван; Иссерс; Калинин; Катынская; Киуру; Михалева; Паршина; Почепцов; Руженцева; Фролова; Шейгал; Ярославцева].

Предметом исследования является стратегия оценочной аргументации, реализуемая с целью моделирования образа правоохранительных органов России и США.

Объектом выступает образ российской и американской полиции в проправительственных газетах.

Цель исследования заключается в анализе стратегии оценочной аргументации как средства лингвистического моделирования образа социального института в проправительственном газетном дискурсе.

Для достижения поставленной цели в исследовании реализуются следующие **задачи**:

- осуществить отбор текстов газетных сообщений, представленных в российских и американских проправительственных газетах, репрезентирующих информацию о правоохранительных органах;
- провести анализ речевых приемов в рамках стратегии оценочной аргументации в процессе лингвистического моделирования образа полиции в российских и американских проправительственных газетах;

— сопоставить речевые приемы и компоненты, выделенные в процессе реализации стратегии оценочной аргументации в русскоязычных и англоязычных изданиях.

Методология исследования

В качестве основного метода исследования был выбран контекстуальный анализ языкового материала, который осуществляется на основе интерпретативного подхода. Материалом исследования послужили тексты российских и американских газетных сообщений, репрезентирующих информацию о полиции, в частности, таких ведущих российских и американских газет, как «Газета.Ru», «Известия», «Российская газета» и «Associated Press». При выборе газет для проведения анализа автор использовал следующие критерии: индекс цитируемости, место в национальном и мировом рейтинге, уровень доверия граждан к изданию. Материал отобран методом сплошной выборки в каждом из рассматриваемых номеров за период с 7 по 10 января 2021 г. Выбор данного отрезка времени обусловлен политическими событиями, а именно штурмом Капитолия США в результате выборов президента, а также празднованием Нового года и Рождества в России (в эти дни, по статистическим данным, наблюдается увеличение правонарушений и преступлений). За основу проведения анализа газетных сообщений, репрезентирующих образ российской и американской полиции, была взята стратегия оценочной аргументации, при помощи которой наиболее эффективно моделируется образ социального института в газетном дискурсе.

Результаты исследования

Основные положения

Основная цель газетного дискурса заключается в представлении нового знания о факте, ситуации или событии, вербально оформленного и обусловленного коммуникативными канонами газетной коммуникации, которая представлена автором (адресантом, коммуникатором) текста, непосредственно текстом (материальное воплощение речемыслительной деятельности) и адресатом (интерпретатором, реципиентом) [Мартиросьян, Поздеева, с. 68].

Одно и то же событие, описываемое в газетном дискурсе, выступает в форме различных фактов, интерпретируемых автором газетного сообщения исходя из различных факторов: позиции редакции, социального, экономического или политического заказа, отношения самого автора. Поэтому степень объективности отражаемой реальности в газетном дискурсе всегда снижается в результате интерпретации происходящих явлений и событий [Катынская, с. 43]. В связи с этим корректная интерпретация представленного в газетном сообщении факта или события возможна только с учетом коммуникативного, социокультурного, когнитивного и лингвистического факторов.

Газетный дискурс, репрезентирующий информацию о деятельности правоохранительных органов, можно отнести к политической коммуникации, где прагматическая функция в большинстве случаев превалирует над информативной,

следовательно, в процессе создания газетного текста всегда будет доминировать манипуляция общественным сознанием. Акт манипуляции в газетном дискурсе реализуется за счет подбора адресантом определенной продуманной коммуникативной стратегии и тактики. Под термином «стратегия» понимается комплекс речевых действий, состоящий из различных тактик и направленный на достижение коммуникативной цели. *Тактики* обычно включают в себя приемы, предполагающие выбор определенных языковых средств, например, употребление оценочной лексики, метафорических конструкций, сравнений, эпитетов, аллюзий, неологизмов, а также искажение или утаивание информации и др.

Существует большое разнообразие коммуникативных стратегий и тактик, встречающихся в газетном дискурсе, поэтому лингвисты сходятся во мнении, что нет универсальной стратегии для лингвистического моделирования образа. Одной из самых распространенных стратегий в моделировании социального института является *стратегия дискредитации*. О. Н. Паршина выделяет в своем исследовании *стратегию самопрезентации, стратегии борьбы за власть и удержания власти, стратегию убеждения* [Паршина, с. 325]. По мнению М. В. Катинской, практика скрытого выражения интенции адресанта в массмедиа осуществляется за счет манипуляции, скрытой аргументации и косвенной пропаганды, а вербальное моделирование образа/имиджа объекта может актуализироваться с помощью аргументативных речевых средств, которые реализуются в *стратегии рациональной аргументации и стратегии оценочной аргументации* [Катинская, с. 61–136], так как аргументация всегда нацелена на внедрение в сознание адресата определенных убеждений в приемлемости или неприемлемости той или иной точки зрения.

Стратегия оценочной аргументации

По мнению Е. Ф. Серебренниковой, адресант с помощью языка способен ориентироваться в мире своих ценностей и оказывать регулирующее влияние на состояние и действия адресантов [Лингвистика и аксиология, с. 11]. Лингвисты в своих исследованиях оперируют различными дефинициями термина «оценка», мы в своей работе возьмем за основу определение Н. Е. Кузнецовой, которая рассматривает *оценку* как процесс и результат определения субъектом степени значимости объекта с учетом способности последнего удовлетворять те или иные потребности и интересы субъекта, т. е. определения прагматической значимости объекта [Кузнецова, с. 71].

Существует огромное количество классификаций ценностей, однако одна из наиболее системных классификаций была разработана Ю. Г. Вешнинским, согласно которой ценности можно подразделить на следующие группы: 1) государственно-политические, военно-силовые, гражданско-правовые; 2) исторические; 3) «коммунитарные»; 4) «натуральные» (природные); 5) научно-когнитивные; 6) персоналистские; 7) религиозно-конфессиональные; 8) социально-стратификационные; 9) художественно-эстетические; 10) ценности урбанистических локально-территориальных сообществ; 11) экономические; 12) этические; 13) этнические [Вешнинский, с. 226–227].

В стратегии оценочной аргументации на первый план выходит категория оценочности, которая выражается различными речевыми приемами и носит как эксплицитный, так и имплицитный характер. К основным приемам выражения категории оценочности можно отнести употребление тропов и фигур речи, эмоционально-окрашенной лексики, устойчивых словосочетаний, модальности, навязывание пресуппозиции. Самыми распространенными оценочными категориями являются сферы оценок «хорошо-плохо» и «свой-чужой». Данная стратегия реализуется также за счет вербализации различных положительных и отрицательных компонентов образа.

*Стратегия оценочной аргументации
при моделировании образа правоохранительных органов России и США
в проправительственных газетах*

В проправительственных изданиях образ правоохранительных органов, моделируемый при помощи стратегии оценочной аргументации, вербализуется за счет ценностных компонентов, которые способны оказывать влияние на процессы восприятия вербальной информации адресатами и формировать модель социального института полиции в сознании граждан.

Вербализация **компонента «профессионализм»** сотрудников полиции в проправительственных изданиях происходит с помощью различных оценочных средств в эксплицитной и/или имплицитной формах. Основанием для положительной оценки полиции и ее действий в нижеприведенных аргументативных актах является апелляция к потребности граждан в профессиональных и оперативных сотрудниках правоохранительных органов. Так, актуализация компонента «профессионализм» полиции эксплицитно акцентируется в следующем отрывке:

Полицейские в полном объеме обеспечили общественный порядок во время празднования Рождества Христова в регионах России и не допустили нарушений [Известия. 07.01.2021].

Ссылки на слова официального представителя МВД России И. В. Волк направлены на моделирование положительного образа полиции, где сотрудники выступают в качестве профессионалов, эффективно выполняющих свои должностные обязанности по обеспечению охраны общественного порядка во время массовых мероприятий:

...Она рассказала, что усиленные наряды полиции несли службу возле православных храмов, церквей и монастырей. Предварительно они обследовали территории, на которых проводились праздничные богослужения. В свою очередь, сотрудники ГИБДД обеспечили безопасность дорожного движения [Там же].

Усиление перлокутивного эффекта достигается ссылкой на президента:

В рождественскую ночь президент России Владимир Путин посетил богослужение в храме Николая Чудотворца на острове Липно на востоке озера Ильмень, в 8 км от Великого Новгорода. Он подарил церкви икону «Господь Вседержитель». Также президент поздравил православных россиян с Рождеством [Там же].

Полиция, выступая проекцией власти в глазах общественности, предстает в данном контексте хранительницей и защитницей духовных и религиозно-конфессиональных ценностей.

Следующий новостной отрывок, несмотря на то что представлен в виде констатации факта без употребления экспрессивно-окрашенной или оценочной лексики, также является примером актуализации компонента «профессионализм»:

В результате оперативно-разыскных мероприятий сотрудниками уголовного розыска Петербурга совместно с оперативниками из города Сочи подозреваемый в разбойном нападении на банк в Санкт-Петербурге был задержан [Известия. 09.01.2021].

Результативность действий сотрудников полиции по задержанию подозреваемого лица имплицитно вводится посредством употребления **юридических терминов** «*оперативно-разыскные мероприятия*», «*уголовный розыск*», «*разбойное нападение*». Подобный прием с употреблением юридической терминологии наблюдается также в отрывке из статьи в «Газета.Ру»:

Следователи и криминалисты *проводят осмотр места происшествия, допрашивают свидетелей, изымают в пансионате документацию, назначены судебно-медицинские экспертизы*, а также проводятся другие *следственные действия*, направленные на установление причин и обстоятельств произошедшего [Газета.Ру. 09.01.2021].

Вербализация компонента «**закон**», на страже которого стоят правоохранительные органы, осуществляется в новостном фрагменте под заголовком «Губернатор Тюменской области Александр Моор назвал произошедшее “ужасной трагедией”, выразил соболезнования родственникам погибших и сообщил, что взял расследование дела под личный контроль» [Там же]. Перлокутивный эффект убеждения в данном аргументативном акте достигается за счет употребления **эпитетов** «*ужасная трагедия*» и «*огромное горе*» и ссылкой на мнение правительства. Предложение «*Вместе с правоохранительными органами мы установим виновных. Они ответят по закону*» актуализирует **катеорию «свой»**, к которой принадлежат «*правоохранительные органы*», с помощью **предлога «вместе с»** и **личного местоимения «мы»**. **Призыв** «*...будьте осторожны, соблюдайте правила безопасности. ...Берегите себя!*» и **обращение «земляки»** направлены на установление доверительного отношения с аудиторией и апеллируют к чувству справедливости и уверенности в разрешении сложившейся ситуации.

В англоязычных изданиях также можно наблюдать моделирование компонента «закон». В следующем фрагменте новостного сообщения основание компонента «закон» не вербализовано, но имплицитно и находит подтверждение в следующем аргументе:

Kansas City has agreed to a \$725,000 settlement of an excessive force complaint filed after a police officer allegedly forced his knee onto the neck of a teenager who prosecutors said was not resisting arrest [Associated Press. 10.01.2021].

Компенсация в виде крупной суммы выплачена полицией Канзас-Сити за превышение сотрудником полиции своих полномочий при применении физической

силы. Оценочный смысл формируется за счет употребления *наречия* “*allegedly*”, что является реализацией интенции адресанта вызвать сомнение в виновности офицера полиции. Такое *противопоставление* моделирует положительный образ правоохранительного ведомства в целом, несмотря на отдельно взятый «неправомерный» поступок конкретного офицера. Данный аргумент направлен на апелляцию к экономическим ценностям и вербализует компонент «закон», перед которым равны все.

Актуализацию компонента «закон» можно наблюдать также в следующем аргументативном акте:

Seattle’s police chief says two city officers were apparently in Washington, D. C., Wednesday when a violent mob of President Donald Trump’s supporters stormed the nation’s Capitol and that an investigation will be launched to find out whether they committed criminal acts. The officers, who were not identified, have been placed on administrative leave [Associated Press. 10.01.2021].

Так, употребление *юридической терминологии* (*will be launched, criminal acts, identified, administrative leave*) служит средством убеждения адресата в правомерности и законности действий правоохранительных структур, а употребление сложного *эпитета* “*a violent mob of President Donald Trump’s supporters*” и *наречия* “*apparently*” представляет собой *противопоставление* и аргумент в защиту офицеров и их действий.

Близким по смыслу к компоненту «закон» является компонент «*порядок*», реализуемый как в российских, так и в американских газетах. Так, на примере следующего аргументативного акта актуализируется компонент «порядок» за счет подачи его в форме совета и апелляции к нравственности законопослушных граждан:

...УМВД России по Симферополю советует гражданам, которые нашли потерянные вещи — чужой кошелек или телефон, — сообщать о находках в местные органы внутренних дел, а если есть возможность — дозвониться до самого собственника [Российская газета. 07.01.2021].

В следующем новостном фрагменте ссылка на слова заместителя начальника полиции Капитолия Адриана Диаза также направлена на моделирование компонента «порядок». Оценочный смысл формируется за счет употребления *противопоставления* “*constitutionally protected*” — “*unlawful*”, а также противительного *союза* *but*, что позволяет акцентировать положительный смысл на фоне отрицательного контекста о том, что незаконные действия жестокой толпы повлекли за собой смерть полицейского, стоящего на защите Капитолия:

In a statement late Friday, Adrian Diaz, the city’s interim chief, said the department supports constitutionally protected free speech, “but the violent mob and events that unfolded at the U.S. Capitol were unlawful and resulted in the death of another police officer” [Associated Press. 10.01.2021].

К основным функциям правоохранительных органов относятся защита жизни, здоровья, прав и свобод граждан, а также обеспечение общественной безопасности.

В связи с этим полиция как социальный институт может выступать в качестве государственно-политической и общественной защиты ценностей посредством вербализации таких **компонентов**, как «**защита**» и «**безопасность**». Рассмотрим фрагменты новостных сообщений, репрезентирующих образ сотрудников полиции как спасителей и защитников человеческой жизни, здоровья и интересов граждан.

В нижеприведенных новостных отрывках, посвященных одному событию, но освещенных в разных газетах, полицейские представлены **спасителями** жизни и здоровья ребенка:

Сотрудники полиции в Санкт-Петербурге спасли ребенка, которого родители, спасая, выбросили из окна многоквартирного дома во время пожара. Об этом 9 января сообщила официальный представитель МВД России Ирина Волк [Известия. 10.01.2021].

Вербализация компонентов «защита» и «безопасность» представлена в следующем контексте:

«Полицейскими было принято решение о незамедлительной эвакуации ребенка. Заместитель начальника УМВД России по Фрунзенскому району города Санкт-Петербурга Александр Кузякин и врио заместителя начальника 5-го отдела полиции Алексей Малкин растянули под окном дома плед, сброшенный родственниками, и поймали малышку», — говорится в заявлении И. Волк [Там же].

Посредством упоминания имен и должностей конкретных сотрудников полиции и ссылки на авторитетное лицо адресант устанавливает доверительные отношения с аудиторией, а перлокутивный эффект усиливается путем употребления **эпитета** «*незамедлительная эвакуация*» и **уменьшительно-ласкательного слова** «*малышка*». Заключительным предложением «*Отмечается, что жизни и здоровью ребенка ничего не угрожает*» достигается прагматическая функция по моделированию образа полицейского в качестве **героя-спасителя**, что также находит подтверждение в отрывке из «Российской газеты»:

Жители рассказали полицейским, что в одной из квартир находится трехлетняя девочка, ей стало плохо от угарного газа. Но вынести ее на улицу в тот момент было невозможно. Тогда полицейские приняли решение поймать ребенка. Сотрудники полиции развернули под окном плед, крепко его держали, родственники максимально аккуратно сбросили ребенка [Российская газета. 10.01.2021].

В данном контексте мы можем наблюдать моделирование образа офицеров полиции как людей, способных принимать взвешенные решения в чрезвычайных ситуациях и нести ответственность за возможные последствия, а следовательно, способных гарантировать защиту и безопасность населения.

Компоненты «**защита**» и «**безопасность**» также актуализируются во фрагменте, где «*наши миротворцы и патрули российской военной полиции*», рискуя своей жизнью и здоровьем, обеспечивают защиту и безопасность «*беженцев*»:

Дня не проходит, чтобы Минобороны РФ не сообщало о новых автоколоннах с беженцами, следующих из Армении в Карабах [Российская газета. 10.01.2021].

С помощью *инверсивной конструкции* «Дня не проходит ...» в самом начале статьи адресант привлекает внимание аудитории к проблеме миграции, а приведение статистических данных обосновывает важность и значимость работы силовых структур по обеспечению безопасной транспортировки мирного населения:

Очередной такой рейд из Еревана в Степанакерт завершился возвращением на родину еще 182 жителей Нагорного Карабаха. Всего же с начала миротворческой операции, по данным нашего военного ведомства, в места постоянного проживания приехали уже 48 тысяч 241 человек [Там же].

Автор статьи достигает перлокутивного эффекта путем введения *категории «свои»* с помощью *притяжательного местоимения* «наши»:

Чтобы максимально обезопасить эти транспортные потоки, наши миротворцы и патрули российской военной полиции сопровождают машины и автобусы до конечной точки маршрута [Там же].

Кроме того, можно утверждать, что в данных аргументативных актах силовые структуры, включая военную полицию, выступают в качестве *защитников* государственно-политических, военно-силовых и гражданско-правовых ценностей.

В американских проправительственных изданиях также моделируется образ правоохранительных агентств, выступающих в роли *защитников* и хранителей различных общественных ценностей, обеспечивающих безопасность своих граждан. Так, в отрывке «*Armed with metal pipes, pepper spray and other weapons, the mob pushed past the thin police line, and one protester hurled a fire extinguisher at an officer...*» [Associated Press. 09.01.2021] офицеры полиции оказывают сопротивление мятежникам, угрожающим символам демократии в США:

...They breached the line moments later, and rioters soon broke into the building, taking over the House and Senate chambers and running wild in Statuary Hall and other hallowed symbols of democracy [Ibid.].

В данном контексте адресант, апеллируя к государственно-политическим ценностям, дает положительную оценку действиям офицеров полиции, выставляет их героями, способными противостоять вооруженной толпе «*armed with metal pipes, pepper spray and other weapons*», рискующими своей жизнью и здоровьем «*one protester hurled a fire extinguisher at an officer*», «*police officers were injured, mocked, ridiculed and threatened*», обеспечивающими защиту и безопасность Капитолия и находящихся в нем людей, а также заслуживающими одобрение и признание правительства США: «*Pelosi ordered flags at the Capitol lowered to half-staff in Sicknick's honor*».

В аргументативном акте председателя Союза офицеров полиции Капитолия Гаса Папатанасиу правоохранительные агентства также выступают защитниками здоровья и жизней людей, обеспечивающими их полную безопасность:

...Once the breach of the Capitol building was inevitable, officers prioritized lives over property. Not one member of Congress or their staff was injured, leading people to safety [Associated Press. 09.01.2021].

Перлокутивный эффект аргумента достигается за счет ссылки на слова авторитетного лица и употребления **отрицательного местоимения** «*not one*» и оборота «*leading people to safety*».

Вербализацию компонентов «**защита**» и «**безопасность**» можно проследить в следующем фрагменте:

The Washington State Patrol, which oversees security of the Capitol campus, has said there will be a strong law enforcement presence. And on Friday, Gov. Jay Inslee announced he activated 750 members of the National Guard to help protect the Capitol campus [Associated Press. 10.01.2021].

Прагматическая функция в данном аргументе усиливается за счет ссылки на слова губернатора Вашингтона Джея Инсли и его отношения к полиции как к **помощникам** — «*to help protect the Capitol campus*», а уверенность в положительном исходе операции по обеспечению защиты Капитолия объективируется за счет упоминания конкретной цифры задействованных членов Национальной гвардии.

Компоненты «нравственность» и «мораль» вербализуются посредством оценочных суждений в положительных контекстах, в которых правоохранительные органы выступают защитниками **этических ценностей**. Так, в аргументативном акте пресс-секретаря ГУ МВД по Свердловской области Валерия Горелых сотрудники ДПС представлены **борцами за морально-нравственные устои** общества:

...Поражает в этой ситуации то, откуда берутся такие люди в Свердловской области, ведь практически каждую неделю накануне выходных органы внутренних дел через СМИ и социальные сети информируют общественность о предстоящих массовых проверках на дорогах [Российская газета. 07.01.2021].

Перлокутивный эффект достигается употреблением **инверсивной конструкции** «*поражает в этой ситуации то, откуда берутся такие люди...*», указывающей на возмущение и даже разочарование адресанта аморальным поведением водителей, и усиливается в следующем контексте:

«Но поскольку не все, у кого есть права, еще усвоили, что пьяный за рулем — это преступник, сотрудники ГИБДД будут продолжать всевозможные акции по отлову тех, кому море по колено», — добавил Валерий Горелых [Там же].

Интенции адресанта направлены на привлечение внимания граждан к проблеме управления транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения, а также на предупреждение последствий от вождения в нетрезвом виде. За счет употребления **разговорного слова** «*отлов*» и **фразеологизма** «*море по колено*» адресант устанавливает доверительные отношения с аудиторией и апеллирует к сознанию граждан.

В новостном сообщении «Полиция закрыла московское заведение с шаурмой “от Сталина”» сообщается:

... торговую точку закрыли, а продавца попросили покинуть рабочее место. Председатель Совета при президенте России по развитию гражданского общества и правам

человека Валерий Фадеев, слова которого передает телеканал, назвал концепцию заведения дурным маркетинговым ходом и отметил, что эта идея у многих вызывает ассоциации с временами политических репрессий [Газета.Ru. 08.01.2021].

Название заведения, указанное в заголовке статьи «...*шаурма “от Сталина”*», ассоциируется у адресатов «...*с временами политических репрессий*», а негативная коннотация в аргументе авторитетного лица усиливается употреблением сложного *эпитета* «*дурной маркетинговый ход*». Таким образом, сотрудники полиции, закрывшие «*торговую точку*», выступают в роли защитников *исторических ценностей*, а аргументативный акт основан на апелляции к уважению и почтению истории родной страны, что неразрывно связано с моралью и нравственностью российского населения.

Моделирование компонента «*нравственность*» полиции реализуется также в американских газетах. Так, в следующем отрывке новостного сообщения офицеры полиции представлены в виде *защитников этических ценностей* и борцов с аморальными гражданами:

Also charged was a West Virginia state lawmaker who posted videos online showing himself pushing his way inside the Capitol, fist bumping with a police officer and then milling around the Rotunda as he shouted “Our house!” The lawmaker, Derrick Evans, was arrested by the FBI at his home on Friday and charged with entering restricted federal property [Associated Press. 09.01.2021].

В данном контексте адресант актуализирует категорию «свой-чужой» за счет употребления *притяжательного местоимения* «*our*» депутатом штата Западная Вирджиния Дерриком Эвансом, который выступает в роли антагониста правоохранительных агентств США.

Заключение

Изучив теоретический материал по вопросу применения коммуникативных стратегий, тактик и речевых приемов, реализуемых при лингвистическом моделировании образа российской и американской полиции в проправительственных газетах, и проведя практическое исследование, направленное на изучение стратегии оценочной аргументации, можно сделать вывод о том, что газетный дискурс раскрывает взаимозависимость между языковыми и внеязыковыми характеристиками приемов, оказывающих манипулятивное воздействие на адресата. Так, адресантом в процессе создания газетного текста с помощью репрезентации текстовых структур выстраивается определенная вербальная модель, способствующая наиболее продуктивному восприятию и интерпретации информации адресатом. Зачастую адресант сознательно и целенаправленно выстраивает определенную модель объекта с целью последующего навязывания ее адресатам. В данном случае речь идет об оказании речевого воздействия на сознание адресата путем применения наиболее релевантной коммуникативной стратегии, в которой интенции адресанта реализуются с помощью подбора различных тактик и приемов. Одной

из наиболее эффективных коммуникативных стратегий в рамках лингвистического моделирования образа полиции в России и США в газетном дискурсе является стратегия оценочной аргументации, которая базируется на положении о выработанных в обществе ценностях, закрепленных в сознании индивида.

Что касается модели правоохранительных органов, репрезентируемой в российских проправительственных газетах, то здесь складывается тенденция к созданию положительного образа полиции: сотрудники предстают в образе профессионалов, отличающихся героизмом и самоотверженностью в борьбе с преступлениями и правонарушениями и защищающих нравственные и моральные ценности. В американских проправительственных изданиях моделируется образ высоконравственных офицеров полиции, стоящих на страже закона и порядка и обеспечивающих безопасность граждан и правительства США.

Анализ аргументов в рамках стратегии оценочной аргументации в отобранных нами газетных статьях, репрезентирующих информацию о деятельности российских и американских правоохранительных органов, позволяет сделать вывод о том, что образ полиции как социального института в проправительственных изданиях осуществляется за счет вербализации таких ценностных признаков или компонентов в отношении офицеров полиции, как «защита» и «безопасность» (встречаются в девяти контекстах), «нравственность» и «мораль» (актуализируются в четырех контекстах), «профессионализм» (моделируется в четырех контекстах), «закон» (вербализуется в трех контекстах) и «порядок» (встречается в двух контекстах). С помощью актуализации перечисленных компонентов в рассмотренных нами примерах адресант добивается прагматического эффекта убеждения в том, что полиция является защитницей и хранительницей исторических, этических, религиозно-конфессиональных, экономических ценностей граждан, а также государственно-политических, военно-силовых и гражданско-правовых ценностей, что не только формирует положительный образ всей структуры МВД, но и вызывает поддержку и одобрение действий отдельных сотрудников полиции со стороны населения.

В проправительственных газетах наиболее распространенными речевыми приемами являются употребление эпитетов, фразеологизмов, включение юридической терминологии, разговорной лексики, инверсивных конструкций, противопоставлений, а также личных и притяжательных местоимений, за счет которых реализуется категория «свой».

Кроме того, нельзя не отметить лингвокультурологические различия к подходу в моделировании образа полиции в русскоязычных и англоязычных газетных текстах. Российские газеты делают упор на акцентировании таких компонентов, как «нравственность» и «мораль» сотрудников полиции, в то время как американские коллеги в большей степени моделируют образ своих агентств посредством вербализации компонентов «закон» и «порядок», «защита» и «безопасность». Таким образом, отношения между правоохранительными структурами страны и ее населением строятся на сохранении различных ценностей: этических и религиозно-конфессиональных в России и государственно-политических и экономических в США. Тем не менее полиция как социальный институт, выступая защитником

и хранителем тех или иных общественных ценностей, сама представляет собой ценность в обеих культурах.

В данной статье автором не предпринималась попытка сделать обзор исследований в русле лингвистической теории оценки, а также провести тактико-стратегический анализ в рамках других существующих коммуникативных стратегий.

Перспективы дальнейшего исследования мы видим в проведении анализа аргументативных актов, представленных в оппозиционных газетах, репрезентирующих образ полиции России и США.

Баранов А. Н. Политическая аргументация и ценностные структуры общественного сознания // Язык и социальное познание. М., 1990. С. 166–176.

Вешинский Ю. Г. Аксиология культурного пространства-времени (в границах постсоветского культурного пространства) // Мир психологии (Воронеж). 2005. № 4 (44). С. 226–236.

Дейк Т. А. ван. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М., 2013. 344 с.

Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи : учеб. пособие. М., 2002. 284 с.

Калинин К. Е. Коммуникативные стратегии убеждения в англоязычном политическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2009. 188 с.

Катынская М. В. Лингвистическое моделирование имиджа : монография. Благовещенск, 2012. 168 с.

Киуру К. В. Дискурсивная модель имиджа политика. СПб., 2005. 147 с.

Кузнецова Н. Е., Шевченко Е. В. К вопросу о некоторых способах выражения оценки // Язык. Текст. Стилль : сб. науч. тр. Курган, 2004. С. 71–79.

Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов : монография / отв. ред. Л. Г. Викулова. М., 2011. 352 с.

Мартыросьян Е. Г., Поздеева Т. В. Аргументативный дискурс в политической газетной коммуникации // Вестн. Адыг. гос. ун-та. Сер. 2 : Филология и искусствоведение. 2015. № 2 (153). С. 67–72.

Михалева О. Л. Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия. М., 2009. 256 с.

Паришина О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России : дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2005. 325 с.

Почепцов Г. Г. Коммуникативная стратегия и тактика // Диалог глазами лингвиста. Краснодар, 1994. С. 34–39.

Руженцева Н. Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе : монография. Екатеринбург, 2004. 294 с.

Фролова Е. В. Коммуникативные стратегии формирования имиджа регионального лидера в электронных СМИ : дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2007. 207 с.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. Москва ; Волгоград, 2006. 367 с.
Языкознание : Большой энцикл. словарь / В. Г. Гак, Н. Д. Арутюнова, Т. В. Гамкрелидзе, В. А. Виноградов. М., 1998. 685 с.

Ярославцева А. Е. Репрезентация речевых стратегий и тактик в агитационном тексте : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2007. 211 с.

Статья поступила в редакцию 27.02.2021 г.

СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА В РАЗВЛЕКАТЕЛЬНОМ РАДИОЭФИРЕ

В статье рассматриваются средства создания комического эффекта в вечернем шоу «РАШ», относящемся к эфирной сетке музыкально-развлекательной радиостанции «Европа плюс». Все средства автор делит на две группы: экстралингвистические и лингвистические. Экстралингвистические приемы связаны с поведенческими характеристиками ведущих и элементами контента программы. Лингвистические приемы основаны на языковых механизмах создания комического. Делается вывод, что насыщенность эфира юмором зависит от личности радиоведущего.

К л ю ч е в ы е с л о в а: радиоэфир; лингвистические средства создания комического эффекта; экстралингвистические средства создания комического эффекта

Несмотря на то что в современном мире появляются новые способы коммуникации с аудиторией, радио по-прежнему играет важную роль. Скептики, полагавшие, что новое столетие выдвинет на передний план компьютерные и сетевые технологии, что затруднит перспективы для развития радио и приведет радиовещание к краху, ошибались. Современное радио не только упрочило свои позиции в рейтинге актуальности, но и, внедрившись в интернет-пространство, стало одним из сложных и в то же время органичных систем современной массовой коммуникации.

Важность технологического фактора, способствующего развитию радио, отмечают авторы учебника «Система средств массовой информации России»: «Массовая коммуникация наиболее представлена сегодня радиовещанием, которое получило новые стимулы благодаря развитию спутниковой связи и интернета, став сегодня практически вездесущим. С помощью интернета можно слушать радио в самых разных и далеких странах, а развитие спутниковой связи и цифрового формата вещания позволяет очень эффективно создавать радиостанции в разных уголках мира» [Система средств массовой информации России, с. 146].

Радио сегодня — это динамично развивающееся средство массовой информации. Одной из характерных черт современного радиовещания является его деполитизация и экономическая свобода, что кардинальным образом отражается на содержании выходов дикторов, на представлении информации в эфире. Кроме того, меняется модель поведения у микрофона журналистов, диджеев и приглашенных участников передач. Эфир становится более раскованным, живым и смелым.

Чтобы не возникало оттока аудитории, радиоведущий в первую очередь должен знать своих слушателей и ориентироваться на них при выборе языковых средств и юмористических приемов.

С. Н. Богуславский справедливо замечает, что радиопрограмма не состоится, если диктор не способен правильно выражать свои мысли, активно пользоваться всеми возможностями русского языка при подготовке материалов [Богуславский, с. 156]. Кроме того, целеустановка на позитивную оценку в радиодискурсе является одной из важнейших тактик удержания внимания аудитории [Нестерова, с. 32] в отличие от очень распространенных телевизионных ток-шоу, основу значительной части которых составляет конфликт [Ершова].

С установкой на позитив в шоу на музыкально-развлекательных станциях непосредственно связано использование различных приемов создания комического эффекта. Делают радиоведущие это для того, чтобы стать слушателю не только приятным собеседником, но и собеседником с хорошим чувством юмора. Другими словами, задача ведущих развлекательных передач — взбадривать слушателей, быть интересными собеседниками с прекрасным чувством юмора и при этом создавать качественный юмор.

О природе комического много сказано в отечественной и зарубежной научной литературе. Аристотель в своей «Поэтике» ввел данное понятие в систему эстетических категорий. В трудах, посвященных комическому, он утверждал, что «смешное есть часть безобразного: смешное — это некоторая ошибка и безобразие, никому не причиняющее страдания и ни для кого не пагубное» [Аристотель, с. 11]. Из современных отечественных исследователей комического в первую очередь следует отметить М. М. Бахтина, который комическое связывает с бытовой, физиологической сферой. История комического, по М. М. Бахтину, — это, в первую очередь, история борьбы с односторонней серьезностью, которую ученый считает антитезой комического, смешного. Серьезность монотонна и монологична. Сфера существования серьезности — остановившееся время вне движения и развития. Смех диалогичен и полифоничен — он всегда открыт изменению и развитию [Бахтин].

Д. С. Лихачев также исследовал комическое. Он пишет: «Смех внешне не стремится к истине. Напротив, нарочито искажает мир. Но в скрытом и глубинном плане смех активно заботится об истине; не разрушает мир, а экспериментирует над миром и тем самым деятельно его исследует». Это важно понимать, поскольку иногда смех воспринимается как нечто злое и разрушающее. На самом деле «функция смеха — обнажать, обнаруживать правду, раздевать реальность от покровов этикета, церемониальности, искусственного неравенства, от всей сложной знаковой системы данного общества» [Лихачев, Панченко, Понырко, с. 34].

Общую формулу теории комического выразил В. Я. Пропп: «Мы смеемся, когда в нашем сознании положительные начала человека заслоняются внезапным открытием скрытых недостатков, вдруг открывающихся сквозь оболочку внешних, физических данных» [Пропп, с. 170]. Таким образом, комическое предстает у В. Я. Проппа как отклонение от социальной и моральной нормы.

Наиболее оригинальную из новейших теорий предложил Л. В. Карасев. Он рассматривает смех как целостный культурно-исторический и психофизиологический феномен, раскрывающий свой смысл при сопоставлении с окружающими его символами. В основе теории Л. В. Карасева лежит гипотеза о смехе как о символическом целом, развивающемся по своим внутренним законам. Ученый весьма последовательно излагает универсальное положение о том, что смех является парадоксальным способом оценки и преодоления некоторой «меры» зла, обнаруживает в себе возможности и для объяснения внутреннего механизма смеха, и для классификации различных форм смешного. Согласно Л. В. Карасеву, все видимое многообразие различных проявлений юмора и смеха принципиально сводимо к двум основным типам. Первый тип смеха связан с ситуациями, когда человек выражает свою радость, телесное ликование. Этот тип Карасев называет «смехом тела» и относит к разряду состояний, которые характерны не только для человека: нечто похожее можно увидеть и у животных, которым также знакомы радость игры и физическое удовольствие. Второй тип связан с собственно комической оценкой действительности. Этот вид смеха может включать в себя и элементы только что названного типа, однако его сущность в том, что он представляет собой соединение эмоции и рефлексии. Этот тип получил у Л. В. Карасева наименование «смеха ума» [Карасев].

В современном радиоэфире все развлекательные радиопередачи ориентированы на юмор. Дикторы целенаправленно искажают привычные явления, доводят их до абсурда, используют экстралингвистические и лингвистические приемы создания комического эффекта в радиоречи, чтобы слушателя насмешить, вовлечь его в некое сотворчество. Цель ведущего — нарушить привычное восприятие действительности радиослушателя. Это в большинстве случаев в развлекательных эфирах достигается за счет комического. Юмор — это наиболее распространенное проявление комического. Он, как было сказано выше, возникает при отклонении от некоторой нормы и слагается из двух вещей: несоответствие и неожиданность.

Наряду с юмором радиоведущие часто используют иронию или даже самоиронию. Ирония как особый способ восприятия и отражения действительности находит свое лингвофилософское обоснование в теории комического. Как отмечает М. П. Орехова, «в основе создания иронии лежит общий принцип порождения комического — противоречие плана выражения плану содержания: адекватное восприятие иронического высказывания зависит от степени интерпретации адресатом речи внешнего, первичного значения, отрицание которого является ключом к прочтению глубинного смысла сообщения» [Орехова, с. 166].

Эмпирическим материалом для исследования комического эффекта в современном радиоэфире послужило радишоу «РАШ». «РАШ» — это популярное вечернее шоу в диалоговом формате на музыкально-развлекательной радиостанции «Европа плюс». Программа слагается из необычных тем, шуток, споров, общения с радиослушателями. Радиопередачу в паре ведут Антон Комолов и Лена Абиатаева. Механика радиопередачи следующая: ведущие в момент появления в эфире анонсируют тему — например, «Мое самое большое заблуждение». Затем

каждый из ведущих выражает свою точку зрения на заявленную тему, после чего обсуждение перерастает в спор, а иногда даже в небольшой конфликт.

Важно понимать, что слушатель становится не просто свидетелем происходящего диалога, но и непосредственным его участником. Он дозванивается в прямой эфир и высказывает свою точку зрения. Поэтому шоу является максимально интерактивным. Оно нацелено на слушателя, который возвращается поздно с работы, готовит ужин, занимается какими-то делами после работы. Так называемый вечерний прайм-тайм.

Немаловажную роль в высоком рейтинге передачи среди разновозрастной аудитории играют различные приемы создания комического эффекта, которые ведущие используют в диалоге друг с другом и радиослушателями.

Все приемы создания комического эффекта условно можно разделить на экстралингвистические и лингвистические. Экстралингвистические приемы связаны с поведенческими характеристиками ведущих и элементами контента программы. Лингвистические приемы основаны на языковых механизмах создания комического.

Известные радиоведущие А. Хрусталева и А. Кремов в качестве одного из самых распространенных приемов создания комического эффекта — мы его отнесем к экстралингвистическим приемам — выделяют *быстрый комментарий* [Хрусталева, Кремов с. 15]. Они отмечают, что любой комментарий, сделанный радиоведущим, будет смешным, если он производится достаточно быстро. Юмор в данном случае строится на умышленно несоответствующей трактовке сказанного другим человеком. В формате «живого общения» данное явление незаменимо, поскольку это подчеркивает остроумие ведущего. Кроме того, прием быстрого комментария востребован в развлекательном ток-шоу, так как радиоэфир не терпит пауз и пустот.

Лена Абитаева: Ну, во-первых, сегодня (правда, мы уже не успели) день рождения телепередачи «Спокойной ночи, малыши». Хотя, подожди, а во сколько она выходит?

Антон Комолов: А я не зна... Ты у меня спрашиваешь?

Лена Абитаева: У кого спрашивать?

Антон Комолов: Я уже года два как перестал [смотреть. — Т. Б.]. Мне как двадцать исполнилось, я думаю: ну, все — можно.

(«РАШ». Европа плюс. Эфир от 26.11.2020)

В данном фрагменте юмор построен на несоответствии возраста человека и его интересов. Слушатель понимает, что двадцатилетний юноша имеет совсем другие интересы, следовательно, смотреть детскую передачу не станет. Но главное здесь то, что Антон Комолов отвечает на вопрос Лены Абитаевой (вопрос о времени выхода детской передачи) не оправданием, а остроумной, быстрой и неожиданной формулировкой.

Еще один экстралингвистический прием создания комического — *уведение ситуации в подтекст*. Смешное связано с узнаванием. Считается, что если некое явление, ситуацию увести в подтекст, а слушатель угадает это явление, это непременно у него вызовет улыбку.

Л е н а А б и т а е в а: Вот сегодня младенец в славянской мифологии — воплощение новогоднего цикла коляды. Это поворот солнца к весне. Празднуется в период больших зимних святок. <...> Так что можете сегодня куда-нить на Рублевку, Успенское шоссе проехаться да поклониться денег.

А н т о н К о м о л о в: Думаешь, да? Что-нибудь светит там?

(«РАШ». Европа плюс. Эфир от 25.12.2020)

Лена Абитаева предлагает слушателям поколядовать в элитном месте Московской области. Это звучит как ирония. Быстрая реакция-риторический вопрос соведущего должна вызвать у слушателя улыбку, поскольку тема «богатых-бедных» в контексте оказания первыми помощи последним часто воспринимается с грустной иронией, особенно когда речь идет о «рублевских жителях». При этом учитывается еще и непростое время — эпидемия коронавируса, — когда богатые сами нуждаются в помощи.

Справедливости ради стоит отметить, что в силу радиийной специфики экстралингвистические приемы создания комического эффекта уступают место лингвистическим, так как все же главная нагрузка в восприятии радиоэфира ложится на текст.

Среди лингвистических приемов создания комического эффекта следует выделить прежде всего *языковую игру*. «Она представляет собой игровое использование языковых единиц в целях повышения экспрессивности текста как характерная черта личностной журналистики, формирующая речевую индивидуальность журналиста», — отмечает Т. П. Куранова [Куранова, с. 213]. При языковой игре используются сленг и окказиональные номинации, искажение орфографии и произношения, прием стилистического контраста, яркие метафоры, рифмовка. Результатом языковой игры часто бывают *каламбуры*. Как правило, каламбур основан на полисемии или омонимии, когда при использовании многозначного слова или слова-омонима в контексте реализуются оба его значения.

Л е н а А б и т а е в а: Сегодня 28 декабря на календаре. И сегодня, друзья, необычный праздник. Можно поднять бокал с игристым за поиск северного оленя, потому что сегодня День поиска северного оленя.

А н т о н К о м о л о в: День северного оленя... Именно день поиска?

Л е н а А б и т а е в а: Да, можно на дороге найти какого-нибудь оленя. Назвать его северным и...

А н т о н К о м о л о в: Кругом одни олени и ездят.

Л е н а А б и т а е в а: Ну, что ты обзываешься, Антон. Я тоже полтора часа проехала.

А н т о н К о м о л о в: Вот что они выезжают на перпендикуляр? Они выехали и перегородили тем, кто мог бы проехать. Что вы за олени? Куда вы со своим Санта Клаусом и эльфом стремитесь-то?

(«РАШ». Европа плюс. Эфир от 28.12.2020)

В данном диалоге мы видим, как развивается образ и трансформируется значение слова *олень*. Происходит это через обыгрывание ведущими названия праздника «День поиска северного оленя». Однако вместо того чтобы рассказывать слушателям буквально про этот праздник, уже во второй фразе Лена Абитаева

переключает сознание радиослушателей на сленговое значение слова: «Глупый, наивный, несообразительный человек» [Мокиенко, Никитина, с. 397], а в данном случае — неумелый водитель.

В следующем диалоге наблюдаем каламбур с сексуальным подтекстом. Поднимать в прямом эфире темы, запрещенные для обсуждения в массовой аудитории, — опасный прием, так как такое обсуждение может оттолкнуть некоторые сегменты слушателей, не принимающих никаких скабрёзностей. Но если сделать это изящно, с установкой на комический эффект, успех такой шутке обеспечен.

Лена Абитаева: Издавна запрещалось в Германии, например, ходить в этот день в лес на охоту. Говорили, что в этот святой праздник охотник может погибнуть от холода или стать жертвой зверя. Так что никаких охот сегодня, мальчики и девочки.

Антон Комолов: Не охота сегодня, короче.

Лена Абитаева: Неохота сегодня.

(«РАШ». Европа плюс. Эфир от 24.12.2020)

В данном фрагменте комизм достигается за счет использования омонима и многозначного слова *охота*. В первом предложении речь идет об охоте в прямом значении: «Поиски, выслеживание зверей, птиц с целью умерщвления» [Ожегов, с. 485]. Когда ведущая говорит: *Так что никаких охот сегодня, мальчики и девочки*, — актуализируется индивидуальное авторское значение: «Поиск сексуального партнера». Завершается диалог омонимичным повтором: *Не охота сегодня, короче. Неохота сегодня*. За счет такого повтора актуализируется омонимичное значение слова категории состояния: «Есть желание, хочется» [Там же, с. 486]. Так в одном небольшом диалоге реализовались сразу три значения слова *охота*.

Одним из приемов создания комизма в диалоге являются индивидуальные авторские переносы — метафоры:

Лена Абитаева: Сегодня во всем мире, друзья, отмечается Международный день кино.

Антон Комолов: Да, Международный день кино.

Лена Абитаева: Наши аплодисменты.

Антон Комолов: Жижа у вас вместо аплодисментов.

Лена Абитаева: Ну, знаете, как снимают, так и аплодируют.

(«РАШ». Европа плюс. Эфир от 28.12.2020)

Если бы ведущий наделил аплодисменты признаком, например, *жидкие*, это не было бы смешно, так как было бы реализовано языковое значение слова: «Недостаточный, неполноценный по величине, силе, жизненности, выразительности» [Ожегов, с. 194]. То есть «жидкие аплодисменты» — аплодисменты, лишённые звучности. Но ведущий не случайно использовал разговорное слово «жизжа», которое в ряду ассоциаций больше имеет отрицательных слов-реакций, нежели нейтральных или положительных. Соединение высокого и низкого, положительного (*Международный день кино, аплодисменты*) и отрицательного (*жизжа*) рождает комический эффект. Комментарий Лены Абитаевой: *«Ну, знаете, как снимают, так и аплодируют»*, — закрепляет шутку в эфире.

Еще одним ярким приемом создания комического эффекта является умышленное преувеличение, гиперболизация и через нее доведение ситуации до абсурда.

Антон Комолов: Друзья, мы переходим к теме нашего эфира: моя экстравагантная странность. Лен, ну расскажи о себе! Вот многие уверены, что ты прям сплетена, соткана из этих странностей, и все...

Лена Абитаева: Я абсолютно спокойная, здоровая.

Антон Комолов: Конечно! Кого слышно за полтора километра отсюда?
(«РАШ». Европа плюс. Эфир от 24.12.2020)

В данном фрагменте преувеличиваются голосовые способности Лены Абитаевой. Голос человека не обладает такой силой, чтобы распространяться на полтора километра без помощи специальных устройств.

Лена Абитаева: Что нельзя делать сегодня? Сегодня нельзя садиться за стол в грязной одежде. Сегодня же будут накрыты столы (о католическом сочельнике).

Антон Комолов: А в обычные дни? Нет-нет да и рюхнешься прям в самом грязном.

(«РАШ». Европа плюс. Эфир от 24.12.2020)

Лена Абитаева говорит, что именно в сочельник нельзя садиться за стол в грязной одежде. Чтобы комично обыграть неточно выраженную мысль ведущей, Антон Комолов преувеличивает понимание этикета за столом в обычные дни и доводит ситуацию до абсурда, говоря, что в обычные дни разрешается пренебречь общими правилами: «нет-нет да и рюхнешься прям в самом грязном». Комизм выражению придает жаргонное слово *рюхнуть*. Большой словарь русского жаргона дает следующие значения этого слова: «1. Вспомнить что-л., спохватиться. 2. Почувствовать неладное, подвох. 3. Сойти с ума» [Мокиенко, Никитина, с. 519]. Как видим, ведущий использует слово без учета его лексического значения. Можно этот глагол соотнести с диалектными *рюхать* — «хрюкать, кричать свиной» и *рюхнуть, врюхаться* — «упасть, ввалиться» [Даль, т. 4, с. 123]. В любом случае слушатель понимает, что ведущий хотел сказать, и принимает это юмористическое окказиональное употребление данного слова.

Вообще, использование окказионализмов как юмористический прием в вечернем шоу «РАШ» занимает значительное место. В основном этим приемом пользуется Антон Комолов. Окказионализмы могут создаваться как фразы-перевертыши — игра ради игры: *чуть-чуть подлатал, подлатал лапты, подлатил лапы и вперед!* Окказионализмы могут создаваться по активным словообразовательным моделям:

Лена Абитаева: Ну сегодня сочельник, сегодня можно, ребят.

Антон Комолов: Я насочелился уже, ребят...

(«РАШ». Европа плюс. Эфир от 24.12.2020)

В данном фрагменте ведущий использует индивидуальный авторский неологизм «насочелился». Данное слово создано по преобразованной модели «приставка *на* + акциональный глагол + постфикс *-ся*» со значением «что-то сделать

с избытком»: напиться, наесться, нагуляться, надушиться и т. д. Преобразование модели заключается в том, что глагола «сочелить» в языке не существует, но, как было сказано выше, комический эффект возникает, когда происходит отступление от нормы и реципиент в незнакомом узнает знакомое. Так мы понимаем, что, когда ведущий использует слово *насочелился*, он имеет в виду, что уже «наотмечался».

В заключение анализа средств создания комического эффекта нельзя не отметить, что с комическим принято связывать пониженную тональность текста, которая создается с помощью разговорной лексики, молодежного жаргона, просторечий. И когда в радиопрограмме, ориентированной, по ожиданию слушателей, на чистую литературную речь, встречаются разговорные слова, подвергнутые компрессии, типа *ваще, прям, куда-нить (на Рублевку)*, или молодежные жаргонизмы *репит, сорян, покруче, короче*, слушатель уже настраивается на непринужденное и легкое восприятие эфира:

Л е н а А б и т а е в а: Сегодня день рождения Дмитрия Викторовича Билана. Друзья, давайте его сегодня поздравим. Во-первых, у парня вышел в этом году хороший альбом, свежайший. Называется «Вторая жизнь». Как второе дыхание практически.

А н т о н К о м о л о в: И это покруче даже.

Л е н а А б и т а е в а: Хороший крепкий альбом, ваще волшебные песни. Там две крутейшие работы Димки.

А н т о н К о м о л о в: Всего две, Лен? Ну, невысоко ты его оценила. Дим, сорян.

Л е н а А б и т а е в а: Нет, все одиннадцать классные, вы не так меня понимаете. Да что ж я так косноязычно изъясняюсь! Короче, ну, две прям в душу запали. Они прям на репите у меня.

(«РАШ». Европа плюс. Эфир от 24.12.2020)

Помимо указанных средств имитации разговорной речи здесь встречается стилистический контраст (*Дмитрий Викторович Билан — Димка — Дим*), короткие предложения, передающие живое общение, самокритика (*Да что ж я так косноязычно изъясняюсь*), разговорные фразеологизмы (*в душу запали*). Все эти конструкции помогают создать в радиостудии живую и раскрепощенную атмосферу.

Хотелось бы отметить, что ярким и неповторимым делает радиоэфир ведущий, его остроумие, быстрота реакции на ситуацию, умение создать смешной, оригинальный образ. Из двух ведущих радиошоу «РАШ» данными качествами и несомненным лидерством обладает Антон Комолов. Именно он держит программу. Лена Абитаева как бы на подхвате. Шутки Антона интеллигентнее, органичнее, остроумнее. У Лены комический эффект достигается через оговорки, неверно выстроенные предложения, часто через неточно сформулированную мысль, т. е. у ведущей именно «смех тела», в отличие от ведущего, у которого «смех ума». При этом тандем ведущих весьма органичен, и программа обладает высоким рейтингом.

Итак, современное радиовещание — это коммуникационный процесс, который с каждым годом становится все сложнее. В мире информационных технологий появляются новые интернет-платформы (Tik-Tok, Likee), которые создают свои эфиры. Возникает конкуренция. Менеджерам радиостанций становится непросто продать тот или иной контент, крупные компании предпочитают то, что в тренде.

А в тренде социальные сети. Но вместе с тем следует понимать, что радио — уникально. И уникальность его заключается в том, что большие по хронометражу передачи создаются только на радио; остроумные ведущие — на радио; необычным образом подобранная музыка — на радио. Вместе с тем радио не пытается доказать отдельным платформам свое превосходство, не борется с ними. Оно пользуется современными информационными технологиями себе во благо. За счет этого становится сложным, но интересным, упорядоченным, передовым и, бесспорно, имеющим свою аудиторию.

-
- Аристотель.* Об искусстве поэзии. М., 1983. 184 с.
- Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1990. 541 с.
- Богуславский С. Н.* Каким должен быть радиоязык. М., 2000. 156 с.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1998. Т. 4 : Р — γ. 688 с.
- Ершова В. Е.* Речевое взаимодействие в условиях конфликта: ситуационный подход (на материале ток-шоу и теледебатов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2013. 18 с.
- Карасев Л. В.* Философия смеха. М., 1996. 224 с.
- Куранова Т. П.* Языковая игра в речи теле- и радиоведущих : дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2008. 100 с.
- Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В.* Смех в Древней Руси. М., 1984. 295 с.
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русского жаргона. СПб., 2001. 716 с.
- Нестерова Н. Г.* Коммуникативно-прагматический потенциал оценки в речи радиоведущего // Вестн. Том. гос. ун-та. 2011. № 12 (353). С. 30–33.
- Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка. М., 1999. 944 с.
- Орехова М. П.* Ирония как компонент комического: лингвофилософский аспект // Идеи и идеалы. 2012. Т. 2, № 2 (12). С. 165–171.
- Протт В. Я.* Проблемы комизма и смеха. М., 1999. 288 с.
- Система средств массовой информации России : учеб. пособие для вузов / Я. Н. Засурский, М. И. Алексеева, Л. Д. Болотова и др. ; под ред. Я. Н. Засурского. М., 2003. 259 с.
- Хрусталев А., Кремов А.* Хочу на радио, или «Почему на радио работать не стоит». М., 2017. 440 с.

Статья поступила в редакцию 25.02.2021 г.

ТРАНСФОРМАЦИЯ АКАДЕМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ МАССМЕДИА: ОПЫТ МАШИННОГО АНАЛИЗА

В статье выявлены основные тенденции изменения частотности ключевых слов в названиях диссертаций по журналистике и смежным специальностям за 2000–2019 гг. Так, частотность упоминаний слов «газета» и «журнал» показывает устойчивый рост, слова «радио» — слабый рост, частотность упоминания слова «телевидение» снижается. Наиболее стремительно растет количество тегов, маркирующих интерес исследователей к цифровой мультимедийной среде.

Ключевые слова: диссертационные исследования; исследования СМИ; медиа; газеты; журналы; радио; телевидение

Введение

Трансформация массмедиа под влиянием новых технологий — один из важнейших факторов, определяющих деятельность современных СМИ. Цифровизация (дигитализация) как переход в цифровую среду, внедрение цифровых технологий сегодня «затрагивает все сегменты медиасистем, преобразая традиционную прессу, адаптируя радио, перестраивая музыкальную индустрию, трансформируя рекламу, создавая новые явления, такие, как виртуальная реальность, онлайнмедиа или социальные сети» [Вартанова, с. 7].

Цифровизация изменяет как медиасистему в целом, так и отдельные ее составляющие. В числе общих тенденций, отмеченных исследователями, увеличение роли визуальной информации: «...вследствие процессов дигитализации и конвергенции визуальная информация все настойчивее теснит вербальную» [Сулайманова, с. 183]. Еще одно следствие влияния на СМИ новых технологий — трансформация устоявшейся системы жанров: налицо «смешение и сочетание элементов различных классических журналистских жанров» [Савченко], в связи с чем на первый план в исследованиях нередко выходит понятие формата как конкретной «упаковки» медиапродукта, отражающей его уникальные качества [Беликова; Кемарская].

В сфере видеопотребления происходит переход массового зрителя от традиционного телевизионного просмотра к видеопотреблению в сети Интернет, меняются устройства просмотра видеоконтента и способы его получения (мобильные платформы, социальные сети), меняются сами привычки пользователей видеосервисов (так, привычка зрителей смотреть онлайн сразу несколько серий фильма даже привела к образованию в английском языке неологизма *binge-watch* — «смотрящий

ЛИТВИНЦЕВ Алексей Эдуардович — кандидат филологических наук, доцент кафедры телевидения и радиовещания факультета журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (e-mail: avtorsky@list.ru).

запоем»; в 2015 г. словарь Collins назвал binge-watching словом года) [Вартанова; Колобова; Круглова, Чобанян, Щепилова, с. 8].

В печатных СМИ наблюдается сокращение тиражей периодических изданий, падение рекламных бюджетов, массовое закрытие «бумажных» изданий. Рынок печатной прессы постепенно уступает место интерактивным порталам, сайтам, мессенджерам, приложениям, группам в социальных сетях [Барташевич, Ребрикова; Смирнова]. Радиопрограммы в интернете обретают новую жизнь в форме современных аудиоблогов — подкастов [Воинова, Сивякова; Круглова].

Вместе с масштабной трансформацией медиасистемы, очевидно, должен меняться и фокус внимания научных исследований, посвященных ей. Изменения «требуют соответствующего ответа со стороны академического сообщества, которое должно осмыслить происходящие перемены и выработать концептуальные решения, пригодные для анализа происходящего и формирования адекватных прогнозов» [Вырковский, с. 210].

Общая характеристика работы

Насколько повестка дня современных академических медиаисследований соответствует происходящим переменам? В настоящей статье мы пытаемся ответить на этот вопрос с помощью анализа названий диссертаций, защищенных в России в последние два десятилетия по журналистике и смежным специальностям.

Эта тема традиционно остается в поле внимания исследователей. Так, в работе С. Стеенсена и Л. Ахва [Steensen, Ahva] проанализировано более 9 тыс. ключевых слов в статьях двух авторитетных изданий, посвященных медиаисследованиям: “Journalism — Theory, Practice and Criticism” и “Journalism Studies”. В статье Д. В. Дунаса анализируются и классифицируются названия диссертационных исследований по журналистике и смежным с ней специальностям с 1991 по 2010 г. [Дунас]. В работах М. И. Макеенко представлены результаты контент-анализа статей ведущих российских научных изданий о журналистике и медиа за 2012–2016 гг. [Макеенко, 2017, 2018]. В исследовании А. В. Вырковского анализируются статьи, опубликованные в крупнейших профильных научных журналах, а также диссертации за период с 1999 по 2016 г. [Вырковский].

Принимая во внимание большую работу, проделанную другими исследователями, мы считали важным проанализировать корпус названий диссертационных исследований именно первых двух десятилетий XXI в. — периода, когда цифровизация стала оказывать заметное влияние на развитие системы СМИ. Кроме того, сам принцип анализа данных в настоящей работе имеет свои особенности. Если Д. В. Дунас классифицировал названия диссертаций целиком, вручную разделяя заголовки по тематическим направлениям («литературоцентричное», «страноведческое», «лингвистическое» и т. д.)¹, то мы в данном исследовании

¹ Ср. описание методологии из статьи Д. В. Дунаса: «Сложности с тем, чтобы отнести название диссертации к какому-либо направлению, у нас практически не возникало. Другой вопрос, что некоторые названия возможно было отнести сразу к нескольким направлениям. В таком случае мы проводили анализ смыслового разветвления текста заголовочного комплекса, выявляли смысловые отношения между словами, выделяли

полагались целиком на машинный анализ и количественную сортировку ключевых слов. Такой подход имеет свои недостатки: при машинном анализе все вхождения ключевых слов в корпус заголовков имеют одинаковый вес, тогда как при ручном анализе сам исследователь может выделить среди них главные и второстепенные. Но вместе с тем машинный анализ имеет свои преимущества: он позволяет избежать субъективизма и получить надежные статистические данные по обширному корпусу текстов.

В настоящей статье проанализирован массив заголовков диссертаций и авторефератов, защищенных в России с 2000 по 2019 г.² по специальности ВАК 10.01.10 («Журналистика»), а также по смежным специальностям, в рамках которых регулярно выходят медиаисследования: 17.00.03 («Кино-, теле- и другие экранные искусства»)³, 22.00.03 («Экономическая социология и демография»)⁴, 22.00.04 («Социальная структура, социальные институты и процессы»)⁵, 24.00.01 («Теория и история культуры»)⁶. Объем корпуса по специальности «Журналистика» — 2738 заголовков; общий объем корпуса по пяти специальностям — 15 859 заголовков. В целом использование корпуса по пяти специальностям представляется нам уместным, так как позволяет проследить те тенденции, которые трудно выявить в малом корпусе.

Разумеется, работа с названиями, исключая анализ собственно текстов диссертационных работ, имеет ряд ограничений. В заголовках широко распространены общие понятия, не всегда позволяющие сделать однозначные выводы о тематике и характере работы: «фактор», «тенденция», «особенность», «система» и т. д. И тем не менее, как справедливо отмечает Д. В. Дунас, «в названии диссертации, как правило, указывается родовое понятие, отсылающее к определенной науке или области знания; обозначается объект или предмет исследования; проблема, которую затрагивает исследователь и в конечном счете определяется референция с основным направлением работы» [Дунас, с. 101].

Заголовки были взяты нами из электронной базы диссертаций РГБ⁷ и разбиты по отдельным словам-тегам. Далее с помощью морфологического анализатора Rymorphy2 слова-теги были приведены в начальную форму (именительного падежа

ассоциативно-смысловые поля лексических единиц, обращали внимание на ветвь науки, по которой была защищена диссертация...» [Дунас, с. 103–104].

² Данные о диссертациях, защищенных в 2020 г., использованы не были, так как на момент написания статьи в электронной базе диссертаций РГБ они еще отсутствовали.

³ Ср.: *Аверкова А. В.* Спорт на экране: телережиссура массового зрелища : дис. ... канд. искусствоведения. М., 2011; *Новоженца А. С.* Эволюция жанра телепередачи «утреннее развлекательное шоу» на примере телеканалов Курска и Орла : дис. ... канд. искусствоведения. М., 2015; и др.

⁴ Ср.: *Чернышов А. В.* Русские архетипы в брендинге и эффективность телерекламы : дис. ... канд. социол. наук. Н. Новгород, 2011; *Довбыш О. С.* Трансформация структурных связей между медиакомпаниями и государством на региональном медиарынке России : дис. ... канд. социол. наук. М., 2018; и др.

⁵ Ср.: *Полосин П. Н.* Социальная ответственность массмедиа в информационном обществе: региональный аспект : дис. ... канд. социол. наук. Пенза, 2011; *Иванова Е. Н.* Профессионализация интернет-журналистики в блогосфере : дис. ... канд. социол. наук. М., 2011; и др.

⁶ Ср.: *Люлевич А. А.* Образ спорта в отечественных СМИ: социокультурный анализ : дис. ... канд. культурологии. М., 2006; *Чубик А. П.* Технологический характер СМИ в условиях коммуникативной культуры : дис. ... канд. филос. наук. Томск, 2009; и др.

⁷ URL: <http://diss.rsl.ru> (дата обращения: 30.01.2021).

единственного числа для существительных, единственного числа мужского рода для прилагательных, инфинитива для глаголов). После чего, используя программу, написанную на языке программирования Python, мы подсчитали количество вхождений ключевых слов в общий корпус по годам и пятилеткам.

В соответствии с глобальными тенденциями развития медиа в рамках настоящего исследования было выдвинуто несколько гипотез. Динамика изменения тем диссертационных работ, посвященных массмедиа, на наш взгляд, должна продемонстрировать:

- рост академического интереса к цифровой среде и цифровому контенту;
- рост академического интереса к визуальной составляющей массовых коммуникаций;
- снижение интереса исследователей к традиционным медиа (газеты, журналы, радио, телевидение);
- снижение частоты упоминания термина «жанр» и рост частоты упоминания термина «формат».

Результаты исследования

В корпусе заголовков по специальности 10.01.10 «Журналистика» в первую очередь мы отобрали 20 наиболее частотных слов (за исключением служебных). В рамках выбранного нами 20-летнего периода был проведен поиск по четырем пятилеткам, чтобы наметить возможные тенденции. Результаты подсчета приведены в таблице на рис. 1 (слова в каждой колонке ранжированы по частотности — от большего количества упоминаний к меньшему):

Рис. 1. Наиболее частотные слова в названиях диссертаций по специальности 10.01.10 (кроме служебных слов)

Как и следовало ожидать, значительное место в списках занимают универсальные термины, которые едва ли позволяют достоверно судить о характере и тематике конкретных работ: «СМИ», «развитие», «особенность», «пример», «журналистика» и т. д. Но вместе с тем здесь есть и более информативные теги. Так, во всех четырех двадцатках встречается слово «газета», в трех — «телевидение», но ни в одной не встречается, к примеру, слово «радио», и только в одной — последней — присутствует слово «журнал». Очевидно, количество диссертаций, в которых анализируются газетная периодика и телевизионные программы, больше, чем тех, которые посвящены радиопрограммам и журналам. В четвертой двадцатке впервые встречается «интернет», что может служить подтверждением нашей гипотезы о постепенном росте интереса исследователей к цифровой среде. Вместе с тем в четвертой двадцатке нет «телевидения», что также может быть следствием той же тенденции: телевизионный видеоконтент постепенно вытесняется сетевым или же *становится* сетевым, распространяясь в том числе на видеохостингах.

При этом «газета» сохраняет в четвертой пятилетке уверенные позиции и даже демонстрирует рост. Только в первой колонке присутствует «век», явно маркирующий историческую направленность исследований, «год» также встречается лишь в первой колонке. Только в третьей колонке встречается тег «региональный», указывающий на географию исследовательского интереса. Притом в каждом из четырех списков на видном месте находится «Россия» — что может быть косвенным свидетельством преимущественно национальной ориентации отечественных медиаисследований.

Представить результаты первого этапа исследования с наглядной демонстрацией количества упоминаний ключевых слов помогают облака тегов. Это изображения, в которых размер того или иного тега прямо пропорционален его частотности в массиве текстов. На рис. 2–5 представлено, как выглядят облака тегов по каждому из четырех исследуемых периодов.

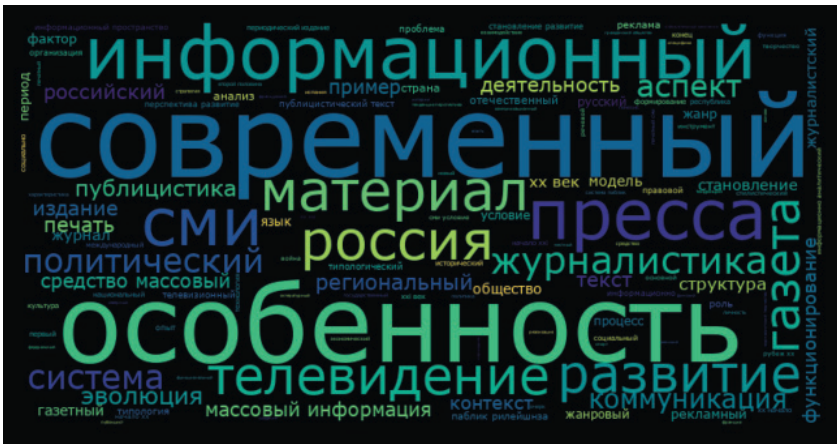

Рис. 2. Облако тегов корпуса названий диссертаций по специальности 10.01.10, 2000–2004 гг.

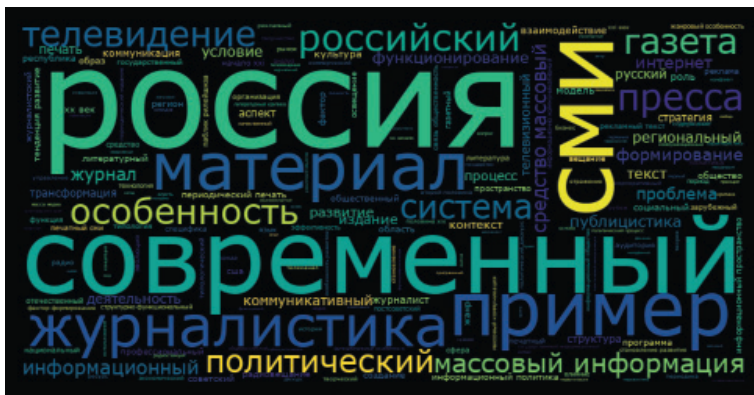

Рис. 3. Облако тегов корпуса названий диссертаций по специальности 10.01.10, 2005–2009 гг.

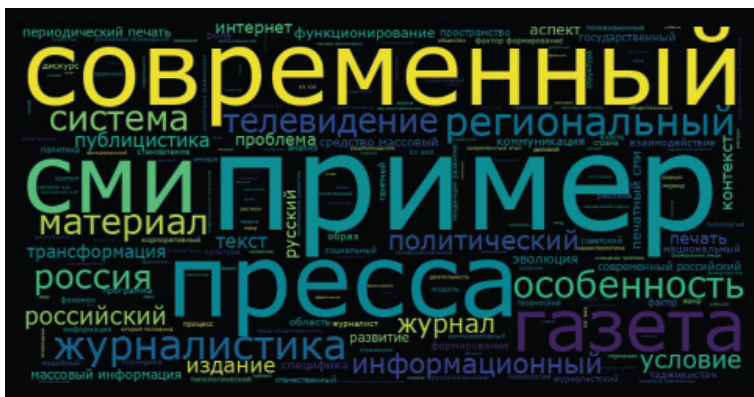

Рис. 4. Облако тегов корпуса названий диссертаций по специальности 10.01.10, 2010–2014 гг.

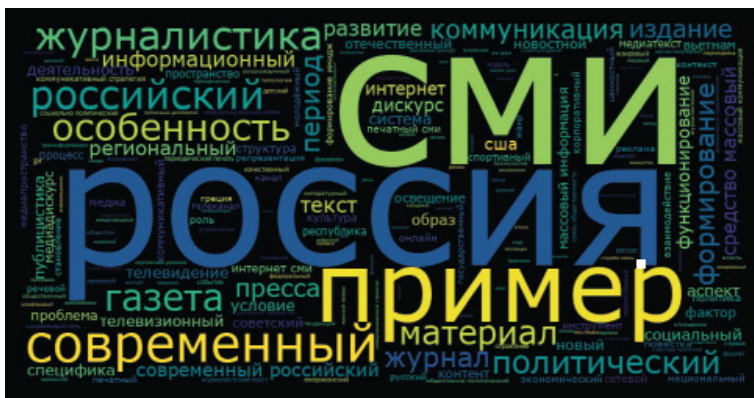

Рис. 5. Облако тегов корпуса названий диссертаций по специальности 10.01.10, 2015–2019 гг.

Выявив наиболее распространенные теги, проследим динамику изменения их частотности более подробно. График на рис. 6 демонстрирует упоминаемость пяти ключевых слов: «телевидение», «радио», «газета», «журнал», «интернет». По вертикальной оси здесь и далее — процент вхождения ключевого слова в общий массив слов, умноженный на 1000; по горизонтальной — годы, с 2000 по 2018 г. (2019 г. из выборки был исключен в силу небольшого массива заголовков за этот год и соответственно высокого влияния фактора случайности на упоминаемость).

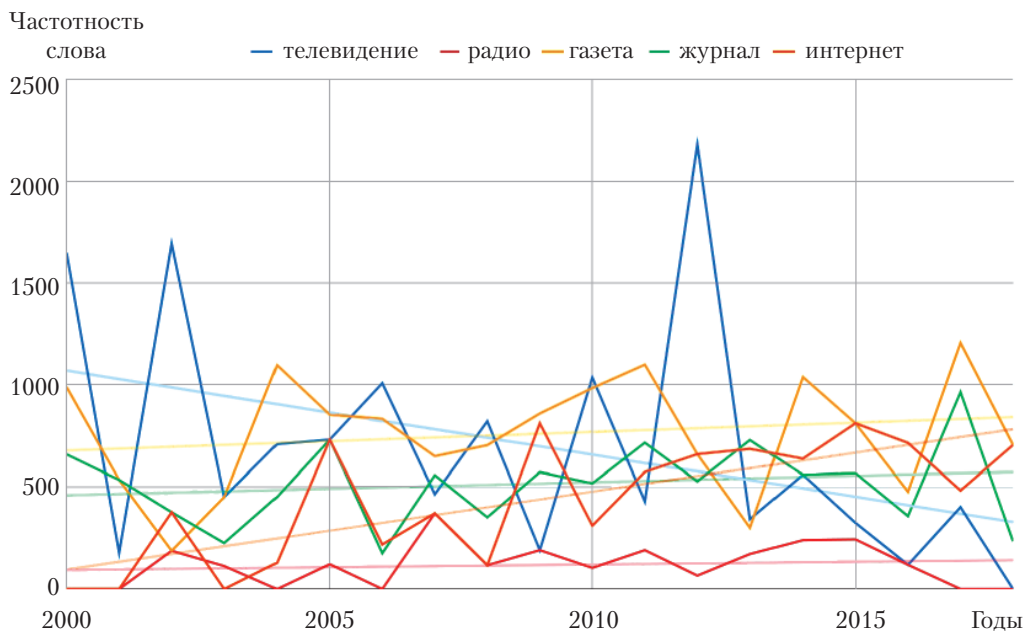

Рис. 6. Ключевые слова *телевидение, радио, газета, журнал, интернет* в названиях диссертаций по специальности 10.01.10, анализ данных <http://diss.rsl.ru>

Как видно из графика, в первых трех пятилетках слово «телевидение» демонстрирует высокую частотность в заголовках диссертаций и одновременно самую большую амплитуду взлетов и падений. Пики упоминаемости приходятся на 2000, 2002 и 2012 гг., с 2014 г. количество упоминаний этого слова падает. Слово «газета» демонстрирует достаточно устойчивые позиции на протяжении всего периода, показывая существенный спад лишь в 2002 г., менее значительное снижение — в 2013 и 2016 гг. Слово «журнал» уступает «газете», но тем не менее также демонстрирует устойчивые позиции на протяжении всего периода. Слово «интернет» уступает по частотности «газете», «телевидению» и «журналу» на протяжении большей части исследуемого периода, лишь однажды — в 2016 г. — выходя на первое место. Слово «радио» существенно уступает по упоминаемости остальным тегам.

Линии трендов демонстрируют общие закономерности: «интернет» уверенно растет, после 2012 г. выходя на второе место по упоминаемости; «газета» и «журнал» также демонстрируют рост, более того, начиная с 2008 г. «газета» остается

абсолютным лидером по числу вхождений. «Телевидение» демонстрирует стремительный спад. Частотность слова «радио» на протяжении исследуемого периода меняется совсем незначительно – в большую сторону.

Таким образом, гипотезу о росте академического интереса к цифровой среде по этому графику в целом можно подтвердить. При этом наше предположение о снижении интереса исследователей к традиционным медиа график частично опровергает: верной ее можно считать только в отношении телевидения, которое перестало быть единственным поставщиком видеоконтента и, очевидно, теперь воспринимается исследователями лишь как один из компонентов цифровой аудиовизуальной среды.

Рост частотности слов «газета» и «журнал» может быть объяснен тем, что периодические издания в оцифрованном виде представляют для исследователей удобный для анализа текстовый архив и, по мере пополнения этого архива, становятся все более важной частью научной повестки.

При этом не исключено также, что на частоту употребления того или иного слова влияют и наши языковые привычки: так, читая некое периодическое издание онлайн, мы с большой вероятностью скажем, что читаем «газету», а вот просматривая видеоконтент на YouTube-странице эфирного телеканала, вряд ли сможем назвать это «просмотром телевизора» или «телевизионным показом».

Следующий график (рис. 7) демонстрирует географию научных интересов отечественных исследователей.

Рис. 7. Ключевые слова *Россия*, *мировой*, *российский*, *международный* в названиях диссертаций по специальности 10.01.10, анализ данных <http://diss.rsl.ru>

Как видно из графика, количество упоминаний слов «Россия» и «российский» в корпусе в несколько раз выше, чем количество упоминаний слов «международный» и «мировой». Делать однозначный вывод о преимущественно национальной ориентации отечественных диссертационных исследований было бы в данном случае не вполне корректно, так как исследования на зарубежном материале часто содержат в заголовке названия конкретных стран. И тем не менее линии трендов демонстрируют устойчивую тенденцию роста первых двух тегов и плавное падение последних двух, что свидетельствует о постепенном увеличении числа исследований российских СМИ и уменьшении — зарубежных.

В графике на рис. 8 сравнивается упоминаемость ключевых слов «век» и «современный», использование которых маркирует ориентацию исследователей на исторический либо современный фактологический материал.

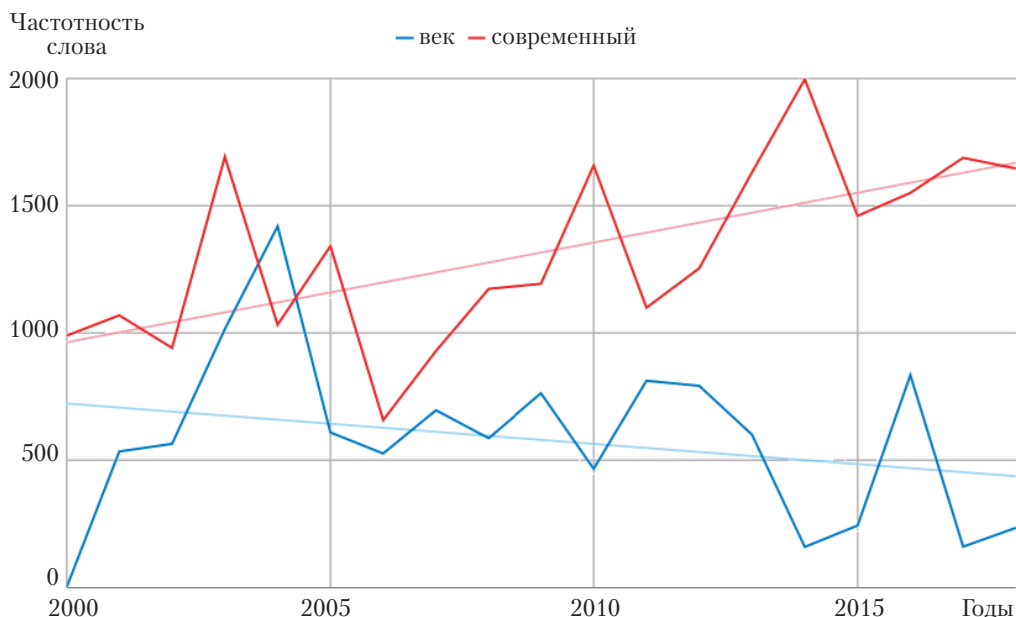

Рис. 8. Ключевые слова *век*, *современный* в названиях диссертаций по специальности 10.01.10, анализ данных <http://diss.rsl.ru>

Разумеется, не только два приведенных тега имеют отношение к интересующей нас теме, поэтому делать по этому графику выводы о процентном соотношении исторических и неисторических исследований в корпусе нельзя. Но общие тенденции линии трендов демонстрируют вполне отчетливо: рост интереса исследователей к современному материалу одновременно с падением интереса к историческим обобщениям.

Далее обратимся к более обширному корпусу заголовков по специальностям 10.01.10 («Журналистика»), 17.00.03 («Кино-, теле- и другие экранные искусства»), 22.00.03 («Экономическая социология и демография»), 22.00.04 («Социальная структура, социальные институты и процессы»), 24.00.01 («Теория и история культуры»).

Работая с этим корпусом, следует принять во внимание, что медиаисследования в нем занимают хоть и важную, но далеко не главенствующую роль. В связи с этим возможно влияние посторонних факторов на выявленные тенденции. Так, на графике, приведенном на рис. 9, упоминание слова «интернет» демонстрирует взрывной рост, тогда как в корпусе заголовков по специальности «Журналистика» рост упоминаний этого слова гораздо менее выраженный. Это может быть, в частности, связано с тем, что в таких науках, как социология и культурология, в последние годы исследователями отмечается все более важная роль интернет-коммуникации, одновременно растет и значимость интернет-источников для конкретных социологических и культурологических исследований⁸. Что касается других выбранных нами «цифровых тегов» («онлайн», «мультимедийный», «интерактивный», «трансмедийный», «цифровой»), то они с большей вероятностью встречаются именно в исследованиях медиа⁹, и в среднем совокупность всех линий трендов на этом графике вполне соотносится с динамикой роста упоминания тега «интернет» в заголовках диссертаций по специальности «Журналистика».

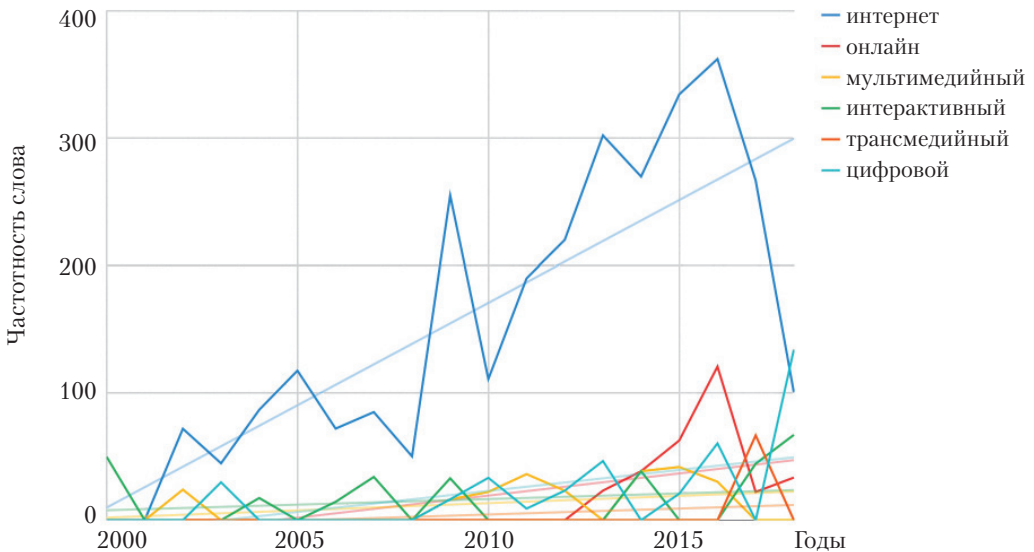

Рис. 9. Ключевые слова *интернет*, *онлайн*, *мультимедийный*, *интерактивный*, *трансмедийный*, *цифровой* в названиях диссертаций по специальностям 10.01.10, 17.00.03, 22.00.03, 22.00.04, 24.00.01, анализ данных <http://diss.rsl.ru>

⁸ Ср., например, такие названия диссертационных исследований по социологии, как «Особенности процесса межкультурной коммуникации между Россией и Китаем в сети Интернет», «Влияние интернет-коммуникаций на процесс формирования сообщества российских трейдеров», «Социальные факторы феномена интернет-зависимости» и др.

⁹ Ср., например, такие названия диссертационных исследований, попавших в выборку: «Развитие мультимедийной культуры в информационном обществе», «Дизайн в культуре сетевого общества: интерактивная природа и виртуальная жизнь», «Взаимодействие с телезрителем. Эволюция, принципы и модели интерактивного телевидения».

С целью подтвердить или опровергнуть гипотезу о росте академического интереса к визуальной составляющей массовых коммуникаций, прежде всего, растущему интересу исследователей к видеоконтенту, мы выбрали четыре тега, маркирующих эту тенденцию: «фильм», «документалистика», «экранный», «визуальный» (рис. 10). В корпусе по специальности 10.01.10 количество вхождений этих слов слишком мало, чтобы судить о тенденциях. Анализ же корпуса по пяти специальностям позволяет сделать вполне определенные выводы.

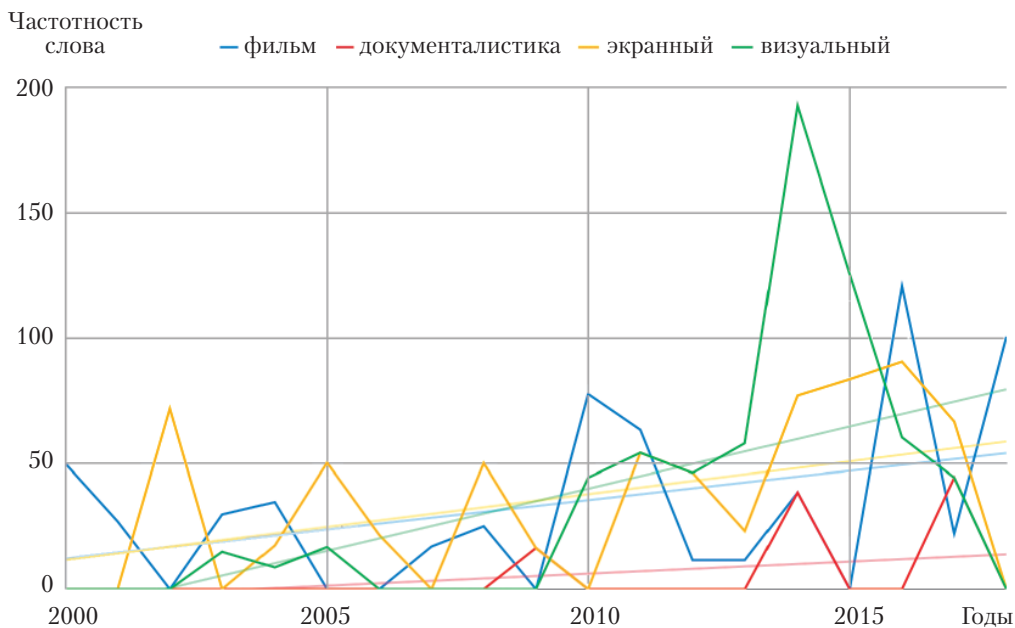

Рис. 10. Ключевые слова *фильм*, *документалистика*, *экранный*, *визуальный* в названиях диссертаций по специальностям 10.01.10, 17.00.03, 22.00.03, 22.00.04, 24.00.01, анализ данных <http://diss.rsl.ru>

Все линии трендов на этом графике демонстрируют устойчивый рост; при этом характерно, что наиболее выраженная кривая роста у тега «визуальный» как самого абстрактного, одинаково применимого и к газетным иллюстрациям, и к сетевой инфографике, и к телевизионному репортажу, и к киноискусству. Ср., к примеру, такие названия диссертационных работ, попавших в выборку: «Визуальный PR-текст в управлении публичными коммуникациями», «Презентация как коммуникационный феномен культуры: визуальный аспект», «Визуальный символ в культурном пространстве: на примере трудов Аби Варбурга», «Графическая иллюстрация как визуальный компонент контента качественных изданий».

Проследить динамику упоминаемости слов «жанр» и «формат» в корпусе по специальности 10.01.10 не представлялось возможным из-за малой частотности этих слов. Большой корпус дает возможность такую динамику увидеть (рис. 11).

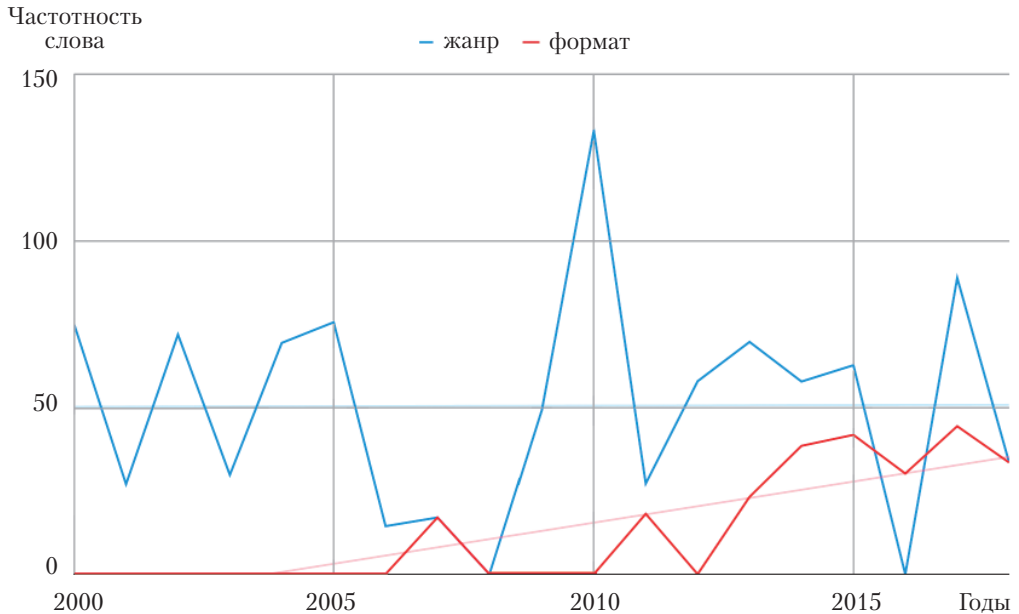

Рис. 11. Ключевые слова *жанр*, *формат* в названиях диссертаций по специальностям 10.01.10, 17.00.03, 22.00.03, 22.00.04, 24.00.01, анализ данных <http://diss.rsl.ru>

Как видно из графика, частота упоминания в корпусе слова «жанр» существенно выше на протяжении большей части периода. При этом линия тренда «жанра» почти горизонтальна, т. е. его средняя частотность остается одинаковой, а линия тренда «формат» стремительно растет начиная с 2004 г. В целом это отвечает нашей гипотезе о том, что трансформация устоявшейся системы жанров постепенно выводит на первый план понятие формата, описывающего совокупность конкретных характеристик отдельно взятого медиапродукта. При этом следует иметь в виду возможную погрешность таких обобщений на большой выборке. Слово «формат» более многозначно, чем слово «жанр»; «формат» может использоваться в большем количестве контекстов: так, мы можем говорить, к примеру, о «формате двухсторонней встречи», «формате взаимодействия» и т. д. Так что, вероятнее всего, реальная частотность этого слова в интересующем нас значении ниже, чем та, которую демонстрирует график.

Возвращаясь к упоминаемости разных видов традиционных СМИ, проследим на большом корпусе те тенденции, которые уже были нами выявлены на малом (рис. 12).

Как видно из графика, все основные тренды, продемонстрированные в корпусе по специальности 10.01.10, подтверждаются и на большей выборке, несмотря на то, что доля диссертаций по специальности «Журналистика» занимает в общем массиве в разные годы лишь от 12 до 27 %.

Пики упоминаемости слова «телевидение» также приходятся на 2000 и 2012 гг., притом линия тренда по этому слову стремительно снижается. Слова

«газета» и «журнал» демонстрируют устойчивый рост, даже более явный, чем в корпусе по специальности 10.01.10. Притом отдельные фрагменты кривых «газеты» и «журнала» совпадают по очертаниям — это может свидетельствовать о том, что в ряде случаев эти слова в названиях диссертаций стоят рядом¹⁰. «Радио» показывает слабый рост, уступая при этом по упоминаемости другим тега.

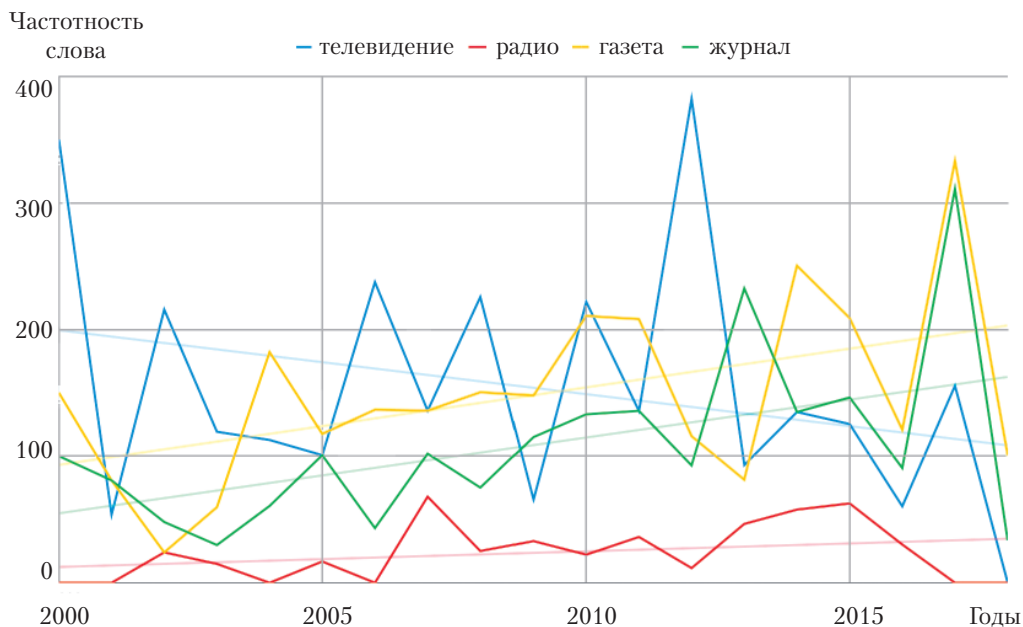

Рис. 12. Ключевые слова *телевидение, радио, газета, журнал, интернет* в названиях диссертаций по специальностям 10.01.10, 17.00.03, 22.00.03, 22.00.04, 24.00.01, анализ данных <http://diss.rsl.ru>

Заключение

В статье выявлены основные тенденции изменения частотности ключевых слов в названиях диссертаций по журналистике и смежным специальностям. Количественный анализ употребления этих слов позволяет сделать ряд выводов.

Несмотря на мировой кризис «бумажных» изданий, частотность упоминания слов «газета» и «журнал» в названиях диссертаций не только не падает, но показывает устойчивый рост. Это может быть вызвано тем, что периодические издания в оцифрованном виде представляют для исследователей удобный для анализа текстовый архив и, по мере пополнения этого архива, становятся все более важной частью научной повестки. Также можно говорить и о сохранении

¹⁰ Ср., например, такие названия диссертаций, попавшие в выборку: «Изменение в ценностной системе американских СМИ 1960-х гг. (на примере репрезентации “Разбитого поколения” в журналах Life, Time и газете The New York Times)», «Журнал “Летопись” (1915–1917) и газета “Новая жизнь” (1917–1918) в историко-культурном контексте».

интереса исследователей к такому традиционному СМИ, как радио. При этом частотность упоминания «телевидения» стремительно снижается; это может быть вызвано тем, что телевидение потеряло монополию на создание и распространение видеоконтента и воспринимается сегодня лишь как один из компонентов цифровой аудиовизуальной среды.

Наиболее стремительно растет частотность упоминания в названиях диссертаций «интернета», а также других тегов, маркирующих интерес исследователей к цифровой мультимедийной среде: «онлайн», «мультимедийный», «интерактивный», «трансмедийный», «цифровой». Это свидетельствует о том, что сегодня происходит не только трансформация медиасистемы, но и смещение фокуса внимания исследований, посвященных ей. Ученые все активнее интересуются цифровыми технологиями и тем влиянием, которое они оказывают на медиа.

Также на основе машинного анализа можно сделать вывод о постепенном увеличении числа диссертационных работ, исследующих российские СМИ, о тенденции изучения современного фактологического материала, о росте академического интереса к визуальной составляющей массовых коммуникаций.

В рамках данной статьи нашей целью было лишь сформулировать гипотезы и, используя машинный анализ названий диссертационных исследований, проследить, как меняются их тематика и характер. На наш взгляд, эта тема, безусловно, требует большего научного погружения и всестороннего анализа.

Барташевич Д. А., Ребрикова Н. В. Рынок печатных СМИ в эпоху диджитализации // Гуманитарные науки: Вестн. Финанс. ун-та. 2020. Т. 10, № 1. С. 28–32.

Беликова А. И. Трансформация аналитических жанров современного отечественного телевидения // Медиасреда. 2019. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-analiticheskikh-zhanrov-sovremennogo-otechestvennogo-televideniya> (дата обращения: 30.01.2021).

Вартанова Е. Л. Цифровое телевидение и трансформация медиасистем. О необходимости междисциплинарных подходов к изучению современного ТВ // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10 : Журналистика. 2011. № 4. С. 6–26.

Воинова Е. А., Сивякова Е. В. Подкаст как новый формат публичной коммуникации в условиях цифровой медиасреды // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podkast-kak-novyy-format-publichnoy-kommunikatsii-v-usloviyah-tsifrovoy-mediasredy> (дата обращения: 26.01.2021).

Върковский А. В. Новые исследовательские задачи в области медиаменеджмента и медиаэкономики России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10 : Журналистика. 2016. № 6. С. 209–229.

Дунас Д. В. Национальное своеобразие российской школы исследований СМИ: теоретическая направленность диссертаций в период 1991–2010 гг. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10 : Журналистика. 2016. № 1. С. 99 – 115.

Кемарская И. Н. Формат и телесценарий // Журналист. 2009. № 5–6. С. 40–41.

Колобова Е. Ю. Трансформация медиапотребления в условиях цифровой реальности // Петербург. экон. журн. 2020. № 4. С. 25–39.

Круглова Л. А., Чобанян К. А., Щепилова Г. Г. Онлайн-видео: структура, контент, монетизация. М., 2020.

Круглова Л. А. Российские аудиоподкасты: становление и специфика развития // Медиа-альманах. 2018. № 1. С. 89–101.

Макеенко М. И. Направления трансформации теоретических подходов в российских исследованиях влияния цифровизации на медиа // Медиаскоп. 2018. Вып. 3. URL: <http://www.mediascope.ru/2463> (дата обращения: 28.01.2021).

Макеенко М. И. Развитие теорий медиа в российских научных журналах в 2010-е гг.: результаты первого этапа исследований // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2017. № 6. С. 3–31.

Савченко Л. В. Проблемы трансформации жанров и их идентификации в теории и практике журналистики // Universum: Филология и искусствоведение: электрон. науч. журн. 2018. № 4(50). URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/5730> (дата обращения: 25.01.2021).

Смирнова О. В. Стратегии печатных медиа в эпоху цифровых технологий // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2013. № 6. С. 26–38.

Сулайманова С. Р. Тенденция визуализации информации в дизайне печатных медиа Узбекистана // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2013. № 22 (313). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsiya-vizualizatsii-informatsii-v-dizayne-pechatnyh-media-uzbekistana> (дата обращения: 30.01.2021).

Steensen S., Ahva L. Theories of Journalism in the Digital Age // Journalism Practice. 2015. Vol. 9, iss. 1. P. 1–18. <https://doi.org/10.1080/17512786.2014.928454>

Статья поступила в редакцию 24.02.2021 г.

DOI 10.15826/izv1.2021.27.2.030
УДК 316.77 + 004.4'27 + 94(8) + 811.12:070.1

Е. С. Голоусова

ИСПАНОЯЗЫЧНЫЕ МЕДИА В США: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Актуальность данной темы связана прежде всего с изменением статуса испаноязычных медиа в США. Если в середине прошлого столетия большая часть американцев прислушивалась к репортерам Fox News, CNN, MSNBC, New York Times, Washington Post, то сегодня наравне с ними звучат голоса La Opinión, CNN en Español, Telemundo, NBC News Latino, Remezcla и др. Изменения статуса латиноамериканских СМИ — это только один из компонентов формирования новой реальности, в которой латиноамериканское население начинает играть гораздо более активную роль, чем это было пару десятилетий назад. Автор данной публикации на примере анализа современных испаноязычных СМИ выявляет основные тенденции, характерные для Latino Media новой эпохи.

Ключевые слова: испаноязычные медиа; латиноамериканцы; тенденции; идентичность

У истоков зарождения испаноязычных медиа

Современные исследователи в области гуманитарных наук и общественных отношений отмечают любопытную особенность — наряду с мощными процессами глобализации, охватившими разные сферы жизни, идут «параллельные» и противоположно направленные процессы обострения национальных чувств, возрастает значение категории национальной идентичности. На медийном уровне это находит отражение в активизации этнических СМИ [Кокумбаева, с. 117].

Одно из главных преимуществ этнических медиа связано с тем, что они позволяют более глубоко познакомиться с особенностями жизни этнических групп и меньшинств, сделать их проблемы более видимыми для гражданских лидеров. Например, газета The Tundra Times была создана для коренного населения Аляски в 1960-х гг. в ответ на планы правительства США по разрушению охотничьих угодий. «После того как Tundra Times начала издаваться, голоса местных жителей стали безошибочно узнаваемыми, и игнорировать их было невозможно (здесь и далее перевод мой. — Е. Г.)» [Abernathy].

«Одно из преимуществ многих этнических СМИ — это доверительные отношения с читательской аудиторией. Если говорить именно об испаноязычных медиа в США, то они являются связующим звеном между сообществом в целом и латиноамериканским сообществом», — утверждает Хильда Гурдиан из La Noticia. Так, исследование, опубликованное в Journal of Ethnic and Migration Studies, показало, что этнические СМИ представляют точки зрения и истории, которые читатели

ГОЛОУСОВА Елизавета Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры периодической печати и сетевых изданий Уральского федерального университета (e-mail: lizagolousova@gmail.com).

© Голоусова Е. С., 2021

не найдут в основной прессе, тем самым они обогащают межкультурное понимание и создают «многоэтническую общественную сферу» [Journalism and Media Staff].

Более того, несмотря на то что в целом современная американская медиа-индустрия в настоящий момент переживает кризис, испаноязычные СМИ пытаются выжить, находятся в поисках новых стратегий работы с аудиторией, активно применяя разные модели, связанные с модификацией контента и системы управления изданием. Также мы полагаем, что некоторые из подходов, применяемых испаноязычными журналистами, могли бы пригодиться и в современных российских реалиях.

В данной работе мы планируем затронуть проблему формирования, эволюции испаноязычных медиа (*Latio Media*), а также раскрыть особенности их выживания в современных условиях. Предмет нашего исследования — проблема функционирования *Latino Media* в Америке. Объект исследования — испаноязычные СМИ в США. В качестве эмпирической базы автором были использованы публикации в испаноязычных медиа, фрагменты радиопрограмм и телевизионных передач, а также подкасты, опубликованные на сайтах латиноамериканских изданий в США. Основным методом анализа послужил сопоставительный анализ, работа с документами (отчетами, интервью, опубликованными в зарубежных медиа), а также анализ контента.

Отметим, что исследования, посвященные проблемам функционирования испаноязычных медиа (их принято называть *Latino/Hispanic media*) в США, осуществлялись западными и европейскими учеными. В частности, в работах Ф. Гутьерреса, Р. Салазара, Натана Глэйзера, а также Луиса Лиля и ряда других исследователей речь идет об истории формирования традиций латиноамериканских медиа в США. Одна из главных особенностей испаноязычных медиа, по мнению Гутьерреса, — это то, что именно благодаря им латиноамериканцы, проживающие на территории США, получают более объективную картину реальности, а образы, которые они создают, в большей степени соответствуют действительности [Gutierrez].

Первые испаноязычные медиа появились еще в XIX в. В частности, первой испаноязычной газетой стала *El Misisipí*, издававшаяся в Новом Орлеане. Целевую аудиторию издания составляли испанские изгнанники, которые выступали против завоевания Наполеоном их родной страны. Еще одно издание — *El Clamor Público* — было основано Франсиско Рамиресом, бывшим испанским редактором газеты *Los Angeles Star*. *El Clamor Público* выходил еженедельно с 1855 по 1859 г. [Shaof].

El Clamor Público была первой испаноязычной газетой в Калифорнии, после американской оккупации этих земель. Газета выходила еженедельно с июля 1855 г. по август 1859 г. Изначально публикации в газете носили умеренный характер, но затем в ней стали преобладать материалы, выражающие более резкие точки зрения и, как правило, поддерживающие мексиканцев.

Параллельно с развитием испаноязычной прессы шел другой процесс — расширение тематического диапазона этих изданий и включение в традиционные англоязычные медиа историй, связанных с жизнью латиноамериканцев. Так,

в 1967 г. в журнале Time появилась публикация об американцах мексиканского происхождения под заголовком «Меньшинство, о котором никто не знает» [Shaof].

А начиная с 1970-х изданиями и редакциями США была предпринята масса усилий, чтобы принять на работу больше представителей латиноамериканских сообществ, способствуя, таким образом, продвижению их видения и интерпретации проблем и жизненных ситуаций. В 1983 г. команда из 18 репортеров и фотографов издания Los Angeles Times под руководством Франка Сотомайора и Хорхе Рамоса получила Пулитцеровскую премию за серию публикаций «Латиноамериканское сообщество Южной Калифорнии» [The Times' 1983 Pulitzer Prize-winning series].

Но вместе с тем, даже учитывая подвижки профессионального характера (принятие на работу латиноамериканцев), проблема, связанная с неадекватным изображением латиноамериканцев в англоязычных медиа США, не была решена. Как правило, все репортажи, в которых фигурируют латиноамериканцы, попадают в одну из двух категорий: первая категории объединяет публикации об отрицательных героях, в которых выходцы из стран Латинской Америки изображены как члены преступных группировок, наркоторговцы, нелегалы или просто люди, приехавшие в США за лучшей жизнью и в настоящий момент вынужденные работать за гроши; вторая категория включает себя своеобразные повествования о различных вечерниках, национальных праздниках, наподобие фестиваля Cinco de Mayo (национальный мексиканский праздник в честь победы мексиканских войск в битве при Пуэбло 5 мая 1862 г.) или Miami's Calle Ocho festival (традиционный фестиваль панамериканской культуры, проводится ежегодно в марте в Майами, штат Флорида) [Gutierrez]. В таких публикациях латиноамериканцы изображаются облаченными в традиционные костюмы и танцующими под зажигательную музыку на красочных культурных мероприятиях. Безусловно, мероприятия культурного характера заслуживают внимания репортеров, равно как и сводки криминальной хроники. Тем не менее в реальности многие стороны жизни представителей латиноамериканского сообщества остаются незамеченными.

Именно эту задачу и ставили перед собой редакторы и журналисты латиноамериканских медиа в США — рассказать о жизни конкретной группы населения максимально правдиво, не замалчивая отдельных фактов и не пытаясь приукрасить ситуацию.

Одной из наиболее ярких характеристик стало использование языка. Если традиционно языком коммуникации англоязычных медиа со своей аудиторией был английский, то латиноамериканские СМИ предложили более гибкий подход — они могут общаться с читателем, слушателем и зрителем как на английском, так и на испанском, а также работать в билингвальном формате — когда на газетной полосе представлены публикации сразу на обоих языках.

Помимо лингвистического аспекта, можно также выделить и контентобразующий элемент. Латиноамериканские медиа не просто освещают какое-либо событие с позиции аутсайдера, они пытаются разъяснить своей аудитории, как определенное нововведение скажется на их жизни, какие перемены могут наступить и как стоит действовать.

Например, в 2012 г., когда Барак Обама подписал специальный указ о положении иностранцев, привезенных в США в юном возрасте, эта новость облетела всю Америку. При этом англоязычные медиа больше сосредотачивались на возможных последствиях данного нововведения, его политическом аспекте, в то время как латиноамериканские медиа попытались разобраться в том, как данное законодательное изменение может повлиять на жизнь конкретных людей, а также давали советы и рекомендации практического характера [Gamboa].

Таким образом, латиноамериканские медиа с первых дней своего существования были более глубоко погружены в жизнь латиноамериканского сообщества, во многих изданиях трудились настоящие профессионалы, которые видели свою миссию прежде всего в налаживании качественного диалога с целевой аудиторией, повышении уровня ее осведомленности относительно процессов, происходящих в общественной и политической жизни страны.

Латиноамериканцы сегодня: статус и национальная идентичность

В последнее время интерес к латиноамериканским медиа, как и в целом к латиноамериканской тематике, значительно возрос. На это существует ряд причин.

Во-первых, на сегодняшний день латиноамериканцы — это самая крупная и самая молодая этническая группа в США. Средний возраст латиноамериканцев составляет 27 лет, в то время как для англоязычных американцев европейского происхождения средний возраст равен 42 годам, а для англоязычных афроамериканцев — 32. Согласно расчетам, в 2050 г. в США будет проживать более 143,5 млн человек латиноамериканского происхождения [Stepler, Lopez].

Во-вторых, все больше латиноамериканцев принимают активное участие в общественной и политической жизни страны. Так, 8 августа 2009 г. Соня Сотомайор была избрана в состав Верховного суда. Соня родилась в Бронксе в семье пуэрториканцев и стала первой латиноамериканкой на должности судьи. В 2018 г. еще одна американка пуэрториканского происхождения — Александра Окасио-Кортес одержала сенсационную победу в 14-м избирательном округе Нью-Йорка на предварительных выборах демократической партии, став официальным кандидатом на предстоящих в ноябре выборах в палату представителей США. Она сумела обойти довольно сильных соперников и заявила о себе как молодом, амбициозном и ярком политике [Mays].

В-третьих, представители политической элиты и экономического истеблишмента все чаще говорят об определяющей роли Latino vote (голосов латиноамериканских избирателей) и их влиянии на принятие решений. Так, журналисты Washington Post, New Yorker, New York Times и ряда других изданий, освещая предвыборную кампанию и ход выборов президента США в 2020 г., серьезное внимание уделяли избирателям-латиноамериканцам. Например, в одном из материалов New Yorker шла речь об успехе, которого добился Дональд Трамп у избирателей-латиноамериканцев:

Многие американцы были удивлены, когда стало ясно, что Трамп добился большего, чем ожидалось, среди латиноамериканцев. В таких местах, как Южная Флорида и Южный Техас, он добился большего успеха. Если говорить о результатах на национальном уровне, то по всей стране Трамп получил большую долю голосов латиноамериканцев, чем четыре года назад. Он добился более высоких результатов в таких традиционно настроенных демократически городах, как Хьюстон, Лас-Вегас, Филадельфия, и даже в Чикаго, Лос-Анджелесе и Нью-Йорке, которые не были в центре внимания кампании Трампа по охвату латиноамериканцев [Cadava].

И, наконец, в-четвертых, меняется подход к осознанию собственной идентичности у самих латиноамериканцев. Так, согласно исследованиям Pew University, представители Latino community сегодня предпочитают идентифицировать себя больше с точки зрения национальности. Один из актуальных вопросов связан с выбором адекватного способа их категоризации на вербальном уровне [Austin, Johnson]. До сих пор в английском языке существовало несколько терминов, обозначающих выходцев из стран Центральной и Латинской Америки: *Chicanos* (слово изначально имело негативную коннотацию и обозначало главным образом выходцев из Мексики), *Hispanic* (англ. «испаноязычный» — обычно применяется как более узкий термин, обозначающий людей только из испаноязычной Латинской Америки, включая территории Карибского бассейна, или из самой Испании) и *Latino* (в настоящее время понимается как сокращение от испанского слова «latinoamericano» и относится ко всем, кто родился или переселился из Латинской Америки и проживает в США). Все эти термины указывают на общность, сводя к минимуму индивидуальные особенности представителей конкретной культуры. Это позволяет говорить о серьезных трансформациях, связанных со статусом латиноамериканцев в США, отношением их к собственной идентичности, — сегодня они видят себя представителями широкого по своим масштабам сообщества Latinos, но при этом стараются не забывать о связи с родной страной, этносом и ассоциируют себя с регионом, где родились и выросли.

Современные испаноязычные медиа: печатные/онлайн-издания, радио и ТВ

В настоящее время рынок испаноязычных СМИ в США представлен печатными изданиями, радиостанциями, телевизионными каналами и онлайн-медиа. На территории США издается более 200 испаноязычных газет и около 30 журналов. Среди наиболее популярных печатных изданий можно отметить *La Opinión* (Лос Анджелес, Калифорния), *El Nuevo Herald* (Майами, Флорида), *Noy* (Чикаго, Иллинойс), *El Diario*, *La Prensa* (Нью-Йорк Сити, Нью-Йорк) и *Diario Las Américas* (Майами, Флорида) [The State of the Latino News Media]. Крупнейшими газетными компаниями, обслуживающими латиноамериканскую аудиторию, являются *ImpreMedia* (сеть из двух ежедневных и двух периодических изданий, распространяемых в Нью-Йорке, Лос-Анджелесе, Чикаго и Лонгвуде) и *Mundo Hispánico* (региональная сеть в Атланте, состоящая из одной местной газеты и нескольких цифровых изданий).

Стоит отметить, что в последние годы аудитория испаноязычных газет значительно снизилась. Так, число потребителей печатной продукции уменьшилось с 58 % в 2006 г. до 34 % в 2016 г. Тиражи самых популярных изданий на испанском языке продолжают падать, а редакторы крупных изданий в спешном порядке пытаются осуществить переход на цифровые платформы. В частности, с 2014 по 2017 г. почти вдвое снизились тиражи знаковых изданий *La Opinión* (с 64 260 до 32 902 экз.) и *Nuevo Herald* (с 50 859 до 32 902 экз.) [Retis].

В настоящее время в 39 штатах издаются цифровые версии 321 газеты, выходящие на испанском языке. Примечательно также, что в ряде штатов издаются двуязычные версии газет и журналов. Некоторые издания, помимо электронной версии, имеют также страницу в Facebook (*Diario Patria*, *El Latino Expreso*) и YouTube-канал.

Если говорить о контенте, то, как правило, это информация довольно разнопланового, широкого характера. Так, на сайте *La Opinión* можно узнать последние новости о пандемии коронавирусной инфекции, дается общий обзор событий в странах Центральной и Латинской Америки, в разделе «Развлечения» содержится информация о популярных музыкантах и певцах латиноамериканского происхождения. Также имеются рубрики «Астрология», «Иммиграция», «Спорт», «Финансы». Более того, на сайте электронной версии издания есть отдельные вкладки для жителей Техаса, Калифорнии, Флориды (штатов с большой долей латиноамериканского населения) (официальный сайт издания — www.laopinion.com).

На сайте *Diario Las Americas* (Майами) можно ознакомиться с содержимым рубрик «Последние известия», «Латинская Америка», «Спорт», «Культура», «Европейский союз», «Популярные новости» (официальный сайт издания — <https://www.diariolasamericas.com>).

На сайте издания *El Sol dela Florida* имеются рубрики «Новости», «Мир», «Латинская Америка», «Мнение», «Спорт», «Технологии», «Флорида», также представлена ссылка на страницу издания в Facebook, Twitter и на YouTube-канал. Некоторые новостные фрагменты имеют видеосопровождение, таковыми являются репортажи о новых композициях знаменитых латиноамериканских исполнителей — *Becky G*, *Maluma*, сообщения о новых политических шагах Дональда Трампа, а также новости о ситуации с пандемией коронавируса в мире и конкретных регионах (официальный сайт издания — <https://elsoldelaflorida.com>).

Радио и телевидение

В настоящее время на территории США вещают около 20 радиостанций, небольших по своему масштабу, которые производят новостной контент для латиноамериканского сообщества. Среди наиболее популярных можно выделить *La Ley 100* (Техас), *La Poderosa* (Калифорния), *Jose FM 94.7*, *KGBT 98.5*, а также *Radio Lazer* [10 Must-Read Hispanic News Sites...].

Любопытный факт — представители испаноязычного комьюнити из всех СМИ отдают предпочтение именно радио. Так, по результатам исследования,

проведенного экспертами Pew Research Center в 2016 г., 55 % латиноамериканского сообщества обычно получают новости, слушая различные радиoprogramмы, в 2012 г. эта цифра составляла 64 %. Согласно рейтингу Нильсена (система измерения количества аудитории, созданная компанией Nielsen Media Research, входящей в Nielsen Holdings, для установления количества аудитории телевизионных программ в США), 98 % латиноамериканцев в возрасте от 12 лет и старше еженедельно слушают радио [Flores, Lopez]. И этому есть ряд объяснений.

Прежде всего, именно радио, во многом благодаря огромному количеству музыкальных программ, позволяет слушателям ощутить связь с родной культурой, историческим наследием своей страны и родными местами.

Если говорить о содержательном аспекте, то значительную долю развлекательных передач занимает формат «Mexican regional» («мексиканский региональный») — формат латинского музыкального радио, охватывающий музыкальные жанры различных частей сельской Мексики и юго-запада Соединенных Штатов [Stroud].

Еще одна причина популярности радиостанций у латиноамериканского населения, на наш взгляд, носит культурный характер. Представители Latino community, как, впрочем, и многие другие жители США, долгое время проводят за рулем: отвозят детей в школу, едут на работу в другой город. Радио для них становится самым оптимальным источником информации. Типичный контент — это новости, музыкальные программы, политические шоу, дискуссии [Ibid.].

Так, на сайте радиостанции La Poderosa (<https://www.lapoderosa.com>) можно найти следующие рубрики: Comunicando, Bienvenida a la Mesa Redonda (добро пожаловать за круглый стол), Sabado de Impacto (субботний обзор новостей), Charlando las Noticias el Caliente (обсуждаем новости), Al Todo Ritmo с Нельсоном Леонардо — сальса, бачата, меренге (во всем ритме), La Septima Provincia (Hector Fabian — отношения Кубы и США), Desafio (политическая программа).

Заметим, что радиорынок тесно связан с рынком телевизионным — ведущие пять радиостанций аффилированы с крупнейшими владельцами медиа на территории США: Univision, Spanish Broadcasting, LBI Media и др.

Два главных лидера на телевизионном рынке — это компании Univision и Telemundo. Univision (дата основания — 1962 г.) — крупнейшая испаноязычная телекоммуникационная компания США, пятая по величине в стране после Fox, ABC, NBC и CBS. Значительная часть продукции телеканала производится в США (новостные выпуски, ток-шоу, развлекательные передачи); сериалы в основном закупаются в странах Латинской Америки. Штаб-квартиры канала расположены в Майами и Лос-Анджелесе.

Долгое время Univision была связана с крупнейшим мексиканским конгломератом Televisa. Так, у Univision есть соглашение с Televisa, согласно которому компания обязана приобретать контент (в основном теленовеллы) у мексиканского конгломерата по цене 300 млн долл. в год. Изначально Univision продавала мексиканский контент латиноамериканцам, проживающим в США.

Предполагалось, что все, что успешно продается мексиканской аудитории, будет востребовано и на территории США. По словам руководителя компании,

«в течение многих лет эта формула работала — до тех пор, пока отрасль не начала конкурировать с Netflix, Hulu и другими производителями контента под заказ». А вот сегодняшних представителей Latino community теленовеллы не особо привлекают. К настоящему моменту Univision заработала себе репутацию одной из самых популярных телевизионных сетей латиноамериканского сообщества, в 2017 г. ее аудитория составляла более 7,9 млн зрителей в возрасте от 18 до 34 лет [What drives the Hispanic Consumer].

На сайте можно найти рубрики «Новости», «Знаменитости», «Спорт», «Развлечения», «Сериалы», а также ссылки на радиoprogramмы с авторскими передачами («Шоу Рауля Бриндиса»), подкасты.

По мнению экспертов, одна из первостепенных задач на сегодняшний день — это налаживание диалога с представителями латиноамериканской молодежи, вкусы которой в значительной степени отличаются от вкусов их старших родственников. Более того, многие из них, являясь билингвами, предпочитают получать информацию как на испанском, так и на английском языках [10 Must-Read Hispanic News Sites...].

Вторая по величине испаноязычная телекоммуникационная компания США после Univision и главный ее конкурент — это Telemundo. Основанная в 1954 г. пуэрториканцем Анхелем Рамосом, Telemundo сегодня набирает обороты, создавая информационный продукт, который в культурном отношении больше соответствует ожиданиям американских латиноамериканцев. В настоящее время Telemundo владеет 17 станциями, обслуживает 100 стран и осуществляет вещание более чем на 35 языках [Se concreta venta de Univision].

Сегодня, зайдя на сайт Telemundo, можно увидеть ссылки на новостной блок, развлекательные программы, рубрики «Гороскопы», «Иммиграция», «Таланты» (о знаменитостях латиноамериканского происхождения), «Спорт», «Сила в тебе» (рубрика, посвященная благотворительности)¹.

По мнению экспертов, главный плюс данного канала — это то, что Telemundo усиленно старается завоевать не только латиноамериканцев, но и англоязычную аудиторию за счет модификации информационной продукции. Например, в сетку вещания были включены несколько традиционных англоязычных телевизионных шоу, которые в дальнейшем были усовершенствованы с учетом интересов аудитории: добавлен испаноязычный колорит (лексика, шутки), приглашены новые актеры.

Помимо уже упомянутых Univision и Telemundo, в 1997 г. на территории США стартовал CNN en Español. Изначально задуманный как продолжение идеи CNN International (новости глобального масштаба с акцентом на международных событиях), CNN en Español стал телевизионным каналом американского

¹ Канал предлагает следующие рубрики: Series (сериалы), Videos (видео), Inmigracion (иммиграция), El vivo (в прямом эфире), El poder en ti (сила в тебе), Talentos (таланты), Planifica tu vacuna (запланируй вакцинацию), Estaciones locales (местные радиостанции), Horoscopos (гороскоп), Deportes (спорт), Entretenimiento (развлечения), Los series mas populares (популярные сериалы), LatinxNow (развлекательные программы для молодежи), Farandula (шоу-бизнес, развлечения), Belleza y Moda (мода и красота) (официальный сайт Telemundo — www.telemundo.com).

происхождения (с подпиской на новости), принадлежащим WarnerMedia и ориентированным на Латинскую Америку, страны Карибского бассейна и испаноязычную аудиторию в Соединенных Штатах Америки.

Примечательно, что в конце 2013 г. в результате реструктуризации на CNN en Español был запущен дополнительный блок — CNN Latino, созданный специально для латиноамериканского рынка США.

CNN Latino предлагал широкий спектр программ, которые включали новостной блок, документальные фильмы, дебаты. Правда, в 2014 г., спустя год после дебютного выпуска, CNN Latino прекратил свое вещание, поскольку «не оправдал бизнес-ожидания владельца сети» [One year after debut...].

В настоящее время CNN en Español предлагает следующие рубрики: Latinoamerica (Латинская Америка), Mundo (мир), Dinero (деньги), Tесno (технологии), Deportes (спорт), Opinion (мнение), Estilo (стиль), Salud (здоровье), Viajes (путешествия), Especial (особенное), Videos del dia (видео дня), Ofertes CNN (предложения CNN), Politica (политика), Celebridades (знаменитости), Ciencia y Espacio (наука и пространство), Musica (музыка), Especiales — Asi no vivimos (так мы живем), Cannes en primera fila (Каннский фестиваль), Enfoque Argentina (в фокусе Аргентина), Cumbre de la America (саммит в Латинской Америке), Fuerza en Movimiento (сила в движении), Los Influentes (трендсеттеры), Proyecto Libertad (проект «свобода»), Talentes que prometen (таланты, которые обещают), Un cafe con Historia (чашка кофе и история), Literature (литература), Columnistas (колоннисты) (официальный сайт CNN en Español — <https://cnnespanol.cnn.com/>).

Электронные медиа

Среди наиболее популярных и востребованных порталов о жизни латиноамериканского сообщества в США можно выделить NBC News Latino, CPA, PALABRA, Latina Rebels, Latin American News Dispatch, Remezcla, NBC News Latino, а также US News Hispanics [10 Must-Read Hispanic News Sites...].

Remezcla — это крупная латиноамериканская медиакомпания со штаб-квартирой в США, основанная Клэр Фрисби, Эндрю Эррерой и Нурией Нетой в 2006 г. Первым продуктом бренда стал журнал (вышел в 2008 г.), а затем уже появился полноценный онлайн-ресурс с фото, видео и массой тематических блоков. В 2019 г. сайт был удостоен награды Webby Awards в категории «Лучшее социальное видео: еда и напитки» за сюжет, посвященный гастрономическим особенностям китайской кухни.

Основная аудитория данного ресурса — молодое поколение латиноамериканцев, об этом говорит и дизайн, и специфика контента. Основные рубрики — «Культура», «Спорт», «Фильмы», «Музыка», «Еда». На главной странице присутствует огромное количество ярких фотографий с изображением латиноамериканцев самого разного происхождения, размещаются новости о культурных событиях (Афропанк-фестиваль в Майами; творческая коллаборация доминиканца Сезара Переза с компанией Nike и дизайн кроссовок), а также список из 25 популярных

латиноамериканских фильмов, которые предлагается включить в национальный реестр (официальный сайт Remezcla — <https://remezcla.com>).

Любопытный материал на крайне актуальную тему представлен в рубрике «Культура»: о своем новом фильме «*Afro-Latinx Revolution: Puerto Rico*» («Афро-латиноамериканская революция: Пуэрто Рико» — пер. автора) рассуждает журналист и ведущая Наташа Алфорд. Центральные проблемы фильма молодого автора касаются феномена Blackness, афроамериканской идентичности, системного неравенства [Reichard].

Мультимедийный проект Latino USA предлагает вниманию аудитории целый ряд информационных продуктов. Это и латиноамериканская радиопрограмма, занимающая второе место в рейтинге самых продолжительных национальных латиноамериканских новостей и культурного общественного радио. Это и The Thick — политический подкаст в восприятии «цветных» журналистов, и Latino Rebels — новаторское цифровое новостное агентство, основанное Хулио Рикардо Варела, которое имеет большую аудиторию благодаря своему веб-сайту, радиопрограммам и подкастам, и Futuro Studios — новейшее творческое подразделение Futuro Media, специализирующееся на оригинальных подкастах и программировании (официальный сайт Latino USA — <https://www.latinousa.org>).

Журналисты Latino USA были удостоены множества профессиональных наград. Например, в апреле 2015 г. репортеры Latino USA стали обладателями престижной премии Peabody за документальный фильм «Банды, убийства и миграция в Гондурасе» (2014). В фильме речь шла о жизни тысяч мигрантов, пытающихся спастись от насилия в Гондурасе и желающих найти пристанище в США [The State of the Latino News Media].

Еще один интересный ресурс, нацеленный на латиноамериканскую аудиторию, проживающую в США, — это Latin American News Dispatch. Данный ресурс публикует новости о странах Латинской Америки, Карибского бассейна, внешней политике США и латиноамериканцах в Соединенных Штатах. The Dispatch была основана четырьмя аспирантами, обучавшимися по направлению «Журналистика и латиноамериканские исследования» в Нью-Йоркском университете. Главная задача авторов — писать достоверные и оригинальные репортажи, соблюдая правила журналистской этики, проявляя независимость и беспристрастность (официальный сайт Latin American News Dispatch — <https://latindispatch.com>).

Сотрудники службы новостей данного ресурса готовят ежедневный отчет с понедельника по пятницу, в который включают самые значимые факты, касающиеся жизни в странах Латинской Америки. На сайте представлены отдельные рубрики — Radioland (радиолэнд), Newsletter (новостная рассылка), Podcasts (подкасты), Regions (регионы), Dispatch (отправление). В рубрике Dispatch представлена детальная информации о ситуации в конкретных странах — кризисе в Боливии, пожаре в Аргентине, локдауне в Колумбии, нелегальной добыче золота, серебра, свинца и меди в одном из мексиканских городов.

В центре рубрики Regions — нюансы социальной, политической и экономической жизни и событий, происходящих в Аргентине, Боливии, Венесуэле,

Бразилии, Сальвадоре, Эквадоре, а также в Мексике, Колумбии, Никарагуа и на Гаити (<https://latindispatch.com/category/regions/>).

Любопытно, что журналисты данного ресурса выделили отдельную рубрику, посвященную кечуа (от исп. *Quechua* — кечуа) — индейскому народу, проживающему в Южной Америке и являющемуся наследником культурной традиции инков. В данной рубрики собраны публикации, в которых фигурируют представители кечуа (например, зарисовка о творчестве перуанского репера Либерато Кани), а также публикации, которые представлены на трех языках — испанском, английском и языке кечуа.

В рубрике Radioland Podcasts доступны аудиозаписи, посвященные событиям прошедшей недели. Так, можно узнать все юридические детали, касательно ситуации с детьми мигрантов в Мексике, получить информацию о политических перспективах экс-президента Боливии Эво Моралеса, выборах в Уругвае, борьбе за власть в Колумбии и др.

Если говорить в целом о сайтах испаноязычных изданий США, то у них может варьироваться дизайн, присутствовать разные тематические блоки, но их всех будет объединять одна общая черта — стремление рассказать о происходящем в мире сквозь призму восприятия *Latino community* (латиноамериканского сообщества). Соответственно, акцент делается на ситуации в странах Латинской Америки, иммиграционном законодательстве, достижениях латиноамериканцев в самых разных областях, включая политику, искусство, культуру.

Журналисты, которые готовят материалы, либо сами являются представителями латиноамериканского сообщества, либо увлечены данной темой в силу академических причин (исследователи в университете, авторы профессиональных проектов). Все они неравнодушные репортеры, одержимые идеей рассказать о том, что происходит в жизни латиноамериканского сообщества предельно объективно, без прикрас, сняв завесу тайны, не поддаваясь стереотипному восприятию реальности.

Выжить в условиях кризиса

Центр общественных медиа (Center for Community Media) выявил 624 средства массовой информации, которые ориентированы на латиноамериканцев, проживающих в США и Пуэрто Рико. Около 40 % газет принадлежат независимым частным владельцам или же аффилированы с другим местным или национальным изданием [The State of the Latino News Media].

Безусловно, экономический кризис не обошел стороной испаноязычные медиа США. Что же помогает им держаться на плаву?

Бренда Мэрфи — редактор двуязычного ежемесячного издания, освещающего жизнь латиноамериканских сообществ в Новом Орлеане, — Jambalaya News. Во время пандемии Jambalaya News предоставляло латиноамериканским читателям последние данные о количестве смертей и зарегистрированных случаев коронавируса, а также информацию о продовольственных базах, местах тестирования, заявках на пособие по безработице и доступной арендной плате.

С самого начала пандемии телефон Мэрфи не прекращал звонить, ей то и дело приходили сообщения от читателей. «Наша аудитория — это представители латиноамериканского сообщества, многие из которых работают в сфере строительства, услуги, у многих сложности с чтением. Многие из них не так хорошо владеют английским языком. Наша задача — рассказывать о событиях предельно просто», — поясняет Мэрфи [Acevedo].

В свою очередь, местные издания полагаются на продажу печатной рекламы и на ее распространителей — местные предприятия, чтобы оставаться на плаву в финансовом отношении. По словам Грасиэлы Мочковски, директора Центра общественных медиа, аспирантки Высшей школы журналистики Крэйга Ньюмарка в Нью-Йорке, многие местные издания сообщили о падении доходов от рекламы на 50–75 % в течение первых двух недель пандемии, что явилось ударом для торговых точек. «Все находятся в режиме выживания в то время, когда существует большая потребность оставаться в курсе событий и постоянно быть на связи», — говорит Мочкофски. — «Общественные СМИ потеряли доход, но у них сегодня больше работы, чем когда-либо». Кто-то принимает решение закрыть издание, как это сделала Пиа Ховенга. «Я даже не хочу об этом говорить, — делится Пиа. — Тех денег, что мы заработали от продажи рекламы, вряд ли будет достаточно для покрытия расходов на печать продукции» [Acevedo].

Адаптация контента под нужды аудитории — это, по мнению журналистов, один из способов удержать читателей сегодня. С одной стороны, журналисты в период пандемии продолжают активно информировать испаноязычную аудиторию о происходящем вокруг, количестве пострадавших, умерших, ходе прививочной кампании. С другой стороны, издания не сфокусированы только на экстренных новостях. Например, для читателей, проживающих в сельской местности штата Айова, гораздо важнее, что происходит на микроуровне, как реагируют на кризис ресторанный бизнес, службы доставки и пр. «Конечно, мы говорим своим читателям о необходимости носить маски и чаще мыть руки. Нам важно, чтобы они были в курсе происходящего и получили всю доступную информацию на родном языке», — заявляет Пиа Ховенга [Ibid.].

Еще одно популярное латиноамериканское издание El Mundo Hispanico выжило благодаря тому, что было выкуплено группой заинтересованных латиноамериканских инвесторов. А главным аргументом в пользу совершения сделки послужила репутация издания — контенту самого крупного испаноязычного СМИ в штате Джорджия доверяют представители местного сообщества. «А все потому, что мы беремся за особые темы и открыто говорим о правах задержанных, преступности в латиноамериканских сообществах — делаем то, чего не делает большинство других местных изданий. Если вы можете сделать что-то для этого сообщества, вы это сделаете», — говорит Марио Гевара, ведущий корреспондент El Mundo Hispanico. — «Я думаю, что мы единственные СМИ, которые здесь делают что-то подобное» [Vashi].

Некоторые испаноязычные медиа обращаются за финансовой поддержкой к руководителям крупных корпораций, иные получают денежную поддержку, приобретая статус так называемого родственного издания более крупного медиа

(когда у обоих СМИ один владелец и один источник финансирования), примерами могут послужить El Nuevo Herald и Miami Herald, Al Dia и The Dallas Morning News.

Также возможны слияния и соглашения о сотрудничестве, такие как покупка ImpreMedia испанской ежедневной газеты Hoy New York у Tribune Co в 2007 г. По необходимости этнические СМИ пробуют новые способы получения дохода. Одно из изданий в Северной Калифорнии посоветовало своим сотрудникам работать дома и сдать в аренду первый этаж своего здания, чтобы оплатить расходы на печать.

Расширяющийся цифровой ландшафт также предлагает дополнительные возможности для инноваций. Так, чтобы привлечь англоговорящую аудиторию, Radio Ambulante (подкаст, рассказывающий подробные истории о латиноамериканском опыте) создал приложение Lupa, которое учит людей испанскому языку, пока они слушают отдельные аудиофрагменты. Приложение приносит доход за счет подписок, монетизируя возможность объединить испаноязычных и не говорящих по-испански слушателей.

Выводы

Таким образом, мы можем выделить следующие тенденции, характерные для современных испаноязычных медиа в США:

1. Рост статуса латиноамериканских медиа как следствие перемен в социальной-политической жизни США. Сегодня к латиноамериканским медиа относятся с особым вниманием не только простые обыватели, но и политики, эксперты в разных областях, люди, участвующие в принятии решений.

2. Современные испаноязычные СМИ сталкиваются с серьезными финансовыми проблемами. Необходимость выживать в сложных экономических условиях заставляет редакторов и журналистов искать новые форматы и способы привлечения аудитории. Это включает в себя адаптацию контента; активное взаимодействие с рекламодателями и компаниями, которые занимаются размещением рекламных объявлений; привлечение инвесторов или финансовую поддержку со стороны крупных корпораций; подписание соглашения о сотрудничестве на особых условиях.

3. Диджитализация СМИ (digitalization) — многие средства массовой информации переходят на цифровой формат, журналисты активно осваивают подкасты, аудио- и видеорепортажи, совершенствуя информационный продукт.

4. Телевизионные программы утрачивают популярность, особенно у молодой части аудитории. Причина тому — несоответствие предлагаемого контента запросам юных латиноамериканцев. Печатные издания также теряют популярность как среди читателей, так и среди рекламодателей.

5. Залог популярности испаноязычных медиа в настоящем и будущем заключается и в форме подачи, и в контенте. Среди журналистов испаноязычных медиа много профессионалов, тех, кто давно пришел в медиаиндустрию. Но самое

главное то, что Latino reporters — это люди, которые не понаслышке знакомы с проблемами латиноамериканского сообщества в США.

Кокумбаева Л. А. Национальная идентичность как междисциплинарное понятие современной гуманитаристики // Изв. Алт. гос. ун-та. 2007. № 4. С. 117 URL: <https://docplayer.ru/72595606-L-a-kokumbaeva-nacionalnaya-identichnost-kak-mezhdisciplinarnoe-ponyatie-sovremennoy-gumanitaristiki.html> (дата обращения: 07.03.2021).

10 Must-Read Hispanic News Sites Covering the U. S. and Latin America. Futuro Media Group // Futuro. URL: <https://www.futuromediagroup.org/latino-rebels-on-10-must-read-hispanic-news-sites-covering-the-u-s-and-latin-america> (accessed: 07.03.2021).

Abernathy P. Journalistic mission. The Challenges and opportunities for ethnic media // Hussman School of Journalism and Media. URL: <https://www.usnewsdeserts.com/reports/news-deserts-and-ghost-newspapers-will-local-news-survive/the-news-landscape-of-the-future-transformed-and-renewed/journalistic-mission-the-challenges-and-opportunities-for-ethnic-media> (accessed: 07.03.2021).

Abernathy P. The Business of ethnic media. The Challenges and opportunities for ethnic media // Hussman School of Journalism and Media. URL: <https://www.usnewsdeserts.com/reports/news-deserts-and-ghost-newspapers-will-local-news-survive/the-news-landscape-of-the-future-transformed-and-renewed/journalistic-mission-the-challenges-and-opportunities-for-ethnic-media> (accessed: 07.03.2021).

Acevedo N. Community news media, a 'lifeline' for Latino families, now under threat by coronavirus // NBC News. 2020. 21 May. URL: <https://www.nbcnews.com/news/latino/community-news-media-lifeline-latino-families-now-under-threat-coronavirus-n1207541> (accessed: 07.03.2021).

Austin G., Johnson D. Hispanic or Latino: Which is Correct? // Profiles in Diversity Journal. 2012. 17 Aug. URL: <https://diversityjournal.com/9724-hispanic-or-latino-which-is-correct/> (accessed: 07.03.2021).

Cadava G. The Deep Origins of Latino Support for Trump // New Yorker. 2020. 29 Dec. URL: <https://www.newyorker.com/news/the-political-scene/the-deep-origins-of-latino-support-for-trump> (accessed: 07.03.2021).

Flores A., Lopez M. H. Among U.S. Latinos, the internet now rivals television as a source for news // Pew Research Center : [website]. 2018. 11 Jan. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2018/01/11/among-u-s-latinos-the-internet-now-rivals-television-as-a-source-for-news> (accessed: 07.03.2021).

Gamboa S. ¡Obámanos! President Barack Obama's Legacy, Through a Latino Lens // NBC News: [website], 2017. 9 Jan. URL: <https://www.nbcnews.com/news/latino/obamanos-president-barack-obamas-legacy-latinos-n698041> (accessed: 07.03.2021).

Gutierrez F. More than 200 years of Latino media in the United States // National Park Service. US Department of the Interior. URL: <https://www.nps.gov/heritageinitiatives/latino/latinothemestudy/media.htm> (no date given). (accessed: 07.03.2021).

Jensen E., Baxter K. Univision: TV Success Story That Will Last? // LA Times. 1999. 13 July. URL: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-1999-jul-13-mn-55475-story.html> (accessed: 07.03.2021).

Journalism and Media Staff, What's next for the ethnic media // Pew Research Center : [website]. 2006. 21 Aug. URL: <https://www.journalism.org/2006/08/21/whats-next-for-the-ethnic-media> (accessed: 07.03.2021).

Mays J. C. Alexandria Ocasio-Cortez Wins 2nd Term in Costly Loss // The New York Times. 2020. 3 Nov. URL: <https://www.nytimes.com/2020/11/03/nyregion/ny-house-aoc.html> (accessed: 07.03.2021).

One year after debut, CNN Latino to close down // Tampa Bay Times. 2014. 7 Feb. URL: <https://www.tampabay.com/news/business/one-year-after-debut-cnn-latino-to-close-down/2164428> (accessed: 07.03.2021).

Reichard R. Blackness exists across the world // Remezcla. 2021. 23 Feb. URL: <https://remezcla.com/features/culture/interview-afro-latinx-revolution-puerto-rico-documentary-natasha-alford> (accessed: 07.03.2021).

Retis J. Hispanic Media Today. Serving Bilingual and Bicultural Audiences in the Digital Age // Democracyfund. 2019. May. URL: https://democracyfund.org/wp-content/uploads/2020/06/2019_DemocracyFund_HispanicMediaToday.pdf (accessed: 07.03.2021)

Shaof W. Spanish-Language Newspapers from El Misisipi to El Clamor Publico // USC Libraries. 2009. 16 March. URL: <https://libraries.usc.edu/article/spanish-language-newspapers-el-misisip%C3%A3%C2%AD-el-clamor-p%C3%A3%C2%BAblico> (accessed: 07.03.2021).

Se concreta venta de Univision; Televisa mantiene participación // Aristegui Noticias : [website]. 2020. 30 Dec. URL: <https://aristeginoticias.com/3012/dinero-y-economia/se-concreta-venta-de-univision-televisa-mantiene-participacion> (accessed: 07.03.2021).

Steppler R., Lopez M. H. U.S. Latino Population Growth and Dispersion Has Slowed Since Onset of the Great Recession // Pew Research Center : [website]. 2016. 8 Sept. URL: <https://www.pewresearch.org/hispanic/2016/09/08/latino-population-growth-and-dispersion-has-slowed-since-the-onset-of-the-great-recession> (accessed: 07.03.2021).

Stroud C. Everything You Need To Know About Hispanic Radio // Forbes. 2018. 18 May. URL: <https://www.forbes.com/sites/courtstroud/2018/05/18/everything-you-need-to-know-about-hispanic-radio> (accessed: 07.03.2021).

The State of the Latino News Media // Craig Newmark Graduate School of Journalism : [website]. URL: <https://thelatinomediareport.journalism.cuny.edu/the-industry-at-a-glance> (accessed: 07.03.2021).

The Times' 1983 Pulitzer Prize-winning series // Los Angeles Times. URL: <https://www.latimes.com/california/latinos> (accessed: 07.03.2021).

Vashi S. How Mundo Hispánico, Georgia's largest Spanish-language newspaper, survived a near-death experience // Atlanta Magazine. 2019. 22 March. URL: <https://www.atlantamagazine.com/news-culture-articles/how-mundo-hispanico-georgias-largest-spanish-language-newspaper-survived-a-near-death-experience> (accessed: 07.03.2021).

What drives the Hispanic Consumer // Univision Communications Inc. URL: https://corporate.univision.com/hispanicinsights/?gclid=EAIaIQobChMI262_x7iM7wIVoQV7Ch1WIQNmEAMYA SAAEgK-1fD_BwE (no date given) (accessed: 07.03.2021).

Статья поступила в редакцию 18.03.2021 г.

DOI 10.15826/izv1.2021.27.2.031

Н. А. Купина

УДК 811.161.1'373.2 + 81'39 + 81'42 + 619.9-036.22

РУКОВОДЯЩИЕ ЦЕННОСТИ РОССИЯН В ЭПОХУ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА*

В статье развивается выдвинутая М. М. Бахтиным идея руководящих ценностей, определяющих как персональный, так и коллективный аксиологический выбор. Объект анализа — отражающие ценностные предпочтения россиян в период пандемии коронавируса высказывания, извлеченные из текстов СМИ, а также разговорные диалоги и полилоги. Предложена интерпретация аксиологом, номинирующих руководящие ценности; установлены факторы активизации аксиологического лексикона.

К л ю ч е в ы е с л о в а: аксиологема; аксиологический лексикон; константы культуры; руководящие ценности; тексты СМИ

Предварительные замечания

Советская идеология и подчиненная ей языковая политика вывели за пределы научного знания аксиологию — особый раздел философии. Аксиология демагогически трактовалась как буржуазная лженаука, противоречащая марксистской теории ценностей, которая, как утверждалось, «...последовательно проводит точку зрения исторического материализма. Разработка этой теории и критика буржуазной аксиологии составляет важную задачу марксистской философии» [Философский словарь, с. 11]. Не подвергалась сомнению вредоносность трудов русских мыслителей, разрабатывавших теорию ценностей в ее национальном преломлении, а их имена в специальной литературе не упоминались или сопровождались ярлыками *буржуазный, идеалистический, мистический*. Например,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00399 А «Аксиологический потенциал современной русской метафоры».

КУПИНА Наталия Александровна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета (e-mail: natalia_kupina@mail.ru).

© Купина Н. А., 2021

в отмеченном выше издании зафиксированы стандартные характеристики: «Бердяев Н. А. — русский буржуазный философ-мистик...»; «Лосский Н. О. — русский философ-идеалист...»; «Струве П. Б. — русский буржуазный экономист и философ, публицист...» [Философский словарь, с. 41, 247, 461]. Даже в позднесоветский период развития гуманитарных наук аксиологические конструкты интерпретировались как политико-идеологические. Институционально контролируемая идеологическая ортология задавала нормы отбора и тиражирования, в том числе текстами СМИ и произведениями художественной литературы, персональных и коллективных ценностных предпочтений и отталкиваний [Купина, с. 176].

После распада Советского Союза и маргинализации «единственно верного марксистско-ленинского философского учения» возникает вызванная социальными катаклизмами «переменчивость ценностных установок россиян» [Тощенко, с. 14]. При отсутствии единого институционального центра, систематизирующего и контролирующего ценностные предпочтения граждан, возрастает значимость человеческого фактора вообще и конкретного человека «как носителя определенного отношения к реальности, бытию, миру, в котором он живет и который соотносит со своими социально-культурными потребностями, интересами, идеалами» [Каган, с. 347]. Закономерным является развитие аспектного анализа общегуманитарной проблемы ценностей, составляющих «интегративную основу и для индивида, и для социальной группы» [Леонтьев, с. 15], и для общества в целом.

Проведенное исследование выполнено в границах лингвоаксиологии [Карасик, 2004; Лингвистика и аксиология; Теоретические и методологические проблемы лингвоаксиологии; и др.], изучающей отражение ценностных категорий в языке и речи. Непосредственный предмет анализа — аксиологемы, т. е. вербальные знаки ценностей. Учитывается, что система аксиологем складывается в аксиологический лексикон — персональный, групповой, общенациональный. Объект исследования — включенные в ситуацию пандемии коронавируса высказывания, транслирующие актуальное аксиологическое содержание¹. Языковой материал извлечен из текстов СМИ (март — декабрь 2020 г.; январь 2021 г.). По принципу дополнения к анализу привлекаются записи живых разговорных диалогов и полилогов.

Аксиологический лексикон эпохи коронавируса и руководящие ценности

Эпидемия COVID-19 во всем мире сопровождается *эпидемией страха и тревоги*. «Социальную тревожность» [Баринов] оперативно фиксирует русский язык. Формируется пласт аксиологически маркированной тревожной лексики, семантика которой обусловлена особенностями текущего момента. Большая часть этих единиц включена исследователями в перечень слов 2020 г. [Слова и выражения 2020 года в России]: *коронавирус, ковид, самоизоляция, удаленка, зум, зумиться,*

¹ В статье высказывания, извлеченные из текстов СМИ, а также новообразования и нестандартные словосочетания передаются *светлым курсивом*.

пандемия, карантин, коронакризис, локдаун, ковидиот. «Опыт очевидности» требует от носителей русского языка и культуры «вживаться в образы мира» [Ильин, с. 500, 543], осмыслять *новую нормальность* с опорой на национальные ценности. М. М. Бахтин писал о том, что в судьбоносное время становятся «руководящими», определяющими персональный аксиологический выбор, ценности, заданные ситуацией «испытания» [Бахтин, с. 142]. Вектор отбора руководящих коллективных ценностей (по мнению другого мыслителя) определяется ментальной спецификой — «сострадательностью и человеколюбием в русской душе» [Бердяев, с. 260]. Средствами номинации ценностей в языке и речи, как уже отмечалось, являются аксиологемы. Выделим ядерные элементы аксиологического лексикона периода пандемии.

Руководящие для российского общества ценности поддерживаются аксиологемами *жизнь, здоровье*. Это следует из высказываний президента В. В. Путина: *Во главу угла мы поставим жизнь и здоровье людей* (24.10.20); *У нас другого пути не было: биться, сражаться за здоровье каждого человека* (25.10.20). Подобные аксиологические суждения становятся общими в публичных выступлениях членов правительства: *Жизнь и здоровье россиян — приоритет правительства в период пандемии* (29.10.20). «Абсолютные первичные ценности» [Лосский, с. 64] получают инструментальное развитие в федеральных и региональных проектах. Например:

На данный момент проект комплексной программы «Общественное здоровье уральцев» готов, принято соответствующее Постановление регионального Правительства. Программа вынесена на общественное обсуждение. Мы всегда так поступаем, когда речь идет о действительно важных вопросах, связанных с жизнью каждого человека (25.12.20).

Руководствуясь чувством долга, за жизнь *ковидных больных* самоотверженно борются врачи. Вот диалог, записанный автором статьи во время пребывания в городской клинической больнице Екатеринбурга в качестве пациента (5.12.20). В палату привезли пожилую женщину. Она громко стонет. У больничной койки стоят врач и медсестра.

Врач. Здравствуйте // Меня зовут Кристина Евгеньевна // Я ваш лечащий врач // А Вас как зовут ?

Больная. Не отвечает. Стонет.

Медсестра. У нее нет ни паспорта / ни полиса //

Врач. Разберутся // **Наше дело — сохранить жизнь** // Реанимация переполнена. Переведем, как только появится возможность // А сейчас срочно подключим кислород / капельницу // Вот список препаратов //

Медсестра. Все сделаю / Кристина Евгеньевна // Жалко бабушку //

Руководящая ценность находящихся на передовой медработников — не исключаяющая соперничества борьба за жизнь и здоровье больного. Официальное требование к каждому пациенту (*Предъявите паспорт и страховой полис*) утрачивает силу.

Искреннее сострадание вызывает тяжелое состояние больной у соседей по палате. Типичные реплики: *Жизнь на волоске; Страдает / бедная; Родных-то найти надо / а то и пожалеть некому.*

В обыденном сознании сохраняется стереотип «Главное — здоровье», реализующийся в разговоре двух пациенток той же больницы: *А. П. — 70 лет, пенсионерка; Л. И. — 50 лет, работница Уралмаша.*

А. П. Любовь Ивановна / как у Вас дела? Все здоровы?

*Л. И. Какой там здоровы?! Наташа / сестра моя / в соседней палате / в тяжелом состоянии // Муж / молодец / за здоровьем следит / нам помогает / не сдастся // Сын / тот не понимает / что **главное здоровье** / не знаю / как дальше будет...*

А. П. Молодые / они такие / легкомысленные // Сын мой тоже не понимает...

Л. И. Надо заставлять их / за здоровьем следить //

А. П. А то-о-о! Щас сыну позвоню // На мозги капать буду //

Л. И. Капайте / капайте // Может / хоть вас пожалет / тест сделает //

Здоровье родных в ситуации резкого увеличения числа инфицированных осознается как абсолютная ценность.

Терапевтическую функцию выполняет социальная реклама, внушающая телезрителям, читателям, а также пользователям интернета мысль о необходимости следить за собственным здоровьем — базовой персональной ценностью: *Быть здоровым здорово!* Имплицитно концепт ‘здоровье’ тиражируется аксиологической установкой: *Берегите себя и своих близких!* В январе 2001 г. как персональную, так и коллективную аксиологическую значимость приобретают призывы к вакцинации. Например: *Если хочешь быть здоров, прививайся!*

Развиваются *телемедицина, теледиагностика, авиационная медицина*. Спросом пользуются дистантные лекции, беседы, рекомендации врачей. Региональная медицина изобретает нестандартные средства борьбы за жизнь и здоровье инфицированных: в Екатеринбурге *на базе областной больницы создан виртуальный госпиталь, врачи онлайн курируют пациентов с COVID-19 по всему региону* (6.11.20). Как чудо воспринимаются сообщения о безаналоговых исцелениях: *Победа на все 100. В Татарстане от коронавируса вылечили 101-летнюю женщину.*

Все более осозанным становится отношение человека к собственному здоровью: *Немногие плюсы эпидемии: мы стали внимательнее к своему здоровью. Прочее — в минус* (6.11.20).

Персонализм гармонически соединяется с другоцентризмом. Вербализуется группа ценностей, предполагающих установку на другого: *помощь, поддержка, забота, благотворительность, милосердие.*

Высказывания, содержащие модальность долженствования, передают аксиологическое содержание, полностью или частично отражающее формульное представление о реализации руководящей ценности (кто — кому — как именно — *оказывает помощь / помогает*). Параллельно отметим, что отглагольный характер выделенных аксиологом указывает на взаимосвязь руководящей ценности и ценности инструментальной: что (т. е. *помощь*) и «то, каким образом» [Карасик,

2019, с. 9] она осуществляется. Типовое суждение: *Наш общий долг — помочь тем, кто попал в беду*. Ср.: *Нужно прийти до каждой семьи, чтобы поддержать, подставить плечо* (В. В. Путин. 27.05.2020). Чувство долга усиливается осознанием идентичности — принадлежности к родной земле, малой родине: *Помогать в беде — это по-нашему, потому что мы с Урала, и мы здесь на своем месте* (Эхо Москвы в Екатеринбурге. Атомстройкомплекс). Наблюдается нейтрализация оппозиции 'свой — чужой'. *Свои* — это 'люди, оказавшиеся в трудном положении — независимо от этнической принадлежности': Не чужие люди: *На помощь к пожилым свердловчанам каждый день выходят 15 тысяч социальных работников* (6.06.20). К юным энтузиастам, мастерам на все ноги, присоединяются серебряные волонтеры. Общее число добровольцев — более 15 млн россиян (данные конца ноября 2020 г.).

Руководящей ценностью становится благотворительность: *По мнению экспертов, благотворительность стала не столько более распространенной, сколько более осознанной* (29.05.20). В толковых словарях русского языка советского периода слово *благотворительность* характеризовалось как устаревшее [Толковый словарь русского языка, с. 150], а соответствующая аксиологема соотносилась с буржуазными ценностными предпочтениями: *благотворительность* — «В буржуазном обществе оказание частными лицами материальной помощи неимущим» [Словарь русского языка, с. 96]. Наличие в системе русского языка значительного пласта (более 125 единиц) сложных образований с первой частью *благо-* [Тихонов, с. 457–458], а также живая внутренняя форма — собственно лингвистические факторы, препятствующие переходу лексики *благотворительность* в пассивный запас языка и аксиологического лексикона.

Аксиологема *помощь, поддержка* и производные образования регулярно употребляются в высказываниях, передающих одобрительно воспринимаемую информацию о безвозмездных выплатах, закупках, осуществляемых из государственного бюджета. Помощь от государства получают не только россияне, находящиеся в группах риска, но и бизнес, *стоящий с протянутой рукой*. По словам главы Правительства РФ М. М. Мишустина, *ресурсы позволят поддержать граждан и бизнес*. В прессе регулярно отмечается результативность государственной поддержки бизнеса: *Помощь государства малому и среднему бизнесу помогла сохранить занятость в период пандемии*. Важно, что не только федеральное правительство, но и региональные правительственные структуры разрабатывают социально ориентированные программы поддержки населения, связанные, в частности, с обеспечением бесплатными лекарствами *тех, кто лечится от COVID на дому, и тех, которые контактировали с заболевшими от коронавируса*. Нельзя не согласиться с тем, что *медикаментозная терапия помогает снизить число новых случаев заражения COVID-19*. Бюджетных вложений требуют закупки специального медицинского оборудования, защитных костюмов для медиков и средств защиты для населения. Социальная помощь государства одобряется. Сочетание *социальное государство* становится аксиологемой: *Социальное государство может устойчиво существовать только на основе широкого общественного консенсуса* (18.01.2021).

Руку помощи нуждающимся протягивают благотворители. СМИ регулярно сообщают о людях, которые помогают землякам во время пандемии деньгами и продуктами:

Энергетик Качканарского горно-обогатительного комбината взял шефство над двумя пенсионерками на самоизоляции; Михаил Черепанов, первый вице-президент Свердловского областного Союза промышленников и предпринимателей, подвел итоги работы спецсчета «Стоп коронавирус», на который перечислено 104 млн рублей;

Предприниматель Ахмед Махмудов подарил продуктовые наборы 120 семьям Карпинска и Волчанска. Благотворительную деятельность он не афиширует. О витаминных подарках предложили рассказать получившие их люди.

Бескорыстные пожертвования встречают душевный отклик. Актуальность приобретает аксиологема *милосердие*. Примета *новой нормальности* — искреннее сострадание. Типовые аксиологические суждения: *Только милосердие поможет нам преодолеть этот вирус; Благотворительность — это положить деньги на стол. Милосердие — обнять бомжа, вылечить его*. В. В. Путин отмечает, что *рецептами лечения от ковида становятся сердечная щедрость, великодушие, милосердие <...> суть нашего характера, культуры и традиций*.

В *ковидовирусное время* сохраняются константы национальной культуры [Степанов]. По-прежнему для россиян деньги не главное. Неподдельную эмоциональную реакцию вызывают, например, вести из Нижней Салды (Свердловская область):

В июле редакция «Городского вестника» выступила с инициативой собрать библиотеку для местной больницы, где было открыто инфекционное отделение. На лечение сюда отправляют не только салдинцев, но и жителей Горнозаводского управленческого округа, севера области. <...> Вручение библиотеки превратилось в настоящий праздник. Местные кафе испекли пирожки, шанежки, гребешки для угощения медиков и пациентов, а вокалисты самодеятельной группы «Встреча» устроили концерт под окнами больницы.

Журналисты рассказывают о случаях манипулятивного использования доверчивости, добросердечия: *ковидомошенники* размещают в интернете *вызывающие жалость фотографии инвалидов, больных стариков и детей. Фотографии сопровождаются просьбами перевода денег на личную карточку или счет НКО (24.10.20)*. Так, *аферисты пытались собирать деньги от имени знаменитого летчика Дамира Юсупова. Они взломали аккаунт летчика и разместили слезное письмо с просьбой помочь его матери (13.01.21)*. И все же фальшивая *токсичная благотворительность* не подавляет благотворительности истинной, основой которой является милосердие.

Аксиологическую маркированность в условиях пандемии приобретают лексемы *акция, марафон, фонд, проект*. Конкретные названия включают аксиологемы, объединенные смыслом 'помощь, поддержка'. Например: *акция «Помощь медикам», акция «Спасся сам — помоги другому», акция «Тележка добра»; благотворительный марафон «Помоги врачам»; фонд «Дом друзей»; проект «Помощь*

рядом», проект «Время заботы». Общероссийским становится проект «#Мы вместе». Волонтеры утверждают, что *после пандемии проект не закончится. У многих появятся свои бабушки и дедушки, которых они продолжат опекать.*

Бабушки и дедушки, которых опасный вирус обошел стороной, активно включаются в жизнь семьи, помогают детям и внукам достойно пережить трудности. Руководящую ценность номинируют взаимосвязанные аксиологемы *с е м ь я*, *к р е п к а я с е м ь я*. В качестве примера приведу полилог, записанный в августе 2020 г.

В. В. — 66 лет, врач. Лето вместе с мужем проводит на даче; *К.* — 26 лет, дочь *В. В.*, преподаватель вуза; *И.* — 29 лет, муж *К.*, преподаватель вуза. *К.* и *И.* завершили лечение в одной из клиник Екатеринбурга для ковидных больных. Через неделю после того, как были выписаны, они приехали к родителям на дачу.

В. В. Ну здравствуйте / ковидные вы мои / проходите // Стол накрыт //
К. Мамочка / можно / обниму тебя? А Мишка где?
В. В. Обнимашки запрещены // Мишка с дедом / грибы собирают //
И. Вера Васильевна / спасибо вам за Мишку // Что бы мы без вас делали? Выручили // Спасли / можно сказать!
В. В. А как же? На то и **семья** / чтобы выручать друг друга // У нас же **крепкая семья** / значит надо плечо подставлять //
И. Подставлять плечо / руку / ногу...
В. В. Сдурел / что ли / ногу...
К. Да это он пошутил / неудачно //
В. В. Ну и шуточки! А Мишку я вам пока не отдам // Погода хорошая // Мы с дедом за ним присмотрим // Пусть побудет на воздухе // А вы пока лечитесь / проверяйтесь // За Мишкой понаблюдаю / квалификацию пока не потеряла //
И. Проверились уже // Тесты сдали // Все нормально //
В. В. Через неделю еще раз нужно сдать // Это я вам как врач говорю // Вот так-то // Понятно нет?
К. Понятно // А Мишеньку хоть можно повидать? Соскучились мы очень //
В. В. Не советую // Не уверена // Вдруг опасно для ребенка?
И. А как же **крепкая семья**? Врозь жить будем?
В. В. На расстоянии еще крепче станет // А сейчас надо побережться // Давайте уезжайте / а я дезинфекцию сделаю // Береженого Бог бережет //

Аксиологемы *семья*, *крепкая семья* регулярно употребляются не только в разговорной речи. В текстах СМИ приводятся показательные примеры. Так, родители готовы путем невероятных усилий преодолевать собственную болезнь ради детей. Пензенские врачи рассказывают, что, несмотря на *тотальное поражение легких критической степени*, пациент здоровым вернулся *домой, в семью*. И это стало стопроцентным предновогодним чудом: «*Я выберусь! У меня маленький сын дома, он меня ждет*», — *старался объяснить он врачам. И выбрался...* (24.12.20). В условиях пандемии *мы научились ценить жизнь, сосредоточенную вокруг семьи и дома*, поняли, что наши близкие должны чувствовать себя *в круге добра*.

Взаимопонимание между старшими и младшими членами семьи, находящимися на карантине, диагностирует метафора *квартирный героизм*, поддерживающая аксиологему *крепкая семья*. Имеющийся *запас прочности* позволяет

изолянтам преодолевать бытовые трудности, приспособливаться к введенным ограничениям, сохранять чувство юмора. Последнее, в частности, следует из аксиологического содержания телефонного разговора Н. А. и Ю. В. — сотрудниц издательского центра.

Н. А. Ну как вы там / справляетесь?

Ю. В. Приходится // Мои-то на дистанте // У нас же трешка // Я на кухне / муж в большой комнате / Анюта в спальне // Стараемся не мешать друг другу //

Н. А. А продукты как?

Ю. В. Сестра приносит // Она в нашем подъезде живет // Поставит пакеты у дверей и уходит // А мы пока лечимся / еще слабость сильная // Я руковожу приемом лекарств / бесплатных кстати / готовлю // Анюта убирает / посуду моет // Саша (о муже) нас смешит / анекдоты рассказывает // Прорвемся / думаю // Спасибо всем!

Газеты публикуют статистические данные о динамике внутрисемейных отношений. Самоизоляция укрепила семьи:

В результате карантинных мер и самоизоляции в 19 % российских семей улучшились взаимоотношения между супругами. И только в каждой десятой семье они ухудшились из-за вынужденного сидения дома. При этом 58 % состоявших в браке людей отметили, что их хорошие отношения от длительного совместного пребывания хуже не стали. Правда, 3 % семей все-таки оказались на грани развода из-за самоизоляции (31.05.20).

Сохранению института семьи способствует доверительное кооперативное общение — константа русской лингвокультуры.

Вопрос дня: *Что может остановить цунами COVID-19 в России?* (Я. Миркин. 13.11.20). Ответ на поставленный вопрос имеет ментальные основания: *В ситуациях, подобных нынешней, многое зависит от особенностей национальной культуры и национального характера.* Типичные газетные заголовки: *Все манацеям назло; COVIDу вопреки.* Свойственная русскому характеру способность к сопротивлению проявляется по-разному. В глазах общественности *ковидодиссиденты, ковидоскептики, ковидопофигисты* выглядят как *ковидоидиоты*. Истинными борцами с пандемией являются изобретатели. К концу 2020 г. *Роспатентом зарегистрировано более 130 разработок, созданных для борьбы с коронавирусом.* Григорий Ивлев, глава ведомства, сравнил изобретение «Спутника V» с полетом в космос Юрия Гагарина. *Коронавты* изобрели *вакцину жизни*, а само известие о регистрации нашей вакцины произвело в мире эффект *разорвавшейся бомбы* (30.11.20).

Аксиологемы *вакцина, вакцинация* номинируют руководящие, но не абсолютные ценности. Доверие к российским вакцинам, которые, как считают специалисты, *способны противостоять мутациям коронавируса, включая новый штамм* (13.01.21), подрывают фейковые новости. Поэт и композитор Олег Шарандин, автор песни «Двадцатый год», советует:

И вдруг он вовсе / не как злодей / Сказал почти виновато: / «Не читайте с утра / социальных сетей. / Берегите себя, ребята. / Вам так нужны будут крепкие нервы, / Когда покажется двадцать первый (Областная газета. 6.01.21).

Объективность сформулированной установки подкреплена авторитетом М. А. Булгакова. Очевидно, что с доверием следует относиться только к проверенной информации — как о пандемии вообще, так и о вакцинации в частности.

Абсолютная ценность предполагает всеобщее одобрение. Такие абсолютные ценности, как сила духа, целеустремленность, становятся в период пандемии руководящими для деятелей искусства, обнаруживающих готовность преодолеть непреодолимое:

Всем пандемиям назло идут спектакли и репетиции, проходят фестивали. Жизнь борется с трагедией, несет потери, но побеждает (23.11.20);

Пять вечеров с роялем: *На Урале открылся фортепианный фестиваль Open-Air* (12.08.20).

Не падает уровень востребованности произведений искусства. Очевидно, что *вирус искусства оказался сильнее вируса «короны»: 800 000 авторов на портале Стихи.ру ежемесячно собирают 116 миллионов просмотров* (6.11.20); *Искусство дает духовную опору всем, кто прибегает к нему* (14.01.21). *Страна ученых, поэтов, мечтателей готова подавить коронавирусное нашествие*. Общая задача — *победить невидимого врага*.

Тяжкое испытание, которое выпало на долю всего человечества, россияне выдерживают, опираясь на абсолютные (и одновременно руководящие) общенациональные ценности, выполняющие интегрирующую функцию. Аксиологемы единство, солидарность, сплоченность регулярно употребляются в выступлениях государственных деятелей и авторских журналистских текстах. Наблюдается тенденция замены императивных конструкций, характерных для политической пропаганды, аксиологическими суждениями, способствующими философскому осмыслению ситуации. *«Самые трудные проблемы, — говорит президент, — наш народ решал всегда сообща»*. Типовые высказывания: *Главное — единство народа и солидарность; Во время катаклизмов особенно важна профессиональная и человеческая солидарность; Сплоченность перед лицом опасности — это по-нашему; Вместе мы сможем преодолеть страх, победить зло, одержать победу*. Слова и словосочетания (*вместе, мы, наш, наши люди, общие усилия, общие задачи* и др.), значения которых содержат сему совместности, приобретают аксиологическую маркированность.

Таким образом, речевая действительность коронавирусного времени характеризуется вербализацией ценностных предпочтений россиян. Аксиологический выбор (персональный, групповой, общенациональный) обусловлен угрозами пандемии, под давлением которых активизируются константы национальной культуры. В текстах СМИ, а также в разговорной речи регулярно употребляются аксиологемы, номинирующие руководящие ценности. Социальное влияние приобретают аксиологические суждения, транслирующие данные ценности. Теоретический интерес представляет дальнейшее исследование соотношения абсолютных и руководящих ценностей.

- Баринев Д. Н.* Феномен социальной тревожности. Смоленск, 2009.
- Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979.
- Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма // Бердяев Н. А. *Философия свободы. Истоки и смысл русского коммунизма.* М., 1997. С. 245–412.
- Ильин И. А.* Путь к очевидности // Ильин И. А. *Собр. соч. : в 10 т.* М., 1994. Т. 3. С. 383–560.
- Каган М. С.* Философская теория ценностей. СПб., 1999.
- Карасик В. И.* Аксиологическая лингвистика: концепты и дискурс // *Германистика в России: традиции и перспективы.* Новосибирск, 2004. С. 28–32.
- Карасик В. И.* Языковые мосты понимания. М., 2019.
- Купина Н. А.* Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург, 2015.
- Леонтьев Д. А.* Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // *Вопр. философии.* 1996. № 4. С. 15–26.
- Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов : монография / под ред. Е. Ф. Серебренниковой.* М., 2011.
- Лосский Н. О.* Ценность и Бытие. Париж, 1931.
- Слова и выражения 2020 года в России. Выбор экспертов // *Сноб.* URL: <https://snob.ru.turbopages.org/snob.ru/s/profile/27356/blog/172275> (дата обращения: 15.01.2021).
- Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981. Т. 1.
- Степанов Ю. С.* Константы : Словарь русской культуры. М., 2001.
- Теоретические и методологические проблемы лингвоаксиологии // *Аксиологические аспекты современных филологических исследований : тез. докл. Междунар. науч. конф. (УрФУ, 15–17 окт. 2019 г.) / отв. ред. Н. А. Купина.* Екатеринбург, 2019. С. 71–109.
- Тихонов А. Н.* Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. М., 1985. Т. 2.
- Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935. Т. 1.
- Тощенко Ж. Т.* Фантомы российского общества. М., 2015.
- Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 5-е изд. М., 1987.

Статья поступила в редакцию 02.02.2021 г.

DOI 10.15826/izv1.2021.27.2.032

УДК 619.9-036.22:615.37 + 316.64 + 159.944.4

И. О. Куваева

А. М. Стрельникова

ОСОБЕННОСТИ СОВЛАДАНИЯ СО СПЕЦИФИЧЕСКОЙ ТРУДНОЙ СИТУАЦИЕЙ: ПАНДЕМИЯ COVID-19

Обсуждаются результаты эмпирического исследования особенностей совладания со стрессом в ситуации пандемии у молодежи ($n = 100$). Психодиагностический комплекс включал следующие методики: «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» Н. С. Эндлера и Дж. А. Паркера, опросник способов совладания Р. Лазаруса, С. Фолкман. Получены данные о преобладании проблемно-ориентированного стиля совладания в стрессовых ситуациях у молодежи в возрасте 18–31 лет. Достоверные различия в стратегиях совладания со стрессом в ситуации пандемии COVID-19 между переболевшими и теми, кто не переболел, не выявлены ($p > 0,50$). Показано, что переболевшие новой коронавирусной инфекцией в стрессовых ситуациях в большей степени демонстрируют социальное отвлечение ($p = 0,021$). Структура совладания у переболевших включает большее количество взаимосвязей между устойчивыми копинг-стилями и стратегиями совладания со специфической трудной ситуацией. В ситуации пандемии женщины по сравнению с мужчинами чаще обращаются к социальной поддержке и демонстрируют избегающее поведение.

Ключевые слова: пандемия COVID-19; совладающее поведение; трудная ситуация; стресс; переболевшие

Вспышка новой коронавирусной инфекции признана Всемирной организацией здравоохранения чрезвычайной ситуацией в мире. Актуальная трудная ситуация (пандемия) характеризуется многофакторностью [Харламенкова, Быховец, Дан, Никитина]; к источникам кумулятивного стресса относятся изоляция и изменение привычного уклада жизни, угроза заражения, риск потери близких людей и работы, неопределенность жизненных обстоятельств и тревога. Согласно данным психологического исследования Е. В. Куфтяк, 70 % респондентов испытывают выраженный стресс в ситуации пандемии [Куфтяк]. Анализ копинг-стратегий, демонстрируемых человеком в период эпидемиологической угрозы, позволяет получить уникальные данные и разработать программы психологической поддержки для разных групп населения (в том числе для постковидной реабилитации).

В литературе представлены исследования, описывающие психологические аспекты «пребывания» человека в ситуации пандемии. Изучение состояния врачей и медицинских сестер в условиях эпидемиологической угрозы показало, что

КУВАЕВА Ирина Олеговна — кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры педагогики и психологии образования Уральского федерального университета (e-mail: irina.kuvaeva@urfu.ru).

СТРЕЛЬНИКОВА Александра Максимовна — студент департамента психологии Уральского федерального университета (e-mail: strelnikova_0106@mail.ru).

© Куваева И. О., Стрельникова А. М., 2021

они испытывают повышенную напряженность, вызванную страхом заражения, чувством одиночества, изоляцией, нехваткой защитных средств, физическим дискомфортом, трудностями взаимодействия с руководством и пациентами [Петриков, Холмогорова, Суроегина и др.]. Медицинские работники «красной» зоны отмечали более выраженные эмоциональное истощение и деперсонализацию по сравнению с сотрудниками, не работающим с ковид-пациентами [Титова]. Работа врача с ковид-больными характеризуется как тяжелый труд, который вызывает усталость и опустошение [Куваева, Мызникова]. В исследовании Е. В. Куфтык (2020) подчеркнута востребованность стратегии «противостояние» в условиях длительной изоляции человека и мощного информационного потока, что проявляется в нарастании неконструктивных агрессивных действий. При восприятии ситуации пандемии как позитивной и развивающейся (как «вызова», по Р. Лазарусу) человек в большей степени ориентирован на продуктивное совладание по сравнению с тем, кто воспринимает ее нейтрально или негативно [Куваева]. Адекватность копинга, эмоциональная поддержка семьи, согласованность взглядов членов семьи на изменения в актуальной трудной ситуации способствуют снижению негативных последствий, исходящих от угрозы заражения и изоляции [Крюкова, Якимчик, Опекина, Шипова].

Для российской молодежи в ситуации пандемии коронавирусной инфекции значимыми факторами выступают опасность (недоверие к системе здравоохранения), страх заражения себя и близких; наибольшему стрессу в ситуации эпидемиологической угрозы подвержены молодые люди, прибегающие к такой форме психологической защиты, как «проекция» [Козлова, Костригина].

В исследовании психического здоровья выделены расстройства пациентов, тяжело болеющих новой коронавирусной инфекцией [Селедцов, Кирина, Акименко]. К ним относятся: делирий, инфекционный психоз, галлюцинации, иллюзии, бред, нарушение восприятия, дистресс. Авторы утверждают, что на фоне утраты социальных и культурных ориентиров возникает эффект «экстренного торможения» организма, который характеризуется генерализованным тревожным расстройством (нарушением работы когнитивных процессов, истощением, неконтролируемыми импульсивными действиями). Однако в психологии недостаточно разработана проблема, связанная с тем, как совладают с ситуацией пандемии люди, переболевшие COVID-19.

Цель исследования – анализ особенностей совладания с актуальной трудной ситуацией (пандемия COVID-19) у респондентов, переболевших новой коронавирусной инфекцией, и тех, кто ковидом не переболел.

Процедура и методы исследования

Сбор эмпирических данных осуществлялся с января по март 2021 г. Всего в исследовании приняли участие 186 человек, диагностика которых осуществлялась с помощью программы опросов Google-формы. В соответствии с целью исследования в выборочной совокупности выделены две группы респондентов, уравненные по количеству, полу и возрасту:

— переболевшие новой коронавирусной инфекцией — 50 человек (11 мужчин, 39 женщин) в возрасте 18–31 год (средний возраст — 20 лет);

— те, кто не переболел новой коронавирусной инфекцией, — 50 человек (10 мужчин, 40 женщин) в возрасте 19–26 лет (средний возраст — 21 год).

Для оценки особенностей совладания со стрессовыми и пандемийными ситуациями применялись следующие методики:

- опросник «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» Н. С. Эндлера и Дж. А. Паркера — основан на интраиндивидуальном подходе, измеряет три стиля совладания: (1) проблемно-ориентированный; (2) эмоционально-ориентированный; (3) копинг, ориентированный на избегание. Авторы выделяют два субстиля в «избегающем» копинге: отвлечение, социальное отвлечение. Инструмент адаптирован на русский язык Т. Л. Крюковой [Крюкова]. Шкала каждого стиля включает 16 пунктов, что позволяет соотносить полученные показатели между собой и анализировать профиль совладания со стрессовыми ситуациями;

- опросник способов совладания Р. Лазаруса и С. Фолкман — диагностирует стратегии поведения в специфическом контексте (в данном исследовании — это ситуация пандемии коронавируса в мире). В соответствии с транзактной теорией стресса авторы выделяют стили совладания: проблемно-ориентированный (стратегии «конфронтативный копинг», «планирование решения проблемы»); эмоционально-ориентированный (стратегии «дистанцирование», «самоконтроль», «поиск социальной поддержки», «принятие ответственности», «бегство-избегание», «положительная переоценка»). Инструмент адаптирован на русский язык Т. Л. Крюковой [Крюкова]. Интерпретация полученных результатов соотносится с нормативными значениями: низкий, средний, высокий уровни.

Статистическая обработка данных включала дескриптивный анализ, методы выявления различий (t -критерий Стьюдента, U -критерий Манна — Уитни), корреляционный анализ (r -критерий Пирсона). Обработка данных осуществлялась с помощью пакета программ SPSS 22.0.

Результаты исследования и их обсуждение

Анализ проблемно-ориентированных стратегий совладания с актуальной трудной ситуацией (пандемия) по совокупности собранных данных показал, что значения шкал «планирование решения проблемы» и «конфронтативный копинг» находятся в диапазоне низких значений (табл. 1). Показатели шкал эмоционально-ориентированных стратегий «поиск социальной поддержки», «дистанцирование» и «положительная переоценка» соотносятся со средним уровнем выраженности; «самоконтроль», «бегство-избегание» и «принятие ответственности» — с низким уровнем.

Согласно данным, приведенным в табл. 1, в стрессовых ситуациях респонденты чаще обращались к совладанию, ориентированному на решение проблемы. Эмоционально-ориентированный и избегающий виды копинга также применяются респондентами при преодолении трудных ситуаций, но значительно реже. Устойчивый стиль избегания в большей степени проявляется в отношении

посещения магазинов и ресторанов, в склонности к долгому сну, переданию, просмотру телевизора и т. д.

Таблица 1

Описательная статистика исследуемых переменных у выборочной совокупности

Переменные	Описательная статистика			
	мини- мальное значение	макси- мальное значение	среднее значение	стандартное отклонение
Стратегии совладания с актуальной трудной ситуацией (пандемия COVID-19)				
Конфронтативный копинг	1	12	6,35	2,52
Дистанцирование	2	16	8,23	2,83
Самоконтроль	1	18	9,05	3,42
Поиск социальной поддержки	1	18	7,88	3,92
Принятие ответственности	0	9	2,65	2,13
Бегство-избегание	0	14	5,39	2,95
Планирование решения проблемы	1	16	8,65	3,04
Положительная переоценка	3	21	11,33	3,89
Устойчивые стили совладания				
Проблемно-ориентированный копинг	21	79	57,33	10,00
Эмоционально-ориентированный копинг	17	71	44,41	12,69
Копинг, ориентированный на избегание	18	73	41,94	11,05
Отвлечение	8	38	19,36	6,46
Социальное отвлечение	5	25	14,49	4,73

Особенности совладания у переболевших и тех, кто не переболел новой коронавирусной инфекцией. Достоверных различий в стратегиях совладания с актуальной трудной ситуацией (пандемия COVID-19) между переболевшими и непереболевшими не выявлено ($p > 0,50$). Однако респонденты из разных групп отличаются по устойчивым копинг-стилям: в стрессовых ситуациях переболевшие в большей степени демонстрируют социальное отвлечение ($t = 2,35$, $p = 0,021$).

Качественные различия установлены в структуре взаимосвязей между устойчивыми стилями совладания и стратегиями преодоления ситуации пандемии у респондентов разных групп (табл. 2, 3).

Для респондентов, переболевших новой коронавирусной инфекцией, характерен устойчивый проблемно-ориентированный стиль, способствующий активизации проблемно-ориентированной стратегии «планирование решения проблемы» (табл. 2). Востребованность устойчивого эмоционально-ориентированного стиля снижает обращение к аналитическому подходу при решении проблем, связанных с пандемией; менее актуальной становится стратегия «бегство» в трудной ситуации; усиливается самоконтроль, большая активность проявляется в поиске

социальной поддержки и принятии ответственности. Избегающий копинг и разные виды отвлечения положительно связаны со стратегией «бегство», реализуемой в условиях эпидемиологической угрозы. Специфическая особенность совладания у респондентов данной группы заключается в том, что совладание по избегающему типу взаимосвязано с поиском разных видов поддержки и признанием своей роли в текущей трудной ситуации.

Таблица 2

Значимые корреляции между устойчивыми стилями совладания и копинг-стратегиями с актуальной трудной ситуацией у переболевших новой коронавирусной инфекцией

Стратегия совладания в условиях пандемии	Устойчивые стили совладания				
	ПОК	ЭОК	КОИ	Отвлечение	Социальное отвлечение
Планирование решение проблемы	$r = 0,497$ $p = 0,000$	$r = -0,451$ $p = 0,001$	—	—	—
Бегство	—	$r = -0,565$ $p = 0,000$	$r = 0,513$ $p = 0,000$	$r = 0,575$ $p = 0,000$	$r = 0,380$ $p = 0,007$
Самоконтроль	—	$r = 0,279$ $p = 0,050$	—	—	—
Социальная поддержка	—	$r = 0,344$ $p = 0,014$	$r = 0,649$ $p = 0,000$	$r = 0,603$ $p = 0,000$	$r = 0,568$ $p = 0,000$
Принятие ответственности	—	$r = 0,498$ $p = 0,000$	$r = 0,352$ $p = 0,012$	$r = 0,371$ $p = 0,008$	—

Примечание. Здесь и в табл. 3: ПОК – проблемно-ориентированный копинг; ЭОК – эмоционально-ориентированный копинг; КОИ – копинг, ориентированный на избегание.

В группе тех, кто не переболел новой коронавирусной инфекцией, выявлено меньшее количество корреляций между устойчивыми стилями совладания и стратегиями преодоления в контексте пандемии (табл. 3). Как и в группе переболевших, выявлены аналогичные взаимосвязи между устойчивыми копинг-стилями и стратегиями преодоления актуальной трудной ситуации: проблемно-ориентированный копинг и «планирование решение проблемы»; избегающий копинг и «бегство»; эмоционально-ориентированный копинг и «самоконтроль», «социальная поддержка», «принятие ответственности». Специфическая особенность совладания у непереболевших заключается в том, что эмоционально-ориентированный стиль совладания положительно связан с такими специфическими стратегиями, как «бегство-избегание» и «положительная переоценка».

Особенности совладания со стрессовыми и пандемийными ситуациями у мужчин и женщин. Данные, представленные в табл. 4, свидетельствуют о том, что женщины в стрессовых ситуациях чаще обращаются к эмоционально-ориентированному и избегающему совладанию (в том числе к разным формам отвлечения).

В ситуации пандемии женщины достоверно чаще прилагают усилия для получения информационной, инструментальной, эмоциональной поддержки от других людей и демонстрируют поведение, направленное на бегство от проблемы или на избегание проблемы.

Таблица 3

Значимые корреляции между устойчивыми стилями совладания и стратегиями преодоления ситуации пандемии у тех, кто не переболел новой коронавирусной инфекцией

Стратегия совладания в условиях пандемии	Устойчивые стили совладания				
	ПОК	ЭОК	КОИ	Отвлечение	Социальное отвлечение
Планирование решения проблемы	$r = 0,537$ $p = 0,000$	—	—	—	—
Бегство	—	$r = 0,357$ $p = 0,011$	$r = 0,327$ $p = 0,021$	$r = 0,385$ $p = 0,006$	$r = 0,280$ $p = 0,049$
Самоконтроль	—	$r = 0,418$ $p = 0,003$	—	—	—
Социальная поддержка	—	$r = 0,600$ $p = 0,000$	—	—	—
Принятие ответственности	—	$r = 0,478$ $p = 0,000$	—	—	—
Положительная переоценка	—	$r = 0,392$ $p = 0,005$	—	—	—

Таблица 4

Значимые различия в совладающем поведении между мужчинами и женщинами

Стратегии	Описательная статистика (среднее значение, стандартное отклонение)		Значимость	
	мужчины	женщины	U	p
Стратегии совладания с актуальной трудной ситуацией (пандемия)				
Социальная поддержка	6,19 (3,10)	8,33 (4,01)	561,500	0,023
Бегство-избегание	3,62 (2,33)	5,86 (2,93)	455,000	0,001
Устойчивые стили совладания со стрессовыми ситуациями				
Эмоционально-ориентированный копинг	38,24 (10,99)	46,05 (12,66)	544,000	0,016
Избегающий копинг	35,10 (8,0)	43,76 (11,06)	422,500	0,001
Отвлечение	15,14 (4,28)	20,46 (6,49)	401,500	0,000
Социальное отвлечение	12,05 (3,66)	15,14 (4,79)	526,500	0,010

Проведенное исследование, посвященное особенностям совладания с актуальной трудной ситуацией (пандемией COVID-19), выявило ожидаемые и неожиданные результаты. Анализ устойчивых копинг-стилей показал ориентированность молодежи на разрешение трудностей, что согласуется с результатами другого исследования [Козлова, Костригин]. Востребованность женщинами эмоционально-ориентированного копинга также обнаружена в исследовании Т. Л. Крюковой [Крюкова]. Потребность женщин в разных видах поддержки (информационной, инструментальной, эмоциональной) в условиях пандемии обусловлена необходимостью выполнения своих профессиональных обязанностей в ограниченном пространстве и заботой о своем здоровье и здоровье членов семьи [Воробьева, Сафронов].

Совладающее поведение у переболевших новой коронавирусной инфекцией характеризуется специфическими особенностями — в стрессовых ситуациях эти респонденты демонстрируют социальное отвлечение: стараются быть на людях, ходят в гости, проводят время с дорогим человеком, просят совета у значимого другого. Вероятно, стремление к социальным контактам в стрессовых ситуациях как устойчивому и привычному способу снятия напряжения могло способствовать заражению COVID-19 и развитию заболевания. Изучение взаимосвязей между устойчивыми копинг-стилями и стратегиями выявило более сложную структуру у данной группы респондентов: чем больше они избегают стрессовую ситуацию, тем больше ищут социальной поддержки и занимаются самообвинением; чем больше они погружаются в свои переживания, тем меньше думают о решении проблемы и реже переключаются на другую деятельность. Полученные результаты требуют дополнительных исследований: изучения личностных особенностей респондентов, учета тяжести заболевания и негативных последствий данной трудной ситуации.

Особого внимания заслуживает ресурс стратегии «положительная переоценка» при совладании с пандемией у тех, кто не переболел новой коронавирусной инфекцией. Понимая неопределенность и неподконтрольность актуальной трудной ситуации, данная группа респондентов направляет свою активность на эмоциональное «преобразование» — творчество, личностное развитие, переосмысление опыта, обращение к религии. Можно предположить, что чем больше человек находит позитивных аспектов в ситуации пандемии, тем спокойнее он себя чувствует в ограниченных условиях жизнедеятельности.

Будущие исследования в рамках этого проекта направлены на анализ концепта *Пандемия* в структуре ментального опыта субъекта совладания и его взаимосвязи с копинг-стратегиями. Практическая значимость исследования заключается в выявлении ресурсов, необходимых для реализации стратегии эффективного совладания, у разных групп населения в условиях эпидемиологической угрозы.

Козлова Л. В., Костригин А. А. Стресс, вызванный угрозой заражения коронавирусом, и преобладающие копинг-стратегии у молодежи // Вестн. по педагогике и психологии Юж. Сибири. 2020. № 4. С. 33–48.

Крюкова Т. Л. Методы изучения совладающего поведения: три копинг-шкалы. Кострома, 2007.

Крюкова Т. Л., Якимчик О. А., Опекина Т. П., Шитова Н. С. Стресс и совладание в семье в период самоизоляции во время пандемии COVID-19 // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. С. 120–134.

Куваева И. О. Особенности совладающего поведения личности в ситуации пандемии COVID-19 // Бехтерев и современная психология личности : сб. ст. VI Всерос. науч.-практ. конф. (К 135-летию организации первой в России психофизиологической лаборатории в г. Казани). Казань, 2020. С. 95–97.

Куваева И. О., Мызникова А. И. Организация концепта Пандемия у медицинских работников // Трансформация реальности: стратегии и практики : материалы V Междунар. молодеж. конвента, Екатеринбург, 25–27 марта 2021 г. Екатеринбург. (В печати).

Курфтяк Е. В. Совладание со стрессом в период пандемии COVID-19 // Зейгарниковские чтения: Диагностика и психологическая помощь в современной клинической психологии: проблема научных и этических оснований : материалы междунар. науч.-практ. конф., Москва, 18–19 нояб. 2020 г. / под ред. А. Б. Холмогоровой, О. Д. Пуговкиной, Н. В. Зверевой и др. М., 2020. С. 93–95.

Петриков С. С., Холмогорова А. Б., Суроегина А. Ю. и др. Профессиональное выгорание, симптомы эмоционального неблагополучия и дистресса у медицинских работников во время пандемии COVID-19 // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Т. 28, № 2. С. 8–45. <https://doi.org/10.17759/cpp.2020280202>

Селедцов А. М., Кирина Ю. Ю., Акименко Г. В. Проблемы психического здоровья в условиях пандемии // Дневник науки : [электрон. науч. журн]. 2020. № 8. URL: http://dnevniknauki.ru/images/publications/2021/4/psihology/Akimenko_Seledtsov_Kirina.pdf (дата обращения: 16.06.2020).

Титова В. В. Психическое здоровье и эмоциональное выгорание врачей в условиях пандемии COVID-19 // Зейгарниковские чтения: Диагностика и психологическая помощь в современной клинической психологии: проблема научных и этических оснований : материалы междунар. науч.-практ. конф., Москва, 18–19 нояб. 2020 г. / под ред. А. Б. Холмогоровой, О. Д. Пуговкиной, Н. В. Зверевой и др. М., 2020. С. 142–144.

Харламенкова Н. Е., Быховец Ю. В., Дан М. В., Никитина Д. А. Переживание неопределенности, тревоги, беспокойства в условиях COVID-19 // Институт психологии РАН : [официальный сайт]. URL: http://ipras.ru/cntnt/rus/institut_p/covid-19/kommentarii-eksp/har-1.html (дата обращения: 16.06.2020).

Статья поступила в редакцию 14.05.2021 г.

DOI 10.15826/izv1.2021.27.2.033

А. М. Меньщикова

УДК 821.161.1-14 Ахматова + 004.77 + 791.43.05 + 808.1

«ГОДОВЩИНУ ПОСЛЕДНЮЮ ПРАЗДНУЙ...»: АХМАТОВСКИЕ ДАТЫ В ПОКОЛЕНЧЕСКОЙ РЕЦЕПЦИИ*

В статье предпринята попытка проследить изменение образа и статуса Анны Ахматовой в контексте трансформации социокультурной ситуации и смены поколений читателей в период между столетним юбилеем поэта в 1989 г. и ее годовщинами в XXI в. Соотнесение принципа выборки материала, связанного с посмертной судьбой образа «великого русского поэта», с индивидуально-авторской системой координат позволяет сделать выводы об основных причинах и факторах изменения рецепции Ахматовой на протяжении последних 30 лет на материале библиографии, интернет-порталов и киноинтерпретаций.

Ключевые слова: рецепция Анны Ахматовой; поколенческий аспект; юбилей Анны Ахматовой

Ахматова жила в системе годовщин и юбилеев — дат уже свершившихся и еще не сбывшихся событий, написанных стихотворений, встреч и не-встреч. Наряду с названием невоплощенной автобиографии «Мои полвека», досконально изученными «временными осями» «Поэмы без героя» (1914 г., оборачивающийся 1941-м, многократно отраженным в зазеркалье поэмы), материал «Записных книжек» Ахматовой позволяет привести примеры пристального внимания поэта к началу и окончанию периодов, значимых для ее судьбы.

В Записной книжке № 13 (1962–1963) появляется заголовок «Годовщины», предваряющий записи о значении даты «14 августа», ознаменованной

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант No 19-512-23003 «Самосознание и диалог поколений в русской и венгерской литературной практике XX–XXI веков».

постановлением 1946 г.: «Этот день (14 авг.) стал чем-то вроде праздника литературы: ругательные статьи в газетах, доклады, обсуждения. В 1948 году все протекало с обычной торжественностью, и вдруг через несколько дней умирает Жданов» [Ахматова, 1996, с. 265]. В Записной книжке № 17 (1963–1965) запись от 24 июня 1965 г. также предваряет красноречивый заголовок: «Через год “Четкам” исполнится полвека». Далее следует текст о судьбе раннего сборника, которому, по мнению Ахматовой, «жизни... было отпущено примерно 6 недель» в связи с надвигающейся катастрофой 1914 г., однако «много раз она (книга. — А. М.) выплывала и из моря крови, и из полярного оледенения, и побывав на плахе, и украшая собой списки запрещенных изданий, и представляя собой краденое добро...» [Там же, с. 375]. Указание на полувековой юбилей книги становится поводом, позволяющим прочертить основные вехи творческой судьбы, вмещенные в несколько строк.

Воспоминания А. Наймана напрямую соотносятся с упоминанием о пятидесятилетии «Четок», продолжая интонацию Ахматовой: «Дни ее жизни... были... годовщинами, юбилеями — десятилетними, четвертьвековыми, полувековыми. <...> Время, в которое я ее узнал и до конца ее жизни, было время пятидесятилетних дат: начала публикации стихов, вступления в “Цех поэтов”, венчания с Гумилевым... выхода в свет “Вечера”, “Четок”, “Белой стаи”» [Найман, 2008, с. 16].

Такое отношение к датам, годовщинам и юбилеям (свойство памяти поэта) определяло образ мира Ахматовой, актуализируя идею связи между разновременными явлениями, цикличности (а значит, целостности) судьбы или, по В. Н. Топорову, обеспечивая «непрерывность образа жизни» как в пределах собственной биографии, так и в литературе [Топоров, 2003, с. 267]. Одним из многих, кто указывал на эту черту, стал М. Мейлах, писавший в «Заметках об Анне Ахматовой»: «Это (соотнесение себя нынешнего с собой в прошлом. — А. М.) сопровождается актуализацией воспоминания, которое становится событием настоящего, ощущением памяти, как живой памяти, неотделимой от совести и от ответственности за себя и своих близких» [Мейлах, с. 261].

Система закрепления определенных устойчивых периодов позволяет проследить изменения в рецепции как конкретных фактов, так и фигуры поэта в целом. Установленная и точно фиксируемая поэтом система дат и юбилеев, очевидно, спровоцировала ахматоведов и авторов мемуаров на обращение к такой же форме отсчета значимых событий. Об этом говорят названия ряда статей, в том числе «Анна Ахматова — пятьдесят лет спустя» А. К. Жолковского, «ААА через тридцать три года» А. Наймана. Вынесенный в название ракурс этих работ создает напряжение на оси «тогда — сейчас», столь значимой для мировидения поэта. Так, статья Жолковского написана к пятидесятилетней годовщине Постановления ЦК и доклада Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград», Наймана — очевидно, через 33 года после празднования 75-летия Ахматовой в Музее Маяковского и в связи со смертью И. Бродского, которая, по выражению автора «Рассказов...», «закрывает за Ахматовой тяжелую дверь, отсекает ее от конкретных времен, где она до той минуты все еще живые продолжалась...» [Найман, 2008, с. 224].

Обращение к материалам, посвященным значимым датам, связанным с Ахматовой, позволяет остаться в пределах уже установившейся традиции, говоря о рецепции ее образа, ведя отсчет от года столетия поэта.

В 1989 г. Аманда Хэйт заметила: «Это очень странно — праздновать столетие человека, которого ты знал. Это как если бы дверь в последний раз закрылась за живым существом, и вдруг оно стало бронзой» [Найман, 2008, с. 224]. Метафора первого биографа Ахматовой могла бы стать эпитафией к характеристике процессов, начавшихся в год столетия поэта и определивших современную рецепцию поэта, связанную как со сменой поколений читателей, мемуаристов и исследователей, так и с произошедшими изменениями в современном социокультурном пространстве.

Столетие Ахматовой ознаменовалось рядом крупных событий, наиболее масштабные из которых — открытие музея в Фонтанном доме, выход документального фильма С. Арановича «Личное дело Анны Ахматовой», состоящего из монтажа ранее недоступных материалов документальной съемки, а также включающего аудиозаписи авторского чтения стихов, проведение конференций в России и за рубежом, участниками которых стали преимущественно младшие современники поэта, знавшие Ахматову лично, а также выход тематических номеров газет и журналов. Так, № 5 журнала «Литературное обозрение» (1989) был полностью посвящен 100-летию поэта. Смысловая целостность номера позволяет остановиться на нем для иллюстрации ситуации, сложившейся к столетию Ахматовой, относительно оценки ее личности, осмысления ее литературного наследия и задач, которые были поставлены ахматоведческим сообществом.

Материалы номера и их последовательность говорят о наличии неоспоримой тенденции в восприятии поэта, интонаций и принципов, с позиции которых ведется разговор. Около четверти выпуска заняли тексты Ахматовой, в том числе неопубликованные ранее дневниковые записи последнего месяца жизни («Записные книжки» будут изданы только в 1996 г.), отрывки из автобиографии, литературно-критические фрагменты под заголовками «Пестрые заметки», «К истории акмеизма», «К пятидесятилетию литературной деятельности. Лекции. Ахматова и борьба с ней». Это наблюдение важно не только потому, что включение именно такого материала в юбилейный выпуск журнала говорит о стремлении продлить звучание голоса поэта.

В. Н. Топоров, статьей которого открывается Ахматовский сборник, вышедший в Париже в 1989 г. в Институте славяноведения (столь же крупное событие юбилейного года, учитывая состав авторов¹), утверждал, что «именно март 1966 г. стал важнейшим рубежом в ахматоведении», поскольку «печальное событие как бы сняло с исследователя груз ответственности за свои заключения: верховная санкция поэта... теперь уже не могла выступать как механизм обратной связи или реализация “сенаторской” функции последнего слова поэта» [Топоров, 1989, с. 14–15].

¹ Авторы, чьи исследования вошли в сборник, остаются в пантеоне ахматоведения и сегодня, материалы многих вошли и в рассматриваемый выпуск «Литературного обозрения» (1989. № 5): Р. Д. Тименчик, А. Найман, Вяч. Вс. Иванов, М. Мейлах, Т. В. Цивьян, Л. Лосев, Ж. Нива и др.

Упоминание «сенаторской» функции в связи с Ахматовой не случайно. Изучение «Записных книжек» позволяет убедиться в том, что она была не только автором, но и критиком собственного творчества. Методично расставлявшая необходимые акценты для будущих исследователей, указывая на неточности в известных ей интерпретациях, выделяя работы, представляющиеся удачными, разоблачая недобросовестные и заведомо ложные источники, она заранее совершала отбор подходов и направлений исследовательских сюжетов о своем творчестве и биографии². Имея в виду эту стратегию, можно с уверенностью предположить: помещение в юбилейный номер критических заметок из еще не опубликованных к тому моменту «Записных книжек» отвечает нескольким задачам: 1) дать слово от первого лица, продолжая звучание живого голоса; 2) обозначить позицию поэта для будущих исследователей в качестве верховной воли автора.

Помимо текстов Ахматовой в номер были включены мемуары разных лет. Важно (учитывая необходимость корректировки образа «оборотня, циркулировавшего в зарубежной прессе») выделение рубрики «Голоса из далека», в которой были представлены воспоминания эмигрантов, в том числе Б. Анрепа, К. Мочульского и др. Не менее значительную часть юбилейного номера заняли стихи разных лет, посвященные Ахматовой. В финале выпуска — подборка стихов «волшебного хора», созданных уже после смерти поэта, за исключением последнего — прижизненного, закрывающего номер стихотворения Е. Рейна «У зимней тьмы печалей полон рот...» с посвящением Анне Ахматовой, датированного 1965 г. По случайному совпадению или вследствие скрупулезно выстроенной стратегии номера стихотворение завершается строфой, содержащей столь значимую для Ахматовой константу памяти: «Тут смысла нет, и вымысла тут нет, / И сути нет, хотя конец рассказу. / Когда я вижу освещенный снег, / Я Ваше имя вспоминаю сразу» [Рейн, с. 112]. А. Найман, написавший предисловие к подборке «Четыре стихотворения», так характеризует стихотворение Е. Рейна, подчеркивая его особое место в ряду других: «По всей вероятности, это последнее из нескольких сот посвященных Ахматовой стихотворений, которое она успела прочесть <...> Интересно, что поэт, как бы между прочим упомянув об астероиде³, предсказал его: в 1988 году небесное тело, крупный астероид, назвали “Анна Ахматова”» [Найман, 1989, с. 111]

² Помимо множества отзывов о «Поэме без героя», представленных в «Записных книжках» в нескольких списках. См., например: о традиции: «Вячеслав Иванов, когда я первый раз прочла стихи в Ак<адемии> стиха, сказал, что я говорю недосказанное Анненским, возвращаю те драгоценно<сти>, кот<орые> он унес с собой. (Это не дословно.) А дословно: “Вы сами не знаете, что делаете наедине”. А Сологуб много позже сказал: “Критика вовсе не собиралась признавать Ахматову, ее принудили к этому читатели”» [Ахматова, 1996, с. 93]; о намеренном искажении в мемуарах эмигрантов: «Возможно, что они (Цех поэтов) сначала ориентировались на Николая Степановича и в честь Одоевцевой всячески отрывали его от меня. Затем почему-то спохватились, и я оказалась “громким петербургским голосом”, и они стали ориентироваться на меня. Тогда все, кто ненавидел их (хотя бы окружение М. Цветаевой и Ходасевича) стали отрекаться от меня, например, “профессор Пнин”. Таким образом возник еще один оборотень, который циркулирует в зарубежной прессе и носит мое имя» [Там же, с. 116].

³ См. первую строфу: «У зимней тьмы печалей полон рот, / Но прежде, чем она его откроет, / Огонь небесный вдруг произойдет — / Метеорит, ракета, астероид» [Рейн, с. 112].

Столетний юбилей парадоксально выполнил две задачи, с одной стороны, продлив звучание живого голоса поэта, с другой — обозначив окончание живой истории и утвердив образ поэта, «ставшего бронзой».

Нельзя не подчеркнуть личностный подход, который был присущ самим юбилейным мероприятиям и подготовке к ним, о чем говорит В. А. Черных в воспоминаниях «Накануне столетнего юбилея Анны Ахматовой». Помимо публикации дневниковых записей, посвященных предъюбилейным месяцам, исследователь приводит выдержки из своей заметки 1988 г. в «Литературной газете», вышедшей под заголовком «Грядущие юбилеи поэтов», предваряя их комментарием: «Сейчас в это трудно поверить, но еще в начале 1988 года не было уверенности в том, что предстоящие столетние юбилеи крупнейших русских поэтов Серебряного века будут отпразднованы как подобает»: «Предстоящий юбилей Ахматовой открывает для нас сегодня целую цепь столетних годовщин замечательных русских советских поэтов: 1990 год — Борис Пастернак; 1991 год — Осип Мандельштам; 1992 год — Марина Цветаева; 1993 год — Владимир Маяковский; 1995 год — Сергей Есенин. Каждый из этих юбилеев должен быть отпразднован всенародно» [Черных, с. 3–4].

В последующие 30 лет в рамках обозначенных Р. Д. Тименчиком и В. Н. Топоровым задач были решены некоторые проблемы эдиционного и исследовательского характера: изданы «Записные книжки» (1996), трехтомник «Записки об Анне Ахматовой» Л. Чуковской (1997), Собрание сочинений в 8 томах под ред. Л. Коваленко (1998–2004), комплекс редакций «Поэмы без героя» с текстологическими комментариями Н. И. Крайневой (2009), расширенное издание трудов Р. Д. Тименчика «Последний поэт. Анна Ахматова в 60-е годы», включающее публикацию и комментарии к архивным документам (2014), Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой В. А. Черных (2016). Вместе с тем в этом поле остались нерешенные проблемы, в том числе — отсутствие академической биографии поэта, а также открытые вопросы издания полного творческого наследия.

За этот же период вышли издания популяризаторского характера, так или иначе эксплуатирующие автомиф Ахматовой. Так, в книге, вышедшей в серии «ЖЗЛ», биография поэта оказалась фактически подмененной (2009), а с выходом «Анти-Ахматовой» (2007) и «Анти-Ахматовой-2» (2011) стала очевидной тенденция к маркетинговым спекуляциям на имени поэта: к середине 2000-х гг. Ахматова была окончательно утверждена в пантеоне классиков, что, в свою очередь, вызвало развитие наметившихся процессов, если иметь в виду специфические и подчас спорные интерпретации судьбы и творчества Ахматовой Д. Быковым (ряд видеолекций 2010-х гг., книга комиксов «Любовь и смерть в русской литературе», 2019).

Наметившимся переходом на язык массовой культуры и превалированием визуального кода объясняется возрастающее от годовщины к годовщине число киноинтерпретаций образа Ахматовой со второй половины 2000-х гг.⁴, манера обращения к автобиографическому материалу, в которых в целом отражаются тенденции, проявившиеся в популяризаторской литературе. Документально-художественно-

⁴ Подробнее см.: *Меньщикова А. М.* Документ в структуре киноинтерпретаций образа А. Ахматовой: принципы функционирования // *Филология и культура. Philology And Culture.* 2014. № 3. С. 207–210.

жественный фильм «Луна в зените» (реж. Д. Томашпольский, 2007) до сегодняшнего дня представляет собой единственную, наиболее корректную с исследовательской точки зрения и сложную по замыслу и воплощению, ориентированную на профессионального зрителя киноверсию образа поэта. Историко-биографический популяризаторский фильм «Поэт и время. Анна Ахматова» (реж. Б. Дворкин, 2008) ориентирован на визуализацию общеизвестных биографических сведений героини, нейтрально вписанных в контекст эпохи. Попыткой оживить образ поэта, зачастую через обытовление изображаемых реалий или погружение в контекст личных взаимоотношений Ахматовой, стали документальный фильм «Гении и злодеи. Анна Ахматова и Амедео Модильяни» (реж. Т. Малова, 2004) и документальный фильм «Анна Ахматова и Артур Лурье: слово и музыка» (реж. В. Непевный, 2011) — к 45-й годовщине со дня смерти поэта.

Художественный фильм «Татарская княжна» (реж. И. Квирикадзе, 2009) и документальный фильм «В поисках истины. Черный перстень Анны Ахматовой» (серия «В поисках истины...», 2009) — к 120-летию юбилею — киноверсии, обращенные к автомифу поэта, в обоих случаях допускающие неточности, вольность интерпретации и ориентацию на массового зрителя. Случай появления фильма об Ахматовой в серии «В поисках истины...» красноречиво свидетельствует о переводе тайны (поэтического таланта или — по-ахматовски — ремесла) в разряд загадки, по определению предполагающей разгадку, поиск ответов и отказ от сакрализации.

В 2019 г., к 130-летию поэта, вышел новый документальный фильм «Анна Ахматова. Вечное присутствие» (реж. Е. Якович, 2019), представляющий собой компиляцию документальных кадров сохранившейся оперативной съемки, не вошедшей в фильм С. Арановича, записей авторского чтения стихов, воспоминаний ныне живущих современников — А. Каминской, Я. Гордина, А. Кушнера, В. Шкловской, М. Мейлаха, комментариев создателя и первого директора музея Анны Ахматовой в Фонтанном доме Н. Поповой, автора книги «Ахматовские зеркала», актрисы (в том числе играющей в спектакле «Гоголь-центра» «Ахматова. Поэма без героя», 2017 г.) А. Демидовой. В отличие от предшествующих киноинтерпретаций, «Анна Ахматова. Вечное присутствие» — целиком мемориальный сюжет, в своей интонации сложившийся, очевидно, с появлением в кадре живых свидетелей ушедшей истории, подтверждающих ее окончание и превращение «живого существа» в «бронзу». В заключительной части фильма использован материал из книги «Послесловие» (2006), выпущенной музеем поэта в Фонтанном доме к 40-летней годовщине со дня смерти Ахматовой и посвященной событиям 5–10 марта 1966 г.

Симптоматично, что ныне живущие современники Ахматовой оказались в ситуации исчерпанности воспоминаний. Так, Д. Бобышев в 2014 г. посвятил эссеистический текст к 125-летию поэта, начинающийся с объяснения необходимости ухода от повторений ранее сказанного и написанного: «Прошло более полувека со времени нашего знакомства с Ахматовой, и теперь уже трудно рассказать что-то новое о ней, что не повторяло бы мемуары других ее современников и друзей. Не хочется повторяться и самому...». Бобышев обращается к словам

Ахматовой, вполне точно предсказавшей не только посмертную судьбу своего образа, но и характер рецепции авторов-классиков в целом: «...она убеждала не превращать первоклассных поэтов в чучела, наподобие диванных валиков, чтобы избивать ими друг друга» [Бобышев].

Несмотря на то, что современная социокультурная ситуация складывается фактически противоположно относительно времени столетия Ахматовой (тотальная открытость, возможность публикации, отсутствие цензуры), годовщины поэта последних 15–20 лет, как и годовщины поэтов, о которых писал В. А. Черных в «Литературной газете» в 1988 г., утратили индивидуальность своих героев. При сохранении некоторых традиционных черт, поддерживаемых узким профессиональным кругом (музей в Фонтанном доме, ахматоведческое сообщество, немногочисленные современники поэта), юбилей превращается в повод, календарную дату, с которой связываются общие, обезличенные форматы, от флешмобов в соцсетях до выпуска сувенирной продукции, одежды и украшений с лейблом именинника. Ахматова превратилась в классика, наряду с другими литературными фигурами, разница между которыми далеко не всегда интересует потребителей массовой культуры.

Изменение формата, а следовательно, языка источников — от толстого журнала к интернет-порталу, от пространства открывшегося в год столетия музея Анны Ахматовой в Фонтанном доме — к сайту музея привело к изменению семиотики годовщины в целом, став существенной вехой в поле рецепции поэта в XXI в. Так, в 2016 г. интернет-портал «АфишаDaily» подготовил материал под названием «50 лет без Ахматовой: как отметить юбилей великого русского поэта», предлагающий «способы почтить память автора “Белой стаи”, “Реквиема” и других литературных шедевров XX века». В список таких возможностей вошло изучение нового курса от Arzamas «Мир Анны Ахматовой», включающий лекции К. Поливанова, А. Жолковского, Д. Быкова и Р. Тименчика, а также «дополнительные материалы»: «10 самых живучих мифов об Ахматовой, специфика ее отношений с Маяковским и главные спортсмены Серебряного века»; поездка на экскурсию в Фонтанный дом, прочтение «Поэмы без героя»⁵, знакомство с голосом 70-летней Ахматовой (автор материала анонсирует ценность аудиозаписей в столь же стилистически сниженной манере: «Шутка ли: 23 минуты кухонных споров о Пушкине, Гончаровой и Дантесе с участием Ахматовой...») и др. [Кириенков].

Годовщина «великого русского поэта» действительно стала народной — явление, невозможное для 1989 г., однако принципиальные изменения в социокультурном контексте привели к смешению знания профессионального (т. е. элитарного) и популистского (подчас синонимичного упрощению и тенденциозности), а также тиражированию последнего, учитывая его успех среди потребителей массовой культуры.

⁵ Симптоматичен по стилю и содержанию комментарий к этой форме «поминовения» поэта: «Итоговое произведение Ахматовой... трудно назвать вовсе не замеченным сочинением, но и народным — под стать антитоталитарному “Реквиему” — хитом оно тоже не стало <...> Тем существеннее компания, в которой состоится первое знакомство с ахматовским opus magnum: лучше сделать это, держа под рукой базовую статью того же Тименчика...».

Созданные в 1946 г. строки Ахматовой, ставшие ироничным поэтическим ответом на знаменитое Постановление в журналах «Звезда» и «Ленинград» («Теперь меня позабудут, / И книги сгнут в шкафу. / Ахматовской звать не будут / Ни улицу, ни строфу» [Ахматова, 1990, с. 270]), в изменившемся контексте приобретают новый оттенок звучания. Ахматова сегодня, безусловно, не забыта, ее статус в литературном процессе XX в. и в отечественном литературном наследии не вызывает сомнения. В современной школьной и вузовской программе имя поэта стоит в числе основных, наиболее значимых фигур истории русской литературы, входя в образовательный минимум среднестатистического российского школьника и тем более студента гуманитарного факультета. Особенно значимым с точки зрения образовательной политики являются стихи, относящиеся к гражданской лирике: стихотворения «Мне голос был...», «Не с теми я, кто бросил землю» — об отношении поэта к идее эмиграции в послереволюционный период, поэма «Реквием», ставшая поминовением жертв Большого террора, и стихотворение «Мужество», написанное в годы Великой Отечественной войны. Иными словами, поэзия Анны Ахматовой, безусловно, входит в состав ключевых текстов русской литературы, формирующих национально-культурную идентичность.

Менее однозначна ситуация с «ахматовскими улицами». Безусловно, имя поэта вышло за пределы собственно литературного поля: в постсоветском пространстве действительно есть улицы, получившие имя поэта. Помимо улицы Ахматовой в городе Пушкин, Ахматовскую улицу (или улицу имени Анны Ахматовой) можно найти на картах Москвы, Киева, Ташкента, а также ряда российских городов, не связанных с судьбой поэта. Памятники Ахматовой поставлены в Санкт-Петербурге (наиболее известные — напротив СИЗО «Кресты», во дворе филологического факультета СПбГУ, в Фонтанном доме), Одессе, Москве (по рисунку Модильяни). На эмблеме Года литературы в России узнаваемый горбоносый профиль Ахматовой размещен наряду с узнаваемыми профилями Пушкина и Гоголя и растиражирован на сувенирной продукции, связанной с официальными мероприятиями (ручки, календари, блокноты, почтовые марки и т. д.). В продаже появилась одежда с принтом Ахматовой, а также «атрибутами», так или иначе «связанными» с поэтом: подарочный набор, состоящий из травяного чая и меда, на этикетках которых изображен тот же узнаваемый профиль Ахматовой и тест, авторство которого приписано поэту: «У Ахматовой был любимый тест для новых знакомых: “Чай или кофе? Кошка или собака?” — “Чай, собака, Пастернак” или “Кофе, кошка, Мандельштам”». Последний пример может быть дополнен многочисленными мемами из социальных сетей.

Казалось бы, приведенные примеры доказывают, что образ Ахматовой вполне воспринят и присвоен широким социокультурным пространством. Поэт-классик утверждён на постаменте, образ растиражирован и узнаваем.

Тем не менее в ситуации ухода от литературоцентризма и тяготения к визуализации в массовой культуре рецепция образа классика претерпевает существенные изменения. На первый план выходит эмблематичность, внешняя форма, зачастую не предполагающая погружения в содержание, стоящее за ней. Б. Дубин, обращаясь к феномену литературной классики, говорит о «магистральном

историко-культурном сюжете — превращения классики (через ее массовое тиражирование) из ценностной идеи в пустую форму значимости (рекламный бренд)» [Дубин, с. 6].

Так, памятник поэту напротив старейшего следственного изолятора «Кресты», установленный в соответствии с прижизненной волей поэта («А если когда-нибудь в этой стране / Воздвигнуть задумают памятник мне, / Согласье на это даю торжество, / Но только с условием — не ставить его / Ни около моря, где я родилась: / Последняя с морем разорвана связь, / Ни в царском саду у заветного пня, / Где тень безутешная ищет меня, / А здесь, где стояла я триста часов / И где для меня не открыли засов. / <...> И пусть с неподвижных и бронзовых век / Как слезы струится подтаявший снег...» [Ахматова, 1990, с. 203]), отражает образ ранней Ахматовой периода любовной лирики «Вечера», «Четок», «Белой стаи», но не автора «Реквиема», пережившего собственную гражданскую смерть, гибель Н. Гумилева, арест сына — Л. Гумилева и двух мужей: В. Шилейко и Н. Пунина. В выводимых на экран текстовых вставках упомянутого выше фильма «Анна Ахматова. Вечное присутствие», сюжет которого практически не затрагивает эпоху 1910-х гг., начинаясь с трагических событий 1921 г. (упоминанием о похоронах А. Блока и гибели Н. Гумилева), в качестве графического символа также использован узнаваемый профиль поэта периода Серебряного века. В случае с Ахматовой повторяющиеся «магистральные историко-культурные сюжеты» привели к расхождению внешнего, ставшего брендом (внешне узнаваемый профиль Ахматовой 1910-х гг.) и сущностного (поэтические достижения Ахматовой, ставшие классикой, относятся к позднему творческому периоду, начавшемуся с 1940-х гг.).

На первый план, таким образом, выходит не знание творчества того или иного автора, не попытка самоидентификации с конкретной выдающейся личностью, а знак принадлежности к образованной элите, прослойке интеллигенции. Эту мысль, безусловно, допускающую исключения, доказывает тот факт, что мемы, в которых использованы поэтические строки или суждения, часть которых едва ли принадлежала Ахматовой, сопровождаются изображением Вирджинии Вульф, имеющей некоторое портретное сходство с поэтом.

В тех плоскостях социокультурного поля, где литературоцентризм по-прежнему преобладает над визуальным образом — т. е. в профессиональной среде, — образ поэта-классика функционирует иначе. Так, образ поздней Ахматовой, обращение к ее судьбе и текстам — гораздо частотнее обращения к эмблематичному горбоносому профилю.

Очевидно, что случай Ахматовой — результат одновременного воздействия нескольких процессов. Во-первых, празднование столетия поэта и последующий, на протяжении 30 лет продолжающийся процесс ухода ее современников неизбежно приводят (и это уже произошло) к окончательному уходу некогда продолжавшегося в памяти и беседах близких, наравне с живыми, человека; во-вторых, этот процесс совпал по времени с глобальными социокультурными изменениями на рубеже XX и XXI вв., изменившими и статус литературы, и функции авторов-классиков. При попытке проследить связь отдаленных во времени

точек — столетия Ахматовой в 1989 г. и ее годовщин в XXI в., становится очевидным не только начало и завершение процесса становления «бронзовой» фигуры, сооружения постамента и уход от «живого существа», но и постепенная утрата индивидуальности творческой судьбы и образа поэта.

Ахматова А. А. Сочинения в двух томах : в 2 т. М., 1990. Т. 1.

Ахматова А. А. Записные книжки (1958–1966). М., 1996.

Бобышев Д. Око Ахматовой. К 125-летию со дня рождения Ахматовой // [Персональный сайт поэта Дмитрия Бобышева]. URL: <https://dbobyshev.wordpress.com> (дата обращения: 15.02.2021).

Дубин Б. Классика, после и рядом : социол. очерки о литературе и культуре. М., 2010.

Кириенков И. 50 лет без Ахматовой: как отметить юбилей великого русского поэта // [АфишаDaily]. URL: <https://daily.afisha.ru/brain/712-50-let-bez-ahmatovoj-kak-otmetit-yubilej-velikogo-russkogo-poeta/> (дата обращения: 15.02.2021).

Мейлах М. Заметки об Анне Ахматовой // Ахматовский сборник / сост. С. Дедюлин, Г. Суперфин. Париж, 1989. С. 257–281.

Найман А. Рассказы о Анне Ахматовой. М., 2008.

Найман А. Четыре стихотворения // Лит. обозрение. 1989. № 5. С. 110–111.

Рейн Е. «У зимней тьмы печалей полон рот» // Лит. обозрение. 1989. № 5. С. 112.

Топоров В. Н. Об одном письме к Анне Ахматовой // Ахматовский сборник / сост. С. Дедюлин, Г. Суперфин. Париж, 1989. С. 13–29.

Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы // Избранные труды. СПб., 2003.

Черных В. А. Накануне столетнего юбилея Анны Ахматовой // Анна Ахматова: эпоха, образ, судьба, творчество / сост. и науч. ред. Г. М. Темненко. Симферополь, 2013. Вып. 11. С. 3–16.

Статья поступила в редакцию 17.02.2021 г.

DOI 10.15826/izv1.2021.27.2.034

УДК 821.161.1-3 Достоевский + 808.1 + 27-277.2

О. Д. Кошелева
Н. В. Пращерук

О МЕТАСЮЖЕТЕ ЧТЕНИЯ ВСЛУХ В РОМАНАХ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Статья посвящена четырем эпизодам чтения Священного Писания в романах Ф. М. Достоевского. Среди них: сюжет о воскрешении Лазаря в «Преступлении и наказании», два прочтения Послания Ангелу Лаодикийской церкви в «Бесах» и рассказ о чуде в Кане Галилейской в «Братьях Карамазовых». Выявляется содержательное и структурное сходство этих эпизодов. Во всех эпизодах обязательно присутствуют герои-читатели и герои-слушатели. Герои-читатели всегда являются людьми стойкой веры, в то время как герои-слушатели пребывают в духовном кризисе. Прочтенный же отрывок неизменно представляет собой символический рассказ о герое-слушателе и предлагает персонажу не готовые ответы, но направление для движения к новой жизни, к работе над душой. В результате исследования делается вывод о существовании метасюжета чтения вслух Священного Писания в романах Ф. М. Достоевского.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Ф. М. Достоевский; метасюжет; чтение Священного Писания; Евангелие; Апокалипсис; «Преступление и наказание»; «Бесы»; «Братья Карамазовы»

Одной и, пожалуй, самой важной составляющей объемного и разветвленного сюжета чтения в произведениях Ф. М. Достоевского являются эпизоды чтения героями вслух Священного Писания, которые, с одной стороны, непосредственно — евангельским языком/языком священного текста — являют метафизический план изображенного в романе в целом, а с другой — связаны с героями, перипетиями их пути. В статье мы остановимся на эпизодах чтения о воскрешении Лазаря в «Преступлении и наказании», Послания Ангелу Лаодикийской церкви в «Бесах» (чтение Николаю Ставрогину и Степану Трофимовичу), а также на главе «Кана Галилейская» в «Братьях Карамазовых».

В романах «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы» читается Евангелие от Иоанна, в «Бесах» — отрывок из Апокалипсиса (Откровение Иоанна Богослова). И это, конечно, не случайно. Во-первых, известно, какую роль в религиозном мировоззрении и творчестве Ф. М. Достоевского играло именно это четвертое Евангелие, принадлежащее, по церковному преданию, перу любимого ученика Христова, апостола Иоанна, во-вторых, как справедливо указывает Б. Н. Тихомиров, «в общей структуре Четвероевангелия последняя книга оказывается своеобразным “мистическим фундаментом” в том числе и для моральной евангельской проповеди, сосредоточенной в первых трех книгах» [Тихомиров, с. 290].

КОШЕЛЕВА Оксана Дмитриевна — магистрант кафедры русской и зарубежной литературы Уральского федерального университета (e-mail: Ok.Koshelevva@yandex.ru).

ПРАЩЕРУК Наталья Викторовна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Уральского федерального университета (e-mail: pnv1108@gmail.com).
ORCID: 0000-0003-4407-5293

© Кошелева О. Д., Пращерук Н. В., 2021

Тот же «мистический фундамент» обращения героев к этим священным текстам, а также самих эпизодов чтения ярче осознается при сопоставлении с известным финальным эпизодом из «Воскресения». Главный герой Толстого обращается именно к Нагорной проповеди, сознательно возвращая нас к закону, к нравственным императивам, отлученным от таинств соединения с Христом в мистическом опыте. В связи с этим сошлемся на суждение Л. Шестова, которое приводит в своих комментариях Б. Н. Тихомиров: «...как только [Раскольников] замечает у Сони Евангелие, он просит прочесть ему про воскресение Лазаря. Ни Нагорная проповедь, ни притча о фарисее и мытаре — словом, ничто из того, что было переведено из Евангелия в современную этику, по толстовской формуле — “добро, братская любовь — есть Бог”, не интересует его. Он все это допросил, испытал и убедился, как и сам Достоевский, что отдельно взятое, вырванное из содержания Священного Писания, оно становится уже не истиной, а ложью. Подобно тому, как Раскольников ищет своих надежд лишь в воскресении Лазаря, так и сам Достоевский видел в Евангелии не проповедь той или иной нравственности, а залог новой жизни» (цит. по: [Тихомиров, с. 290–291]).

В рассуждениях Л. Шестова обозначена сама суть того, что значит для героев чтение Евангелия — не проповедь нравственного поведения, а именно «залог новой жизни», живое присутствие в слове Слова, подлинной жизни во Христе. Такое отношение к чтению евангельских текстов, приводящее к кардинальному изменению пути, преображению внутреннего человека или же прояснению своего места в мире в свете Христовой Правды, известно еще по «Исповеди» Блаженного Августина. Описывая немало эпизодов из собственного читательского опыта, Блаженный Августин как раз четко разделяет чтение светской литературы, философской, научной, и чтение Евангелия и апостольских текстов, которые трактуются им как своеобразная «подсказка» от Бога, как подлинная пища для сердца, живая вода для возрастания души и духа. Такое чтение — всегда мистический опыт, вхождение в область богообщения, прикосновение к Тайне и Истине [Бл. Августин Гиппонский].

В романах Ф. М. Достоевского показательно, что герои выбирают форму чтения вслух, которая была единственно возможной на протяжении многих веков, но к моменту написания романов оказалась практически вытесненной чтением «про себя». Бытовало лишь более или менее регулярное семейное чтение, выполняющее воспитательную и образовательную функции, чтение авторами своих произведений в салонах с последующим обсуждением, а также богослужбное чтение в храмах (подробнее о традиции чтения вслух см.: [Рейтблат, с. 30–35]). Думается, выбор Достоевским чтения вслух для своих героев имел особое значение, обусловленное его авторской позицией, характером его художественного мышления. Чтение вслух позволяет разрушить уединенность Раскольникова и Ставрогина, нарастающее отчуждение от людей Алеши. Оно призвано объединить героев, дает возможность читающему и слушающему вместе обрести новый смысл с помощью книги. Этим эпизоды чтения священных текстов кардинально отличаются от чтения художественной литературы у Ф. М. Достоевского. Так в «Записках из подполья» книги служат для героя источником готовых форм

и моделей, с помощью которых он «эстетизирует свой облик и поведение» [Турьшева, с. 208]. Кроме того, герой читает один, про себя, что усиливает его разобщенность с другими людьми. Разбираемые нами эпизоды чтения вслух, напротив, призваны вырвать героев из своей погруженности внутрь себя, давая им единение с другим человеком при помощи звучащего текста.

Очевидно, что, включая эпизоды чтения священных текстов в свои романы, Ф. М. Достоевский опирается на традицию, заложенную еще Блаженным Августином. Показательно и то, как изменялся эпизод чтения рассказа о Лазаре в «Преступлении и наказании» (см.: [Тихомиров, с. 289–290]). Следуя цензурным требованиям, писатель, работая над этим фрагментом, существенно переосмысляет и значение эпизода в целом, и образ Сонечки, лишая ее поведение всяческого дидактизма и желая воздействовать на Раскольникова прямым словом, призывом следовать нравственным императивам, что называется, «от себя». В этом заключается главная особенность героя, который читает Евангелие в «Преступлении и наказании». В отличие от Тихона в «Бесах» и Зосимы в «Братьях Карамазовых», Соня такая же грешница, как и Раскольников, а не святой старец и духовный наставник. Поэтому текст, прочитанный ею, имеет на него такое воздействие. Читая Евангелие вместе, они вместе движутся по тексту, вместе наполняются радостью и торжеством от предчувствия чуда. Конечно, Раскольников в момент чтения, в отличие от Сони, «не основывает весь смысл своего существования» [Сальвестрони, с. 61] на этих, читаемых вслух евангельских словах. Однако благодаря тому, что текст читает именно верующая, но грешная Соня, и текст этот также для нее и про нее, как и про Раскольникова, этот отрывок становится таким же значимым и для него. Данный эпизод как ключевой в романе и как поворотный в судьбах Раскольникова и Сони подробно проанализирован в трудах достоевсковедов [Захаров; Касаткина; Степанян; Сальвестрони; Тихомиров] и др. Все они справедливо сходятся в мысли, что, подобно тому, как Христос не сразу воскрешает Лазаря, так и духовное преображение Раскольникова совершается не вдруг [Сальвестрони, с. 63; Степанян, с. 130; Касаткина, с. 187–216]. При этом, если смотреть текст Евангелия целиком, видно, что Достоевский опускает строки, которые не касаются непосредственно Лазаря. Это позволяет сделать прочитанный эпизод менее назидательным, подчеркнуть чудо, случившееся с Лазарем, которое может быть для Раскольникова указанием на будущее воскресение. С. Сальвестрони, называя параграф в своей монографии, посвященный разбору этого эпизода, «Ощущение второго богоприсутствия...», прямо соотносит поведение Сони с евангельскими событиями: «Подобно сестрам Лазаря, а также Марии в эпизоде свадьбы в Кане Галилейской, Соня со своей любовью и безграничной верой вступает за Раскольникова и ведет его по пути, который он не был бы способен принять и пройти один» [Сальвестрони, с. 63]. Это путь к воскресению, путь победы над тленом и смертью.

Важно, что в первоначальном варианте Евангелие читалось по инициативе Сони, а в окончательном варианте оно звучит независимо от ее воли, даже как будто вопреки ее желанию. Как верно отмечает Б. Н. Тихомиров, «евангельское» теперь строго локализовано и не выходит за пределы читаемого ею Раскольникову

рассказа о воскрешении Лазаря [Тихомиров, с. 290]. Любопытно, что этот отрывок она знала наизусть. Этот текст словно уже слился с ней, живет в ее сознании вместе с любовью ко Христу. Она будто служит божественным рупором, транслируя божественное слово там, где оно действительно нужно для спасения души. Свою любовь и восторг от текста она старается передать Раскольникову, и у нее это получается: «Голос ее стал звонок, как металл; торжество и радость звучали в нем и крепили его» [Достоевский, 1973, с. 251].

Интересно, что в этом эпизоде участвует и тайный слушатель — Свидригайлов, тоже Лазарь, заключенный в свою гробницу растленной плотью. Но стена, отделяющая его от Раскольникова и Сони, так и остается непреодолимым препятствием к выходу из «гроба повапленного», символично и то, что чтение предназначалось не ему. Справедливо замечает Т. А. Касаткина: «Свидригайлов вовсе не двойник Раскольникова... Перед нами в сущности две параллельные истории, у которых совпадают очень многие формальные моменты — и все же это полярно противоположные истории: **одна о человеке, который на наших глазах совершил преступление и был спасен, другая — о человеке, который на наших глазах не совершил задуманного преступления (растления Дуни) — и погиб**» (выделено Т. А. Касаткиной) [Касаткина, с. 202].

Если в «Преступлении и наказании» герои проходят или не проходят испытание тленом и смертью, вызванными «опьянением» от греха [Там же, с. 189], то в «Бесах» такое испытание прежде всего связано с особым духовным состоянием, которое святые отцы называют, следуя евангельскому пониманию, теплохладностью. Дважды прочитан вслух отрывок из одного из посланий Апокалипсиса — Послания Ангелу Лаодикийской церкви: «И Ангелу Лаодикийской церкви напиши: сие глаголет Аминь, свидетель верный и истинный, начало создания Божия: Знаю твои дела; ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден или горяч! Но поелику ты тепл, а не горяч и не холоден, то изблюю тебя из уст Моих. Ибо ты говоришь: “я богат, разбогател и ни в чем не имею нужды”; а не знаешь, что ты несчастен и жалок, и нищ и слеп и наг...» (Откр. 3: 14, 15, 16, 17). Интересно, что Тихон читает отрывок по памяти, что сближает с ним грешную, но верующую Союю.

Не способный поступиться своей гордыней, не готовый идти путем покаяния, длительной, трудной, болезненной работы над собой, Ставрогин резко обрывает Тихона: «Довольно, — оборвал Ставрогин, — это для середки, для равнодушных, так ли?» [Достоевский, 1974б, с. 11]. Себя, особенного, «к середке» он не относит. Путь, который предлагает Христос, для Ставрогина закрыт, потому и следующий текст отсутствует: «Советую тебе купить у Меня золото, огнем очищенное, чтобы тебе обогатиться, и белую одежду, чтобы одеться, и чтобы не видна была срамота наготы твоей, и глазною мазью помажь глаза твои, чтобы видеть. Кого Я люблю, тех обличаю и наказываю. Итак будь ревностен и покайся» (Откр. 14: 18, 19). В этом отсутствующем отрывке подчеркивается необходимость осознать свои недостатки и слабости, свою греховность, чего Ставрогин не может сделать, потому что он не знает себя [Сальвестрони, с. 112]. Вместо того, чтобы каяться, сокрушаться, Ставрогин, побежденный гордыней, продолжает реплику

очень характерно, как будто в параллель со словами Христа: «Знаете, я вас очень люблю» [Достоевский 1974б, с. 11]. Любопытно в этом эпизоде, что герой-читатель и герой-слушатель являются полными противоположностями. В «Преступлении и наказании» и Соня, и Раскольников — грешники, ищущие спасения, в «Братьях Карамазовых» отец Паисий и Алеша — верующие люди, вера которых подверглась испытанию, в «Бесах» читателем оказывается Тихон — человек веры, а слушателем — бунтующий Ставрогин. Такое различие увеличивает разрыв между героями, ярко выделяет греховность Ставрогина и святость Тихона. Скептически настроенный Ставрогин «хочет понять, может ли Тихон, святой человек, обладая чудотворной силой, освободить его от зла сразу же» [Сальвестрони, с. 109], но Достоевский показывает, что это невозможно, потому что для спасения своей души нужно трудиться. «Евангелие — это манифестация чудес там, где с волей Господней сотрудничала воля человеческая; и это несостоявшиеся чудеса — там, где такого сотрудничества не было» [Касаткина, с. 439]. Интересно здесь, что, в отличие от Раскольника и Алеши, которым читают отрывки о божественных чудесах, Ставрогину читают отрывок из Откровения Иоанна Богослова. Выбор именно этого текста подчеркивает трудность, почти невозможность возрождения для Ставрогина. Ему словно дается последний шанс покаяться в своих грехах перед Страшным судом.

Совершенно иначе воспринимается этот же текст из Апокалипсиса Степаном Трофимовичем, прочитанный ему также вслух спутницей последних дней его земного пути Софьей (!) Матвеевной: «Я никогда не знал этого великого места! Слышите: скорее холодного, холодного, чем теплого, чем *только* теплого. О, я докажу. Только не оставляйте, не оставляйте меня одного! Мы докажем, мы докажем» [Достоевский, 1974а, с. 498]. Чрезвычайно важно в этой реплике, что герой, дважды повторяя это, просит, чтобы не оставляли его одного. И здесь же Степан Трофимович прямо проецирует эти слова на свою судьбу и судьбы своих учеников, текст из Апокалипсиса, как увеличительное стекло, высвечивает суть духовного состояния целого поколения русских людей. Прозрение даруется герою, и потому, выслушав еще один фрагмент об исцелении бесноватшегося, прочитанный ему той же Софьей Матвеевной по его просьбе, он ставит точный диагноз духовному состоянию многих своих соотечественников: «Мне ужасно много приходит теперь мыслей: видите, это точь-в-точь как наша Россия. Эти бесы, выходящие из больного и входящие в свиней, — это все язвы, все миазмы, вся нечистота, все бесы и все бесенята, накопившиеся в великом и милом нашем больном, в нашей России, за века, за века! *Oui, cette Russie, que j'aimais toujours.* Но великая мысль и великая воля осенят ее свыше, как и того безумного бесноватого, и выйдут все эти бесы, вся нечистота, вся эта мерзость, загноившаяся на поверхности... и сами будут проситься войти в свиней. Да и вошли уже, может быть! Это мы, мы и те, и Петруша... *et les autres avec lui*, и я, может быть, первый, во главе, и мы бросимся, безумные и взбесившиеся, со скалы в море и все потонем, и туда нам дорога, потому что нас только на это ведь и хватит. Но большой исцелится и «сядет у ног Иисусовых»... и будут все глядеть с изумлением...» [Там же, с. 499].

Хотя эпизод с чтением о Кане Галилейской имеет в своей структуре все те же составляющие, что и эпизоды в «Преступлении и наказании» и «Бесах» (герой-читатель, герой-слушатель, священный текст, кризис героя-слушателя и символическое значение для него прочитанного текста), он все же обретает свою особую специфику, которая выделяет его среди других фрагментов.

Прежде всего перед нами совершенно другой тип героя-слушателя. Алеша Карамазов — любимый ученик Зосимы, «ранний человеколюбец», как характеризует его автор в предисловии к роману, на первый взгляд является полной противоположностью Раскольникову и Ставрогину. Но вместе с тем в Алеше присутствует не только духовно возвышенное, но и частичка «земляной и неистовой силы» — «карамазовщины», которая движет его отцом и братьями. И именно после смерти старца Зосимы, перед эпизодом чтения Евангелия, Алешу начинает захватывать чувство сомнения в вере, на него влияют идеи Ивана, он погружается в свое горе и, потрясенный, не замечает, что происходит с окружающими его людьми. В этом кризисе раскрывается, какое значение имел для Алеши старец Зосима: в сознании Алеши старец заслони́л образ Бога. Герой идеализирует своего наставника, забывая, что «здесь, на земле, мы все — ученики и братья» [Касаткина, с. 387] и Зосима такой же ученик одного единственного учителя — Христа. Таким образом, в отличие от Раскольникова и Ставрогина, кризис Алеши связан не с полным отсутствием веры (он изначально верит в Бога), а с потерей ориентира в вере, со смещением угла зрения. Именно в восстановлении правильного видения фигуры старца, событий после его смерти и возрождения образа Божьего в сердце заключается роль чтения Евангелия Алеше.

Интересно в этом эпизоде и кто оказывается героем-читателем. Отец Паисий — духовник и приближенный старца Зосимы. Как и все, он ожидал чуда после смерти старца, и именно он читал Евангелие над гробом старца в тот момент, когда обнаружилось тление тела. Он стойко выдержал все происходящее, продолжал читать и защитил старца от нападков отца Ферапонта. Несмотря на случившееся, вера его оставалась крепка, что видно из его реплики, адресованной отцу Ферапонту: «Может, здесь “указание” видим такое, коего не в силах понять ни ты, ни я и никто» [Достоевский, 1976, с. 303]. Именно отец Паисий, увидев Алешу, почувствовал за него боль в сердце и «догадался, какая в минуту сию происходит в нем сильная перемена» [Там же, с. 305]. Отец Паисий оказывается тем, кто без слов угадывает состояние Алеши и его мысли. «Гордые, замкнутые, неспособные найти смысл своему существованию — Раскольников, Ипполит, Ставрогин и Иван Карамазов — каждый открывается по крайней мере один раз человеку, который каким-то образом вызывает в нем чувство доверия» [Сальвестрони, с. 72]. И этот аспект сближает Алешу с Раскольниковым и Ставрогиным, ведь в эту минуту он также потерял, и лишь один человек угадывает его мысли и становится читателем священного текста, который необходим Алеше, чтобы вернуть смысл жизни и правильные ориентиры. Чтение вслух само по себе призвано объединить людей вокруг одного текста. Читающий и слушающий одновременно воспринимают и осмысливают этот текст, и очень важно, что чтением в этом эпизоде оказывается отец Паисий, человек очень стойкой веры, которая не пошатнулась от событий

с телом Зосимы. Через этот отрывок Евангелия отец Паисий как бы приобщает всех слушающих к своей непоколебимой вере, объединяет людей и призывает к совместной радости. Это помогает разорвать возникшую уединенность Алеши, его погруженность в самого себя и объединить его духовно с читающим отцом Паисием и остальными слушающими.

Другой важной особенностью эпизода чтения о Кане Галилейской является восприятие звучащего текста героем-слушателем. В отличие от эпизодов чтения о Лазаре и Послания Ангелу Лаодикийской церкви, герои не просто движутся по тексту, одновременно читая и слушая, а мы словно проникаем в сознание Алеши в момент слушания, мы слышим священный текст от лица героя. Из-за этой особенности мы можем наблюдать, как его посторонние мысли идут параллельно евангельскому тексту, а затем рассказ о Кане Галилейской становится его мыслями. Божественное слово будто проникает в его сознание, и слова уже звучат в его голове, а не откуда-то извне. Текст все больше увлекает его мысли в сторону размышления об этом чуде: «В самом деле, неужто для того, чтоб умножать вино на бедных свадьбах, сошел Он на землю? А вот пошел же и сделал же по Ее просьбе...» [Достоевский, 1976, с. 326]. Простота, материальность и обычность этого чуда сходны с тем, что произошло со старцем Зосимой. Это действительно было чудо, очень обычное (ведь все тела тлеют) и телесное, которое никто не смог понять, как и предвидел отец Паисий. «Тление отца Зосимы для многих является “опасным соблазном” — раскрывает скудость их веры, опирающейся только на доказательство, которое дает им внешнее, чувственно осязаемое чудо» [Нейчев, с. 45]. Но истинное чудо в этот момент должно происходить не в мире материального, а в мире духовного. Там старец лишь один из тех многих, кто хоть раз «подал луковку», но, как и они, призван на пир в Кане Галилейской. И в этот момент Алеша решает посмотреть на Христа, хотя поначалу «боится» и «не смеет» [Достоевский, 1976, с. 327]. Чудо в Кане Галилейской, как и чудо старца Зосимы, на первый взгляд носит бытовой характер, но в духовном смысле несет великую радость пришествия сына Божьего к людям и возможности быть причастным к этому веселью.

Важно отметить изначальную диалогическую природу мыслей Алеши в этом эпизоде. Сначала своеобразный диалог происходит между его мыслями и текстом Евангелия. Текст как бы звучит в его сознании, сменяясь его собственными мыслями, в которых заключена рефлексия над услышанным и ассоциативно возникающими посторонними образами. Когда Алешу посещает видение, он вступает в диалог с Зосимой. Такое построение можно описать термином М. М. Бахтина «двойные мысли». Они появляются там, где герои «...скрывают от себя то, что они на самом деле уже знают и видят. <...> Одна мысль — явная, определяющая содержание речи, другая — скрытая, но тем не менее определяющая построение речи, бросающая на него свою тень» [Бахтин, с. 275]. Можно сказать, что евангельский текст выступает здесь в качестве такой скрытой мысли. В этот момент Алеша действительно находится в состоянии выбора — поддаться мыслям Ивана и «карамазовщине» или прийти к истинной вере. Евангельский текст направляет его выбор в нужное русло, открывает ему глаза на природу тления тела Зосимы и полный любви и радости облик Христа.

Таким образом, мы выявили структурное сходство всех четырех эпизодов в романах Ф. М. Достоевского. Все эпизоды содержат в себе двух обязательных героев: героя-читателя и героя-слушателя. При этом героям-читателям отведена особая роль: все они стараются сделать текст живым для героя-слушателя, «заразить» его смыслами Писания, а не просто транслируют чужое слово. Для героев, читающих Священное Писание, это не просто текст, они живут с этой истиной внутри, в двух случаях из трех это подчеркивается чтением текста по памяти. При этом герой-слушатель не всегда поддается воздействию текста. Это зависит от готовности слушателя работать над собой для спасения души. А результата легче достичь, когда читатель и слушатель равны в своем положении (греховные Соня и Раскольников, переживающие испытание веры отец Паисий и Алеша), но герой-читатель более твердый в своей вере и передает это герою-слушателю. Сходны эпизоды и сюжетно: герою-слушателю читается текст, когда тот находится в кризисной ситуации и текст символически рассказывает о нем. Таким образом, на наш взгляд, можно говорить о метасюжете чтения вслух Священного Писания в романах Ф. М. Достоевского.

Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. Работы 1960-х — 1970-х гг. // Собр. соч. : в 7 т. М., 2002. Т. 6. С. 7–300.

Бл. Августин Гиттонский. Исповедь / пер. с лат. М. Сергеевко. М., 2012. 528 с.

Достоевский Ф. М. Бесы // Собр. соч. : в 30 т. Л., 1974а. Т. 10. 519 с.

Достоевский Ф. М. Бесы. Глава «У Тихона». Рукописные редакции // Собр. соч. : в 30 т. Л., 1974б. Т. 11. 415 с.

Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. Книги I–X // Собр. соч. : в 30 т. Л., 1976. Т. 14. 511 с.

Достоевский Ф. М. Преступление и наказание // Собр. соч. : в 30 т. Л., 1973. Т. 6. 423 с.

Захаров В. Н. Достоевский : очерк творчества. М., 2013. 456 с.

Касаткина Т. А. Священное в повседневном: Двусоставный образ в произведениях Ф. М. Достоевского. М., 2015. 528 с.

Нейчев Н. Таинственная поэтика Ф. М. Достоевского / пер. с болг. Т. Нейчевой ; предисл. И. Есаулова. Екатеринбург, 2010. 316 с.

Рейтблат А. И. Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки о книжной культуре пушкинской эпохи. М., 2001. 336 с.

Сальвестрони С. Библейские и святоотеческие источники романов Достоевского. СПб., 2001. 187 с.

Степанян К. А. Путеводитель по роману Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». М., 2014. 208 с.

Тихомиров Б. Н. «Лазарь! гряди вон». Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении : книга-комментарий. СПб., 2005. 472 с.

Турьшева О. Н. Книга — чтение — читатель как предмет литературы. Екатеринбург, 2011. 286 с.

Статья поступила в редакцию 27.02.2021 г.

DOI 10.15826/izv1.2021.27.2.035
УДК 821.161.1(470.5) + 82-992 + 070.23

Ю. С. Подлубнова

**«Я ИЩУ ЗА ОКНОМ, КОГДА ЖЕ НАЧНУТСЯ ГОРЫ»:
ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ КНИГИ «ПОЕЗДКА НА УРАЛ»
ЕЛИЗАВЕТЫ ПОЛОНСКОЙ**

В статье рассматривается жанровое своеобразие книги «Поездка на Урал» Е. Г. Полонской, написанной по результатам командировки писательницы от газеты «Ленинградская правда» в 1926 г. в Свердловск и Уральскую область. «Поездка на Урал», впервые попавшая в фокус пристального исследовательского внимания, прочитывается как журналистский текст, созданный в эпоху советского строительства, реконструкции заводов и городов. Е. Г. Полонской удается не просто запечатлеть восстановление производства после Гражданской войны, но перейти к фиксации «наших достижений»; масштабность ее видения во многом предвосхитила новую эпоху — эпоху индустриализации. В статье делается вывод, что в жанровом отношении книга продолжила традиции литературы путешествий и стала советским вариантом травелога, состоящего из компиляции путевых записок, фельетона и производственных очерков.

Ключевые слова: русская литература 1920-х гг.; Е. Г. Полонская; «Поездка на Урал»; травелог; производственный очерк; образ Урала

Литература путешествий, ставя перед собой задачу описывать перемещения в пространстве, «может существовать в самых различных видах вплоть до превращения в условный прием» [Гуминский]. Она включает в себя большое количество жанровых форм и дискурсов и тяготеет к гибридности на разных уровнях текста [Гуминский; Милюгина, Строганов]. Травелог, который мы понимаем как одну из разновидностей литературы путешествий, отличающуюся документализмом и эго-документальностью и имеющую сюжет, выстроенный вокруг путешествия [Майга], также не является строгой жанровой формой и в зависимости от целого ряда факторов, в том числе связанных со спецификой осваиваемого пространства и эпохой создания текстов, состоит из довольно разнообразного набора элементов и конструкций. Он способен активно взаимодействовать с художественными, публицистическими и научно-исследовательскими жанрами. Так, на основе травелога — его структуры и повествовательных стратегий — создаются различного рода гибридные формы, не утрачивающие функции конструирования образа региона, но, наоборот, расширяющие возможности того, кто конструирует.

Сложно не согласиться с Д. Замятиным, утверждавшим, что «...во многом посредством литературных произведений (и текстов, ставших таковыми) Россия осознала и осмысляла свои огромные и слабо освоенные пространства. Можно

ПОДЛУБНОВА Юлия Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры издательского дела Уральского федерального университета; научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН (e-mail: tristia@yandex.ru). ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5210-0861>

© Подлубнова Ю. С., 2021

сказать, что русская литература развивалась на ходу, трясясь в карете, в тарантасе, на телеге, по пыльным проселкам и широким трактам» [Замятин, с. 26]. Писатели, а затем и журналисты, отправляющиеся в путешествие по бескрайним просторам империи, переоткрывали Россию — территории Севера [Созина], Сибирь [Анисимов] и т. д. Урал в этом ряду не стал исключением. Как замечает Е. Г. Власова, «историография Урала как колонизованного пространства в основе своей опирается на отчеты о путешествиях — торговых, дипломатических, деловых, научных и, конечно, литературных, период интенсивного развития которых пришелся на XIX — начало XX в.» [Власова, 2019, с. 144]. Далее исследовательница рассматривает целый набор образов региона, сконструированных в литературе путешествий.

К 1920-м гг. Урал был во многом описан, в том числе такими авторами, как Д. Н. Мамин-Сибиряк, В. И. Немирович-Данченко, А. П. Чехов [История литературы Урала], Б. Л. Пастернак [Абашев], отразившими ландшафтную, производственную, этнографическую специфику края. Однако советская эпоха неизменно вносила свои корректировки и в общее представление о регионе, и в отдельные образные ряды, связанные с территорией, и в выбор описательных форм и конструкций. Новые поколения писателей и журналистов, поехавшие на Урал теперь уже чаще всего по заданию редакций, интересовались восстановлением производственных мощностей после Гражданской войны и затем процессами индустриализации. Ведущим жанром эпохи становится производственный очерк, и он неизбежно оказывает влияние на другие документальные жанры. «Новая модель очерка на производственную тему в большинстве своем повторяла композиционные черты очерка традиционного — этнографического», — пишет Е. Р. Абдуразакова [Абдуразакова, с. 6]. И далее: «Производственные очерки, как правило, были построены в жанре “путешествия” (по фабрике, заводу, стройке)» [Там же]. Кроме того, они могли объединяться в циклы, репрезентующие путешествия журналистов и писателей с их маршрутами и дорожными дискурсами.

Одной из подобных книг 1920-х гг., созданных по результатам творческой командировки в регион, стала «Поездка на Урал» (1927) Елизаветы Полонской.

Напомню биографию ее автора. Полонская Елизавета Григорьевна (наст. фам. Мовшенсон, Мовшензон; 14(26).06.1890, Варшава — 11.01.1969, Ленинград), поэтесса, переводчица, журналистка. Родилась в семье инженера-путейца, детство провела в Польше и Германии. Окончила Петербургскую женскую гимназию В. Н. Хитрово, участвовала в социал-демократическом движении, занималась доставкой подпольной литературы из Финляндии в Санкт-Петербург. Окончила медицинскую школу Сорбонны (1914). В Париже занялась поэтическим творчеством, тогда же состоялись первые публикации. В годы Первой мировой войны служила врачом. После возвращения в Петроград занималась в литературной студии у Н. С. Гумилева, К. И. Чуковского и М. Л. Лозинского. Единственная женщина в литературной группе «Серрапионовы братья». Автор книг стихотворений и прозы [Полонская, 2008].

Осенью 1926 г. Е. Г. Полонская, получив командировку от «Ленинградской правды» и взяв отпуск за свой счет на табачной фабрике, где работала врачом

медпункта, отправилась на Урал [Полонская, 2008, с. 424]. Результатом поездки стал ряд очерков, вышедших отдельной книгой в издательстве «Прибой» в 1927 г. (тираж — 4000 экз.) [Полонская, 1927]. «Сколько интересного я видела: и восстановление заводов, и новых людей, которые в первый раз вдохнули воздух свободы, и исторические места. Обо всем этом я написала очерковую книгу...», — вспоминала через много лет Е. Г. Полонская [Полонская, 2008, с. 424]. «В задачу нынешней книги входило только одно: написать о том, что я видела», — признавалась она в заключительном фрагменте «Поездки на Урал» [Полонская, 1927, с. 113]. Особенностью книги Е. Г. Полонской стало сочетание фактов, знаний и умозаключений — путевых, исторических, производственных и фельетонных дискурсов. «Поездка на Урал» прочитывается как журналистский тревелог, созданный в эпоху советского строительства, реконструкции заводов и городов.

Книга имеет геохронологическую структуру, воспроизводя маршрут следования Е. Г. Полонской по Уралу. Здесь фигурируют Галич — Мансурово — Вятка — Пермь — Кунгур, увиденные из вагона поезда, затем Свердловск — Карабаш — Кыштым — Березовский — Нижний Тагил — снова Пермь, в которых писательница останавливалась на некоторое время и посещала разные локации, в том числе и главным образом, если судить по ее записанным впечатлениям, производственные: заводы, фабрики, рудники. Эта фокусировка на производственной деятельности в очерках Е. Г. Полонской в типологическом отношении приближает их к книге «Кама и Урал» (1890) В. И. Немировича-Данченко, открывающего для читателя горнозаводской Урал: его ландшафты, специфику хозяйствования, коллизии его жизни и его типажи. Похожая цель была и у советской писательницы. «Но мне хотелось бы еще раз побывать за Каменным Поясом, посмотреть на мрачные горы, на широкие долины, на кедровые леса, на пруды и заводы, на суровых и крепких уральских людей и послушать рассказы о старой и новой “старине”», — заканчивает книгу Е. Г. Полонская [Полонская, 1927, с. 113], обнаруживая оптику постороннего, но любопытного до деталей наблюдателя, «пристрастного свидетеля» [Полонская, 1934, с. 5] (как напишет она потом, в книге очерков «Люди советских будней», 1934), не оставляющего без внимания ни один «красный корпус завода» [Полонская, 1927, с. 12], попавший на пути следования.

Принципиальны в «Поездке на Урал» дорожные фрагменты, формирующие «важную для определения пространственного модуса человека опцию — особенность видения» [Власова, 2020, с. 249]. Путешествие начинается с третьей (багажной) полки жесткого вагона (единственной, на которой было можно лежать), направляющегося из Москвы в Свердловск. А сама встреча с Уралом оказывается связана с различного рода ожиданиями, которые оправдываются либо не оправдываются в поездке. В частности, путешествие по Горнозаводской ветке определяет восприятие уральского ландшафта, доминантой которого внезапно становятся не горы, как изначально ожидает автор очерков, но реки. «Да существует ли Урал? Я ищу за окном, когда же начнутся горы. Их нет ни вблизи, ни вдали» [Полонская, 1927, с. 10]. Ирень, Сылва, Чусовая — «все они бегут нам навстречу с горного хребта» [Там же, с. 11]. «Общая ширь пейзажа, отлогие переходы в долины. Подъем и перевал через хребет совершаются так незаметно, что

вы ни на минуту не имеете перед собой горной панорамы. Оттого-то и построена здесь дорога...» [Полонская, 1927, с. 12]. Более отчетливые горные ландшафты появятся позже, когда Е. Г. Полонская отправится знакомиться с устройством рудников, но способ перемещения в пространстве тогда уже перестанет иметь для нее значение.

Урал в вагоне приоткрывается и через калейдоскоп лиц и обрывков услышанных разговоров попутчиков, возвращающихся с курортов или специально едущих работать в Свердловск. С одной стороны, внимательный к временным обитателям жесткого вагона, создающий типажи и воспроизводящий разговоры, автор демонстрирует реалистическую оптику, которая заставляет вспомнить реализм железнодорожных наблюдений Д. Н. Мамина-Сибиряка. С другой, фрагментарность в воспроизведении увиденного и услышанного, обусловленная усиленным ожиданием встречи с тем Уралом, который писательница представляет, опираясь, видимо, на разные источники, не указанные в книге. Это напряженно-сосредоточенное ожидание Е. Г. Полонской в некотором смысле напоминает утопические чаяния иной России героя очерка С. А. Ауслендера «От Москвы до Екатеринбурга» (опубликован в нескольких номерах газеты «Зауральский край» за 1918 г.), бегущего от большевиков в прекрасную страну Колчака, но с существенной поправкой на то, что Е. Г. Полонская, абсолютно лояльная к советской власти, едет на промышленный Урал. Вместо индивидуализированной политической утопии мы имеем дело с утопией политико-экономической в ее советском изводе.

Пунктом назначения автора становится Свердловск. Здесь писательница проводит большую часть времени и посвящает городу 6 очерков из 17, включенных в книгу. Как и другой писатель-«серапион» Н. Н. Никитин, посетивший Свердловск несколькими годами ранее и написавший очерк «Столица Урала» (1922), Е. Г. Полонская в своих наблюдениях отражает контраст между административным статусом столицы Урала и тем, что представляет собой «город деревень», в котором нет ни тротуаров, ни водопровода, ни достаточного количества жилья для рабочих (жилищный кризис), ни милиции. «Что поражает в Свердловске — это смесь XVII века с XX» [Полонская, 1927, с. 13]. «Город буквально трещит от количества трестов, учреждений, комитетов, представительств и контор, от людей, приезжающих из Москвы или Сибири» [Там же, с. 16]. И тут же:

Увы! Улицы вымощены только в самой середине. Между мостовой и панелью лежат болотистые обочины, в которых вы рискуете оставить галоши и сапоги, а, если эти последние у вас, туго снимаются, то и собственные ноги.

Вы возвращаетесь из театра. В Свердловске прекрасный театр, выстроенный по всем правилам театральной техники. В этом здании хорошая опера, и даже заведены абонементы и широко распространяются среди рабочих организаций. Свердловская опера популярна на заводах.

Но вы возвращаетесь из театра, липнете в черной грязи на неосвещенных улицах, и, если на вас нападет кто-нибудь из местных бандитов, празднующих медовый месяц русской горькой, вы напрасно будете звать милиционера, — по ночам их нет [Там же, с. 13–14].

Подобные пассажи в «Поездке на Урал» носят отчетливый фельетонный характер и приближаются не только к сатирическим зарисовкам Н. Н. Никитина и в целом свердловского «городского» фельетона 1920-х гг. [Клочкова, 2008; Подлубнова], но и к текстам самых яростных екатеринбургских фельетонистов начала XX в. — В. П. Чекина, П. Я. Блиновского и др., также писавших о проблемах отсутствия тротуаров и водопровода в городе [Власова, 2001; Козлов; Чекин].

С особым сарказмом Е. Г. Полонская, чья оптика сформирована европейским искусством, описывает свердловские памятники. Один из них изображает «голового, сутулого и вислозадного юношу», «в ненастный октябрьский денечек этот “голый” производит крайне жалкое впечатление», другой — «Кузнецу Мира» или «Кузнецу Вселенной» «на том же Ленинском проспекте может сравниться по безобразию выполнения только с отрезанной головой Карла Маркса в ермолке, выставленной на постаменте вроде позорного столба против знаменитого Ипатьевского дома» [Полонская, 1927, с. 17].

Однако свердловские очерки посвящены не только и не столько непосредственным и противоречивым впечатлениям писательницы от города. В фокусе внимания Е. Г. Полонской оказываются Ипатьевский и Харитоновский дома, дом главного горного начальника, аффинажный и Верх-Исетский заводы, гранильная фабрика, водоканал, Истпарт (Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б)) и многое другое. Рассказывая о городе, его мощностях и локациях, она неизменно выделяет трудовые усилия и их зримые результаты, подкрепляя наблюдения фактологической базой и даже артикулированными планами на будущее.

Строят электростанцию — в первую голову дать ток Верх-Исетскому поселку, осветить рабочие дома.

Строят водопровод — первое задание: водопровод для Верх-Исетского завода.

Пройдет еще несколько лет, начнется грандиозная жилищная стройка [Там же, с. 30].

Описывая городские локации, Е. Г. Полонская, в духе времени, чередует исторические, историко-революционные и производственные дискурсы. К примеру, очерк про работу гранильной фабрики начинается с рассказа о Парижской Всемирной выставке 1900 г. и карте Франции, собранной уральскими мастерами из самоцветов. Строительство водопровода в городе заставляет Е. Г. Полонскую выдумать несколько фрагментов для будущего учебника истории:

200 лет стоял Екатеринбург, и екатеринбургские жители пили воду из реки Исети.

Продавали им воду водовозы по 3 копейки за ведро. Два года стоял на месте Екатеринбург Свердловск, и свердловские рабочие не захотели пить гнилой воды [Там же, с. 37].

Приобщением к недавнему революционному прошлому становится посещение с разрешения Истпарта Ипатьевского дома, где сейчас находится комвуз и в одной из «расстрельных комнат» живут студенты. А приезд в город чехословацкой делегации, имеющей коммунистические убеждения, заставляет вспомнить роль Чехословацкого корпуса в событиях Гражданской войны на Урале.

Эксперсы в историю позволяют создать в очерках панорамный образ Урала. Куда бы не отправлялась Е. Г. Полонская — в Карабаш, Кыштым, Березовский, Нижний Тагил и Высокогорский рудник, историческая оптика подсвечивает детализированные картины производственного возрождения региона. «Меня интересовал вопрос: после Григория Зотова и Лесли Укварта каков-то теперь управляющий Кыштымским заводом?» [Полонская, 1927, с. 68]. При этом писательнице удастся запечатлеть не просто восстановительную стадию производства (ее описывает, скорее, в своих очерках Л. М. Рейснер, побывавшая на Урале чуть раньше Е. Г. Полонской [Рейснер]), но перейти к фиксации достигнутого.

Гражданская война отрезала руде выход из земли, она разрушила рудники и медеплавильные заводы, но уже 3 года, как уральские рабочие восстанавливают рудники и заводы... [Полонская, 1927, с. 59].

«Очерк будто создан для концентрации настоящего, во всех его смыслах», — пишет Н. В. Веселкова, обращаясь к уральской очеркистике 1920–1940-х гг. [Веселкова, с. 308]. Цель Е. Г. Полонской не столько рассказать о прошлом завода, фабрики, рудника, сколько предельно популярно объяснить читателю, какую роль играет производство в той или иной части современного Урала, как устроены завод, фабрика, рудник и как работают различного рода технологии.

Аппарат для промывания песка — вашгерд или, как его называют старатели, «машерт» — несложен.

Чтоб увидеть его, не надо ходить далеко.

В самой середине села, под мостом через речку Березовку, я увидела такой «машерт». И двух старателей при нем.

Машерт состоит из наклонного деревянного жолоба и ручного насоса для накачивания воды. Жолоб перегороден на две части. На дне нижней части лежит суконка, в верхнюю насыпается песок («Золото в Березовске») [Полонская, 1927, с. 76].

Создавая образ современности, Е. Г. Полонская пользуется расхожими приемами производственной журналистики 1920-х гг. (см., например, очерки Л. М. Рейснер о Кизилловских заводах и Донбассе или очерки об Армении М. С. Шагинян и пр.). Как замечала М. С. Шагинян, «писатели увлеклись в ту пору вещами и техникой, машиной, проектами, даже названиями инструментов» [Шагинян, с. 208]. Репортаж с места в очерках Е. Г. Полонской соседствует с фрагментами краеведческих исследований, научно-популярных трактатов и производственных отчетов, пестрящих статистическими данными.

Кыштым сделан так: по холмам и оврагам разбросаны бревенчатые черные избы с узорными коньками. Два пруда — Верхний и Нижний. На берегу Верхнего пруда белый барский дом и мертвые корпуса старого чугуноплавильного завода. На Нижнем пруду за тяжеленным деревянным частоколом дымится новый — бывший уркартовский, а нынче Карабашско-Кыштымского медного комбината — электролитный завод (очерк «Кыштым») [Полонская, 1927, с. 66].

Как живут и чем живут близ Высокой горы <...>? Работают сдельно, с куба сработанной породы. Нанимаются, большей частью, артелью. Забойщик с парой лошадей

вырабатывает от 4 до 6 рублей в день. Пеший забойщик 1 р. 80 — 2 р. 50. Гонялка получает от 65 коп. до 1 р. («Высокогорские рудники») [Полонская, 1927, с. 99].

Одной из особенностей очерков Е. Г. Полонской становится внимание к роли и месту женщины на производстве и в рабочей жизни в целом. Например, она замечает, что на Высокогорских рудниках издавна есть профессия «гонялок», доставляющих на лошадях руду из-под земли наверх. Раньше «гонялками» работали девочки с 9 лет, сейчас здесь трудятся комсомолки, а на более новых шахтах брамсберги и вовсе отменили этот тяжелый труд. Очерк «Чуличкова и Чепурковская» посвящен двум выдающимся женщинам Карабаша: одна из них — Чуличкова — обнаружила в себе потенциал советской активистки и организовала женсовет, другая — Чепурковская, — чьей настойчивости «следовало бы поучиться», добилась открытия в Карабаше школы 2-й ступени (для этого она впервые в жизни съездила в Свердловск и обратилась в ОКРОНО). «Это невыносимо-трогательная история, смешная и трогательная», — резюмирует Е. Г. Полонская, симпатизирующая своей героине [Полонская, 1927, с. 58]. Кстати, именно этот очерк — один из двух уральских — будет включен писательницей в книгу очерков 1934 г. «Люди советских будней».

Посетив заводы и рудники Нижнего Тагила, Е. Г. Полонская отправляется в Пермь. Это конечная точка ее уральского маршрута. Определяя город как «бывшую столицу» Урала [Там же, с. 101] в пику нынешней, автор очерков настоятельно подчеркивает его статус «скромной окружной единицы» [Там же].

После шумного Свердловска тихие улицы Перми покажутся вам безлюдными. Величаво и безмолвно течет широкая черная Кама. На чистеньких мощеных улицах с асфальтовыми панелями стоят пустые купеческие особняки. Город эвакуировался дважды — при красных и при белых. В третий раз он опустел с ликвидацией губернских учреждений, в связи с районированием края [Там же].

В Перми нет жилищного кризиса, как в Свердловске, но нет теперь и административных полномочий. Е. Г. Полонская, без сомнения, знающая о соревновательном характере конфликтов между уральскими городами (нашедших свое место в региональной очеркистике и фельетонистике [Клочкова, 2016]), выбирает сторону Свердловска, концентрирующего административный и производственный потенциал¹.

Для писательницы имеет значение, что в Перми есть университет и признаки цивилизации: «Пермь завела в свое время, за счет уездных городов, водопровод, канализацию, электрическое освещение и телефон» [Полонская, 1927, с. 102]. Но при этом «кругом Перми живут потомки остяков и вотяков, зырян и пермян и всей “чуди белоглазой”, и жизнь их мало чем отличается от жизни их предков» [Там же]. Колониальный статус метрополии перечеркивает авторитет «гнезда краевой культуры», хранильницы старины. Старое, в понимании

¹ Это важное отличие советской поездки журналиста от путешествий XIX в., которые, как правило, начинаются с Перми, и Пермь в их описаниях «выходит на первый план». См.: [История литературы Урала, с. 518].

писательницы, — царское, удушливое, темное. В Перми худо-бедно продолжает работу музей, но экспонирует он «сборище страшных деревянных раскрашенных идолов» [Полонская, 1927, с. 106]. «Мученики измучены до того, что, глядя на них, вы начинаете чувствовать тошноту, как в музее кожных болезней» [Там же]. Именно в «старой» Перми на базаре автор очерков встречается «колдунью», продающую зелья и травы «от испуга» и прочих болезней.

Перми центральной противопоставлены городские окраины, главным образом Мотовилиха, «очаг революционного движения» [Там же, с. 109] и огромный завод с собственной инфраструктурой. В поисках «настоящих людей» Е. Г. Полонская приходит в рабочий клуб, где декламируют стихи, и здесь ей становится ясно, что книга очерков, которая создается ею в поездке по Уралу, «лишняя» с точки зрения «элементарных потребностей» [Там же, с. 111] рабочего человека. Но при этом Е. Г. Полонская признается в ощущении гордости за культуру, которая и состоит из «лишнего» и которая стала связующим звеном между ней, служителем литературы, и рабочей молодежью, приобщившейся к поэзии и театру. Эти размышления, возможно, искусственным образом привязанные к Мотовилихе, стали прологом к финальному очерку в книге.

Очерк «Записная книжка», завершающий «Поездку на Урал», представляет собой монологическое обращение автора к собственной записной книжке, сопровождавшей ее в поездке в качестве спутницы и фиксатора всего увиденного. «Записная книжка, верная моя спутница, наконец-то я тебя разгрузила. Даты и фамилии, анекдоты и факты, цифры и лирику — ты принимала все, что видели мои глаза и слышали мои уши», — восклицает Е. Г. Полонская, чтобы затем припомнить вместе те яркие эпизоды поездки, которые не попали в предыдущие очерки — от увиденных мачт новой радиостанции на «раскольничьем» Шарташе до компании пьяных растратчиков в Перми [Там же]. Лирическое обращение к записной книжке является в определенном смысле выходом за пределы взятой на себя роли советского журналиста, фиксатора увиденного в поездке, и в большей степени проявляет Е. Г. Полонскую как писателя, владеющего разными инструментами построения нарратива и уже четко продумавшего финал книги. «Все эти вопросы записаны в тебе, записная книжка, и обо всех этих вопросах мы обещались написать. И вот я списываю их на страницы этой книги» [Там же, с. 113].

Писательница таким образом прощается с Уралом, чтобы больше к нему не возвращаться. В более поздних ее воспоминаниях о поездке будет сказано довольно кратко, а художественных текстов иного рода, нежели очерки и мемуары, по результатам путешествия она не оставила.

Разумеется, короткая поездка не могла дать обширного материала для досконального исследования Урала. Не случайно Е. Г. Полонскую обвиняли в поверхностном взгляде на жизнь региона. Известна, например, рецензия в «Уральском рабочем», подписанная «Дм. Р.». Ее автор укоряет Е. Г. Полонскую в том, что она не побывала в глухом и малоизвестном Урале, ограничилась «наблюдениями, беглыми и не забирающимися в глубь рабочего быта, в коренные проблемы уральской промышленности, в жизнь наших городов» [Дм. Р.]. Рецензент делает

вывод, что очерки Е. Г. Полонской «не проживут долго и в литературе об Урале им не занять значительного места» [Там же]. Вероятно, книгу Е. Г. Полонской так воспринял не только Дм. Р. По крайней мере, в отличие от текстов иных советских авторов, побывавших в регионе (В. В. Маяковского, В. П. Катаева и пр.), «Поездка на Урал» не стала фактом заметным, широко обсуждаемым, как не стала и своего рода образцом для подражания при создании производственных очерков о предприятиях региона другими писателями, в том числе уральскими.

Очерки Е. Г. Полонской, зафиксировав восстановительную эпоху в жизни региона, продолжили традиции литературы путешествий и стали советским вариантом травелога, состоящего из компиляции путевых записок, фельетона, историко-революционных и более всего производственных очерков. Доминирующая производственная составляющая поместила очерки Е. Г. Полонской в один ряд с очерками Л. М. Рейснер, но масштабность видения во многом предвосхитила новую эпоху — эпоху индустриализации.

Абашев В. В. Урал как предчувствие. Заметки о геопоэтике Бориса Пастернака // Культура путешествий в Серебряном веке. Исследования и рецепции. Екатеринбург ; Москва, 2020. С. 181–200.

Абдуразакова Е. Р. Художественное своеобразие очерковой книги Бориса Пильняка «Таджикистан — седьмая советская» // Историческая поэтика жанра. 2006. № 1. С. 5–20.

Анисимов К. В. Русская литература и Сибирь в XIX веке: восточный травелог как дискурсивный опыт территориальной интеграции (записки путешествий П. И. Небольсина) // Сибирская идентичность в зеркале литературного текста: тропы, топосы, жанровые формы XIX–XXI веков. М., 2016. С. 37–55.

Веселкова Н. В. Невозможность настоящего: три жизни очерка 1920–1940-х гг. на Урале // Политизация поля искусства: исторические версии, теоретические подходы, эстетическая специфика. Екатеринбург, 2015. С. 303–322.

Власова Е. Г. Травелоги в истории литературного открытия Урала // Урал. ист. вестн. 2019. № 2 (63). С. 143–149.

Власова Е. Г. Урал из окна вагона: средства коммуникации и травелог // Культура путешествий в Серебряном веке. Исследования и рецепции. Екатеринбург ; Москва, 2020. С. 249–258.

Власова Е. Г. Уральская стихотворная фельетонистика конца XIX — начала XX века : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2001.

Гуминский В. М. Русская литература путешествий в мировом историко-культурном контексте. М., 2017.

Дм. Р. Среди книг // Уральский рабочий. 1927. № 174 (2771), 2 авг. С. 6.

Замятин Д. Н. Географические образы путешествий // Гуманитарная география : альманах. М., 2004. Вып. 1. С. 12–41.

История литературы Урала. XIX век : в 2 кн. М., 2021. Кн. 1.

Ключкова Ю. В. Аномалии уральского города в фельетонах Перми и Екатеринбурга начала XX века // Норма и аномалия в славянской и еврейской культурной традиции. М., 2016. С. 258–271.

Ключкова Ю. В. Фельетоны на страницах газеты «Уральский рабочий» (1919–1926 гг.) // Региональный литературный ландшафт в русской перспективе. Тюмень, 2008. С. 336–341.

Козлов И. В. Стихотворные фельетоны П. Я. Блиновского в газетах «Уральский рабочий» и «Уральская новь»: жанр и исторический контекст // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2019. Т. 21, № 2 (187). С. 135–146.

Майга А. А. Литературный травелог: специфика жанра // Филология и культура. 2014. № 3 (37). С. 254–259.

Милогина Е. Г., Строганов М. В. Русская культура в зеркале путешествий. Тверь, 2013.

Подлубнова Ю. С. Уральская повседневность в свердловском фельетоне 1920-х гг. // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2019. Т. 25, № 3 (189). С. 106–115.

Полонская Е. Г. Города и встречи. Книга воспоминаний / вступ. ст., послесл., коммент. Б. Я. Фрезинского. М., 2008.

Полонская Е. Люди советских будней. Л., 1934.

Полонская Е. Поездка на Урал. Л., 1927.

Рейснер Л. Уголь, железо и живые люди. М. ; Л., 1925.

Созина Е. К. Северные нарративы начала XX века (М. Пришвин, К. Жаков) // Дергачевские чтения–2011: Национальное развитие и региональные особенности. Екатеринбург, 2012. С. 184–189.

Чекин В. П. Летопись славных и постыдных дел, знамений небесных и чудесных событий города Екатеринбурга, столицей Урала именуемого / вступ. ст. и коммент. Ю. Сахновской. Екатеринбург, 2018.

Шагинян М. Три поколения книг // Яков Ильин. Воспоминания современников. М., 1967. С. 208–211.

Статья поступила в редакцию 05.03.2021 г.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

DOI 10.15826/izv1.2021.27.2.036
УДК 376.1:792.09 + 378.147

Е. А. Шуклина
М. В. Певная

ИНКЛЮЗИВНЫЙ ТЕАТР: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АУДИТОРИИ, ПРОБЛЕМЫ ТВОРЧЕСТВА И СОУЧАСТИЯ*

В статье на основе данных эмпирического исследования осуществлен сравнительный анализ аудиторий инклюзивного театра и театров Свердловской области. Выявлены особенности публики инклюзивного театра, рассмотрена проблема замкнутости инклюзивных культурных проектов и их аудиторий и потенциал ее преодоления через инструменты соучастия. Освещены социокультурные и просоциальные аспекты соучастия аудитории в жизни и творчестве инклюзивного театра.

К л ю ч е в ы е с л о в а: инклюзия; инклюзивная культура; инклюзивный театр; культурная политика; социокультурное участие

Современный инклюзивный театр — феномен, существующий на стыке искусства и иных сфер социокультурной реальности, работающий на грани социального и асоциального, нормативно приемлемого и отторгаемого, инклюзии и эксклюзии. Во многих странах мира театры для людей с ограниченными возможностями вписываются в локальную культурную политику, поддерживаются государством или бизнесом [Hadley]. Они актуализируют в общественном сознании и практике широкий спектр проблем, как правило, находящихся вне зоны эффективного социального управления и ограниченных для общественной

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00471.

ШУКЛИНА Елена Анатольевна — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета (e-mail: e.a.shuklina@urfu.ru).

ПЕВНАЯ Мария Владимировна — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета (e-mail: m.v.pevnaya@urfu.ru).

© Шуклина Е. А., Певная М. В., 2021

дискуссии стереотипами восприятия и культурных табу. Одной из них является проблема эксклюзии людей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ).

Проблемы связи инвалидности и эксклюзии людей с ОВЗ, попадающие в сферу культурного дискурса, в России актуальны [Баранов, Терлецкая]. В стране проживают почти 12 млн людей с инвалидностью (8,1 % от всего населения), из них 670 тыс. детей, уровень инвалидизации которых достигает 10 % и начиная с 2008 г. постепенно растет [Конвенция о правах инвалидов; Численность инвалидов в РФ]. Социальная политика в РФ в решении этих вопросов ограничена базовым кругом задач: обеспечение социальных выплат и компенсаций, создание безбарьерной материальной среды, трудоустройство инвалидов, реформирование образования с целью создания инклюзивного образовательного пространства. Проблемы социальных взаимодействий людей с ОВЗ, их социально-психологической адаптации к условиям жизни во многом остаются вне поля внимания чиновников. При этом их усугубляет низкий уровень инклюзивной культуры россиян, не готовых взаимодействовать с людьми с ОВЗ.

Инклюзивные социокультурные проекты — одно из направлений решения данной проблемы. Они ориентированы на развитие творческого потенциала людей с инвалидностью, создание уникального культурного продукта и культурного пространства для социальной адаптации и социализации людей с ОВЗ, расширение сферы их взаимодействия с представителями различных социальных групп. Инклюзивные социальные проекты интегрируют творческую деятельность, образование, психолого-педагогическое и медицинское сопровождение для людей с инвалидностью. Субъектами их реализации и активного продвижения являются отдельные государственные структуры, культурные институции и социально ориентированные НКО.

Появление инклюзивного театра стало новым шагом в формировании инклюзивной культуры населения и изменении роли театра в процессе адаптации людей с ОВЗ к конкретным социальным условиям. Инклюзивный театр ориентирован на социально значимый эффект; решая комплексные задачи, он обогащает работу над проблемой социальной эксклюзии людей с ОВЗ новыми идеями и целями, подходами и формами, особыми локациями и региональной спецификой.

Актуальной тенденцией последнего времени является постепенный переход от инклюзивных проектов, реализуемых в рамках благотворительности, к инклюзивным сервисам, востребуемым широкими слоями населения [От социальных проектов к социальным сервисам]. Для инклюзивного театра характерна эта же тенденция. Создание инклюзивного сервиса как социальной инвестиции в будущий инклюзивный продукт или услугу меняет характер отношения к людям с ОВЗ в обществе. Субъект-объектный тип взаимодействия заменяется субъект-субъектным, партнерским, гуманистически ориентированным, психологически и социально более приемлемым и адекватным решению проблемы эксклюзии. Для инклюзивного театра главной является проблема аудитории, имеющей разный уровень инклюзивной культуры и демонстрирующей различное участие в реализации проекта. Анализ особенностей этой аудитории представлен в данной статье.

Теоретическая база исследования

В литературе социальный театр исследуется достаточно широко как педагогическая и социально-психологическая технология социальной адаптации [Мухина], реабилитации [Андерсен-Уоррен, Грейнджер; Ляшенко] и социализации лиц с ОВЗ [Астраханцева]. Социальные аспекты группового взаимодействия в театре расширяют в первую очередь социокультурную интеграцию людей с ОВЗ. Опираясь на классическую теорию участия в анализе социального конструирования взаимодействия в общественном поле искусства, исследователи доказывают, что участие в инклюзивных практиках в сфере культуры способствует позитивным изменениям как в личном, так и коллективном (общности, местного сообщества) благополучии [Duckworth, Hullick, Mochizuki et al.]. С одной стороны, инклюзивные театры обеспечивает самореализацию людей с ОВЗ, с другой — создают условия «обратной инклюзии», формируют как у актеров, так и у зрителей принимающую социально-культурную позицию [Рубцова, Сидоров].

В статье даются характеристики сущностных черт социального театра, подчеркивается, что социальным является не любой театр, где участвуют непрофессионалы, а тот (в соответствии с английским аналогом *theatre for social changes*), который выражает его основную идею социальных изменений [Пархомовская; Что такое «социальный театр»...].

Конституируется положение, что новая значимость инклюзивного театра формируется на гребне «социального поворота» в культуре конца XX — начала XXI в., а функции профилактики, адаптации, моделирования, воспитания, социализации и просвещения обретают новые инструменты, реализуясь посредством социокультурных технологий, детерминирующих социальные изменения через продуцирование соприсутствия, соучастия, рефлексии и искренность людей с ОВЗ, вовлеченных в социально-культурные практики [Андрианова; Кокоулина].

Социальное участие горожан в инклюзивные проектах, в том числе и творческих, концептуализируется как особый тип социальных отношений, как дружеское взаимодействие, которое формирует чувство сопричастности участвующих людей к определенному сообществу при реализации стратегии активного наставничества и поддержки профессионалов в рамках специальных социальных программ в сфере культуры и искусства. Как правило, такие программы учитывают разнообразие социально-психологических отличий разных членов в местных сообществах [Bigby, Anderson, Cameron].

Инклюзивные театральные представления являются практиками взаимодействия людей с инвалидностью и без нее. Последние должны быть открыты различным способам самовыражения своих коллег с ОВЗ, понимать ценность социального театра и предоставлять ему пространство [Nijkamp, Cardol]. Те, кто к этому предрасположены, способны менять социальные роли от пассивного участия в качестве зрителя к активному творческому участию в статусе актера. Инклюзивные театры формируют новые «сообщества горожан», способных размышлять о себе, разрабатывать новые сценарии, строить новые отношения и трансформировать поведение людей [Innocenti Malini].

Феномен соучастия в жизни социального театра сложен, что позволяет выявить как минимум два аспекта его интерпретации: социокультурный и просоциальный. Социокультурный аспект предполагает, что соучастие — это: 1) принятие сценической культуры театра, форма эстетического восприятия, при котором аудитория различается уровнем погружения в материал, степенью его понимания, характером интерпретации, отношением к репертуарной политике, режиссуре, актерской игре, творческой атмосфере театра и пр.; 2) форма организации сценического действия, соответствующего культурной миссии театра, предполагающая активное вовлечение аудитории в его процесс, когда зритель становится соучастником в диалоге на уровне реальных театральных практик не только в качестве наблюдателя, свидетеля, но и непосредственного участника (иммерсивный театр, непрофессиональные актеры на сцене и пр.); 3) практики посещения театра, выраженные в количественных характеристиках частоты, периодичности, характеризующие лояльность потребителя театральной услуги к социальному театру.

Просоциальный аспект предполагает, что соучастие — это: 1) принятие миссии инклюзивного театра, понимание его особой социокультурной роли, концептуально декларированной позиции относительно целей и задач его существования и инструментов достижения этих целей; 2) устойчивость и постоянство связей с театром, выраженное в различных видах социальной помощи ему; 3) вид волонтерской, благотворительной деятельности, форма гражданской и социальной активности.

Эти формы участия существуют в единстве, взаимодействии. Поэтому феномен соучастия сообществ различного типа в реализации инклюзивных театральных проектов представляется значимым объектом исследования.

Методы

В ходе изучения аудитории анализировались данные кейса городского проекта инклюзивного театра-студии «ORA» (специализированная социально ориентированная некоммерческая организация, работающая при некоммерческом предприятии «Театр “Шарманка”», г. Екатеринбург). Целью исследования было выявление особенностей зрительской аудитории инклюзивного театра. Применялись методы анкетирования в зрительном зале; онлайн-анкетирования по базе реальных потребителей театральной услуги театра-студии (целевая выборка, общий объем — 157 чел.); полуформализованные интервью представителей зрительской аудитории инклюзивного театра (16 интервью), позволившие дать развернутое описание портрета зрителя театра и практик его посещения.

В исследовании осуществлялось сравнение портретных характеристик зрительских аудиторий инклюзивного театра-студии и государственных автономных учреждений культуры Свердловской области — Свердловского государственного академического театра музыкальной комедии и Свердловского государственного академического театра драмы. Данные для сравнения получены в ходе исследования 2016 г., объектом которого являлись потребители государственных услуг

учреждений культуры, подведомственных Министерству культуры Свердловской области. Стратифицированная выборка с пропорциональным размещением формировалась в зависимости от объема государственной услуги, выраженного в количестве зрителей, посетивших спектакли в течение года. Объем выборки по аудитории государственных областных театров — 626 чел. (Свердловский государственный академический театр драмы — 280 чел.; Свердловский государственный академический театр музыкальной комедии — 346 чел.). Методы сбора информации — формализованное интервью с потребителями государственных услуг учреждений культуры (театров).

Сравнение позволило выявить наличие специфических особенностей в структуре социально-демографических и потребностно-мотивационных характеристик аудитории инклюзивного театра-студии. Условием процедуры сравнения стала идентичность ряда исследовательских методик, к ограничениям можно отнести различия в типе отбора респондентов, времени проведения исследования театра-студии (2020 г.) и государственных учреждений культуры (2016 г.). Результаты исследования рассматривались с учетом этих различий.

В исследовании выявлено отношение зрителей к феномену инклюзивности театра-студии; удовлетворенность широким спектром социокультурных характеристик деятельности театра-студии: режиссурой; характером диалога со зрителем; атмосферой театра, созданной творческим коллективом; инновационной направленностью поисков; особой миссией театра, его самобытностью; возможностью для зрителей через посещение спектаклей театра-студии участвовать в благотворительной деятельности и др.

Результаты исследования

Социально-демографический профиль зрительской аудитории театра-студии «ORA». Инклюзивный театр-студия «ORA»¹ появился в ноябре 2015 г. (режиссер Лариса Абашева). Его актеры — люди с инвалидностью 1–3-й группы без театрального образования, включенные в труппу наряду с профессиональными актерами театра «Шарманка». Театр-студия существовала вначале при благотворительном фонде, позже обрела самостоятельность, став первым в России репертуарным частным театром, в котором играют инвалиды. Инклюзивный театр-студия была победителем конкурса Общественной палаты РФ «Мой проект — моей стране» в номинации «Культура». Ее спектакль входил в лонг-лист Российской национальной театральной премии и фестиваля «Золотая маска» в 2017 г. В студии при поддержке Фонда президентских грантов создано несколько инклюзивных театральных лабораторий, где обучаются театральным практикам актеры театра-студии, а также студенты с ОВЗ (незрячие, слабослышащие, незрячие, слабослышащие), лучшие из которых остаются в труппе. Инклюзивный театр-студия получает субсидии и гранты Правительства Свердловской области,

¹ Колесо без спицы катится // Театр ORA : [сайт]. URL: <https://www.orateatr.com/Статьи/Колесо-без-спицы-катится> (дата обращения: 11.01.2021).

Министерства культуры РФ, Министерства социальной политики Свердловской области, Фонда КАФ и Фонда президентских грантов.

Для выявления специфики портретных характеристик зрительской аудитории инклюзивного театра-студии ее анализ дан в сравнении с социально-демографическими параметрами потребителей социокультурных услуг Свердловского государственного академического театра музыкальной комедии и Свердловского государственного академического театра драмы. Эти театры обладают массовой, устойчивой аудиторией, кардинально отличаются от театра-студии «ОРА» статусом, миссией, общей концепцией, системой организации и реализации театрального процесса, что позволило выявить специфические особенности аудитории инклюзивного театра.

По результатам исследования социально-демографический профиль зрительской аудитории театра-студии «ОРА» кардинально не отличается от екатеринбургской театральной публики в целом. В ней доминируют женщины — 68,4 % и возрастные группы 25–35 лет (31,6 %), 35–45 лет (22,9 %). Особенностью возрастной структуры зрителей театра-студии является то, что в ней количественно ограничены возрастные группы до 18 лет (только 3,5 %) и после 55 лет (1,7 %). Средний возраст зрителей театра-студии и государственных театров, подведомственных Министерству культуры Свердловской области, практически совпадает: 35,4 года (театр-студия) и 35,1 года (в целом по выборке государственных учреждений культуры Свердловской области).

Распределение респондентов по уровню образования выглядит следующим образом: среднее общее — 10,5 %, среднее специальное — 15,8 %, неоконченное высшее — 17,5 %, высшее — 56,1 %. Оно практически идентично с аналогичным распределением аудитории театров Свердловской области.

Доминирующей статусной группой зрительской аудитории инклюзивного театра являются специалисты с высшим образованием (31,6 %). В ее структуре представлена также большая группа студенческой молодежи (респондентов с неоконченным высшим профессиональным образованием) — 17,5 %. Среди зрителей несколько больше рабочих (17,5 % в сравнении с 9,0 % в областных театрах) и значительно меньше служащих (3,5 % в сравнении с 17,1 % в областных театрах).

Социально-демографические характеристики зрительской аудитории театра-студии во многом схожи с массовой аудиторией современных государственных театров.

Театральная жизнь Екатеринбурга в оценке зрительской аудитории театра-студии «ОРА». Рассмотрим общую характеристику отношения зрительской аудитории инклюзивного театра-студии к театральной жизни г. Екатеринбурга по ряду базовых показателей, представленных в табл. 1.

В целом оценка театральной жизни г. Екатеринбурга посетителями театра-студии «ОРА» позитивна. Респонденты характеризуют ее как интересную для себя (87,6 %). Она соответствует их эстетическим запросам (72,0 %), удовлетворяет досуговые потребности (73,7 %), является для них доступной (78,9 %). При том

меньше половины респондентов (40,3 %) считают себя активными участниками театральной жизни города в целом.

Таблица 1

**Зрительская аудитория театра-студии «ORA»
об отношении к театральной жизни Екатеринбурга, % к числу ответивших**

Театральная жизнь Екатеринбурга...	Да	Нет	Затрудняюсь ответить	Итого	Индекс*
интересна	87,6	7,1	5,3	100	0,66
соответствует культурным запросам	72	14	14	100	0,40
удовлетворяет досуговые потребности	73,7	14	12,3	100	0,48
доступна потребителю	78,9	12,3	8,8	100	0,52
респондент является ее активным участником	40,3	52,7	7	100	-0,08

* Здесь и далее индекс рассчитывается как средняя величина по порядковой шкале и меняется в границах от -1 до +1. Выполняет функции компактного представления данных и сравнения различных величин.

Если сравнивать эти характеристики с показателями зрительской аудитории государственных областных театров г. Екатеринбурга, то различие очевидно (табл. 2).

Таблица 2

**Целевая аудитория государственных областных театров об отношении
к театральной жизни Екатеринбурга, % к числу ответивших**

Театральная жизнь Екатеринбурга...	Да	Нет	Затрудняюсь ответить	Итого	Индекс
интересна	95,6	4	0,4	100	0,76
соответствует культурным запросам	92,6	4,7	2,7	100	0,63
удовлетворяет досуговые потребности	91,9	6,5	1,6	100	0,63
доступна потребителю	95,4	3,4	1,2	100	0,76
респондент является ее активным участником	52,7	45,4	1,9	100	0,09

Оценки аудиторией театра-студии «ORA» интереса к театральной жизни города, ее социокультурной значимости, доступности для досуговой самореализации явно ниже, чем у аудитории государственных областных театров.

Индекс активности участия в театральной жизни города вообще находится в отрицательной части шкалы (индексы активности — 0,08 и 0,09 соответственно).

В целом аудиторию инклюзивного театра можно охарактеризовать скорее как замкнутую. Она имеет определенные каналы выхода в театральную жизнь города, но в настоящее время они ограничены. В связи с этим возникают вопросы: при каких условиях театр-студия может эффективно реализовывать инклюзивные проекты и работать на формирование инклюзивной городской культуры?

Каким образом преодолевать замкнутость своего театрального сообщества? Как и в каких направлениях осуществлять экспансию за пределы театра, расширяя его аудиторию?

Зрительская аудитория театра-студии «ORA» о ее репертуарной и информационной политике. Инклюзивный театр-студия «ORA» является частью театральной жизни Екатеринбурга. Характеризуя практики посещения театра-студии «ORA» с точки зрения частоты, периодичности, отметим, что больше половины зрителей (63,2 %) посещают театр раз в год, каждый четвертый — 2–3 раза в год. Если считать, что постоянный зритель — это тот, кто приходит в театр раз в три месяца и чаще, то к этой категории по итогам 2019 г. можно отнести 12,4 % зрителей. При этом постоянными зрителями себя считают 30,4 % респондентов.

Аудитория театра-студии «ORA» демонстрирует заинтересованность большей частью репертуара. Так, более половины всего репертуара театра-студии вызывает интерес у зрителей (60,5 %). Вместе с тем для зрительской аудитории театра-студии «ORA» характерна большая поляризация в оценках, чем для зрителей государственных театров Свердловской области. Весь репертуар интересен каждому пятому респонденту. Это вдвое больше, чем у зрителей государственных театров. При этом почти каждый десятый зритель театра-студии отмечает отсутствие выраженного интереса к ее репертуару. Этот показатель в 3 раза выше, чем у государственных театров. Такие различия свидетельствуют о дифференциации аудитории на постоянных посетителей и новых, процесс адаптации которых к театру, его стилистике еще не завершен.

Эффективность информационной политики театра-студии оценивается зрительской аудиторией как низкая. Основными источниками информации о театре у публики являются прежде всего социальные сети (59,7 %) и «сарафанное радио» (21,1 %). Высказывая приверженность театру-студии, 87,7 % зрителей готовы ее рекламировать в межличностной коммуникации. Уровень осведомленности екатеринбургской публики о театре «ORA» оценивается как низкий, более половины респондентов (54,4 %) считают, что екатеринбургская публика плохо информирована о театре-студии.

Итак, у театра-студии есть ядро постоянных посетителей, вокруг ядра формируется доминантная группа доброжелательной аудитории (в целом 87,7 %), которая констатирует факт информационной закрытости инклюзивного театра для театральной публики г. Екатеринбурга, при этом готова использовать и использует информационные каналы продвижения, свойственные аудиториям, склонным к просоциальному поведению, а также характерные именно для городской молодежи.

Факторы привлекательности инклюзивного театра-студии «ORA» в оценках зрительской аудитории. В целом имиджевые характеристики инклюзивного театра-студии высоки и свидетельствуют о ее позитивном восприятии зрителями. Мнения зрительской аудитории об основных факторах привлекательности театра-студии представлены в табл. 3.

Таблица 3

**Респонденты о факторах привлекательности театра-студии «ОРА»,
% к числу ответивших**

Чем привлекает вас театр?	Да	Скорее да	Скорее нет	Нет	Затрудняюсь ответить	Индекс
Актерским составом, игрой актеров	61,4	24,6	1,8	—	12,3	0,73
Режиссурой	56,1	28,1	—	—	15,8	0,70
Декорациями, костюмами	49,1	28,1	5,3	—	17,5	0,60
Репертуарной политикой	29,8	22,8	14,0	8,8	24,6	0,25
Созданной творческим коллективом атмосферой театра	61,4	22,8	1,8	1,8	12,3	0,70
Доверительным, профессиональным диалогом со зрителем	43,9	31,6	1,8	1,8	21,1	0,57
Современностью, новаторскими поисками	42,1	29,8	8,8	3,5	15,8	0,46
Особой культурной миссией театра, его самобытностью	70,2	17,5	—	1,8	10,5	0,77
Возможностью для себя участвовать в благотворительной деятельности	29,8	15,8	15,8	17,5	21,1	0,12

Базовым фактором привлекательности театра-студии выступает «особая культурная миссия театра, его самобытность», он значим для 77,7 % респондентов. К самым высоким показателям привлекательности театра относятся «актерский состав, игра актеров» (0,73), «режиссура» (0,70), «созданная творческим коллективом атмосфера театра» (0,70). Другими словами, публика не склонна идентифицировать инклюзивный театр исключительно с благотворительностью. Она видит в нем прежде всего театр как явление искусства.

С представлениями об особой миссии театра-студии связан вопрос о толерантности зрительской аудитории по отношению к инклюзивному театру как социокультурному явлению² (табл. 4).

В ответах респондентов видно явное противопоставление «своей» аудитории «иной», т. е. екатеринбургской публике в целом. Они уверены в том, что публика екатеринбургских театров как минимум менее толерантна, а каждый пятый характеризует ее как интолерантную по отношению к инклюзивным проектам театра (табл. 4).

² Изучение отношения аудитории к этой характеристике предполагало два вопроса, позволяющих выявить представления зрительской аудитории об инклюзивном театре как явлении в искусстве и их мнения о сложившемся в обществе представлении об инклюзии в театральной сфере: «Насколько вы толерантны по отношению к инклюзивному театру вообще как явлению в искусстве?», «Насколько, по вашему мнению, толерантна екатеринбургская публика по отношению к инклюзивному театру?».

Таблица 4

**Респонденты о толерантности по отношению к инклюзивному театру,
% к числу ответивших**

Насколько толерантны....	Уровень толерантности по отношению к инклюзивному театру как явлению в искусстве	
	самого респондента	екатеринбургской публики
Полностью	77,2	5,3
Скорее толерантен (на)	12,3	54,4
Скорее нет	3,5	19,3
Абсолютно нет	—	1,8
Затрудняюсь ответить	7,0	19,3
Итого	100,0	100,0
Индекс толерантности	0,82	0,21

Характер и формы соучастия аудитории. Анализ индивидуальных кейсов и интервью со зрителями позволили наметить несколько векторов дифференциации аудитории по критерию соучастия и выделить противоречивые черты разных типов зрителей: *постоянный, «воспитанный театром» и «ситуативный» зритель; зритель, демонстрирующий «профессиональный» интерес, и зритель, проявляющий любительскую заинтересованность; зритель, ориентированный на инновации, и «ортодоксальный» зритель; зритель, ориентированный на социальную поддержку театра, и нейтральный зритель.*

При всей ориентированности на поддержку инклюзивного театра, его зрительская аудитория не рассматривает благотворительную деятельность как ведущий фактор привлекательности театра. Мотивацию соучастия через благотворительную деятельность отрицают больше половины зрителей театра-студии. Индекс «благотворительной деятельности» (0,12) — самый низкий среди всех иных показателей (см. табл. 3).

Выводы

Наибольшее число исследований социально-культурного взаимодействия в инклюзивных театрах посвящено проблемам расширения участия людей с ОВЗ в социальной жизни местных сообществ, в том числе за счет популяризации культурных проектов. В этом контексте аудитория инклюзивного театра — крайне редкий, но актуальный объект исследований в проблемном поле культурной инклюзии. Частью аудитории являются волонтеры, для которых взаимодействие с театром — вид социально-культурной или гражданской активности. Постоянно и/или ситуативно в ней присутствуют специалисты широкого спектра направлений, охватывающих области культурологии, театроведения, психологии, физиологии, педагогики, социальной работы и пр., испытывающие профессиональный интерес к происходящему. Она пересекается с массовой театральной публикой,

но в целом представляет собой сообщество, обладающее определенными субкультурными ценностями.

Современные исследования указывают на проблему замкнутости инклюзивных проектов и их аудиторий. Вместе с тем существует потенциал ее преодоления через инструменты соучастия. Одним из главных направлений анализа взаимодействия инклюзивного театра и аудитории является изучение соотношения социокультурного и просоциального аспектов соучастия театральной публики. Современный тренд на превращение инклюзивного театра в самостоятельную, равноправную часть общей театральной палитры соотносим с пониманием его эстетической ценности как социокультурного феномена.

Вторым направлением является развитие инклюзивной культуры аудитории через практики социального участия, формирующие представления о социальной значимости инклюзивного театра, его культурной миссии, ценностях и актуализирующие элементы просоциального поведения. Эта активность проявляется в поиске новых форм продвижения театра, помощи в организации спектаклей и мероприятий, спонсорстве, помощи специалистов людям с ОВЗ, работе с общественным мнением и пр.

Партисипаторные практики как первого, так и второго типа укрепляют творческие связи, расширяют взаимодействия аудитории и театра, формируют собственную театральную публику ценителей и приверженцев, с одной стороны, и способствуют расширению аудитории, подключая к ней новые сегменты, с другой. Эти практики обретают новое дыхание, когда сам театр выступает субъектом соучастия в культурных взаимодействиях (фестивалях, конкурсах, гастролях, совместных публичных мероприятиях, инклюзивных проектах, творческих лабораториях и пр.) с социальными, образовательными, культурными институтами.

Таким образом, совместность, коллегиальность, партнерство театра и публики является условием решения проблемы субкультурной замкнутости инклюзивных проектов и их аудиторий и значимым фактором формирования инклюзивной культуры в обществе.

Адрианова Т. О. Социальные функции театра // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2012. № 35 (289). С. 91–94.

Андерсен-Уоррен М., Грейнджер Р. Драматерапия. СПб., 2001. 288 с.

Астраханцева Л. Н. Социальный театр как средство воспитания подрастающего поколения // Педагогический мир : [сайт]. URL: <http://pedmir.ru/viewdoc.php?id=68891> (дата обращения: 11.01.2021).

Баранов А. А., Терлецкая Р. Н. О перспективах научных исследований в области профилактики детской инвалидности // Вопр. современной педиатрии. 2018. № 17 (6). С. 426–433.

Кокоулина Ю. Б. Социальный театр: предпосылки явления, технология реализации и ее этапы, формы воплощения // Сибирский филологический форум. 2018. № 3 (3). С. 73–85.

Конвенция о правах инвалидов // Организация объединенных наций : [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml (дата обращения: 10.01.2021).

Ляшенко В. В. Арт-терапия как практика самопознания: присутственная арттерапия. М., 2014. 160 с.

Мухина А. (А)социальный театр и его имена // Театр. 2016. № 24–25. URL: <http://oteatre.info/a-sotsialnyj-teatr-i-ego-imena/> (дата обращения: 10.01.2021).

От социальных проектов к социальным сервисам // Белая трость : [сайт]. URL: <https://extrability.org/home/materials/in-the-dark/inclusive-social-projects/> (дата обращения: 10.12.2020).

Пархомовская Н. Что такое социальный театр и почему он стал важным. Спектакли с участием людей с особенностями претендуют на театральные премии и меняют общество к лучшему // Ведомости : сетевой журн. 2018. URL: <https://www.vedomosti.ru/lifestyle/articles/2018/04/10/764391-sotsialnii-teatr> (дата обращения: 10.12.2020).

Рубцова О. В., Сидоров А. В. «Особый театр» как средство социальной инклюзии: зарубежный и отечественный опыт // Культурно-историческая психология. 2017. Т. 13, № 1. С. 68–80. <https://doi.org/10.17759/chp.2017130107>

Численность инвалидов в Российской Федерации, федеральных округах и субъектах Российской Федерации // ФГИС ФРИ : [сайт]. URL: <https://sfri.ru/analitika/chislennost> (дата обращения: 10.12.2020).

Что такое «социальный театр» и зачем ему нужен собственный фестиваль? // Инклюзион. Центр творческих проектов : [сайт]. URL: <https://inclusioncenter.ru/znanija-soobshhestva/chto-takoe-socialnyj-teatr/> (дата обращения: 10.12.2020).

Bigby C., Anderson S., Cameron N. Identifying conceptualizations and theories of change embedded in interventions to facilitate community participation for people with intellectual disability: A scoping review // Journal of Applied Research in Intellectual disability. 2018. № 31. P. 165–180. <https://doi.org/10.1111/jar.12390>

Duckworth J., Hullick J., Mochizuki S. et al. Interactive Arts and Disability: A Conceptual Model Toward Understanding Participation // Brooks A., Brooks E. (eds) Interactivity, Game Creation, Design, Learning, and Innovation : conference materials. ArtsIT ; DLI. Aalborg, Denmark, 2019. P. 524–538. https://doi.org/10.1007/978-3-030-53294-9_38

Hadley B. Disability theatre in Australia: a survey and a sector ecology // Research in Drama Education: The Journal of Applied Theatre and Performance. 2017. № 22(3). С. 305–324. <https://doi.org/10.1080/13569783.2017.1324775>

Innocenti Malini G. E. From the School to the Educating Community: Practices of Social Theatre in Italy as a New Form of Activism // ARTSPRAXIS. 2018. № 5(2). P. 63–79. URL: <http://hdl.handle.net/10807/134192>

Nijkamp J., Cardol M. Diversity, opportunities, and challenges of inclusive theatre // Journal of Social Inclusion. 2020. № 11(2). P. 20–32.

Статья поступила в редакцию 10.02.2021 г.

ЮРОДСТВОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ТЕАТРЕ (на примере режиссерской концепции Льва Эренбурга)

В статье юродствование рассмотрено как один из способов новой репрезентации реальности в искусстве на примере режиссерской концепции Льва Эренбурга. Проанализированы спектакли Небольшого драматического театра в Санкт-Петербурге 1990–2010-х гг., прослежено влияние эстетической парадигмы юродства на метод режиссера. На основе проведенного анализа показано отражение типологических черт юродства в творчестве Льва Эренбурга: принадлежность к изнаночному миру, маргинальность героев, поиск потерянного рая, стремление преодолеть границы собственного «я». Обозначены возможности дальнейшего углубленного изучения вопроса, в котором эстетическая парадигма юродства может рассматриваться в связи с концепцией тотальной театральности Николая Евреинова, с перформативным поворотом в современном театре, а также в других режиссерских концепциях (Н. Коляда, А. Артемов, К. Богомолов, А. Адашинский).

К л ю ч е в ы е с л о в а: юродство; маргинальность; театр; российский театр; искусство; культура; российская культура; режиссура

Современный мир характеризуется стремительными трансформациями социальной реальности и многовариативностью репрезентации реальности в искусстве и академическом дискурсе. Искусство, в том числе театральное, сегодня становится способом проверки новой действительности на адекватность, способом ее исследования. Для современного театра характерны поиски нового языка и новой оптики, соответствующих социальной реальности. При этом одни театральные режиссеры стремятся к построению новой модели репрезентации, другие — продолжают работать в привычной конвенциональной форме. Но и те и другие бессознательно обращаются к архаичным формам репрезентации мира, среди которых выделяется феномен русского юродства. Очевидно, что режиссерские концепции не могут быть рассмотрены только с позиции эстетики юродства, однако такой подход может существенно обогатить существующую театроведческую оптику.

Говоря об освоении современным искусством эстетической парадигмы юродства, мы обращаемся к ее секулярной форме. Для новой социальной реальности характерно стирание границ светского и религиозного. Как отмечает Д. Узланер, рассуждая о постсекулярном повороте в жизни современного российского общества, «религия возвращается в общественное “светское пространство”, а значит и в политику, экономику, право, культуру, образование и т. д.» [Узланер, с. 14].

ШАКЛЕЕВА Александринна Игоревна — аспирант по направлению «культурология», Гуманитарный университет, г. Екатеринбург; руководитель Молодежного театрального центра «Космос», г. Тюмень, (e-mail: sashakleeva@list.ru).

© Шаклеева А. И., 2021

Обращение к юродству как к пратеатральной форме позволяет актуализировать современный театральный язык за счет глубоко вошедшей в сознание витальной формы народной репрезентации как способа пробудить сознание нового зрителя.

В современных культурно-зрелищных практиках, в том числе в театре, можно выделить два направления в обращении к юродству: театр конвенциональный выбирает для себя форму итальянского театра-коробки; новый театр — формы, развивающиеся на стыке театрального и перформативного.

В данной статье автор рассматривает влияние философии русского юродства на режиссерскую концепцию Льва Эренбурга. Театральная концепция его жизни и творчества изначально лишена монолитной ценности: это лоскутное одеяло, на котором можно разглядеть и четыре образования режиссера, и врачебную практику на скорой помощи, актерский и преподавательский опыт и многое другое.

В спектаклях Эренбурга в петербургском Небольшом драматическом театре (НДТ) слышны отголоски, с одной стороны, Арто и Гротовского, а с другой — Товстоногова. Совмещая принципы актерской русской психологической школы, режиссерского разбора и западного театра жестокости, Эренбург исследует природу человека, которая в его спектаклях всегда предстает одновременно тонкой и уродливой.

Выстраиваемый им сценический мир всегда трагичен, и по мере развития событий человеку в этом мире становится все хуже и хуже. По Лихачеву, это изнаночный мир — тот, что прикидывается реальным, чтобы обратить внимание на порочность существующей реальности. В изнаночном мире всегда — пьянство, голод и спутанность всех значений. Люди, населяющие этот мир, наги и босы, не имеют устойчивого общественного положения. Все знаки в таком мире есть нечто противоположное тому, что они означают в нормальном мире [Лихачев, Панченко, Поньрко, с. 20]. При этом герой такого мира мог иметь все, но лишился благополучия. Этот тезис рифмуется и с мотивом поиска потерянного рая [Экземплярский, с. 55].

В спектаклях Эренбурга герои ищут Бога не в христианском его понимании, а как некий Абсолют — гарант того, что даст силы на продолжение жизни, того, что находится над жизнью и обещает вечное счастье и покой. Бог живет в каждом из нас, и герои будто вспоминают его в себе, мечтая о далеких городах счастья, будь то Мадрид («В Мадрид, в Мадрид!»), Москва («Три сестры»), Иерусалим («На дне»), герои «Иванова» мечтают уехать в Америку (Саша), в Крым (Сарра) или хоть куда-нибудь (Шабельский). Мотив потерянного рая перекликается и с одним из тезисов юродства, изложенных иеромонахом Алексием Кузнецовым: «Если человек — сын Божий, то, значит, он и наследник царства небесного. Но это царство для него не есть еще нечто такое, что на самом деле принадлежит ему, чем действительно он обладает; нет, оно есть для него только будущее, только имеющее осуществиться. Следовательно, и участие его в нем есть не дар только, но и задача и обязанность, если можно так сказать, постепенно преуспевать в шествии к нему» [Кузнецов, с. 73]. Так, например, умирающая Анна (Хельга Филиппова) в спектакле «На дне» (2004) бормочет: «Город на букву “С”... Иерусалим! Вечный, небесный Иерусалим!» Только что сидевшая перед зрителем голая

женщина в корыте, поражающая откровением изуродованного параличом тела, вдруг светлеет: «Иерусалим! Украшенный, как невеста для своего мужа. И нет в этом городе ни солнца, ни луны, потому что имя Божие освещает его. А у ворот стоит мама в беленьком платочке, смеется, как колокольчик. Анюта! Господь всех нас примет! И отрет всякую слезу... И не будет больше болезней. Ни вопля, ни смерти... страха больше не будет!» Все персонажи стремятся куда-то ввысь. Татарка Кривой Зоб (Татьяна Колганова), стоя на ногах-обрубках, произносит полный мечтания и надежды монолог о весне и прекрасном городе Мекка, где «всех за так любят, Христа ради». У Эренбурга каждому дается возможность исповедоваться и спасение заслуживает каждый. Сам режиссер говорит, что отчасти согласен с тем, что нет на свете ни плохих, ни хороших, а есть дурные обстоятельства. «Один из важнейших, болевых вопросов в искусстве XX века: ну почему человека можно превратить в кучу мусора?» [Эренбург, 2002, с. 72]. Библейское у него переворачивается с ног на голову: его персонажи получают спасение не за праведную жизнь, а именно за то, что обстоятельства превратили их в кучу мусора. Жизнь как каторга. Жизнь как пытка. Жизнь как дорога к утраченному дому, к потерянному раю. Возможно, по окончании нам всем будет дарован заветный билет домой. В Мадрид, в Москву, в Иерусалим... Вопреки тому, что было в земном мире, спасения заслуживает каждый. У Эренбурга всегда: чем ниже пал, тем ближе к Богу. Очищение и спасение есть не только в духовном подъеме, но и в том падении, которое страданиями изъедает и оголяет душу.

Труппа НДТ существует как единый организм, корчащийся от более и физических увечий, актеры «...заставляют нас увидеть другую стадию страдания человека — физическую, физиологическую, кризис человеческой природы. <...> Этот — натуралистический — план спектакля актеры проживают с медицинской точностью, с правдой плоти, с физической достоверностью, свойственной современному театру» [Песочинский, с. 19].

Таким образом, герои, населяющие сценические миры спектаклей Эренбурга, — герои юродствующие. Юродивый — это специфический для русской культуры герой-трикстер. Само слово «юродивый» этимологически восходит к слову «урод», «выродок», т. е. юродивый — это тот, кто не от рода, отвергнутый обществом, выброшенный. Это всегда маргинал, бродяга, облаченный в лохмотья, для которого характерны отказ от крова, пищи, дар провидения, травестия, коверканье речи или обет молчания. Красота юродивого не носит элитарный возвышенный характер, она выкристаллизовывается из самобичевания — это красота низа, безобразного, дна. Алексей Кузнецов, размышляя об этимологии термина, пишет: «Характеристичным определением слова “юрод”, понимаемым в указанном смысле, служит славянское “отребие мира”. <...> Юродивый — это есть отверженный миром, обществом. Сравнивая же слово “урод” (юрод) со словом “выродок”, мы получим еще подтверждение высказанному соображению о смысле слова “юродивый”, “выродок” будет означать человека выкинутого, выброшенного из рода, отверженного родом» [Кузнецов, с. 58].

Персонажи, населяющие сценические миры Эренбурга, — это всегда выродки, люди, оставшиеся на обочине, отвергнутые маргиналы, караван уродов, калек,

моральных и физических. Герои, обреченные на физическую неполноценность, часто лишены возможности двигаться, кочуют у Эренбурга из спектакля в спектакль. Иногда это персонажи, которых придумали сами создатели спектакли (например, безногий и безрукий инвалиды в «Оркестре»), иногда этими свойствами «калечья» «награждаются» герои пьес. К персонажам такого типа относятся Адела в «Мадриде» (1999), Анна (Хельга Филиппова) и Кривой Зоб (Татьяна Колганова) в «На дне» (2004), Ирина (Мария Семенова) в «Трех сестрах» (2010), Коля (Андрей Бодренков) в «Ю» (2013) и др. Все они так или иначе стремятся преодолеть свою неполноценность. Согласно Н. Ростовской, боль в христианстве — это априорная данность. Для того, чтобы человеку прийти в мир, ему необходимо пройти через боль. Человек греховен и одинок по факту рождения — это трагическая данность земной жизни. Единственное, что дается человеку в поддержку — это любовь. Человек сопровождает свой приход криком — это ужас перед теми испытаниями, которые ему пришлось пройти и перед той болью, которая разделяет его с миром. А «Бог — это то, что накладывает запрет на хаос, лишает мир случайности и открывает возможность свободы» [Ростова, с. 40]. Осознание своего грехопадения, которое дается человеку как априорная данность в момент рождения, способно актуализировать стремление к Богу. Человек встречается со своим «я» только в пограничных состояниях: в абсолютном одиночестве, на самом дне или поднявшись наверх прямо к Богу (что вряд ли представляется возможным в земной жизни). Согласно Н. Ростовской, категорический императив юродивого выражается в расставании со своим «я»: «Юродивый — это человек после “я”. Юродство — это то, что приходит к нам после того, как мы перестаем быть субъектами» [Там же, с. 41], это то, что сокращает мучительную дистанцию между человеком и миром, при этом юродивый отказывается от внешнего мира, так как тот живет по ложным законам. Он противопоставляет себя миру, выводя метафизическую боль во внешние проявления безумия, он бросает миру вызов, помещая свое физическое тело на границу между реальным и идеальным миром.

Таким образом, персонажи — калеки, стремящиеся преодолеть свои увечья и несмотря ни на что стремящиеся вверх, — это как раз люди на границе двух полярных миров, идеального и настоящего. Конечно, физические увечья не делают их юродивыми, но использование режиссером этого приема задает определенную поведенческую структуру — юродствование, в основе которой лежит боль от собственного несовершенства и программный для юродивых разрыв между желаемым и действительным. Именно это заставляет персонажей «опуститься на дно» и стремиться преодолеть свое «я» несмотря ни на что.

Способом преодоления собственного «я» и границ трагического мира в спектаклях Эренбурга становится танец. Танец и музыка здесь — это нечто, лежащее за пределами отчаяния. В «Оркестре» Леон (Евгений Карпов) танцует с безжизненным телом своей парализованной жены (Хельга Филиппова), а умственно неполноценный Агасфер (Сергей Уманов) надрывает себе душу, слушая музыку. Танцует прикованная к инвалидной коляске Адела (Татьяна Рябоконе) в «Мадриде», мечтает о танцах полоумная Хустина (Ольга Альбанова). О. Скоропкина пишет: «Прелестно-полоумная, трогательная Марта (Светлана Обидина)

в “Мадриде” рассказывает о своем женихе: “Я под машину попала, а он собрал меня, как мозаику, птицей назвал...” Здесь — ключ ко всем (на сегодняшний день) театральным героям Эренбурга: по ним по всем проехала машина, и он их всех, словно реаниматор, вытащил с того света, собрал, как мозаику, заставил... если не летать, то танцевать» [Скорочкина, с. 77]. Танец — это бесконечная вертикаль, возможность спасения, это исповедь и проповедь одновременно. Именно в танцах герои обретают надежду и приближаются к Богу, к потерянному раю. Танец — это не выход за пределы мира, но расширение его границ до заповедальных зон.

В этом прослеживается и еще один мотив философии русского юродства — очищение через страдания. Невозможно представить себе русскую душу, лишенную особенного отношения к страданию — почти мазохистского. Это, как и юродство, часть менталитета, отсылающая к православному миропониманию. Страдание — это и испытание, и наказание, и искупление. Это одно из важнейших условий спасения человеческой души. Танец у Эренбурга всегда возникает в моменты отчаяния, в тех зонах, где, кажется, человек уже не может существовать. Когда боль становится настолько острой, что грозит гибелью, именно тогда рождается танец как награда и как надежда на спасение. «Одна из евангельских заповедей говорит, что счастье — это награда человеку за его терпение, смирение, его честность и справедливость. Чтобы почувствовать счастье, человек должен очиститься страданиями, о чем говорилось еще в эпикурейской традиции. Следовательно, в сознании русского человека счастье воспринимается не как отдельный факт или приятная сторона жизни, которую можно “организовать”, устроить, купить, добиться и т. д. Оно прочно связано с несчастьем, горем и страданиями» [Обухова, с. 121].

Еще одна типологическая черта юродства, нашедшая отражение в режиссерской концепции Льва Эренбурга, — это трагический разрыв между желаемым и действительным, выражающийся в невозможности обрести земное счастье. Алексей Кузнецов отмечает: «Любовь наша есть опора в борьбе жизни» [Кузнецов, с. 15]. У Эренбурга, безусловно, тоже. Только он обостряет: а есть ли такая любовь? Возможна ли она между нами, жалкими и несовершенными? И может ли человек вообще быть счастливым? Мир у Эренбурга не просто смеется над человеком, он его калечит и уничтожает. Жизнь — это болезнь и непрекращающаяся боль, открытая рана. Но даже в человеке, от которого остались одни руины, теплится надежда на лучшее, на освобождение и на облегчение. Таков, например, Сатин (Алексей Харитоненко) в «На дне» (2004), который пал, но верует, что где-то там есть безграничное, бескрайнее счастье.

Так, в спектакле «Оркестр» (2001), жанр которого определен в программке как «печаль в ритме чардаш», появляются придуманные персонажи: сумасшедшие, гомосексуалисты, безрукие и безногие инвалиды. Именно два друга по несчастью ставят диагноз нашей жизни:

— Ты думаешь ты на земле? Ты в говне!

Боевые машины. Готовность.

— Спасибо. Я лучше здесь в говне полежу.

Бессмысленна внешняя борьба с жизнью, с обстоятельствами — все предопределено. Если и есть свет, то он не на этом свете. На протяжении всего спектакля оркестранты рассказывают свои истории любви, делятся лучшими мгновениями жизни. Эта патологически печальная череда завершается откровением Леона (Евгений Карпов): «А у меня тоже было счастье. Деревянная курица. Папа подарил. Вместо клюва — гвоздик».

В «Ю» (2013) вообще все персонажи связаны крепкими цепями обоюдного невзаимных любовей, от которых они бесконечно пытаются покончить с собой.

В «Братьях Карамазовых» (2016) несчастливой становится не только любовь между мужчиной и женщиной, но и между родителями и детьми, между братьями.

Любовь в спектаклях Эренбурга помогает выстроить вертикаль — именно она позволяет человеку подняться к Богу. А. Тацки так пишет о проявлениях темы Бога в режиссуре Эренбурга: «Героев спектаклей Эренбурга постоянно швыряет от мрачного и безнадежного безверия к высокому религиозному просветлению — и обратно, к площадному атеизму. Персонажи словно ходят кругами, прозревают и тут же снова теряют прозрение — такова композиция эпизодов, соединенных режиссерской рукой Эренбурга по принципу ассоциативного монтажа, и композиция его спектаклей в целом. Прозрение это может быть религиозным (как в случае Луки из “На дне” и матери Сарры из “Иванова”), а может и не быть. Точнее, прозрение любого персонажа у Эренбурга всегда касается любви и милосердия — но это может быть как любовь Бога к человеку, так и земная любовь между мужчиной и женщиной. Именно о таком прозрении любви можно говорить, глядя на Аделу (Татьяна Рябоконь) из “Мадрида”, сидящую в инвалидном кресле, на Памелу (Ольга Альбанова) из “Оркестра” или на Сашу (Мария Семенова) из “Иванова”» [Тацки, с. 92]. С этим утверждением трудно не согласиться, но автору кажется, что Эренбург, как режиссер и автор художественной концепции своих спектаклей, разграничивает для себя понятия «вера» и «религия». Божественное оказывается здесь не религиозным по своей сути, это скорее широкое понимание веры как опоры. Той точки, которая способна удержать мир и помочь человеку на его пути. Это перекликается и с теми тезисами, которые выдвигает Н. Ростова в своей работе «Человек обратной перспективы», говоря о том, что юродство позволяет человеку удерживать мир «на расстоянии вытянутой руки» [Ростова, с. 42]. В спектаклях Эренбурга мир — это нечто заведомо враждебное, это место, где человек не может быть счастлив. А счастье он ощущает лишь крупинками, в редкие моменты духовного подъема, в те самые моменты, когда отстраняется от мира и с помощью любви, мечты или надежды поднимается вверх, выходит в иное ощущение бытия. Конечно, понимание божественного у Эренбурга скорее светско-философское, чем религиозное. Бог — нечто, что открывается человеку после его столкновения с собственным «я», после преодоления всех условностей, после преодоления себя. Бог — это нечто лучше, чем «я», но любое «я» может хоть иногда дотянуться до этого идеала с помощью земной любви к ближнему.

Рассуждая о вопросах веры и религии, сам режиссер говорит: «В театре все существует для того, чтобы понять, что для человека хорошо, а что плохо.

Вопрос, что хорошо, а что плохо, — это вопрос нравственный. Религия именно этому и посвящена. <...> Конечно, для меня очень важно все, что касается религии. И, будучи нетвердым атеистом, я всегда интересовался всем, что с ней связано, — еще и потому, что это одна из главных тем русской классической и мировой литературы. Вопрос Бога, вопрос, что можно и что нельзя, — как без этого с Достоевским? И потом религии — это огромная, основополагающая, базисная часть культурного наследия человечества. Как ЭТО может не интересовать и не задевать? И если бы я нашел Бога, то обрадовался бы...» [Эренбург, 2016, с. 42].

Безусловно, в своих спектаклях Эренбург занят вопросами философского характера: он с медицинской скрупулезностью исследует не просто человека в системе отношений с другими людьми, но и отношения человека с высшими силами. При этом его герои — всегда живые люди, это те, в которых намешано и хорошее, и плохое, кто способен и на благородство, и на подлость. Эренбурга интересует человек как поле битвы Добра и Зла. Он ставит спектакли о метаниях слабых и жалких человеческих тел и душ, но все-таки способных прорваться к свету, к Добру, к Богу — к Абсолюту. Глубина падения человека, показываемая зрителю со сцены, физиология, граничащая с натурализмом и рискующая выйти за границы эстетического, — это лишь способ открытия перспективы на высокое не только в художественном, но и в общечеловеческом планах.

Сам театр, которым руководит Эренбург, вполне переключается с эстетикой юродства: бесконечные метания по разным площадкам, отсутствие и крыши над головой, и средств к существованию, нестандартная по типажам актерская труппа, но при этом безусловная преданность делу, мастеру, готовность к пугающей самоотдаче.

Обращение к архаичным паттернам поведения позволяет обществу сегодня найти новый способ представления и объяснения стремительно меняющейся реальности. Проследив взаимосвязь философии русского юродства и режиссуры Льва Эренбурга, мы можем прийти к выводу, что сценические миры режиссера во многом переключаются с концепцией юродства в его секулярной форме — юродствовании. На основе данного анализа мы предполагаем, что возможно проследить влияние концепции юродствования на различные российские культурно-зрелищные практики, а также найти их отражение в разных режиссерских концепциях (Н. Коляда, А. Артемов, В. Антипов, К. Богомолов, А. Адашинский). Также можно проследить влияние юродства и на отдельные спектакли, где оно осмысливается буквально («Блаженная Ксения. История любви» В. Фокина в Александринском театре, «Лавр» Б. Павловича в Театре на Литейном и Э. Боякова — в МХАТ им. М. Горького) или в эстетической парадигме («Сказка о Золотом Петушке» М. Исаева в театре Karlsson House и др.). Кроме того, мы предполагаем, что можно проследить взаимосвязь между эстетической парадигмой юродства и теорией тотальной театральности Николая Евреинова и их влияние на искусство Пролеткульта, а также определить воздействие этих идей на современный перформативный поворот в театре и левые театральные практики.

Кузнецов А., иером. Юродство и столпничество. Религиозно-психологическое, моральное и социальное исследование. М., 2000.

Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984.

Обухова Т. Проявления феномена страдания в русской культуре // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 7 (57), ч. 2. С. 121–123.

Песочинский Н. Небольшой театр жестокости // Петерб. театр. журн. 2005. №1(39) С. 19–23.

Ростова Н. Н. Человек обратной перспективы. М., 2008.

Скорочкина О. Танцующие в темноте // Петерб. театр. журн. 2002. № 1(27). С. 77–79.

Тацки А. Режиссерский метод Льва Эренбурга и труппа Небольшого драматического театра // Театрон. 2009. № 2(4). С. 90–102.

Узланер Д. Постсекулярный поворот. Как мыслить о религии в XXI веке. М., 2020.

Экземплярский В. Христианское юродство и христианская сила (К вопросу о смысле жизни) // Христианская мысль. 1916. № 2. С. 53–67.

Эренбург Л. «Бог разговаривает с тобой на сцене через артиста» : [беседовала О. Скорочкина] // Петерб. театр. журн. 2002. № 1(27). С. 72–73.

Эренбург Л. «Пока мне ближе всего категорический императив Канта» : [беседовала М. Дмитриевская] // Петерб. театр. журн. 2016. № 1 (83). С. 41–43.

Статья поступила в редакцию 02.04.2021 г.

DOI 10.15826/izv1.2021.27.2.038
УДК 738.84 + 930.85(510) + 393

Т. Ю. Быстрова
Тао Мэнтин

ТАНСКАЯ КЕРАМИКА САНЬ ЦАЙ В КОНТЕКСТЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЖИЗНИ И СМЕРТИ

В статье содержится гипотеза об использовании керамики сань цай в пышных погребениях эпохи Тан в Китае. Авторы рассматривают не только декор и символику керамических изделий, но и саму их природу. Влияние буддистских и даосских идей в период Тан приводит к утверждению трактовки жизни и смерти как целостного процесса, не имеющего внутренних оппозиций.

К л ю ч е в ы е с л о в а: сань цай; танская трехцветная керамика; повседневная культура династии Тан; погребальные предметы; пышные похороны; смысл; культурные концепты жизни и смерти

Танская керамика сань цай¹ обязательно упоминается в любом источнике по истории искусства Китая, но как на Западе, так и на Востоке исследования ограничиваются либо технологиями [Цзежчан; Cui, Thilo Rehren, Lei Yong et al.; Krahl], либо описаниями основных образов и персонажей. Так, Ли Гочан, китайский эксперт по культурным и музейным ценностям, и его коллеги рассматривают технологии изготовления и создание танской трехцветной керамики [Чжан Дандань; Чжоу Чжуняо; Чжоу Хуайдун; Юй Фувэй, Чжань Цзянь]. Не составляют исключения и русскоязычные публикации [Китайское искусство...; Кравцова]. В этих работах символическим значениям собственно керамики как вида искусства и технологии (а не, предположим, ее мотивов или декора) не отводится места, связи с остальным предметным миром не очерчены. Изменить исследовательскую ситуацию помогает рассмотрение танской керамики в контексте концептов жизни и смерти, реализуемых не только в предметах, но и в действиях с ними.

Изучая сань цай как явление повседневной культуры времен династии Тан (618–906), можно не просто увидеть весь культурный фон этого великолепного красочного мира, но приблизиться к пониманию смыслов материала, техник, обрядов, которые мастера и владельцы изделий вкладывали в них, установить их связь с картиной мира в целом [Флиер]. Известно, что танская трехцветная керамика в основном встречается в изделиях Минчи, использовавшихся в качестве *погребальных* предметов, поскольку «Мин 明 — светлый» звучит одинаково с иероглифом «Мин 冥 — загробный».

¹ Возможны другие написания термина: сань-цай, санкай, санцай, Тан санцай, санчай и др.

БЫСТРОВА Татьяна Юрьевна — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры культурологии и дизайна Уральского федерального университета, профессор Екатеринбургской академии современного искусства (e-mail: taby27@yandex.ru). ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6713-6867>

ТАО МЭНТИН — аспирант, инженер-исследователь кафедры культурологии и дизайна Уральского федерального университета (e-mail: angel.tao@yandex.ru).

© Быстрова Т. Ю., Тао Мэнтин, 2021

Упоминание о погребальных предметах и обрядах вовлекает нас в длительный спор о пышных похоронах, насчитывающий столетия. Еще при Конфуции пышные похороны расцениваются как закономерное проявление *сяо*, т. е. почтения младшего в отношении старших по возрасту и социальному статусу. При этом сам Конфуций призывает к умеренности: можно чтить ушедшего, но не прекращать быть деятельным. Мо-цзы (ок. 470 — ок. 391 до н. э.) также отрицательно отзывается о пышных похоронах, несмотря на разногласия с Конфуцием в остальных вопросах. Со ссылкой на «мудрых древних правителей» он утверждает, что почтительный сын может показать свою преданность ушедшим и без этого, равно как и без длительного траура [Васильев]. О пышных похоронах говорят и в отношении погребений эпохи Хань, притом не только о знаменитой гробнице императора Цинь Шихуаньди [Дебен-Франкфор, с. 102–103; Погребенные царства..., с. 96]. «Пышные похороны были знаком уважения и свидетельствовали об определенной репутации их устроителя. ...кто не заботился о своих родителях при жизни, не имеет права устраивать им пышные похороны, чтобы приобрести уважение окружающих» [Лёве]. Пышные похороны были широко распространены и во время династии Тан. Хотя правительство неоднократно ограничивало способы захоронений и количество объектов захоронения для чиновников разных рангов, но правила фактически не действовали. В качестве погребальных предметов часто использовались керамические изделия. Они описаны с технологической и символической сторон, но анализ их как обязательной части погребального ритуала не проводился (интересно то, что люди, уже усвоившие конфуцианские ценности, а значит, законопослушные, действовали вопреки официальным предписаниям, «по-своему»).

Отсюда основным для нас является вопрос о том, почему вопреки запретам люди разных сословий продолжали придерживаться обычая пышных похорон и именно с использованием керамических изделий. Только ли подражание императору или рост влияния буддистско-даосских идей в танский период [Торчинов, с. 322] были причиной этого или она кроется глубже? Насколько замена реального предмета или животного керамическим напоминает, к примеру, современный китайский обычай сжигания ненастоящих денег на могиле покойного, при том что подобные деньги специально изготавливаются и ими официально торгуют? Почему наряду с «вечным» нефритом китайцы стали использовать для погребений керамику, пусть даже и очень плотную? Только ли соображениями экономии это обусловлено?

Согласно «Траурному ритуалу Кайюань...» (713–741), отчетам о похоронах Кайюаня, Миньци (с погребальными предметами), чиновникам выше третьего класса можно хоронить 90 предметов, четвертого, пятого класса — 60 предметов, ниже шестого класса — 40 предметов. В действительности эти предписания часто не соблюдались, и фигурок клали больше, но связано ли это только с процветанием тогдашнего Китая?

Таковы вопросы, подтолкнувшие нас к написанию статьи. Их анализ поможет нам лучше понять базовые концепты китайской культуры, стремительно разрушающиеся сегодня.

Методология работы

Принципы работы с культурными концептами, находящими свое разнообразное выражение в повседневной культуре и действиях людей, описаны нами ранее [Тао Мэнтин, Быстрова]. Применительно к китайской культуре они реализованы в работе Тань Аошуан «Китайская картина мира: язык, культура, ментальность» [Тань Аошуан]. Как «заместители множества предметов» (С. А. Аскольдов), культурные концепты представляют собой сгустки смыслов, с разной степенью осознанности и полноты транслируемых и воплощаемых носителями культуры в ее различных продуктах и артефактах. Соответственно, наличие тех или иных воплощений, выражений концептов свидетельствует о культурной идентичности индивида, его не всегда осознаваемой связи с другими представителями данной культуры. В рамках нашей статьи мы сосредоточились на выражении концептов жизни и смерти не столько в предметах культуры, сколько *в действиях* с ними в контексте повседневности конкретного периода. Сообразно общим холистическим установкам культуры тогдашнего Китая, сами артефакты рассматриваются целостно, в единстве материала, образа, в ряде случаев — функционального назначения, а также декоративных элементов. Такой подход обогащает как взгляд на саму танскую керамику, так и понимание концептов жизни и смерти людьми этой эпохи, тогда как описание и расшифровка символики, скорее, унифицируют, регионы и периоды, подтверждая факты «богатой жизни умершего за гробом» или «любви близких к умершему», но не уточняя качественные отличия этих чувств или представлений.

Мы отталкивались от обусловленности действий живых пониманием ими статуса ушедших и возможного взаимодействия с ними, т. е. неполной разорванности мира мертвых и мира живых. Смерть не мыслится как конец хотя бы потому, что «в традиционной китайской картине мира во главу угла ставится динамизм всего сущего», а «человек, по китайским понятиям, стоит в центре мироздания» [Малявин, 2008, с. 277, 278]. На уровне концепта души, как показывает Тань Аошуан, иероглиф *ling*, синонимичный иероглифу *hun* и обозначающий нематериальную субстанцию, присущую только людям, одновременно связывается с образом умершего в сердцах его близких и «телом» как «умершим» [Тань Аошуан, с. 183]. Отсутствие противопоставления жизни и смерти как антиподов подтверждается и повседневными практиками: «После эпохи Шан была распространена вера в то, что родственники должны получать средства для спокойной жизни в потустороннем мире, только так... можно надеяться в дальнейшем на их совет и благословение» [Погребенные царства..., с. 10]. Но и «получение средств», и «совет и благословение» могут состояться только между теми, кто присутствует в едином бытии, а не в разорванных дуальных мирах. Значит, по умолчанию, живые и мертвые в каком-то аспекте едины, хотя и различны. Тем более что в китайской традиции человек не мыслится как автономный индивид, он всегда «погружен в поток времени... раскрывается во временном и иерархическом соподчинении различных моментов бытия» [Малявин, 1993, с. 15]. Конечно, представления о жизни и смерти в единстве пространственных, временных, экзистенциальных

характеристик разнятся в различные эпохи, а их интерпретации порой не схожи у разных авторов, однако некоторые приводимые здесь тенденции прослеживаются достаточно отчетливо, именно когда речь идет о повседневности, а не о традициях отдельных школ или учений.

Для проверки гипотезы поначалу использовались источники на русском и китайском языках, в основном искусствоведческие [Цзечжан; Fang], но их оказалось недостаточно. Поэтому мы обратились к работам китаеведов, в которых раскрывается китайская картина мира и особенности мировоззрения китайцев [Малявин, 2014; Тань Аошуан; Торчинов]. Эти работы касаются разных периодов истории Китая, но традиционализм, свойственный его культуре, помогает обобщать факты в случае нехватки данных по определенной эпохе или практике.

В результате возник комплекс идей, перекликающийся с установками структурной антропологии К. Леви-Стросса, отмечавшего, что «в социальной жизни одновременно действуют два вида детерминизма... За каждой идеологической конструкцией встают более старые конструкции. И они отдаются эхом во времени, назад к гипотетическому моменту, когда сотни тысяч... лет тому назад человечество... выразило свои первые мифы. ...На каждой стадии этого сложного процесса всякая идеологическая конструкция видоизменяется под действием преобладающих технологических и экономических обстоятельств; они искажают, деформируют ее по нескольким направлениям» [Леви-Стросс, с. 338]. Лежащие глубоко внутри представления о жизни, с одной стороны, задаются всей причастностью человека к данной культурной традиции, а с другой — трансформируются обстоятельствами, порождая неповторимые практики. Их расшифровка приближает к пониманию концептов.

Наконец, скажем об осознанном отказе от жесткого разделения в тексте конфуцианской и даосской традиций, поскольку в пространстве повседневной культуры эти взгляды присутствовали в виде единого комплекса идей, трансформируемых разными субъектами.

Происхождение и развитие танской трехцветной керамики

До середины XX в. трехцветная поливная керамика была известна исключительно благодаря литературным описаниям и стилизациям, выполненным уже в XV–XVII вв. Ее первые подлинные образцы найдены в 1949 г. в одном из погребений в окрестностях г. Лоян, провинция Хэнань. Сегодня установлено, что подобные изделия создавались в последней четверти VII в., а расцвет их производства пришелся на первую половину VIII в., когда в технике сань цай помимо столовой утвари и различных сосудов создавалось большое количество мелкой погребальной пластики, курительниц и изголовий. Главным центром изготовления трехцветной поливной керамики стали мастерские Гунсянь-яо 鞏縣窯, открытые археологами в 1957 г. (совр. уезд Гунсянь, вблизи г. Лоян) [Керамика].

Тан сань цай — вид низкотемпературной глазурованной керамики. Так называемая санцай — три цвета на деле включает множество цветов (иероглиф «три» в древнекитайском языке обозначает «много»): желтый, зеленый, белый,

коричневый, синий и черный, среди них доминируют желтый, зеленый и белый, поэтому изделия принято называть «Тан сань цай».

Использование сань цай в качестве погребальных предметов началось в ранний период династии Тан (618–712), широкого распространения достигло в период расцвета династии (с конца VII в. до середины VIII в., со времени правления первой императрицы У Цзэтянь (624–705) до правления Сюань-цзун Ли Лунцзи (712–756)). В поздний период династии Тан (755–763) фигурки в погребениях используют меньше, поскольку в связи с возрастанием их ценности они стали «прерогативой богатых» [Krahl, p. 2]. Современники обратили внимание и на экологические последствия керамического производства. Один поэт оплакивал в своих стихах чрезмерное количество деревьев, шедших на обжиг этих изделий, «...описывая вырубку леса как “ограбление тысячи горных вершин голубым зимородком”. Прежние объекты восхищения стали символами упадка времен» [Ibid., p. 3]. Кроме того, начал подвергаться критике буддизм, который, как видно далее, сыграл свою роль в семантике танской пластики.

Керамика Тан сан цай разнообразна и богата по образно-сюжетному содержанию, изображаемые сюжеты охватывают все аспекты социальной жизни того времени. Изделия можно разделить на объекты, подобные повседневным вещам, окружающим человека в жизни (инструменты, посуда, предметы быта, музыкальные инструменты); фигурки людей и животных; детские игрушки. Здесь есть сосуды для воды и вина — горшки, жертвенные чаши, бутылки, банки, чашки и т. д.; посуда для еды — тарелки, сосуды для зерна, миски, треножники, коробки, чашки; емкости для косметики — пудреницы, туалетные ящики; чайники; инструменты для письма — чашка для воды и чернильный камень; курильницы; изголовья; фонари [Керамика; Кравцова]. Есть керамика, представляющая транспорт (повозки), кухню (плита, горшки и сковороды), а также модели дома, двора, отдельных комнат, шкафов, печи, бассейна и даже туалета [Чжоу Чжуняо]. Обычно изделия перечисляют списочно, но, возможно, в дальнейшем следует изучать по отдельности разные разряды вещей — одни из них являются подобиями бытовых предметов, другие — самими этими предметами, а третьи — образами живых существ. Пока же заметим, что если, предположим, в период Сражающихся царств (Чжаньго, V–III вв. до н. э.) в погребение кладут реальные письменные принадлежности [Погребенные царства, с. 64], то в эпоху Тан их замещают керамическими «копиями», не обладающими большой практичностью и не теряющими «здорового керамического смысла» [Кверфельдт, с. 12, 14].

Среди скульптурных изображений можно увидеть людей и животных: небесных владык, воинов, государственных служащих, женщин, детей. Люди запечатлены в различных действиях, они едут на лошадях или верблюдах, играют на музыкальных инструментах, танцуют. Домашние животные представлены очень широко, это не только лошади, верблюды, коровы, овцы, свиньи, собаки, утки, гуси и т. д., но и львы, певчие птицы. Знаковость предметов неоднородна. Так, наряду с достаточно реалистичными изображениями, в сань цай есть и более условные, символические образы животных для обозначения годов двенадцатеричного календарного цикла.

Музыканты на верблюде. Глазурованная керамика, династия Тан (618–907). 58,4 см. Национальный музей Китая, Пекин

Источник: <https://image.baidu.com/search/detail?ct=503316480>

Изображения людей могут быть и достаточно реалистичными, и приближенными к эстетическому идеалу. Так, во времена династии Тан в женщинах ценили полноту и мягкость форм. Эта традиция восходит еще к мифологическим описаниям красавиц. Цао Чжи так описывает Фу-фэй, красивую и порочную героиню мифа, превратившуюся в русалку:

Она грациозна, как летящий лебедь или парящий в облаках красавец дракон. Если смотришь на нее издали — видишь сияние, подобное солнцу, поднимающемуся на небе в утреннем тумане. Если смотришь на нее вблизи — она подобна белому лотосу, который распускается на зеленой волне. Все пропорции ее тела — образец гармонии и совершенства. Ее плечо как выточенное, ее талия будто стянута блестящей тканью. У нее прелестная длинная шея и кожа белая, как жир. Ей не надо румян для украшения, и с ее красотой ничто не сравнится. Высокое и черное, как вороново крыло, облако прически, тонкие изогнутые брови, красные ароматные губы, ослепительно белые зубы, кокетливые яркие глаза и на щеках две маленькие ямочки, трогающие до глубины души... (цит. по: [Юань Кэ, с. 148]).

Благородные дамы в сань цай «лунолики», т. е. у них полное лицо, подобное луне. Глаза узкие и длинные, уголки глаз стянуты кверху, брови тонкие. Полное

тело прикрыто одеждой, передняя часть одежды открыта до груди, видна белая кожа. Они изображены очень молодыми, элегантными и изящными, с улыбками на лице [Kawahara]. В этом состоит «красота полноты», которые живые желают в отношении тех, кто ушел. Ян Юйхуань, или, как ее иначе называют, Ян Гуйфэй (наложница императора Тан Сюань-цзун — одна из четырех красавиц Китая), была полной. Именно красоту такого рода демонстрирует керамика Тан сань цай.

Разнообразие форм посуды, инструментов, персонажей позволяет представить культурную картину мира династии Тан в полном объеме. Материальная и духовная жизнь в обществе в то время была довольно богатой. Люди, их позы и взаимоотношения демонстрируют важные знаковые особенности каждого социального слоя, включая слуг. Статуэтки гражданских чиновников, дворцовых охранников показывают социальный статус и должность человека. Можно упомянуть фигурки Ху, демонстрирующие национальную принадлежность, и фигурки Тянь Вана, иллюстрирующие буддистские идеи, и т. д. Все они отражают культурную жизнь людей в период династии Тан, политику, экономику, идеологию, эстетическое сознание людей того периода. Погребальная керамика Тан сань-цай является зеркалом социокультурной жизни, но не только им.

Интерпретация керамических фигурок и предметов в контексте модели мира китайской культуры

Обычай захоронения погребальных предметов в Китае пришел из неолитической эпохи. Название *Миньци* (погребальные предметы) впервые встречается в «Книге обрядов». По словам Конфуция, если почтительный сын хоронит предметы вместе с покойным и при этом считает, что он уже отличается от живых (например, уже потерял способность мыслить), то такое отношение к покойному показывает присутствие любви и гуманности. Почтительный сын хоронит предметы с покойником, считает, что умерший по-прежнему понимает окружающее, находится в нем. Поэтому похоронные принадлежности не могут быть полностью исключены из ритуала. С другой стороны, они не могут быть такими же совершенными, как те, которые используются живыми людьми. У погребальных предметов из бамбука не заплетают край, прутья просто торчат; глиняный таз может протекать, так что невозможно вымыть лицо; дерево не обработано с достаточной тщательностью, и хотя на сделанные из него музыкальные инструменты цинь и сэ установлены струны, инструменты не настроены и не зазвучат гармонично; в могилу может быть положено много сяо (духовой музыкальный инструмент из бамбука) и флейт, но на них нельзя исполнить мелодию; есть колокол, но нет подставки для него. Недостатки погребальных предметов напоминают живым о факте смерти как о переходе человека в некоторое иное пространство-состояние. К этому человеку уже нельзя относиться так же, как к живому, и вместе с тем он присутствует где-то рядом. Сами погребальные предметы при этом называются «светлыми», т. е. в умершем видят, в первую очередь, просветленный дух.

Поясним это выражение, учитывая распространение даосизма и буддизма в Китае именно в этот период. Оба учения акцентируют текучесть, процессуальный

характер бытия². Мир представляет собой «раскинутую сеть без начала» и в нем «все вещи вмещаются друг в друга» [Малявин, 1993, с. 11]. «...Это реальность, обладающая как бы двойным дном, своего рода внутренней, сокровенной, лишь символически присутствующей глубиной — глубиной того, что скрывается в сокрытии... теряется в утрате; это по-китайски небесная, или зеркальная, глубина, присутствующая в светоносной, кристалльно-прозрачной среде» [Там же, с. 11–12]. В постоянно текущем мире «светлым» будет то, что присутствует и отсутствует одновременно, и эту идею неоднократно повторяет В. В. Малявин.

Он же говорит о «вскармливании бытия» как жизненном идеале, отличном от познания или преобразования действительности человеком. Быть пассивным, неподвижным, давать развиваться и раскрываться тому, что есть вокруг, считается наиболее достойным.

Почему керамика?

Поэт XV в. Дин Хэнянь восклицает: «Так удивительно ль знать, что в нашей груди / Ничтожная пустота вмещает сонм бесчисленный миров?» (цит. по: [Малявин, 2008, с. 291]). Е. А. Торчинов цитирует философа III в. Ван Би: «Совершенный мудрец воплощает в себе отсутствие» [Торчинов, с. 143]. Понятно, что в пограничной ситуации погребения и последующего взаимодействия между ушедшим и его близкими мудрец будет тем идеальным образцом, на которого волей-неволей равняются многие. А разница в двенадцать веков не видна в этих высказываниях.

Китайцы связывали «ничтожную пустоту» с самым центром человеческого тела, соединяющим человека не только с единым бытием вокруг него, но и с его предками и потомками. «Добродетельный сын, согласно нормам конфуцианской морали, должен был беречь в неприкосновенности свое тело, в котором продолвалась жизнь его родителей» [Малявин, 2008, с. 291], т. е. пустота позволяет преодолеть изменчивую единичность и вместить в себя родовую (а далее и общемировую) субстанцию. (Вообще говоря, в этом смысле не очень важно, жив человек или мертв; грань практически стирается.) Далее В. В. Малявин отмечает, что и в даосской традиции человек занимается «самоопустошением» для обретения способности «вместить все». Пустота тела мыслится не только как потенция, о чем пишут довольно часто, но и как условие обретения единства с сущностными качествами бытия. Затерянность, незримость, отсутствие являются в том числе и эстетическими категориями, если речь идет, к примеру, об изображении человека в пейзаже.

Жаль, что авторы работ по философии не всегда упоминают керамику, а искусствоведы не пишут о концептосфере. Но именно проводимое нами сближение позволяет предположить, как можно трактовать керамическую фигурку человека в контексте погребального обряда. Керамическая основа — это не просто будущее вместителище двух или более душ умершего человека, можно утверждать, что

²Л. Цзезан говорит даже о «подражании арабо-персидскому декору» в керамике сань цай [Цзезан], но и там мы видим в картине мира мерцание и движение, о которых писал О. Шпенглер.

ни одна технология, ни одна эстетика не адекватна настолько теме смерти, как поливная керамика. Выполненная из вещества самой земли, лишенная исходной формы и удерживающая ее за счет глазури, сань цай принципиально не отличается от человека, а ее распад обеспечивает буквальное «возвращение к основе». Если же считать предшественницей танской керамики знаменитую армию императора Цинь Шихуанди, то там в глиняных формах присутствует и буквальная пустота [Погребенные царства..., с. 96].

Равным образом музыкальный инструмент из глины «пуст» в отношении музыки, как обычной, так и общемировой: он есть, но его и нет; он воплощает отсутствие. Посуда не просто «содержит пустоту», как в знаменитом высказывании Лао-цзы о сосудах, сделанных из глины, но, в силу размера, не служит практическим целям.

Та же структура (и здесь мы приближаемся к подходу К. Леви-Стросса) присутствует и в захоронениях. Например, «...при погребениях в ямных могилах китайцы использовали внешний и внутренний гробы. В Ханьских погребениях из кирпича или камня наружным гробом служил сам склеп, а тело умершего размещали во внутреннем деревянном гробу. Части гроба скрепляли шипами, позже — железными штифтами, а доски изготавливали из лучших сортов древесины и богато украшали или покрывали лаком» [Лёве]. Первый гроб не содержит тела умершего внутри себя, не позволяя телу быть «прямо противоположным» телам живущих. Такая структура формирует двойное отрицание в отношении статуса тела: потенциально оно еще будет жить [Малявин, 2014]. Потенциально музыкальные инструменты могут заиграть, точнее, умерший может воспользоваться ими. Единый пространственно-временной континуум не требует (точнее, препятствует) оппозиции жизни и смерти.

В свете сказанного выбор керамики в целом и типов изделий, которые есть в сань цай, теснейшим образом сопряжен с общекультурными представлениями о жизни и смерти, притом как со стороны трактовки жизни отдельным человеком, так и внутри модели «большого» мира, главной частью которого является «середина» [Там же, с. 8–9]. Керамические изделия не являются буквальными копиями прототипов, которые якобы будут обслуживать умершего. Они передают некие главные признаки, главные типические компоненты будущим предметам и существам. И точно так же, достигнув «пустоты», умерший передаст свои родовые признаки следующим поколениям. Инобытие (а не уход от бытия) позволяет вещам и людям сохранить себя, а керамика достаточно «гарантированно» помогает высвободить творческую силу мироздания. В соответствии с ней, если из глины делают сосуды, которые внутри пусты, появляется возможность использовать их (Лао-цзы).

Заключение

На основе структурно-семиотического подхода к концептам жизни и смерти, выраженным танской керамикой сань цай, был проведен анализ не столько самих предметов, сколько действий людей, использующих их в ритуале пышных похорон. Показано родство керамики и всех ее составляющих, от материала до образа

и декора, с остальными элементами погребального ритуала, в свою очередь, вple-тенного в повседневные практики людей в целостном мире, лишенном взаимо-исключающих противоположностей. Выводы работы достаточно дискуссионны, но они позволяют преодолеть длительную дескриптивную традицию в отношении трехцветной керамики времен династии Тан.

-
- Васильев Л. С.* Древний Китай. Т. 3 : Период Чжаньго (V–III вв. до н. э.). М., 2006.
- Дебен-Франкфор К.* Древний Китай / пер. с фр. Е. Барсуковой. М., 2002.
- Кверфельдт Э. К.* Предмет в китайском искусстве. Л., 1937. 38 с.
- Керамика // Синология : [сайт]. URL: <http://www.synologia.ru/> (дата обращения: 31.12.2020).
- Китайское искусство: Принципы. Школы. Мастера / сост., пер. с кит. и англ., вступ. ст., очерки и коммент. В. В. Малявина. М., 2004.
- Кравцова М. Е.* Мировая художественная культура. История искусства Китая : учеб. пособие. СПб., 2004.
- Лёве М.* Китай династии Хань. Быт, религия, культура. М., 2005. URL: https://historylib.org/historybooks/Maykl-Lyeve_Kitay-dinastii-KНan--Byt--religiya--kultura/2 (дата обращения: 20.02.2021).
- Леви-Стросс К.* Структурализм и экология // Леви-Стросс К. Первобытное мышление. М., 1994. С. 337–355.
- Малявин В. В.* Повседневная жизнь Китая в эпоху Мин. М., 2008.
- Малявин В. В.* Пространство в китайской цивилизации. М., 2014.
- Малявин В. В.* Традиция «внутренних школ» ушу. М., 1993.
- Погребенные царства Китая / пер. с англ. А. Чекмарева. М., 1998. 168 с.
- Тань Аошуан.* Китайская картина мира: язык, культура, ментальность. М., 2004.
- Тао Мэнтин, Быстрова Т. Ю.* Методологический потенциал изучения концептов в культурологии // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2020. № 2. С. 111–121. <https://doi.org/10.15826/izv1.2020.26.2.035>
- Торчинов Е. А.* Даосизм: опыт историко-религиозного описания. СПб., 1998.
- Флиер А. Я.* наброски к построению социокультурной картины мира в границах культурологии // Обсерватория культуры. 2012. № 4. С. 4–11.
- Цзечжан Л.* Композиционные особенности живописи на фарфоре Китая : автореф. дис. ... канд. искусствovedения. СПб., 2008.
- Юань Кэ.* Мифы Древнего Китая. 2-е изд. / пер. с кит. Е. И. Лубо-Лесниченко, Е. В. Пузицкого и В. Ф. Сорокина. М., 1987.
- Fang L.* Chinese Ceramics. Cambridge, 2011.
- Cui Jianfeng, Rehren Thilo, Lei Yong et al.* Western technical traditions of pottery making in Tang Dynasty China: chemical evidence from the Liquanfang Kiln site, Xi'an city // Journal of Archaeological Science. 2010. Vol. 37, iss. 7. P. 1502–1509. <https://doi.org/10.1016/j.jas.2010.01.010>
- Kawahara M.* A Female Beauty of the Tang Dynasty: The Tomb Figurine of a Woman Holding a Pekinese // Kyoto National Museum. URL: <https://www.kyohaku.go.jp/eng/dictio/touji/kasai.html> (accessed: 31.12.2020).
- Krahl R.* Chinese Ceramics in the Late Tang Dynasty. 11 p. URL: <https://asia.si.edu/wp-content/uploads/2017/10/04Krahl.pdf> (accessed: 25.01.2021).
- Чжан Дандань.* О гуманистической ценности Тан Сан-цай // Изв. Чаншаского ун-та. 2006. № 4. С. 107–108. 张丹丹 略探唐三彩的人文价值. 长沙, 长沙大学学报, 2006年.第4期.第107–108页.
- Чжоу Чжуняо.* Анализ изобразительного искусства Тан Санцай в период процветающей династии Тан // Журнал высшего заочного образования (Ухань). 2006. № 1. С. 150–152. 周忠耀 盛唐气象之下的唐三彩造型艺术欣赏. 武汉, 高等函授学报, 2006年, 第1期, 第150–152页.

Чжоу Хуайдун. Анализ искусства Тан Санцай // Нанькин: Сотни школ искусств. 2013. № 7. С. 227–229. 周怀东 唐三彩艺术研究。南京, 艺术百家, 2013年, 第7期, 第227–229页。

Юй Фувэй, Чжань Цзянь. Общее введение в танскую трехцветную керамику // Чжэнчжоу. Культурные реликвии центральной равнины. 1994. № 1. С. 61–65. 余扶危, 张剑 唐三彩概述。郑州, 中原文物, 1994年, 第1期, 第61–65。

Статья поступила в редакцию 20.02.2021 г.

DOI 10.15826/izv1.2021.27.2.039
УДК 747(470.311)“16” + 902.4

С. И. Баранова

ИНТЕРЬЕРЫ МОСКОВСКИХ ДВОРЦОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.: ОПЫТ ИНВЕНТАРИЗАЦИИ*

Статья посвящена изучению интерьеров дворцов XVII в. В России не сохранилось ни одного подлинного дворцового интерьера этого времени, поэтому анализируются описи дворцов, в том числе деревянного дворца 1667–1767 гг. в Коломенском. Цель работы — проверить возможность визуализации утраченных интерьеров на основе детального перекрестного изучения текстов документов (опубликованных и неопубликованных), изображений и подлинных предметов, представленных археологическими находками и вещами из музейных собраний. Ранее попытки подобных реконструкций предпринимались и были по-своему удачными, но исследователи ограничивались исключительно теми сведениями, которые предоставляли сами письменные источники (в статье приводится разбор таких попыток). В общем виде привлечение сохранившихся вещей и редких изображений в качестве аналогов для насыщения предметами интерьеров XVII–XVIII вв. опробовано еще в 2010-х гг. при натурном восстановлении интерьеров копии дворца в Коломенском. Такой эксперимент сам по себе требует осмысления и научного обоснования, представляя задачу источниковедческого характера. Путь к ее решению — оценка самой возможности создания полных инвентарных описей современного типа для дворцовых интерьеров XVII — начала XVIII в.

К л ю ч е в ы е с л о в а: дворцовые описи; интерьер; дворец в Коломенском; реконструкция; археология; изразцовые печи; мебель

Искусство интерьера в архитектуре — самое хрупкое из всего созданного человеком. Когда его перестают понимать, его разрушают, и оно исчезает. То немногое, что еще уцелело, должно быть сохранено и оценено по достоинству.

Л. В. Тьдман

Для современного ученого, археолога или музейного хранителя, составление описи предполагает включение в нее не только описания основных характеристик предмета, но и его изображения. Простейший и всеобъемлющий пример — Государственный каталог Музейного фонда РФ, основанный на таком подходе. Однако подобная практика возникла совсем недавно. В XVII, XVIII вв., а зачастую и в XIX в., составляя самые различные описи вещей, почти никогда не предусматривали их изображений. В поздний период при публикации их могли

* Работа осуществлена при поддержке гранта РФФИ, проект № РФФИ 20-09-42021.

воспроизводить выборочно, как, например, один из первых музейных каталогов иллюстрированной фототипиями «Описи Московской Оружейной палаты» [Опись Московской Оружейной палаты], но в XVII–XVIII вв. иллюстраций в описях не было вовсе. При этом, поскольку некоторые из документов достаточно подробны, их визуализация могла бы существенно продвинуть наши представления о предметном мире дворцовых интерьеров, показать его с бытовой, социальной и художественной точек зрения. Особенно это важно для XVII — начала XVIII в. в России, где из-за неразвитости жанровой живописи (натюрморт, интерьеры) ассортимент изображенных вещей чрезвычайно скуден.

Отчасти с этим обстоятельством следует смириться. Правда, некоторого продвижения в сторону фундированной реконструкции оказалось возможным достичь путем внутренней критики такого исторического источника, как опись, что доказали работы наших предшественников. Никто из них, однако, не попытался сделать следующий шаг и проделать за составителем описей XVII в. ту часть работы, которую выполняет сегодня любой музейный хранитель или археолог. То есть соотнести строку «инвентаря» с изображением предмета, создав на основе описи каталог современного типа. Это, конечно, эксперимент, ведь описываемой ситуации в реальности давно не существует, и реконструктивные описи не будут обладать абсолютной полнотой и точностью в части изображений, но все же смогут продвинуть нас в понимании предметного мира, бытовых и культурных особенностей среды и помогут в их эмоциональном восприятии. Более того, допустимо думать, что прецизионность, принятая в современных инвентарях (точность измерений, указания на тип, оценка сохранности и т. п.), в данном случае и не особенно нужна: ведь описания у наших предков не отличались подробностями. Настолько, что обращение к одному только тексту способно породить забавные ошибки даже у опытных исследователей, таких как Ричард Хелли, принявший стеновые плитки за обогревательные приборы [Хелли, с. 243].

До наших дней в Москве не сохранилось ни одного подлинного интерьера дворцов XVII в. Между тем хорошо известно его значение для оценки того культурного пространства, возникновение которого связано с жизнью, бытом, традициями, новациями, вкусами его владельцев, оказавшими влияние на дальнейшее развитие русской культуры. Обращение к описям дворцов первых Романовых и близкого им круга стало главным подходом в изучении интерьера в рамках создания интерьерной экспозиции в копии Коломенского дворца, созданной к 2010 г.

Первым оценил потенциал дворцовых описей историк и археолог Иван Егорович Забелин. В его капитальных трудах «Домашний быт русских царей в XVI–XVII веках» (1862) и «Домашний быт русских цариц в XVI–XVII веках» (1869, 2-е изд. — 1872) использовались описи Коломенского и Измайловского дворцов, опись хором князя В. В. Голицына и другие источники. Материалы по дворцам и Патриаршим палатам Московского Кремля также публиковались И. Е. Забелиным. Эта группа источников использовалась избирательно, например, представленная частично опись «Росписного списка дворца села Коломенского» 1742 г. (РГАДА. Ф. 1239, Оп. 1. Д. 486. Л. 8–42 об.). Забелин был убежден, что эта опись

являлась поздней копией, не дошедшей до нас «Описи в Коломенском дворце государевых хором и прочему строению 1677 года»¹.

Не опубликованными полностью оказались описи Ивана Федоровича Мичурина (1703/1704 — после 1763), выдающегося зодчего, среди которых «Доношение архитектора Ивана Мичурина в Главную дворцовую канцелярию об осмотре дворца в Коломенском с описанием “ветхостей”, сметами расходов строительных материалов и ценами на них» от 25 мая 1740 г. (РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 31818. Л. 58–69 об., копия на л. 71–89 об.). Опись, выполненная одним из первых русских архитекторов-реставраторов, содержит множество бесценных сведений о многочисленных помещениях дворца, его окнах, печах, и т. п. [Баранова, 2018]. Единственным опытом полного обзора описей, в которых отражено состояние царской резиденции в Коломенском, остается посвященная истории дворца диссертация Д.-М. И. Ачаркана «Дворцовое село Коломенское: история его памятников зодчества по архивным данным», написанная в 1918 г. (МГОМЗ. А–1596. К–13404). В ней приводятся тексты известных описей дворца.

Дворцовые описи стали одними из главных источников в изучении интерьеров, благодаря им можно судить об особенностях позднесредневекового быта высшего сословия. Для полноты картины в рамках поставленной задачи вслед за И. Е. Забелиным были проанализированы не только описи царского дворца в Коломенском времени его существования, в том числе и описи архитектора И. Ф. Мичурина, но и описи, современные дворцу или ненамного отстоящие по времени, т. е. материалы по царскому дворцу в Измайлове (Опись дворца и хозяйственных заведений в селе Измайлове 1687 г. // МГОМЗ. А-1062. УП-1253. Л. 1–12 об.) [Топычканов]; дворцам и Патриаршим палатам в Московском Кремле [Материалы для истории, археологии и статистики московских церквей...]; «Розыскные дела о Федоре Шакловитом» [Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках], в которых описано убранство палат (дворца) В. В. Голицына. Также были привлечены новые сведения об интерьерах дворцов и дворцовых помещений XVII в., выявленные современными исследователями Т. Н. Смирновой [Смирнова, с. 57–66], Е. А. Мараловым [Маралов, с. 150–158] и др.

Практика составления интерьерных (дворцовых, служебных помещений) описей имеет давнюю историю. В XVII–XIX вв. и даже XX в. они составлялись по разным поводам, в том числе с целью выявления «ветхостей» для предполагаемых ремонтов и никогда не предусматривали изображений. Некоторые из этих

¹ И. Е. Забелин писал: «К сожалению, мы не имеем описи Коломенских хором, современной их устройству при царях Алексее и Федоре. Знаем только, что в приказной Коломенской избе еще в половине XVIII ст. хранилась “опись в Коломенском дворце государевым хоромам и прочему строению, на 46 листах, 7185 (1677) года”, именно того времени, в которое дворец сохранял еще устройство, какое ему дано было его строителем, царем Алексеем. Эта опись, без сомнения, послужила образцом или даже оригиналом для последующих описей, или так называемых “росписных списков”, по которым прикащики или управители официально сдавали друг другу коломенское хозяйство, все здания и разного рода вещи, находившиеся у них в хранении. Такие росписные списки или инвентари составлялись обыкновенно по случаю каждой управительской сдачи казенного хозяйства и имущества и, само собой разумеется, почти всегда должны были представлять более или менее точную копию первоначальных описей, особенно в отношении недвижимостей, как, например, казенных зданий, состояние которых редко подвергалось значительным переменам» [Забелин, с. 476–477].

описей достаточно подробны, их «материализация» смогла бы существенно продвинуть наши представления о богатстве интерьеров ушедших и сохранившихся дворцов, увидеть их убранство с бытовой, художественной, социальной точки зрения, раскрыть атрибутивные характеристики вещей переходного периода.

Особенно это важно для XVII в., где из-за отсутствия жанровой живописи запас изображений, позволяющих судить об убранстве дворцов, чрезвычайно скуден². Эта скудность заставляет привлекать другие иконографические источники, например, иконопись и миниатюры для поисков деталей интерьера, на которые, однако, не всегда можно опираться со всей уверенностью. Конечно, в круг источников не включается материал русской исторической живописи XIX в., но он позволяет оценить уровень представлений о национальном быте и культуре [Баранова, 2008].

Отчасти делу помогают археологические находки. М. Г. Рабинович полагал даже, что для оценки убранства интерьеров этого периода «в распоряжении исследователя имеется вполне достаточное количество реалий, хранящихся в наших музеях» [Рабинович, с. 42], дополняемых обилием письменных сведений (хотя изображений и остатков подлинных строений сохранилось немного). В этом случае, скорее, речь идет о бытовых изделиях XVII в., которых немало и в раскопках, и в музеях. В этом смысле XVII в. — это время выработки понимания комфорта, тяги и привычки к нему. Материально (вещественно) страна начала жить гораздо богаче, что и определяет насыщенность и толщину даже культурных отложений, в том числе и в Коломенском [Беляев; Беляев, Баранова].

Увидеть все это можно не столько через интерпретацию описи как исторического источника, но и путем «визуализации» текстов, сопоставления доступных нам реальных элементов убранства. Немногие попытались проделать за составителем описей XVII в. ту часть работы, которую выполняют сегодня музейный хранитель и археолог — соотнести строку инвентаря с реальным предметом (опыты такого рода известны в трудах сотрудников ГИМ 1920-х гг.) [Бакланова, Ржига]. Описывая предметный мир русского интерьера, как правило, обходят стороной его ранний период (известное исследование развития искусства интерьера с 1700 г. по 1840-е гг. Л. В. Тьдмана [Тьдман], работа Ю. А. Тихонова [Тихонов]). Исключение представляет опыт по копированию «в материале» интерьеров дворца в Коломенском, предпринятый в 2010-х гг. [Беляев, Панова], который показал, что эксперименты по реконструкции могут не только усилить эмоциональное восприятие интерьера, но и продвинуть его научное изучение.

Вернемся к вышеперечисленным описям, которые различаются между собой полнотой описания. Несмотря на некоторые отличия, общая информация, полученная из всех документов, позволяет судить о дворцовом интерьере и его типовых помещениях. Этому способствовала принятая унификация текста, так как подъячие, обычно составлявшие описи, использовали в качестве образца готовые

² В первую очередь, это иллюстрации к запискам иностранцев: Олеария и Мейерберга. У последнего имеется рисунок И. Р. Стоуна «Прием посланников римского императора Леопольда I русским царем Алексеем Михайловичем 24 апреля 1662 года». См.: [Альбом Мейерберга].

описи предшествующих лет, по которым и составляли новые. Обычно (а в дворцовых приказах всегда) это были опытные люди: они учились составлять описи на практике, у профессиональных подьячих или в своей профессиональной сфере (для учета денежной казны привлекали выходцев из купеческой среды, а для учета хозяйственных ресурсов — посадских)³.

Из сравнения описаний ясно, что типичные помещения дворцов, как парадные, так и служебные, отличало сходство убранства. Наиболее стандартна обстановка сеней, в них представлен «минимальный интерьерный набор» XVII в. — слюдяные оконницы, обитые сукном двери, лавки с опушками, иногда столы или занавеси на окнах, стены, обитые тканью или расписанные.

Сопоставление дворцовых помещений XVII в. дает возможность синтезировать общие представления о наполнении помещений различного назначения, от парадных до служебных; и позволяет выявить наиболее часто встречающиеся типы предметов (или элементов). Такими элементами в первую очередь становятся даже не мебель и не предметы декоративного убранства, а то, без чего не обходится практически ни одно помещение: окна, двери, стены, пол и потолок. Частота упоминаний этих элементов в текстах описей позволяет создать их словесное описание, включающее мелкую фурнитуру, виды декора и материалы. В своем монументальном труде «Домашний быт русского народа» И. Е. Забелин при анализе источников пользуется именно этим принципом, разделяя предметы на группы.

Очень редко удается «проиллюстрировать» описи подлинными предметами, происходящими из конкретных дворцов и сохранившимися в музейных собраниях. К ним относятся знаковые, нерядовые вещи, имеющие атрибуцию не только по месту принадлежности, но и по персоналиям, например, трон царя Бориса Годунова, который, начиная с венчания Михаила Федоровича на царство, на протяжении нескольких столетий использовался в церемониях возведения на престол российских государей в Кремле [Венчания на царство..., ч. 1, с. 68].

Сюда можно отнести предметы интерьера и утварь, полученные московскими царями в дар от иностранных посольств, которые по причине ценности и редкости после вручения дара отправляли в царскую сокровищницу и использовали по назначению в исключительных случаях. Уникальной стала атрибуция парсуны патриарха Никона. Созданная мастерами Оружейной палаты в 1680-х гг. (вероятно, вскоре после смерти Никона в 1681 г.), она с конца 1680-х гг. принадлежала князю В. В. Голицыну, что подтверждает опись его дворца [Исследование и реставрация парсуны...]. По некоторым сведениям, из Коломенского дворца происходит лишь несколько таких предметов, в том числе деисус, стул, обитый кожей, слюдяная оконница, жиковины. Эти предметы хранятся в собрании МГОМЗ [Суздальев] и вызывают постоянный интерес исследователей, в том числе и своим происхождением. Так, центральный образ деисуса «Спас Эммануил на престоле с припадающими свв. Артемоном и Евдокией» стал темой публикации И. Л. Бусевой-Давыдовой, пересмотревшей бытовавшую ранее версию о написании образа специально для вклада в царский дворец и датировку, которая была

³ Благодарю А. В. Топычанова за консультацию по этому вопросу. Прим. автора.

связана с событиями жизни заказчика иконы Артамона Сергеевича Матвеева [Бусева-Давыдова].

Этот небольшой ряд пересекается с более широким кругом аналогов, дающих типологическую основу для дворцовых интерьеров при сравнении с дворцовыми описями. Среди них мебель (традиционная, привозная, заказанная местным мастерам по европейским образцам и т. п.), сохранившаяся в музеях в небольших количествах до наших дней, которая зачастую требует уточнения атрибуции [Баранова, 2020]. Напомним, что нехватка мебели наблюдается в дворцовом быту и в XVIII в. [Соболев, с. 291–293]. В середине XIX в. при реконструкции дворцовых интерьеров палат Романовых столкнулись с острой нехваткой мебели XVII в. [Соболев], и не только. Не случайно в эти годы остро осознается потребность в исследовании и фиксации предметов царского круга, издаются подготовленные Ф. Г. Солнцевым «Древности Российского государства» [Древности Российского государства].

Группа аналогов очень важна, так как вещественные памятники позволяют подтвердить те положения и выводы, которые можно сделать на основе анализа письменных источников. Такие произведения приобретают черты аутентичности в отношении исследуемого периода, и их нахождение в интерьерах может быть обосновано. При работе с группой источников, объединенных этим признаком, в первую очередь следует обращать внимание на датировку, на стилистическое соответствие предмета и интерьера, на его социокультурный фон.

Для успешной визуализации интерьера очень важна точная привязка предмета и памятника. Часто она обеспечена археологически, ведь находки на территории дворцов имеют прямое отношение к убранству помещений, упоминаемых в описях. Так, в Коломенском находки слюдяных оконниц, металлической фурнитуры дверей и окон дворца и более всего печных изразцов стали одним из главных источников реконструкции [Беляев, Кренке, 1993, 2005; Баранова, 2007, 2011].

Таким образом, предложенный подход позволяет охарактеризовать многое в интерьере: деревянные полы, двери, подоконные доски и потолочные карнизы с резьбой; окна; печи; декоративные ткани (обивка, ковры, завесы); осветительные приборы (паникадила, шенданы, подсвечники); мебель (лавки, скамьи, кресла, стулья, столы, шкафы и поставцы); орнаментальную и сюжетную живопись: «травное» и «бытийное» письмо; иконы.

Работа по созданию таких виртуальных инвентарей важна не только для изучения дворцовых интерьеров указанного периода, но и для развития источниковедения, практики музейного дела, а также для общей истории культуры. Поиски документальных и вещевых источников, разработки методологических аспектов источниковедческого, искусствоведческого, культурологического анализов предметно-пространственной среды русского дворцового интерьера XVII в. позволят обрисовать особенности быта русской аристократии, соотнести статусный, демонстративный интерьер с бытовым, глубже понять своеобразие культуры переходного периода — от Московского царства к Российской империи европейского типа.

- Альбом Мейерберга. Виды и бытовые картины России XVII века. СПб., 1903.
- Баранова Н. А. Обстановка Московских приказов в XVII в. // Труды ГИМ. М., 1926. Вып. 3. С. 53–100.
- Баранова С. И. К вопросу о реконструкции печей Коломенского дворца // Коломенское : материалы и исслед. М., 2007. Вып. 10. С. 118–134.
- Баранова С. И. Русские печи и камины в изобразительном искусстве // Коломенское : материалы и исслед. М., 2008. Вып. 11. С. 129–138.
- Баранова С. И. Изразцы из Коломенского дворца: трансформации художественных импульсов // Коломенское : материалы и исслед. М., 2011. Вып. 13. С. 197–215.
- Баранова С. И. Описи И. Ф. Мичурина как источник изучения материальной культуры XVI–XVII вв.: деревянный дворец и церкви села Коломенское // Российская археология. 2018. № 3. С. 169–176.
- Баранова С. И. Из опыта создания древнерусских дворцовых интерьеров: мебель // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда: Вестн. МГХПА / Моск. гос. худож.-пром. акад. им. С. Г. Строганова. М., 2020. № 2, ч. 1. С. 34–51.
- Беляев Л. А. Позднее Средневековье и начало Нового времени в России: рождение историко-археологической версии // От Смуты к Империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVII вв. М., 2016. С. 6–11.
- Беляев Л. А., Баранова С. И. Археология о дворце XVII века в Коломенском: обзор источников // Краткие сообщ. Ин-та археологии. М., 2020. Вып. 260. С. 355–367.
- Беляев Л. А., Кренке Н. А. Археологические исследования дворца царя Алексея Михайловича // Коломенское : материалы и исслед. Вып. 4 / под общ. ред. В. Е. Суздалева. М., 1993. С. 72–113.
- Беляев Л. А., Кренке Н. А. Деревянный дворец конца XVII в. в Коломенском: опыт археологической локализации // Российская археология. 2005. № 4. С. 176–188.
- Беляев Л. А., Панова Т. Р. Дворец царя Алексея Михайловича XVII века : историко-художественная реконструкция. М., 2011.
- Бусева-Давыдова И. Л. «Школа Оружейной палаты» и старообрядческая иконопись: к постановке проблемы // Коломенское : материалы и исслед. М., 2011. Вып. 13. С. 255–271.
- Венчания на царство и коронации в Московском Кремле. Ч. 1 : XVI–XVII вв. : каталог выставки. М., 2013.
- Древности Российского государства, изданные по высочайшему повелению государя императора Николая I : в 6 отд. и доп. к отд. III. М., 1849–1853.
- Забелин И. Е. Домашний быт русских царей и цариц в XVI и XVII столетиях. М., 2003.
- Исследования и реставрация парсуны патриарха Никона // Труды ГИМ. М., 2006. Вып. 157.
- Маралов Е. А. Алексеевский дворец на р. Пехорке. Период светлейшего князя А. Д. Меншикова // Архитектурное наследство. М., 2006. Вып. 46. С. 150–158.
- Материалы для истории, археологии и статистики московских церквей, собранные из книг и дел прежде бывших патриарших приказов В. И. и Г. И. Холмогоровыми при руководстве И. Е. Забелина. М., 1884. Т. 1.
- Опись Московской Оружейной палаты : в 7 ч. (10 вып.) + Атлас рисунков (500 л. ил.). М., 1884–1893.
- Рабинович М. Г. Очерки материальной культуры русского феодального города. М., 1988.
- Ржига В. Ф. Очерки из истории быта домонгольской Руси // Труды ГИМ. М., 1929. Вып. 5. Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. СПб., 1893. Т. 4.
- Смирнова Т. Н. Усадьба Богородское (Черная Грязь) в XVII в.: структура хозяйственного и жилого комплексов // Коломенское : материалы и исслед. М., 2007. Вып. 10. С. 57–66.
- Соболев Н. Н. Русская народная резьба по дереву. М. ; Л., 1934.
- Суздальев В. Е. Русское чудо. Царский дворец в Коломенском — шедевр русского деревянного зодчества второй половины XVII — первой четверти XVIII века. М., 2005.
- Тихонов Ю. А. Мир вещей в московских и петербургских домах сановного дворянства: (по новым источникам первой половины XVIII в.). М., 2008.

Топычканов А. В. Повседневная жизнь дворцового села Измайлова в документах приказной избы последней четверти XVII века. М., 2004.

Тыдман Л. В. Изба, дом, дворец. М., 2000.

Хелли Р. Стоимость строительных материалов в Московском государстве XVII в. // Культура средневековой Москвы: XVII век. М., 1999. С. 233–248.

Список сокращений

ГИМ — Государственный исторический музей

МГОМЗ — Московский государственный объединенный музей-заповедник

РГАДА — Российский государственный архив древних актов

Статья поступила в редакцию 19.03.2021 г.

РОЛЬ КУЛЬТУРНО-СИМВОЛИЧЕСКОГО ОБРАЗА КРЫМА В ФОРМИРОВАНИИ БРЕНДА РЕГИОНА

В статье рассматривается роль культурно-символического образа Крыма в формировании бренда региона. В число культурных ресурсов, которые являются основой символического капитала полуострова, входят уникальные события, исторические достопримечательности с мировым значением, фестивали и мероприятия.

К л ю ч е в ы е с л о в а: имидж; репутация; бренд; город

Введение

Символический образ региона или отдельного города является необходимым фактором для формирования целостного образа государства, ведь исторические, природные, культурные, социально-экономические и другие составляющие — это важнейшие элементы становления духовного и идеологического стержня всего общества. Обращение к символу как феномену одновременно сочетает реальное и ирреальное, рациональное и иррациональное, наделяет регион чрезвычайным потенциалом. Проблема имиджа или символического образа региона интересна не только специалистам по связям с общественностью, маркетологам, социологам, но и культурологам. Это обусловно тем, что региональная идентичность неразрывно связана с культурными элементами, такими как история, внешний облик, местная символика, культурные коды поведения жителей, знаковые события и личности, характер коммуникаций и культурные традиции местного сообщества. Следовательно, бренд определенного места формируется и через культурные символы и образы, которые тоже могут трансформироваться в культурные бренды. Проблематика формирования символического образа региона, несмотря на свою актуальность, остается малоизученной.

Объект исследования: «Крым» как региональный бренд.

Предмет исследования: культурно-символический образ Крыма.

Цель исследования: выявить роль культурно-символического образа Крыма в формировании бренда региона.

Задачи исследования:

1. Проанализировать значение понятия «символ» в научной литературе.
2. Выявить особенности понятий «имидж», «репутация» и «бренд» региона и разграничить их.

3. Исследовать символический образ Крыма и его роль в формировании бренда региона.

Методология исследования:

- культурно-исторический метод, позволяющий проследить особенности формирования символического образа Крыма;
- метод анализа, выявляющий взаимосвязи между символическим образом Крыма и развитием этнокультурного туризма;
- семиотический метод, используемый для выявления символического образа Крыма.

Результаты исследования

Культурный потенциал каждого региона выступает перспективным ресурсом его развития и средой формирования, сохранения и передачи символических ресурсов. Прежде чем перейти к изучению культурно-символического потенциала региона как совокупности духовных богатств, достижений искусства и творчества, рассмотрим понятие «символический образ». Символ является предметом интереса многих социально-гуманитарных наук. По мнению семиотика и культуролога Ю. М. Лотмана, символы являются основанием символических образов, пронизывающих «всю историю человечества или большие ее ареальные пласты» [Лотман, с. 318]. Автор размышляет о двойственной природе символа, определяет его место в культуре как связующее звено между историческими периодами и памятью общества. Ю. М. Лотман считает, что для иконических знаков, к которым он относит образ, в качестве кода выступают непосредственные зрительные, слуховые и тому подобные впечатления. Коды усваиваются без участия сознания человека, для их освоения не требуется изучение системы знаков.

По мнению М. С. Кагана, духовной и художественной культуре необходимы особые способы материализации ценностей, знаний, образов, и такой системой может выступить язык культуры. Автор ставит человека в категориальный ряд «природа — человек — общество», указывает на особенность человека, которому присуща продуктивная, а не спонтанная деятельность, которая может стать механизмом социального наследования [Каган, с. 158].

Обратимся к трактовке знака Роланом Бартом. Автор представляет знак как результат сочетания означаемого и означающего. По его мнению, текст состоит из большого количества культурных кодов, о которых порой не знает сам автор. Культурный код Барт характеризует как сплетение большого количества цитат, как мираж, состоящий из множества воспоминаний. Содержательные единицы, образуемые этим кодом, — это отголоски того, с чем человек уже сталкивался, читал, видел, делал или переживал [Барт, с. 406].

Одним из решающих факторов, оказывающих влияние на формирование личности, выступают культурные символы региона, в котором человек проживает. Такими символами могут стать культурные артефакты (храмы, исторические дома, различные поселения), официальные символы региона, своеобразные типизации, характерные для данной территории с учетом определенных исторических условий. Со временем индивид заимствует специфический тип

жизнедеятельности и отождествляет себя с каким-либо сообществом. Это может быть семья, дружеский или профессиональный круг, религиозная община [Чебо-ненко, с. 3].

Рассмотрев значение символа и знака в культуре, перейдем к понятию «образ». Отметим, что одним из первых исследователей, применивших понятие «образ» к определенной территории, был К. Линч, опубликовавший в 1960 г. книгу «Образ города» («The Image of the city»). Он охарактеризовал образ как «результат обратной связи между наблюдателем и его окружением, то есть пережитый опыт взаимодействия людей с городом, формирующий мысленное восприятие городской среды» [Линч, с. 144]. Несмотря на то что К. Линч не был культурологом, в его концепции наблюдается связь между человеком и культурой, его предметно-пространственным окружением. Концепция автора показала, как от индустриального проектирования города перейти к постиндустриальному, и это стало актуальным на следующем этапе урбанизации.

Образ города или региона в жизни страны определяется не только объективными параметрами, его физическим или юридическим статусом, но и его субъективным восприятием, символическим значением для культуры страны. Исходя из вышесказанного, образ города можно трактовать как совокупность ассоциаций, возникающих у человека при упоминании его имени. Париж, Рим, Нью-Йорк, Мадрид, Прага, Токио, Москва, Киев — образ каждого из этих городов является уникальным и неповторимым. Жемчужиной Крыма является Большая Ялта — это Гаспра, Алушка, Ливадия, Гурзуф, Массандра, Кореиз и собственно сам город Ялта. У туристов этот регион ассоциируется с живописными ландшафтами и горами, дворцами и достопримечательностями, знаменитыми винами местного производства. Именно образ солнечной Ялты изображался на туристических плакатах в 1930-е гг. Организация «Интурист» разрабатывала тематические туристские программы посещения СССР, которые позволяли знакомиться с природой, историей и многонациональной культурой городов и республик СССР. Также была идея представить за границей собственный бренд — «Советскую Ривьеру», куда должна была войти территория черноморского побережья от Крыма до Сочи и Абхазии. Туристский плакат был предметом рекламы достопримечательностей, а через них — и целой страны.

Таким образом, символический образ — целостное восприятие (понимание и оценка) территории различными группами общественности, формирующееся на основе эмоциональных и рациональных представлений, ассоциаций, сопоставления признаков, собственного опыта, предпочтений и мнений людей. При упоминании объекта, выступающего символом, у человека формируется символический образ территории.

Многомерность символа допускает разные интерпретации. Следовательно, символический образ может проявляться в различных культурных текстах. Символические образы насыщают культурное пространство абсолютно любого типа. Конкурентоспособность территории сегодня растет благодаря достижениям в области культуры, отвечающим требованиям информационного века. Следовательно, помимо географической уникальности, регионы могут выгодно

позиционировать себя благодаря историческому и культурному прошлому, туристическим и рекреационным ресурсам.

Образ представляет собой более широкое понятие, включающее понятие «имидж». Некоторые авторы считают, что имидж возникает лишь при взаимодействии аудитории и носителя имиджа. Информация, поступающая от аудитории, выступает основой для формирования имиджа, который, в свою очередь, рассчитан на нее. Имидж порождается аудиторией и ей адресован. Таким образом, имидж является результатом сознательно направленных процессов продвижения образа города и его отдельных сегментов, ориентированных на различные целевые группы. Это внешний образ, который создается субъектом с целью вызвать ожидаемую реакцию у стороннего наблюдателя. Имидж региона – это сформированный на основе субъективных убеждений, ощущений, впечатлений, мыслей и эмоций образ города в сознании целевой аудитории [Леонтьев, с. 12]. Он обусловлен национальными, социальными, культурологическими факторами, которые проявляются в сопровождающих его коммуникативных атрибутах.

Часто понятия «имидж» и «образ» употребляют как синонимы. Это связано с тем, что в английском языке оба термина переводятся как «image». Г. М. Андреева разграничивает эти понятия и считает, что имидж выступает специфической, сконцентрированной и умышленно акцентированной стороной образа. Также автор указывает на то, что имидж характеризуется выделением ярких черт объекта и акцентированием внимания на нем, что приводит к искажению реальных фактов [Андреева, с. 223]. Такого же мнения придерживается Е. Б. Перельгина. Она считает, что образ региона как субъективная категория не является результатом целенаправленной стратегии, а имидж может задаваться и контролироваться властью [Перельгина, с. 13].

Имидж, с точки зрения культурологии, является разновидностью образа, но этот образ всегда обрамлен символическим языком (включающим не только объективные, но и символические значения), т. е. носит символический характер. Имидж – это символический образ предмета, созданный в процессе субъектно-предметного взаимодействия. С точки зрения семиотического подхода имидж – это символ, одна из вариаций знака, символическое изображение предмета, набор символических структур. Понимание имиджа основано на знаке-символе.

Далее рассмотрим понятие «бренд», которое представляет собой комплекс мыслей, чувств и ассоциаций, возникающих у каждого, кто видит или слышит название города или региона, покупает товар, произведенный на данной территории, видит изображение известных памятников-символов [Культурный брендинг].

С позиции культурологии бренд имеет символическую природу. Бренд не является искусственным образованием, а всегда формируется на основе конкретного, уже существующего территориального имиджа и образа. То есть бренд региона является производной от его имиджа, который, в свою очередь, формируется на основе образа одного или нескольких городов. Интересно исследование Д. Аакера и Э. Йохимштайлера, которые трактуют бренд как «символическое выражение комплекса информации, связанного с определенным товаром и услугой» [Аакер, Йохимштайлер, с. 345]. Бренд можно охарактеризовать как

совокупность длительных ценностей, которые отражают своеобразие данного города или региона, получили общественное признание и пользуются стабильным спросом у потребителей.

В отличие от бренда, репутация города зависит в первую очередь от историко-культурных факторов. Репутация территории — это динамичная характеристика жизнедеятельности. Она формируется в обществе в течение длительного периода времени и включает в себя совокупность достоверной информации, ценностные убеждения, мнение о территории, которое сложилось у людей на основе полученной информации и личного опыта проживания. И. С. Важенина отмечает, что «репутация, имидж и бренд территории находятся в диалектической, сложной и противоречивой взаимосвязи, суть которой можно представить следующим образом:

- формирование бренда территории происходит на основе положительного имиджа в сочетании с элементами репутации;
- сложившийся бренд существенно влияет на имидж и репутацию территории, облегчая процесс их формирования и продвижения, делая их достоянием общечеловеческой ответственности» [Важенина, с. 155].

Перейдем к рассмотрению роли культурно-символического образа Крыма в формировании бренда региона. Так как развитие территории и формирование бренда во многом зависит от общественного мнения целевой аудитории, мы попытались определить, какой образ Крыма существует в сознании молодежи. В качестве эмпирического материала были использованы данные анкетирования, проведенного С. Е. Голициной в рамках диссертационного исследования «Анализ проблем позиционирования бренда “Крым” в молодежной аудитории» [Голицина]. Автором был проведен опрос молодежи в возрасте от 18 до 24 лет, обучающейся в пяти крупнейших вузах г. Екатеринбурга (УрФУ, УрГЭУ, УрГПУ, УГГУ, УрГУПС).

Традиционно образ территории у человека формируется на основе следующих источников:

- личный опыт посещения;
- получение информации от знакомых, друзей, родственников;
- знакомство через СМИ, научную и учебную литературу, социальные сети, рекламу и т. д.

Результаты опроса указывают на то, что большинство респондентов (71,6 %) не посещали Крым, следовательно, образ Крыма сформировался у них на основе информации, полученной при изучении истории, литературы, просмотра новостей и рассказов друзей. Образ Крыма как туристического региона привлекает молодежь. Большинство опрошенных (68,5 %) заявили, что готовы приехать в регион при финансовой возможности. В исследовании респонденты отметили, что Крым ассоциируется с красивой, разнообразной природой (72,2 %), а также с богатой историей и большим количеством достопримечательностей (56,8 %) [Голицина, с. 53]. Из этого следует, что компонентами формирования образа Крыма являются не только уникальная природа, но и историческое наследие, следовательно, это необходимо учитывать при создании бренда региона.

Крым — многонациональный регион, поэтому формирование положительного имиджа для него особенно важно. Здесь на протяжении веков переплеталась культура разных народов. На сегодняшний день в Крыму проживают представители 175 национальностей [Население Крыма и Севастополя]. На полуострове множество известных памятников культуры как христианского, так и мусульманского характера. Крым — это дом для всех его жителей, следовательно, необходимо с уважением относиться к представителям всех культур, составляющих многоцветье крымского социума.

Культурный образ Крыма, связанный с его историей, культурными традициями и своеобразной атмосферой межнациональных отношений, закрепился не только в сознании его жителей, но и хорошо известен во всем мире. Как отмечалось выше, первоосновой имиджа и бренда территории является ее образ. В массовом сознании закрепился устойчивый стереотип, связанный с рекреационной значимостью Крыма. Крымский полуостров — это музей под открытым небом. «Поэтому изучение текста городского пространства крымских городов приобретает актуальность в современной культурологии, так как формирование семиотического культурного пространства происходило под влиянием жизнедеятельности множества различных народов и социокультурных процессов, происходящих на данной территории» [Берестовская, Петренко, с. 26].

На протяжении долгих лет семиотический текст крымского полуострова создавался художниками, писателями, учеными, архитекторами. Культурный ландшафт Крыма является неким семиотическим пространством, которое отражает уникальное географическое положение, богатую историю и выступает туристическим и культурным центром России. Особенную сферу в семиотике представляет изучение архитектуры как знаковой системы. Знаки, которые используют писатели, художники, архитекторы, несут в себе ярко выраженные социальные свойства. Так искусство аккумулирует общественно значимую информацию [Там же, с. 30]. Характерными постройками, которые сформировали семиотику Крымского полуострова как текста культуры, по праву считаются дворцы. Самыми крупными являются Ливадийский, Харакс, Дюльбер, Юсуповский дворцы, построенные по проектам Н. П. Краснова [Калинин, с. 12], Воронцовский дворец, выполненный в английском и неомавританском стиле (архитектор Э. Блор). Один из интереснейших памятников — Ласточкино гнездо, творение архитектора Л. В. Шервуда. Образцом крымско-татарской дворцовой архитектуры является Ханский дворец в Бахчисарае. Перечисленные достопримечательности служат визитными карточками Крыма. При восприятии архитектурной среды у людей складываются различные образы: образ ориентации, образ узнавания, образ интерпретации и образ интуиции. При изучении архитектуры мы обращаемся к семиотическим взаимосвязям со временем, местом, мировоззрением, социальной ситуацией. Так, к примеру, Ялта ассоциируется с бывшей южной резиденцией российских императоров, а Бахчисарай — с бывшей резиденцией крымских ханов.

Среди архитектуры полуострова в семиотическом пространстве важную роль играют храмы и мечети. Духовное наследие Крыма богато, оно отражает жизнь многих народов. Самыми древними памятниками религиозной архитектуры

являются мечеть Кебир-Джами в Симферополе, мечеть Джума-Джами, синагога Егия Капай и Караимские Кенасы в Евпатории, Армянский монастырь Сурб-Хач в Старом Крыму, собор Святого Александра Невского в Ялте, Владимирский собор в Херсонесе Таврическом и др. Все они играют значительную роль в формировании семиотики полуострова как текста культуры, поскольку Крым является местом паломничества, пропитан историей разных народов, и связаны со значимыми событиями, например, принятием христианства. «Сакральные сооружения являются специфической визуально-семиотической единицей, фиксирующей ключевые религиозно-культурные содержания. Представление о “священном месте”, переносимое с храма на город, транслирует локальные исторические смыслы и связанные с ними визуальные маркеры на обитаемую среду в целом» [Аванесов, с. 59].

Находясь в Крыму, писатели и художники не только восхищались природой, но и невольно окунались в культуру и быт местных жителей. В стихотворении «Кто видел край, где роскошью природы...» А. С. Пушкин отметил гостеприимство и трудолюбие крымских татар: «...красные долины, / Где в тишине простых татар семьи / Среди забот и с дружбою взаимной, / Под кровлею живут гостеприимной...», «...Повсюду труд веселый и прилежный / Сады татар и нивы богатит...» [Крым в поэзии А. С. Пушкина].

Соседями А. П. Чехова в Крыму были крымские татары, турки, греки. О близком знакомстве писателя с крымско-татарской культурой свидетельствуют сохранившиеся предметы быта в его доме-музее в Ялте: марама, трость из кизила, саган (медное блюдо с крышкой) и йыбыркъ (кувшин с крышкой, ручкой и носиком).

М. Волошин восхищался архитектурой и искусством крымских татар, а также с теплотой отзывался о них. В очерке «Культура, искусство и памятники Крыма» писатель отметил: «В любом татарине сразу чувствуется тонкая наследственная культурность, но бесконечно хрупкая и неспособная себя отстоять» [Максимилиан Волошин и крымские татары]. Благодаря творчеству писателей и художников формируется особый образ Крыма, сквозь призму личного опыта. Полуостров всегда был удивительным природным и культурным феноменом, оказывающим сильное влияние на судьбу человека.

В формировании бренда Крыма большую роль играет определение основных символических маркеров городов и их потенциала как объектов территориального брендинга. Это имена, памятники, связанные с прошлым полуострова, известные торговые марки местного происхождения, символические события и фестивали.

Бренд полуострова формирует большое количество музыкальных, гастрономических, этнокультурных фестивалей. Среди них выделим фестиваль рыбной кухни в Феодосии «Барабулька», винно-гастрономический фестиваль «In vino veritas» и джазовый фестиваль в Коктебеле, Международный молодежный фестиваль «Extreme Крым» в Тарханкуте, «ZB-Fest» в Балаклаве, Международный фестиваль античного искусства «Боспорские агонии», рыцарский фестиваль «Генуэзский шлем» в Судаке, «Таврида Арт» в бухте Капсель.

Неотъемлемыми составляющими бренда Крыма являются марки местного производства, это прежде всего вино местных виноделов «Массандра»,

«Инкерман», «Золотая Балка», «Новый Свет», «Солнечная долина», которое гости увозят с собой как память о Крыме. Среди производителей косметики на основе эфирных масел и растений популярны мануфактуры «Дом природы», «Крымская роза», «Царство ароматов».

Рассмотрим бренд Крыма, созданный Министерством курортов и туризма Крыма в 2016 г. В основе смыслового решения лежит многогранная персонализация самого полуострова и отождествление гостя с Крымом. Бренд имеет два эмоциональных уровня: Я.КРЫМ + ТОЧКА ПРИТЯЖЕНИЯ. Логотип бренда «Я. Крым. Точка притяжения» состоит из двух частей: уникального графического написания слова «КРЫМ» и знака-иллюстрации «Я». Подпись-дискриптер «Точка притяжения» символизирует достопримечательности, которыми гордится полуостров (см. рисунок).

Проанализировав трактовку понятия «символ» в научной литературе, можно сделать вывод о его двойственной природе: символ выступает связующим звеном между историческими периодами и памятью людей. Культурные символы помогают человеку отождествлять себя с определенным сообществом. Таким образом, символический образ — целостное восприятие (понимание и оценка) территории различными группами общественности, формирующееся на основе эмоциональных и рациональных представлений, ассоциаций, сопоставления признаков, собственного опыта, предпочтений и мнений людей. При упоминании объекта, выступающего символом, у человека возникает символический образ территории.

Имидж в большей степени отражает эмоциональную оценку города (нравится — не нравится), тогда как репутация создается на основе достоверных знаний и оценок. Бренд — это исключительно положительная разновидность успешного, ярко выраженного имиджа. Образ представляет собой комплекс мыслей, чувств и ассоциаций, которые возникают у каждого, кто видит или слышит название города или региона, покупает товар, произведенный на данной территории, видит изображение известных памятников-символов. Территориальная индивидуальность, кроме объективно заданных особенностей: климатических, сырьевых, особенностей экономики, уровня развития производственной и социальной инфраструктуры, включает еще и этнографические, исторические и культурные особенности. Все эти факторы влияют на имидж, репутацию и в конце концов — на конкурентоспособность региона.

В статье мы рассмотрели символы Крыма, т. е. элементы, составляющие пространство места. Включение символов в процесс формирования современного

символического образа региона может не только привлечь туристов, но и сохранить культурное наследие. Каждый из представленных элементов пространства выступает в роли туристического объекта и, следовательно, несет функциональную нагрузку, связанную с эмоциональным восприятием местности. Поэтому важно сохранять историческое прошлое города: здания, памятные символические места, связанные с деятельностью исторических личностей, и то, что может указывать на характер этого места. Культурно-символический образ Крыма формируется на основе символических маркеров городов полуострова. Это дома великих художников, писателей, дворцы императоров, созданные известными архитекторами, памятники, связанные с историей региона и народами, проживающими здесь сегодня, популярные торговые марки местного происхождения, символические события и мероприятия, которые притягивают туристов. Министерством курортов и туризма Крыма был утвержден туристский логотип Крыма «Я. Крым. Точка притяжения», в котором отражена персонализация гостей и жителей Крыма, а также богатый потенциал полуострова. Таким образом, культурно-символический образ играет важную роль в формировании бренда региона. Крым как бренд представляет собой многонациональный регион с рекреационной значимостью, который привлекает людей историческим прошлым, достопримечательностями, местной кухней, природным богатством и остается в памяти благодаря многочисленным ассоциациям, вызываемым местными торговыми марками.

Аакер Д., Йохимитайлер Э. Бренд-лидерство: новая концепция брендинга. М., 2003. 456 с.
Аванесов С. С. Религиозная архитектура: визуально-семиотические аспекты // Вестн. ТГПУ. 2014. 7 (148). С. 59–64. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/religioznaya-arhitektura-vizualno-semioticheskie-aspekty> (дата обращения: 01.11.2020).

Андреева Г. М. Социальная психология : учебник для высш. учеб. заведений. М., 2001. 384 с.

Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика : пер. с фр. / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М., 1989. 616 с.

Берестовская Д. С., Петренко А. П. Архитектурное пространство города: семиотический подход // Урбанистика. 2017. № 1. С. 24–34. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=22489 (дата обращения: 01.11.2020).

Важенина И. С., Важенин С. Г. Имидж, репутация и бренд территории // ЭКО. 2008. № 7. С. 154–163.

Голицина С. Е. Анализ проблем позиционирования бренда «Крым» в молодежной аудитории : магист. дис. Екатеринбург, 2020. 144 с. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/89657/1/m_th_s_e.golitsina_2020.pdf (дата обращения: 01.12.2020).

Каган М. С. Философия культуры. СПб., 1996. 310 с.

Калинин Н. Н., Земляниченко М. А., Кадиевич А. Архитектор Высочайшего Двора (книга о Н. П. Краснове). Симферополь, 2004. 127 с.

Крым в поэзии А. С. Пушкина. URL: <http://gurzufmuseum.com/krym-v-poezhii.html> (дата обращения: 01.11.2020).

Культурный брендинг и теоретические основы территориального брендинга. URL: <https://evgenyisolomin.livejournal.com/578481.html> (дата обращения: 01.11.2020).

Леонтьев Д. А. Образ, по которому нас встречают // Рекламный мир. 1995. № 6. С. 12–13.

Линч К. Образ города / пер. с англ. В. Л. Глазычева. М., 1982. 328 с.

Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2000. 704 с.

Максимилиан Волошин и крымские татары. URL: <https://www.crimeantatars.club/culture/literature/maksimilian-voloshin-i-krumskie-tatary> (дата обращения: 01.11.2020).

Население Крыма и Севастополя: численность, национальный состав. URL: <http://www.statdata.ru/naselenie-krima-i-sevastopolya> (дата обращения: 01.01.2021).

Перельгина Е. Б. Понятие имиджа // Психология имиджа : учеб. пособие. М., 2002. С. 11–23.

Чебоенко О. В. Культурно-символический потенциал региона как фактор формирования культурной идентичности молодежи : автореф. дис. ... канд. культурологии. СПб., 2007. URL: <https://www.dissercat.com/content/kulturno-simvolicheskii-potentsial-regiona-kak-faktor-formirovaniya-kulturnoi-identichnosti-> (дата обращения: 01.11.2020).

Статья поступила в редакцию 16.11.2020 г.

DOI 10.15826/izv1.2021.27.2.041
УДК 159.923.2 + 159.9:616.89:004.77 + 37.03

А. А. Любякин
В. А. Соколов

ИССЛЕДОВАНИЕ СУБЪЕКТИВНОГО ОЩУЩЕНИЯ ОДИНОЧЕСТВА И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТИ ОТ ИНТЕРНЕТА И СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ У СТУДЕНТОВ

В статье описаны результаты исследования взаимосвязи субъективного ощущения одиночества и зависимости от интернета и социальных сетей у студентов. В исследовании использовались следующие диагностические методики: дифференциальный опросник переживания одиночества (ДОПО-3), методика оценки изменения психологических границ при пользовании техническими средствами (МИГ-ТС-2), общая шкала проблемного использования интернета-3 (GPIUS-3). В результате исследования установлено наличие значимых связей между шкалой «Общее одиночество» и шкалами «Субъективная зависимость от интернета», «Когнитивная поглощенность», «Негативные последствия использования интернета». Шкала «Зависимость от общения» связана со шкалами «Невозможность отказа от телефона» «Субъективная зависимость от интернета», «Регуляция настроения», «Когнитивная поглощенность», «Негативные последствия».

К л ю ч е в ы е с л о в а: психологическое одиночество; субъективное ощущение одиночества; зависимость от общения; интернет-зависимость; зависимость от социальных сетей; проблемное использование интернета

Психологическое одиночество стало одной из фундаментальных социально-психологических проблем, с которой все чаще сталкивается современный человек, несмотря на все достижения в развитии коммуникативных технологий. Проблема одиночества в совокупности с развитием информационных технологий

ЛЮБЯКИН Анатолий Александрович — кандидат философских наук, доцент кафедры общей и социальной психологии Уральского федерального университета (e-mail: a.lyubyakin@mail.ru).
СОКОЛОВ Владислав Андреевич — магистрант кафедры общей и социальной психологии Уральского федерального университета (e-mail: q910480@gmail.com).

© Любякин А. А., Соколов В. А., 2020

и виртуализацией отношений становится предметом особого научного интереса в наши дни. По состоянию на март 2019 г. число активных пользователей интернета и социальных сетей в России составляет 93,6 млн человек, из них 90,7 млн человек еженедельно пользуются интернетом и социальными сетями, а 82,8 млн человек — ежедневно. Обычный пользователь проводит в сети в среднем 183 минуты в день, а пользователи в возрасте 12–24 лет — 194 минуты в день [Аудитория социальных сетей...]. Таким образом, почти 63 % населения России пользуется интернетом и социальными сетями и есть основания полагать, что доля реального общения людей, а особенно молодежи до 24 лет, снизилась, а доля виртуального общения выросла и будет расти в дальнейшем.

Эта проблема особенно характерна для студенческой среды, специфика жизнедеятельности которой обуславливает интенсивное использование интернета и социальных сетей [Шагивалеева]. При этом можно зафиксировать парадоксальную ситуацию: рост объемов виртуального общения не только не приводит к удовлетворению значимых потребностей человека в сфере коммуникации, но актуализирует переживание психологического одиночества. Внешне это напоминает уже известную ситуацию, когда жители мегаполисов чаще жалуются на психологическое одиночество, несмотря на огромные объемы общения. Вместе с тем далеко не все пользователи интернета и социальных сетей ощущают себя психологически одинокими людьми. Если человек использует интернет инструментально в процессе работы, учебы, то это расширяет его возможности. Более того, в каких-то случаях интернет и социальные сети содействуют успешному решению сугубо личных проблем. Риск столкнуться с психологическим одиночеством выше у тех, кто увлечен виртуальной реальностью с ущербом для адаптации к реальной жизни и коммуникации, имеет тенденцию формирования психологической зависимости от интернета и социальных сетей [Иванищева, Сыманюк]. В целом использование интернета и социальных сетей данной группой людей можно назвать проблемным. Проблемное использование интернета — это ситуация, зачастую предшествующая формированию интернет-зависимости и социально-психологической дезадаптации. Почему могут быть связаны между собой ощущение психологического одиночества и проблемное использование интернета с тенденцией перерастания в интернет-зависимость? Можно предположить, что, с одной стороны, в виртуальной реальности, особенно в социальных сетях, больше пребывают психологически одинокие люди. С другой стороны, психологическое одиночество, сложности с решением проблем в живом, реальном общении мотивируют человека выбирать упрощенные варианты виртуального общения, где он выглядит более успешным. Такой способ «решения» проблемы может выступать важным условием проблемного использования интернета и формирования интернет-зависимости. Одиночество и интернет — это «улица» с двусторонним движением. Психологическое одиночество выталкивает людей в социальные сети, а сам характер коммуникации в интернете и социальных сетях содействует формированию устойчивого субъективного ощущения одиночества.

В своей работе мы будем опираться на определение одиночества, данное Е. В. Зинченко, в котором в качестве предиктора выступает фрустрация:

«Одиночество — это болезненное психическое состояние человека, возникающее вследствие фрустрации его потребности в общении с другими людьми, в том числе в доверительном» [Зинченко]. Использование автором понятия «фрустрация» в данном случае подчеркивает, что психологически одинокий человек чаще воспринимает проблемы в реальном общении как тупиковые, не разрешимые его собственными усилиями. Состояние фрустрации подталкивает человека к уходу в виртуальные варианты общения. В этой области степень контроля своей коммуникации возрастает и на какое-то время можно освободиться от неприятного, иногда мучительного фрустрационного состояния и вернуться в зону относительного комфорта. Конечно, такая модель поведения имеет высокие шансы закрепиться как интернет-зависимость или проблемное использование интернета. Это искушение, которому трудно противостоять. К сожалению, реального решения проблем в коммуникации, выстраивании значимых личных отношений с помощью интернета и социальных сетей, как правило, не происходит. Вместе с тем какие-то иллюзорные выгоды в виде облегчения своего психического состояния человек получает: иллюзия комфорта, безопасности, восстановления психологического равновесия.

Проблемное использование интернета и социальных сетей, перерастающее в интернет-зависимость, — вариант ухода от реальности, ее проблем со всеми вытекающими негативными последствиями, в том числе нарастание проблем в реальном общении и усиление субъективного ощущения одиночества.

В основу проведенного нами корреляционного исследования легло предположение о том, что существует связь между уровнями субъективного ощущения одиночества и психологической зависимости от интернета и социальных сетей (шире — их проблемным использованием) у студентов. Исследование проводилось на базе Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина в период с февраля по апрель 2020 г. В исследовании приняли участие 134 студента 1–3-го курса, обучающиеся в Уральском гуманитарном институте и в Институте экономики и управления.

В исследовании использовались следующие методики:

- дифференциальный опросник переживания одиночества (ДОПО-3) Е. Н. Осина и Д. А. Леонтьева [Осин, Леонтьев];
- методика оценки изменения психологических границ при пользовании техническими средствами (МИГ-ТС-2) Е. И. Рассказовой, В. А. Емелина, А. Ш. Тхостова [Рассказова, Емелин, Тхостов];
- общая шкала проблемного использования интернета-3 (GPIUS-3) А. А. Герасимовой и А. Б. Холмогоровой [Герасимова, Холмогорова].

Результаты исследования

1. Методика ДОПО-3. По шкале «Общее переживание одиночества» доминирует низкий уровень переживания одиночества. 75,4 % респондентов не испытывают или очень редко переживают ощущение одиночества. Характер их коммуникации не расходится с запросами и ожиданиями, сформированными

потребностями в общении. Каждый пятый студент (20,1 %) периодически сталкивается с переживанием одиночества, это скорее ситуативное переживание одиночества в период обострения проблем в личном общении и учебной деятельности. У 4,5 % студентов высокий уровень субъективного переживания одиночества. Эти студенты имеют явный разрыв между желаемым и реально сложившимся качеством социальных контактов. Они обычно испытывают явный дефицит общения с глубоким личностным смыслом или столкнулись с разрывом значимых для них отношений. В целом четверть студентов регулярно или периодически сталкиваются с субъективным ощущением одиночества. Высокие баллы по этой шкале имеют немногие испытуемые. Это объясняется тем, что одиночество — чувствительная для человека проблема. Как показывает опыт международных и отечественных исследований, далеко не все испытуемые готовы признаться в ее наличии. Кроме того, исследование проходило в разгар пандемии COVID-19, когда все население попало в сложное положение. Психологически одинокие люди не так отчетливо воспринимали свое одинокое существование, потому что всем было плохо.

По шкале «Зависимость от общения» 53,7 % испытуемых набрали низкие баллы. Находиться какой-то период времени вне контактов с другими людьми для данной группы испытуемых не проблема, у них не возникает при этом выраженного дискомфорта. Вероятно, эта группа испытуемых способна к уединению, не испытывая при этом острых негативных переживаний. У 36,6 % испытуемых средние показатели по данной шкале. Это говорит в целом об отсутствии выраженной зависимости от общения и страха остаться наедине с собой. Вместе с тем отсутствие коммуникации периодически вызывает у них состояние определенного дискомфорта. Потребность прервать свое уединение у этих студентов будет наблюдаться чаще, чем у студентов с низкими показателями зависимости от общения. Высокие баллы по данной шкале набрали 9,7 % испытуемых. Им трудно находиться вне общения, для них это тревожная, эмоционально неблагоприятная ситуация. Негативное восприятие уединенного существования мотивирует человека к постоянному поиску социальных контактов с целью избежать ситуаций, в которых индивид может остаться наедине с самим собой. Сложность проблемы заключается в том, что человек, который боится остаться один, при этом чаще попадает в данную ситуацию. В какой-то мере становится понятным, для какой из этих подгрупп риски проблемного использования интернета и социальных сетей выше. В целом практически каждый второй студент нашей выборки регулярно или периодически имеет проблемы с зависимостью от общения.

Шкала «Позитивное одиночество» измеряет, насколько ситуация нахождения вне контактов может быть использована испытуемыми в позитивном ключе. Высокие показатели по этой шкале у 62,7 % испытуемых. Данные студенты ценят ситуации уединения, могут их использовать как важный ресурс решения текущих проблем и личностного развития. Средние значения у 35,8 % студентов. В целом они готовы использовать уединение как ресурс решения учебных проблем, самопознания и саморазвития, но не всегда могут реализовать эти намерения. Низкие баллы, говорящие о неспособности позитивно использовать ситуации

удинения, получили только 1,5 % испытуемых. Доминирование у студентов высоких и средних показателей по данной шкале может объясняться и тем, что в вузе у них достаточно большие объемы делового, официального общения. После занятий они начинают позитивнее относиться к уединению. Особенно это касается студентов, проживающих в общежитии.

2. Рассмотрим результаты диагностики с помощью методики оценки изменения психологических границ при использовании технических средств (МИГ-ТС-2) Е. И. Рассказовой, В. А. Емелина, А. Ш. Тхостова. Методика позволяет исследовать психологические последствия использования интернета и мобильного телефона. Для нас в этой методике наибольший интерес представляли показатели психологической зависимости от интернета и его частного варианта — социальных сетей. В данном случае основным инструментом использования социальных сетей выступает мобильный телефон. В связи с этим наше внимание было сконцентрировано прежде всего на двух шкалах выявления психологической зависимости — «Невозможность отказа» и «Субъективная зависимость». Полученные результаты опроса отражены в табл. 1.

Таблица 1

Результаты диагностики по методике МИГ-ТС-2, %

Уровень зависимости	Телефон		Интернет	
	невозможность отказа	субъективная зависимость	невозможность отказа	субъективная зависимость
Высокий	43,3	46,3	14,2	26,1
Средний	42,5	38,1	74,6	39,6
Низкий	14,2	15,7	11,2	34,3

Зафиксированные данные свидетельствуют о большей зависимости студентов от телефона и социальных сетей, чем от интернета в целом. Студенты настолько привыкли к использованию мобильного телефона, что большинство респондентов не представляют, как могли бы прожить без него. Они могут испытывать ощущение дискомфорта и тревожности, если телефон находится далеко от владельца, особенно в течение длительного времени.

Респонденты с высокими показателями субъективной зависимости от телефона осознают, что мобильный телефон отнимает у них время, которое необходимо для решения важных жизненных задач. Многие участники опроса отмечали невозможность контролировать время, проводимое с использованием телефона, его эксплуатацию без конкретной цели. Постоянное пользование телефоном ради присутствия в социальных сетях зачастую вызывает потерю чувства времени, в результате многие важные текущие проблемы не решаются, откладываются «на потом».

Показатели невозможности отказа от интернета у респондентов в 3 раза ниже, чем показатели невозможности отказа от телефона. Вместе с тем почти 75 % студентов, оценив возможности, удобство и практичность использования интернета, не могут полностью отказаться от него, но при этом способны лучше

контролировать свое пребывание в нем по сравнению с использованием телефона и социальных сетей.

Субъективная зависимость от интернета менее выражена. Высокий уровень зависимости наблюдается почти в 2 раза реже, чем от телефона. Однако студенты отмечали, что часто используют интернет чрезмерно. Это касается просмотра и получения огромного количества не применимой на практике информации, бесцельного блуждания по просторам интернета. В данной ситуации студенты часто могут выступать не субъектами сознательного поиска и отбора информации, а объектами ее воздействия.

3. Результаты исследования по методике «Общая шкала проблемного использования интернета» (GPIUS-3), разработанной А. А. Герасимовой и А. Б. Холмогоровой. Сводные результаты представлены в табл. 2.

Таблица 2

Результаты диагностики по методике GPIUS-3, %

Уровень зависимости	Предпочтение онлайн-общения	Регуляция настроения	Когнитивная поглощенность	Компульсивное использование	Негативные последствия
Высокий	2,2	35,1	9,0	15,7	5,2
Средний	18,7	42,5	35,8	46,3	23,9
Низкий	79,1	22,4	55,2	38,1	70,9

По шкале «Предпочтение онлайн-общения» подавляющее большинство студентов (79,1 %) имеют низкие показатели и предпочитают реальное общение. Вместе с тем это не означает, что такова их реальная коммуникативная практика. Почти 19 % периодически могут отдавать предпочтение онлайн-общению, в случае наличия альтернативы реального общения с другим человеком или группой. Лишь у 2,2 % опрошенных приоритетный способ общения – в режиме онлайн с использованием социальных сетей.

По шкале «Регуляция настроения» измеряется, насколько часто испытуемые склонны использовать онлайн-общение с помощью социальных сетей для поднятия настроения в периоды его упадка. Это часто касается ситуаций, когда человек остается один и испытывает деструктивные переживания. Общение в интернете помогает ему избавиться от ощущения одиночества. Для 77,6 % студентов нашей выборки это достаточно типичная реакция на негативные эмоциональные переживания.

Показатели по шкале «Когнитивная поглощенность» более чем у половины опрошенных студентов имеют низкий уровень. Это означает, что у респондентов достаточно редко возникает стремление вернуться в социальные сети. В то же время почти 45 % испытуемых регулярно или достаточно часто сталкиваются с навязчивым желанием войти в социальные сети.

Более высокие показатели наблюдаются у испытуемых по шкале «Компульсивное использование». Она отражает трудности планирования и регулирования

своего пребывания в социальных сетях. Для 62 % студентов это типичная проблема. Для 38 % испытуемых импульсивное использование социальных сетей нехарактерно. В этом отношении они лучше контролируют свою жизненную ситуацию.

По шкале «Негативные последствия», которая отражает степень осознания деструктивного влияния использования социальных сетей и интернета в целом на повседневную жизнь, наблюдаются менее высокие показатели. Для 71% студентов социальные сети не выступают помехой в решении актуальных учебных или иных жизненно важных проблем. Более выражена проблема негативного влияния пребывания в интернете и социальных сетях на реальную жизнь у 29 % испытуемых.

Далее был проведен корреляционный анализ между показателями шкал опросника переживания одиночества (ДОПО-3), методики МИГ-ТС 2, измеряющими зависимость от интернета, телефона и социальных сетей, и методики GPIUS-3, измеряющими проблемное использование интернета.

4. Результаты корреляционного анализа. Корреляционный анализ проводился по всей выборке с использованием коэффициента корреляции Пирсона. По его результатам были обнаружены прямые корреляционные связи.

Шкала опросника ДОПО-3 «Общее одиночество» имеет прямую связь со шкалами «Субъективная зависимость от интернета» ($p = 0,05$), «Когнитивная поглощенность» ($p = 0,05$) и «Негативные последствия использования интернета» ($p = 0,01$). Логика прямых связей обозначенных шкал очевидна, важно, что они нашли эмпирическое подтверждение. Вместе с тем эти связи выражены недостаточно сильно, недалеко от критических значений. Связи уровня выраженности общего одиночества с показателями других шкал используемых методик не выявлено.

Шкала «Зависимость от общения» имеет прямую корреляцию со шкалой «Невозможность отказа от телефона» ($p = 0,01$), поскольку телефон и социальные сети выступают наиболее доступным инструментом и ресурсом удовлетворения потребности в общении. Чем более одинок человек на психологическом уровне, тем выше показатели невозможности отказаться от телефона. В этом нежелании зависимый от общения человек всегда найдет себе оправдание. Зависимость от общения имеет прямую связь со шкалой «Субъективная зависимость от интернета» ($p = 0,05$). Человек, трудно переживающий отсутствие контактов с другими людьми, будет больше зависеть от интернета как компенсаторного ресурса виртуального общения. Процесс виртуального общения или просмотр развлекательного контента во Всемирной паутине вызывает улучшение настроения, о чем также говорит корреляция со шкалой «Регуляция настроения» ($p = 0,01$). Однако настроение чаще зависит от умения выстраивать реальные отношения с другими людьми. Если интернет будет доминировать как фактор регуляции настроения, то это может привести к нарушениям межличностного общения в реальной жизни. Об этом же говорят корреляции со шкалами «Когнитивная поглощенность» ($p = 0,01$) и «Негативные последствия» ($p = 0,01$). В первом случае у человека появляются навязчивые мысли о необходимости выхода в интернет и социальные

сети, во втором — растет число проблем в реальной жизни, снижается возможность контролировать свою жизненную ситуацию.

Шкала «Позитивное одиночество» имеет положительную корреляционную связь с единственной шкалой — «Невозможность отказа от интернета» ($p = 0,05$). В ситуациях позитивного одиночества человек может направить свои ресурсы на процессы получения новой информации, которая поможет в реализации хобби, деятельности, в саморазвитии. Интернет зачастую помогает человеку усилить позитивное восприятие ситуации уединения.

Таким образом, полученные в исследовании данные свидетельствуют о том, что существует связь между психологическим одиночеством и характером использования интернета и социальных сетей. Проблемное использование интернета и социальных сетей, тем более тенденция формирования психологической зависимости от них, повышают риски переживания психологического одиночества.

Обнаружены значимые прямые корреляционные связи общего переживания одиночества со шкалами «Субъективная зависимость от интернета», «Когнитивная поглощенность», «Негативные последствия использования интернета». Чем больше времени человек проводит в интернете, чем более он поглощен желанием быстрее выйти в онлайн, тем выше риски роста субъективного ощущения одиночества. Может быть и обратная ситуация: чем более одиноким себя ощущает человек, тем больше он будет зависеть от интернета, думать о нем, о «всеядности» его контента и сталкиваться с негативными последствиями этой нездоровой увлеченности.

Шкала «Зависимость от общения» — важный аспект переживания одиночества. Она имеет прямые корреляции со шкалами «Невозможность отказа от телефона», «Субъективная зависимость от интернета», «Регуляция настроения», «Когнитивная поглощенность» и «Негативные последствия». Чем более человек привязан к телефону, интернету, социальным сетям, тем более он будет склонен к негативному восприятию одиночества и искать общения.

Наше предположение о наличии связи между показателями субъективного ощущения одиночества и показателями психологической зависимости от интернета и социальных сетей нашло свое подтверждение в данном исследовании. Отсутствие должной культуры пользования интернетом и социальными сетями, которая только формируется, порождает высокие риски формирования психологически одинокой личности.

Аудитория социальных сетей в России // Popsters : [веб-сервис]. URL: <https://popsters.ru/blog/post/auditoriya-socsetey-v-rossii> (дата обращения: 10.02.2021).

Герасимова А. А., Холмогорова А. Б. Общая шкала проблемного использования интернета: Апробация и валидизация в российской выборке третьей версии опросника // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т. 26, № 3. С. 56—79.

Иванищева А. С., Сыманюк Э. Э. Влияние феномена одиночества на преодоление адаптационных трудностей у студентов колледжа // Педагогическое образование в России. 2015. № 11. С. 109—114.

Зинченко Е. В. Одиночество // Психология общения : энцикл. словарь. М., 2015. С. 98–99.

Осин Е. Н., Леонтьев Д. А. Дифференциальный опросник переживания одиночества: структура и свойства // Психология: Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10, № 1. С. 55–81.

Расказова Е. И., Емелин В. А., Тхостов А. Ш. Диагностика психологических последствий влияния информационных технологий на человека : учеб.-метод. пособие для студентов психол. специальностей. М., 2015. 115 с.

Шагивалеева Г. Р. Одиночество и особенности его переживания студентами : монография. Елабуга, 2007. 157 с.

Статья поступила в редакцию 11.03.2021 г.

ОБРАЗОВАНИЕ: ВЫЗОВЫ НОВОГО ВРЕМЕНИ

DOI 10.15826/izv1.2021.27.2.042
УДК 37.013.32 + 37.014.1 + 159.923.5

П. А. Амбарова
Н. В. Шаброва

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ (НЕ)УСПЕШНОСТИ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ*

В статье рассматриваются социокультурные факторы, влияющие на образовательные достижения учащейся молодежи (школьников и студентов) и определяющие состояние их образовательной (не)успешности. Цель статьи состоит в выявлении и рассмотрении когнитивных, аксиологических и поведенческих факторов образовательной (не)успешности, имеющих социокультурную природу. В основе статьи — материалы междисциплинарного исследования «Трансфер человеческого капитала образовательных общностей: от неуспешности к успешности», осуществленного в 2019–2020 гг. В ходе эмпирического исследования применялись методы экспертного интервью с представителями образовательных организаций Свердловской области и вторичного анализа данных педагогических, социально-психологических, социологических исследований, отражающих социокультурные предпосылки образовательной (не)успешности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: образовательная неуспешность; образовательные общности; социокультурные факторы образовательной деятельности; культура интеллектуального труда; педагогическая культура

Актуальность и проблема исследования

Образовательные общности российских школьников, учащихся колледжей и студентов вузов выступают носителями человеческого капитала, который

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07016 «Трансфер человеческого капитала образовательных общностей: от неуспешности к успешности».

АМБАРОВА Полина Анатольевна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета (e-mail: borges75@mail.ru). ORCID: 0000-0003-3613-4003

ШАБРОВА Нина Васильевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета (e-mail: urfu-stu@mail.ru). ORCID: 0000-0002-5694-1040

© Амбарова П. А., Шаброва Н. В., 2021

формируется в системе образования в ходе различных видов учебной и внеучебной деятельности. Связь человеческого капитала учащейся молодежи и культуры (в широком смысле этого слова) подчеркивается практически всеми исследователями этого вопроса. Культурный капитал выступает частью человеческого капитала образовательных общностей, образуя так называемые предиктивные его элементы. Культурная среда, культурная деятельность, уровень духовной, профессиональной, образовательной культуры всех субъектов сферы образования влияет в той или иной мере на формирование сознания, поведения школьников и студентов.

Причины сохранения и нарастания проблемы неуспешности в обучении значительной части учащихся российских школ, колледжей и вузов носят полифакторно-детерминированный характер. Уровень и содержание образовательной успешности / неуспешности определяются динамической структурой субъективных и объективных факторов. Социокультурные факторы являются важной частью контекста образовательной (не)успешности учащейся молодежи. Их влияние переплетается с влиянием психологических, социально-психологических, педагогических и экономических факторов.

«Линейка» социокультурных предпосылок изучаемой проблемы широка. Она включает в себя: 1) противоречия между рыночной идеологией системы образования и ее человекотворческой функцией; 2) тенденции снижения в обществе и образовании толерантности к образовательной неуспешности и уровня культуры сотрудничества; 3) дисхронозы в развитии системы образования и образовательных общностей; 4) культуру сознательного родительства, способную вывести проблему образовательной неуспешности в публичный дискурс, и др.

Повышение качества человеческого капитала школьников и студентов может происходить путем изменения системы мотивации индивидов, составляющих образовательные общности, а также трансформации социокультурного контекста функционирования тех социальных общностей, которые взаимодействуют с ними. Разработка модели оптимальных социокультурных и педагогических условий требует идентификации и анализа широкого спектра социокультурных оснований образовательной неуспешности учащейся молодежи, что составляет цель данной статьи.

Эмпирическая база и методы

Эмпирическая база статьи — данные междисциплинарного исследования, проведенного в декабре 2019 — феврале 2020 гг. В качестве методов сбора информации использовалось полужормализованное экспертное интервью ($n = 30$ чел.) и вторичный анализ данных. Экспертами выступили представители образовательных организаций различных типов г. Екатеринбурга и Свердловской области (школ, колледжей, вузов, частных образовательных центров). Эксперты отбирались в соответствии с двумя критериями: стажем работы в сфере образования не менее 10 лет и наличием необходимых компетенций (знаний и опыта) оценки образования с определенных дисциплинарных позиций (педагогике, психологии, социальной психологии, социологии, экономики).

В ходе вторичного анализа данных были изучены результаты научных исследований, отражающие социокультурные предпосылки образовательной (не)успешности, связанные как с самими учащимися, так и с двумя другими образовательными общностями — педагогами и родителями.

Результаты исследования

Многообразие социокультурных факторов заставляет их классифицировать по разным основаниям: структурным компонентам, уровням формирования и функционирования (микро-, мезо-, макроуровни), степени влияния на результаты образовательной деятельности, характеру влияния (непосредственное или латентное воздействие).

Если мы обратимся к подходу Л. Н. Когана к выделению структурных компонентов культуры [Коган, с. 89], то можем разделить социокультурные основания образовательной (не)успешности на три блока, тесно связанные между собой, — когнитивный, аксиологический и поведенческий.

Первый блок — когнитивный — включает в себя основания образовательной (не)успешности, складывающиеся на уровне сознания (знания). К нему мы отнесем объем и качество знаний, обеспечивающих результаты образовательной деятельности человека (социальной группы, общности). В этом смысле социокультурный подход пересекается с педагогическим, который также рассматривает в качестве предиктора образовательной (не)успешности общекультурные и специальные (предметные) знания.

В отличие от педагогического подхода социокультурный определяет более широкий спектр нормативных ориентиров для оценки объема и качества знаний. Педагогика ориентируется преимущественно на требования ФГОС, в связи с чем периодически возникает вопрос о качестве прежде всего самих образовательных стандартов, а затем — о качестве их освоения учащимися. Социокультурный подход предлагает соотносить объем и качество знаний учащихся с требованиями актуальной культуры общества, различных его социальных групп и общностей. Формируется расширительная модель знаний, которые должно интериоризовать современное поколение школьников и студентов.

Можно сформулировать следующее положение: успешность в образовании определяется не только тем знанием, которое транслирует система образования, но и тем знанием, которое формируется и циркулирует в обществе в целом. Практическая проблема учащейся молодежи заключается в том, чтобы понять, какие это знания, где они находятся, как встретиться с их носителями, как выбрать из большого массива знаний актуальные и действительно служащие ресурсами для успешной образовательной деятельности.

Содержание этого положения мы предлагаем зафиксировать и далее развить в понятиях «культура знания» и «культура образовательного знания». Эти понятия позволяют рассматривать качество знаний через степень их *понимания* и *принятия* современным поколением молодежи.

Конкретным примером того, как «работает» этот тезис, служит кейс изучения современными школьниками классической литературы. ФГОС предписывает

знать (иногда наизусть) содержание стихотворения Пушкина, уметь анализировать его стилистический строй, иметь навык написания сочинения по данному произведению. В реальности формируется следующий тип знания: школьник знает название и фактологическое содержание произведения до контрольного мероприятия (экзамена, контрольной), вызубривает по алгоритму его стилистический разбор, при написании сочинения считает количество слов и опорных словосочетаний. Как только необходимость держать в сознании и памяти это знание отпадает, оно «вымывается» напрочь. Кроме того, формируется стойкое непонимание и неприятие литературы в целом. Понять глубокий смысл и красоту пушкинского слова современный школьник, по определению, не может, если следовать программе и методике преподавания литературы в школе.

Соответственно, первая проблема учащейся молодежи, неуспешной в образовании, — это *глубокое непонимание значительного объема знаний*, которые транслирует система образования, в силу различий культурных кодов разных поколений (тех, кто создавал это знание, преподавателей, родителей, современных школьников и студентов) и отсутствия межгенерационного метаязыка. Вторая проблема — стойкое *неприятие этого знания как практически необходимого* для достижения личностного и социального успеха и благополучия.

Попытка преодолеть названные барьеры путем вульгарного осовременивания знания (изложение его в виде дайджестов, комиксов, современных трактовок в фильмах или на сцене) не дает никакого положительного эффекта. Качество знаний и, соответственно, показатели образовательной успешности не повышаются. Речь идет о необходимости реформатирования культуры знания (образовательного знания), которое циркулирует в системе образования. А это, в свою очередь, завязано на таких факторах, как профессиональная культура педагогов, педагогическая культура, влияние межгенерационного конфликта на изменение места образования в системе ценностных ориентаций современной молодежи.

Помимо теории поколений к теоретическим основаниям анализа культуры образовательного знания в контексте проблемы образовательной (не)успешности мы бы добавили семиотические концепции, в том числе теорию лингвистической относительности Сепира–Уорфа (согласно которой язык определяет мышление, формирует культурный код), теорию семиотической коммуникации Ю. Лотмана (идея «за коммуникацией стоит история»).

Помимо когнитивного (знаниевого) компонента необходимо рассмотреть аксиологический блок социокультурных оснований образовательной (не)успешности. К нему мы относим влияние ценностей знания и образования, а также регулирующее воздействие норм поведения и взаимодействия в сфере образования.

Существенное значение приобретает рассмотрение аксиологической проблематики в контексте изменяющейся системы общественных ценностей россиян и трансформации их ценностных представлений об образовании [Кукьян, Швецова; Темницкий, с. 221–231]. На фоне официально объявленных и поддерживаемых процессов реформирования отечественного образования изменение ценностного отношения россиян к нему можно назвать «тихой революцией».

Она свершилась незаметно в сознании людей, но оказала глубокое влияние на их образовательное поведение и стратегии достижения жизненного успеха.

Одной из главных характеристик ценностного контекста образовательной неуспешности можно считать его конфликтность. В общественном сознании присутствуют конкурирующие представления об образовании как ценности — в диапазоне от терминальных до инструментальных, вплоть до образовательного нигилизма [Куликова, с. 41]. Подвергаясь влиянию тенденции инверсии, характеризующей развитие образования в условиях социальной турбулентности [Севостьянов, Павленко, с. 44], система общественных ценностей «перевернула» смыслы образования, понизив его статус как самоценности, исказив его просоциальную миссию.

Ценностный «микст» дифференцировал образовательное пространство: в своем терминальном значении образование сохранилось для меньшинства россиян, в то время как для большинства оно приобрело инструментальный смысл. При этом инструментальное значение образования проявилось в двух ипостасях. С одной стороны, оно рассматривается как конструктивное средство социального и карьерного продвижения, получения высокой заработной платы, профессионального и социального статуса. С другой стороны, ценным стало приобретение исключительно символических атрибутов образования (диплома, «корочек», приобщение к вузовскому бренду).

В общественном сознании россиян нет консенсуса по поводу этих конкурирующих смыслов образования. По меткому выражению И. В. Яковлевой, эта ситуация репрезентирует аксиологические парадоксы или абсурды между пространством образования и общественным сознанием [Яковлева, с. 105]. Инверсия, разорванность и конфликтность стали основными характеристиками образования как элемента современной системы общественных ценностей и выразились в формировании альтернативных моделей социальной успешности. Одна из этих моделей по-прежнему основана на представлениях об образовании как главной сфере самореализации и признаке социальной успешности. Другая включает образование в качестве ресурса или инструментального средства достижения жизненного успеха. Третья модель минимизирует (или вообще игнорирует) вклад образования в приобретение статуса успешного человека [Багдасарьян, с. 6–7].

Влияние ценностного контекста на образовательную (не)успешность осуществляется через механизмы образовательной мотивации. Она выступает важнейшим компонентом человеческого капитала образовательных общностей и предиктором их образовательной (не)успешности. При этом многие социологические исследования показывают серьезные ограничения достижения социального успеха путем образовательной активности, базирующейся на разных типах ценностных и мотивационных оснований.

Образовательные и жизненные возможности той части образовательных общностей, которая принимает терминальные смыслы образования и традиционные образовательные ценности (всестороннее развитие личности, знание как самоценность, познавательные интересы), ограничены усеченным характером современных образовательных практик. По мнению ряда исследователей,

коммерциализация и консьюмеризм современного образования отвечают потребности рынка в «частичном» индивиде, а не общественному запросу на целостного человека, «укорененного в мире» [Кукьян, Швецова, с. 32].

Возможности достижения социального успеха посредством образования также ограничены. Отечественное образование с трудом выполняет функцию социального лифта, обеспечивающего социальную мобильность и конвертацию образовательного капитала в иные его виды. Капитализация образовательного потенциала россиян осуществляется не в полной мере [Двенадцать решений...; Константиновский, Попова]. Отсутствие меритократической модели достижения социального успеха служит негативным фоном, на котором развивается и усиливается образовательная неуспешность школьников и студентов.

В образовательной неуспешности определенной части учащихся находит свое отражение *образовательный нигилизм*, выражающийся в отрицании самой ценности образования и одновременно — в стремлении овладеть его символами путем имитации образовательной активности и академического мошенничества. Такая форма образовательной неуспешности «вызревает» в социокультурном контексте, сформированном массовой культурой, процессами деинтеллектуализации российского общества.

Не случайно тревогу у исследователей вызывают процессы, происходящие на этом фоне, — примитивизация образовательного знания, фрагментарность и несистемность мышления учащихся и студентов, их представления о ненужности теоретического, фундаментального знания. Сниженный спрос на знание и критическое мышление в условиях перехода к информационному обществу или обществу знания выступает еще одним ценностным парадоксом, «рукотворный» характер которого аргументируют некоторые политологи [Титова, с. 8–9].

Третий блок социокультурных оснований образовательной (не)успешности связан с уровнем развития культуры интеллектуальной (образовательной, учебной) деятельности. Культура интеллектуального труда представляет собой систему паттернов, обеспечивающих качество различных видов образовательной (учебной) деятельности, в том числе качество работы с информацией, ее запоминания, самостоятельной работы, организации практик самообразования, слушания и публичных выступлений, управления учебным временем, академического письма и др.

Исследования проблем образовательной неуспешности, проведенные в последние годы, охватили все названные виды интеллектуальной деятельности школьников и студентов. Практически по всем позициям исследователи зафиксировали резкий провал.

Прежде всего, в этом третьем блоке присутствует *низкий уровень культуры работы с информацией*. Это ахиллесова пята современной учащейся молодежи. Интенсивное развитие цифровой культуры привело к обилию и доступности информации (прежде всего, благодаря интернету), массовому овладению цифровыми навыками. Однако эти процессы и достижения не смогли обеспечить учащейся молодежи образовательную успешность. Оказалось, блага цифрового общества имеют свои оборотные стороны. Обилие информации стало сочетаться

с разрушением навыка отбора, систематизации и критического ее осмысления, доступность цифрового контента и цифровые навыки — с уклонением от этических норм их использования, высокая скорость накопления и потребления знаний — с исчезновением потребности и возможности их глубокого понимания и усвоения. Система российского образования оказалась не готова к этому вызову цифровой культуры. Более того, она, активно продвигая цифровое образование, совершенно упустила из вида необходимость целенаправленного формирования у учащейся молодежи культуры работы с информацией.

Следующее социокультурное основание образовательной (не)успешности — *отсутствие культуры самостоятельной учебной работы* — базируется на более глубоком основании — *инфантилизме современной молодежи*. По мнению Юваль Ной Харари, инфантилизм стал доминантой современной культуры вследствие освобождения человека от тяжелой борьбы за выживание. А вот исследователи Высшей школы экономики Е. Сабельникова и Н. Хмелева по-другому концептуализируют этот феномен. Они полагают, что легитимация инфантилизма связана с увеличением средней продолжительности жизни и удлинением ее детско-юношеской стадии. В своей статье они предлагают провести социальную ревизию возраста [Инфантилизм как норма]. Исследование современных российских пятиклассников, проведенное К. Поливановой и А. Бочавер, убедительно показало, что они не хотят взрослеть, потому что взросление стойко ассоциируется у них с обилием неприятных обязанностей [Отложенная взрослость].

Можно соглашаться или не соглашаться с подобными версиями происхождения инфантилизма как поведенческого паттерна, однако многие исследователи приходят к выводу, что социальный инфантилизм является фундаментальным основанием современного общества потребления, в котором ресурсы легко покупаются и потребляются.

Социальный инфантилизм современных детей и молодежи подкрепляется их погруженностью в цифровой мир. Педагоги и психологи образования давно бьют тревогу по поводу стирания в сознании молодежи границ между реальным и виртуальным миром [Черниговская]. Подобное неразличение двух миров приводит к исчезновению необходимости отвечать за свои решения, поступки, действия, ведь все проблемы и ошибки решаются способом перезагрузки системы или обнуления «счетчика достижений». Известный хештег «Онижедети» стал мемом и квинтэссенцией социального инфантилизма.

Неумение, нежелание самостоятельно учиться, стойкое непонимание того, зачем это нужно делать, — один из источников образовательной неуспешности учащейся молодежи. Недостаточно вписать в образовательный стандарт определенное количество часов на самостоятельную работу студентов. Мало задекларировать в образовательных программах средней школы умение что-то делать самостоятельно (*слово «самостоятельно» является одним из наиболее часто встречающихся: самостоятельно находить информацию, самостоятельно решать, самостоятельно анализировать, самостоятельно принимать решение и т. д.*). Для этого самостоятельность должна стать культурной нормой и паттерном поведения в обществе в целом и в системе образования в частности.

Завершить рассмотрение этого блока социокультурных оснований образовательной (не)успешности предлагаем таким важным фактором, как *управление учебным временем*. Речь пойдет не только о банальном отсутствии навыков тайм-менеджмента, но и о более глубоких проявлениях темпоральности в образовании.

На наш взгляд, серьезные проблемы с образовательной успешностью сопряжены с *фактором ускорения всех процессов в образовании*. Ранее мы писали о высокой динамике институциональных изменений в российской высшей школе и ее деструктивных последствиях [Амбарова, с. 260–277]. Сейчас мы хотели бы снова вернуться к этому сюжету и развить его уже в контексте образовательной (не)успешности.

Многие специалисты в области образования, особенно социологи и психологи, сегодня сходятся во мнении о том, что медленный темп и ритм процесса овладения знанием и формирования умений и навыков — это естественная характеристика, норма образовательной деятельности. Ее как нельзя лучше иллюстрирует выражение: «Служенье муз не терпит суеты». Однако эта норма постоянно нарушается под влиянием объективных процессов ускорения (возникновения и изменения знаний, социокультурных требований, техники и пр.), а также субъективной уверенности полисмейкеров российского образования в необходимости ускорения развития образования как средства его выведения на уровень мировых стандартов.

Ускоренный темп обучения, усвоения базовых знаний и навыков противоречит естественной логике разворачивания образовательного процесса, усиливает фрагментацию знаний, накладывается на психофизиологическую неготовность современных детей и молодежи к обучению. Т. Черниговская метко сравнила современное образование с серфингом. Молодое поколение, по ее мнению, лишь ловко скользит по поверхности знания, но не ныряет в его глубину. Это происходит не только потому, что оно не умеет это делать или никто этого не требует, а потому, что у него нет времени на это.

По-видимому, современному обществу уже не хватает Дня чтения и Дня знаний — футурологических изобретений, описанных в научно-фантастической повести Айзека Азимова. Они помогали за 10 минут вложить в детей программу чтения, а 18-летнего юношу или девушку запрограммировать на профессиональное образование. Быстро, легко, безболезненно и, главное, успешно и эффективно. Однако самые неуспешные — те, кому приходилось учиться медленно, по книгам, крупца за крупцей осваивая знание, — оказываются, были предназначены для того, чтобы управлять этим миром. Глубокий смысл нам видится в этом произведении, написанном еще в 1957 г. Уже тогда писатель предвидел проблему ускорения, с которой столкнулось современное общество и современная культура, породив дилемму «быстрого» и «медленного» образования.

В данной статье мы предложили только один вариант выделения и анализа социокультурных оснований образовательной (не)успешности современной учащейся молодежи. Представленные факторы, прежде всего, отражают предпосылки образовательной (не)успешности, связанные с самими учащимися. Вместе с тем невозможно обойти вниманием те основания, которые связаны с двумя другими образовательными общностями — педагогами и родителями.

Рассмотрим далее педагогическую культуру учителей в качестве важнейшего фактора образовательной (не)успешности школьников. Мы исходим из аксиомы, что плохой педагог может загубить талант и способности ученика. Напротив, хороший педагог может превратить «серую мышь» в образовательную «суперзвезду». Инвариантный набор характеристик талантливого педагога включает профессиональную (предметную) компетентность, профессиональное этическое поведение и гуманистическую ориентацию. Все эти характеристики раскрывают свой креативный потенциал в работе с неуспешными школьниками, которые испытывают трудности в обучении и не мотивированы на учебу.

Между тем многие российские школьные учителя не готовы и не хотят работать с неуспешными школьниками и тем самым реализовывать свою профессиональную миссию. В связи с этим мы рассмотрим, какие элементы педагогической культуры необходимы для работы с проблемными учащимися, какие из них плохо развиты у российских учителей и почему.

Педагогическая культура является качественной характеристикой деятельности учителя. Она отражает три уровня этой деятельности — когнитивно-ценностный, мотивационный и поведенческий. Иными словами, о педагогической культуре учителя можно судить по сформированности профессиональных знаний и ценностных ориентаций, мотивации к профессиональной деятельности и моделям профессионального поведения. Все три уровня деятельности учителя четко проявляются во взаимодействии с неуспешными учениками.

По нашему мнению, ключевым элементом педагогической культуры учителя, необходимым для работы с неуспешными школьниками, являются ценностные ориентации на гуманизм и толерантное отношение ко всем группам школьников — успешных и неуспешных. Гуманистическая психология и педагогика обосновали этот тезис в качестве аксиомы и фундамента современного образования. Приведем отрывок из интервью с экспертом:

Главное, чтобы учитель не выделял «хороших» и «плохих» учеников. Оценивать знания нужно отдельно от личности ребенка. Если ученик получает плохие оценки — это не значит, что он плохой. Это означает, что нужно максимально уделить ему внимание. Обязанность учителя учить всех учеников, и научить! Значит, и относиться он должен одинаково ко всем. Учитель должен относиться ко всем одинаково, но все дети индивидуальны. Кто-то уже записал, а кому-то надо повторить, кто-то плохо видит и надо лишний раз показать поближе, кто-то быстро схватывает и заскучает, если в нужный момент не дать новое задание. Для учителя все должны быть равны, но подход должен быть индивидуальный (Е. М., учитель).

Другой важный элемент педагогической культуры — это знание психологических и психофизиологических характеристик и поведенческих паттернов неуспешных школьников. Поведенческие признаки неуспешности часто связаны с синдромом гиперактивности и гипоактивности, дислексией, агрессией, девиантными поступками и другими личностными деструкциями и психофизиологическими состояниями. Сегодня они наиболее часто встречаются в российской педагогической практике. По мнению экспертов, абсолютно здоровые ученики

в российской начальной школе составляют примерно 12 % от всего контингента. Соответственно, ответом на такую тенденцию должно стать включение в профессиональный стандарт школьных учителей (не только в профессиональный стандарт специалистов по коррекционной педагогике) знаний и умений работы с трудными учениками. Приведем мнение одного из экспертов:

Больше стало детей «сложных», «нестандартных». Этика европейского гуманизма требует бороться за каждую жизнь, и это единственно правильный путь. Но нужно осознавать последствия. Теперь выживают дети, которые в традиционном обществе не выжили бы, а значит, детский контингент меняется. Скоро главной профессией в школе станет профессия дефектолога. Существуют проблемы межэтнические, межконфессиональные. В школу приходит все больше детей-инофонов, обучение которых требует специальных методик. Очень велика степень невротизации общества, а у невротизированных взрослых растут невротизированные дети. Ко всему этому школа должна быть готова (Е. Я., учитель).

Профессиональный стандарт современного учителя должен включать глубокие знания в области дефектологии, методик обучения инофонов (детей мигрантов), детей с ограниченными возможностями здоровья, детей из неблагополучных семей.

Важный элемент педагогической культуры — позитивная мотивация учителя к работе с неуспешными учениками. Она базируется на гуманистических ценностных ориентациях учителя. Она также строится на понимании того, что профессионализм и самореализация в профессии учителя в современной школе проявляются не только в достижениях успешных, одаренных детей, но и в преодолении образовательной неуспешности. Миссия такого учителя — дать трудному ученику шанс выбраться из сложной жизненной ситуации.

Поведенческим элементов педагогической культуры является владение педагогическими, психологическими и социальными технологиями образовательной поддержки неуспешных школьников. Современный учитель, обучающий неуспешных школьников, должен не просто знать о специальных технологиях работы с ними, а реально применять их. Он может не владеть всем спектром данных методик, однако должен уметь диагностировать учебные трудности школьников и далее направлять их к специалистам. Педагогическая культура предполагает умение работать в междисциплинарной команде, обеспечивающей образовательное сопровождение неуспешного школьника. Кроме того, данный уровень педагогической культуры включает корректную работу с родителями. Учителю необходимо профессионально объяснить им трудности их ребенка, вовлечь родителей в процесс преодоления образовательной неуспешности, исключить негативное социальное и психологическое влияние родителей на ученика.

Российских учителей можно разделить на несколько типологических групп по уровню сформированности элементов педагогической культуры. На данном этапе нашего исследования мы не можем определить количественные параметры данных типологических групп. Но на основе обобщения и группировки скриптов интервью представим их качественное описание.

Первая группа — это педагоги, которые абсолютно негативно относятся к неуспешным школьникам. Они считают, что их место — в специализированных школах для детей с задержкой развития. По их мнению, удел школьников, которые плохо учатся, но все же осваивают минимальные требования образовательного стандарта, — это неполное среднее образование (9 классов из 11). Дальше эта группа неуспешных школьников должна освоить рабочую специальность и идти работать. Такие учителя не имеют мотивации к оказанию помощи неуспешным школьникам. Они стигматизируют их, не замечают, стараются отсеять их из класса для того, чтобы они «не портили» показатели эффективности обучения. Поскольку такие учителя не имеют сформированных ценностных ориентаций и мотивации к работе с неуспешными учениками, они не владеют методиками их обучения.

Вторая группа — это педагоги, которые понимают проблему образовательной неуспешности и сочувствуют неуспешным школьникам. Однако эта группа учителей слабо мотивирована на дополнительную помощь таким ученикам. Иногда они оказывают им психологическую или педагогическую поддержку, но делают это не систематически, как правило, под настойчивым давлением родителей. Часто учителя не могут адекватно определить причины образовательной неуспешности ученика. Они не знают, к какому специалисту его направить, как повысить его самооценку и снизить его тревожность и неуверенность. В связи с этим они перекладывают это бремя на родителей или репетиторов. Заметим, что часто ни родители, ни репетиторы также не знают, как решить проблему «трудного» ребенка. Вторая группа российских учителей — самая многочисленная.

Третья группа — это учителя, которые хотят и умеют учить неуспешных школьников. Но таких учителей чрезвычайно мало. Их называют «учителями от Бога». Большую часть этих учителей составляют те, кто получил психологическое или дефектологическое образование. Как правило, они работают в продвинутых школах, реализующих альтернативные образовательные программы. К этой группе учителей примыкают специалисты, имеющие узкую специализацию — школьные психологи, социальные педагоги, логопеды, дефектологи. Сегодня в массовых российских школах, к сожалению, почти не осталось таких специалистов.

На наш взгляд, в негосударственном секторе дополнительного образования работает большое количество талантливых, высококвалифицированных специалистов — педагогов, психологов, тренеров, логопедов и др. Современная школа испытывает острую нехватку таких профессионалов, однако создать для них оптимальные условия труда она не в состоянии. В процессе оптимизации либо сокращаются ставки для таких специалистов, либо их нагрузка растет в такой прогрессии, что эффективность их работы сводится к нулю. В связи с этим происходит перетекание столь необходимых школе и проблемным школьникам специалистов в негосударственные образовательные центры, услуги которых не доступны многим семьям и, соответственно, достаточно большой части школьников, испытывающих трудности в школьном обучении.

Таким образом, российское педагогическое сообщество, пытаясь решить проблему образовательной неуспешности, столкнулось с двумя противоречиями:

между декларируемыми ценностями педагогической культуры и реальными педагогическими практиками, между желанием помочь неуспешным школьникам и отсутствием профессиональных компетенций, необходимых для работы с ними.

Одним из главных факторов, негативно влияющих на педагогическую культуру учителей, работающих с неуспешными школьниками, является отсутствие специальной подготовки в педагогических университетах. Обсуждая неэффективность работы российских учителей с неуспешными школьниками, эксперты поставили этот фактор по значимости на первое место:

С учителя нельзя требовать того, чему его никто не учил (П. Р., учитель);

В профессиональном стандарте педагога заложено мало часов практики. Получается, что будущие педагоги просто боятся детей. Должен быть деятельностный подход, который в нашем стандарте заложен: люди должны отрабатывать реальное взаимодействие с ребенком, в противном случае — это одна лишь теория (С. К., психолог центра развития).

В связи с этим в экспертном сообществе педагогов России сегодня активно обсуждается вопрос о разработке нового профессионального стандарта педагога и изменении содержания образовательных программ педагогических университетов. Если такие изменения произойдут, можно прогнозировать внедрение в российских школах апробированных технологий образовательного сопровождения неуспешных школьников. Сейчас эти технологии почти не используются.

Второй серьезный фактор — сверхнормативная рабочая нагрузка российских учителей. Мотивация к работе с неуспешными учениками снижается, когда отсутствуют организационные условия для индивидуальной работы с учениками. В современной российской школе существует проблема перегруженности учителей. Классы очень большие. Много времени тратится на подготовку к урокам, заполнение многочисленных отчетов, воспитательную работу с учениками:

Сейчас у школьного учителя минимальная нагрузка 36 часов в неделю. Он начал работать с 8 часов утра. Ему повезло, если у него уроки только в первую смену. А кто-то работает на две ставки, в две смены. Когда заканчивается работа, начинается заполнение электронных дневников, электронных журналов и другой отчетности. Следующий момент — как организовать работу с отстающими учениками. Кто будет организовывать? Каким образом? Перегруженный отчетами, проверками, мониторингами директор школы или уставший учитель? (А. Ж., учитель).

Третий фактор был нами уже описан. Это отсутствие или дефицит в российских школах узких специалистов (психологов, социальных работников, социальных педагогов, тьюторов и др.).

Четвертый фактор — неадекватная система оценка эффективности труда педагогов. В школах используется методика, которая включает критерии подготовки только успешных школьников. Учителя ни морально, ни финансово не заинтересованы в поддержке неуспешных учеников. Напротив, они мешают им достигать формальных показателей эффективности. Приведем развернутое высказывание эксперта:

Если брать сохранного и здорового ребенка, то его успехи на экзаменах и победы в олимпиадах — это свидетельство хорошей работы учителя. А если это ребенок с задержкой развития или с проблемами здоровья? У него может быть дислексия или дисграфия, и он делает в диктанте по 60 ошибок. Или ему поставили синдром гиперактивности и дефицита внимания, и он бегаёт по классу, а кричать на него или угрожать быть внимательным бессмысленно, потому что у него такие особенности работы мозга. И представьте, что ребенок приходит к учителю, делая по 50–60 ошибок, а через год — только 10. Учителю за такую работу надо орден давать, а его ругают, что у него нет победителей конкурсов и олимпиад. Система оценивания учителя через достижения детей нуждается в очень тонкой разработке (И. А., директор школы).

Роль педагога в достижении его учениками успеха — достаточно традиционная тема. Однако у данной темы есть новый контекст, связанный с ростом образовательной неуспешности российских школьников. Мы заключаем, что на современном этапе российская школа оказалась неготовой решить данную проблему. Одной из причин стала неготовность российских учителей к такому вызову. Некоторые из учителей вообще не рассматривают преодоление образовательной неуспешности как свою профессиональную задачу. Другие учителя признают ее, но не имеют знаний и умений, необходимых для ее решения.

Тем не менее в разных странах мира накоплен большой опыт преодоления образовательной неуспешности в школе. Идеология школьного образования давно признает школьников, испытывающих трудности в обучении, важным объектом педагогической деятельности и педагогической культуры. Это означает, что ключевым элементом изменения проблемной ситуации в российских школах является изменение отношения к неуспешным учащимся и признание за ними права на качественное образование в соответствии с их потребностями и возможностями. Формирование педагогической культуры учителей в этом случае становится общим результатом переориентации образовательной политики в России, изменения системы подготовки учителей в педагогических университетах, создания специальных условий в школах для успешной работы междисциплинарных команд.

Заключение

Социокультурных оснований образовательной (не)успешности много. Не все они получили отражение в данной статье. В заключение назовем те из них, которые потребуют в будущем своего анализа. Так, социокультурный подход позволяет включить в спектр важнейших оснований образовательной (не)успешности учащейся молодежи *культуру родителей*. Исследования показали, что большую роль играет объем и качество культурного капитала родителей [Shabrova]. Ценностные ориентации на образование, поведенческие паттерны формируются изначально под влиянием культуры детско-родительских отношений, а также образовательной культуры самих родителей. Таким образом, культура родителей как фактор образовательной (не)успешности есть результирующая нескольких качественных характеристик жизнедеятельности родителей, проявляющихся как в сфере образования их детей, так и в образовательной деятельности самих родителей.

Еще одним важным основанием образовательной (не)успешности являются *культурные традиции в сфере образования*, поддерживающие уважительное отношение к труду и статусу преподавателя как носителя интеллектуального капитала. К важным социокультурным основаниям образовательной (не)успешности мы отнесем *образ будущего* или *временную перспективу* образовательных общностей. В свое время мы предложили трактовать ее как прогнозируемый временной горизонт, который образуется благодаря единству объективной и субъективной сторон восприятия и понимания прошлого и настоящего [Амбарова, Зборовский]. Объективный аспект временной перспективы представляет собой прогноз и оценку состояния социальной общности в количественных и качественных параметрах, которые фиксируют объективные показатели развития общности — ее численность, структуру, демографические характеристики, социально-экономическое положение и др. Субъективный аспект предполагает видение и понимание представителями социальной общности своего будущего места и роли в системе общественных отношений. Большое значение в формировании субъективного измерения временной перспективы имеют ожидания, социальные эмоции (страх, надежда), социальные настроения. Рассмотрение этих и иных социокультурных факторов может стать предметом будущего анализа.

Амбарова П. А. Анализ динамики институциональных изменений высшего образования // Нелинейная модель российского высшего образования в макрорегионе: теоретическая концепция и практические возможности / под ред. Г. Е. Зборовского. Екатеринбург, 2016. С. 260–277.

Амбарова П. А., Зборовский Г. Е. Будущее образовательных общностей: временная перспектива в условиях социальной неопределенности // Социол. иссл. 2016. № 10. С. 3–13.

Багдасарьян Н. Г. Ценность образования в модернизирующемся обществе // Педагогика. 2008. № 5. С. 6–7.

Двенадцать решений для нового образования : докл. Центра стратег. разработок и ВШЭ. М., 2018. URL: https://www.hse.ru/data/2018/04/06/1164671180/Doklad_obrazovanie_Web.pdf (дата обращения: 23.09.2020).

Инфантилизм как норма // Научно-образовательный портал IQ. URL: <https://iq.hse.ru/news/219383127.html> (дата обращения: 12.10.2020).

Коган Л. Н. Теория культуры. Екатеринбург, 1993.

Константиновский Д. Л., Попова Е. С. Отношение молодежи к образованию в современной России // Общественные науки и современность. 2016. № 1. С. 5–19.

Кукьян В. Н., Швецова Н. А. Новые ценности образования в информационном обществе, противоречия их формирования // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2011. № 18 : Философия. Социология. Культурология. Вып. 21. С. 31–37.

Куликова С. В. Социокультурный нигилизм в образовании // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. 2016. № 2. С. 41–45.

Отложенная взрослость // Научно-образовательный портал IQ. URL: <https://iq.hse.ru/news/208637702.html> (дата обращения: 08.10.2020).

Севостьянов Д. А., Павленко Т. В. Действующий закон об образовании: анализ инверсивных отношений // Социология науки и техники. 2018. Т. 9, № 1. С. 43–54.

Темницкий А. Л. Динамика терминальных и инструментальных ценностей учебы у студентов МГИМО // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 1. С. 226–236.

Титова Л. Г. Образование в контексте политики // Социально-политические исследования. 2018. № 1. С. 6–19.

Черниговская Т. Мозг, интернет и жидкий мир : лекция. URL: <https://www.litres.ru/t-v-chernigovskaya/leksiya-internet-mozg-i-zhidkiy-mir-18519344> (дата обращения: 08.02.2021).

Яковлева И. В. Аксиологические противоречия современного образования и социокультурных реалий // *Философия образования*. 2018. № 4 (77). С. 103–113.

Shabrova N. The influence of parents on the formation of the human capital of schoolchildren // The 14 international days of statistics and economics in Prague, Czech Republic on September 10–12, 2020. P. 958–967. URL: https://msed.vse.cz/msed_2020/article/245-Shabrova-Nina-paper.pdf (accessed: 08.02.2021).

Статья поступила в редакцию 01.03.2021 г.

НЕЛИНЕЙНЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ СТУДЕНТОВ РОССИЙСКИХ ВУЗОВ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ*

Исследование нелинейных образовательных практик российских студентов необходимо для понимания изменений, происходящих в качественных характеристиках вузовской молодежи. Статья нацелена на изучение новых нелинейных образовательных практик, осуществляемых студентами российских вузов. Для достижения этой цели определяются понятия линейных и нелинейных образовательных практик студентов, выявляется специфика нелинейных образовательных практик, осуществляется их классификация.

К л ю ч е в ы е с л о в а: линейные и нелинейные образовательные практики; студенты российских вузов; неопределенность в высшем образовании

Введение

В последние годы российскими вузами активно осуществляется поиск направлений изменений, способных улучшить качество образования. В связи с этим руководство вузов внедряет различные инновации, новые педагогические технологии и инвестирует в развитие инфраструктуры, подготовку профессорско-преподавательского состава. Вместе с тем реакция образовательных общностей, студентов и преподавателей на эти изменения не является однозначной. Особенно это было заметно в 2020 г., когда российские вузы перешли в экстренном порядке на дистанционный и онлайн-формат обучения [Касьянов, Самыгин, Мухина]. В этих условиях выяснилось, что цифровизация, внедрение иных форм образования, основанных на новых технологиях, с одной стороны, расширяют возможности преподавателей и студентов, позволяют дополнить имеющиеся образовательные ресурсы, но с другой — имеют свои недостатки и ограничения. И самое главное, они ведут к существенным изменениям традиционного образовательного процесса.

В связи с осуществляемыми преобразованиями возникают перемены и в образовательной активности студентов. Наряду с привычными формами обучения, организованными преимущественно по инициативе вуза, появляются новые практики, которые студенты могут осуществлять по своей инициативе.

Образовательные практики, реализуемые студентами самостоятельно, — достаточно новое явление в высшей школе, которое заслуживает своего исследования. Перспективы и результаты изменений в образовательных практиках студентов

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07016.

пока не ясны. В настоящий момент неизвестно, каким образом они коснутся качественных характеристик образовательной общности студентов российских вузов. Изучение новых разнообразных образовательных практик, осуществляемых студентами вузов, представляется важным для понимания возможных трендов в их развитии, меняющихся образовательных потребностей и целей.

Исследование направлено на анализ нелинейных образовательных практик, осуществляемых студентами российских вузов. Его задачи связаны с определением понятий линейных и нелинейных образовательных практик студентов, выявлением специфики нелинейных характеристик этих практик, а также их классификацией.

Обзор литературы

Один из активно развивающихся трендов в изучении студенческих общностей и их образовательных практик связан с исследованиями социально-культурных характеристик и различий вузовской молодежи. В частности, А. А. Джек анализирует культурные основы образовательного процесса, неформальные практики в университете, а также показывает усиление классовых различий между студентами [Jack]. В. Попов с соавторами изучает различия студентов в восприятии проблем в зависимости от их принадлежности к индивидуалистской или коллективистской культуре [Popov, Brinkman, Viemans et al.]. А. И. Бенедиктссон, Х. Рагнарсдоттир анализируют особенности коммуникации студентов, обучающихся в интернациональных группах [Benediktsson, Ragnarsdottir]. Исследуются мультикультурные студенческие группы на основе «теории ожидаемой ценности» [Poort, Jansen, Hofman, p. 218].

Анализ культуры позволяет объяснить различия в активности студентов на основе их ценностных ожиданий. Такой подход применим к рассмотрению непосредственно образовательных практик студентов, реализуемых в условиях культурного многообразия, которые понимаются как «преднамеренный и рефлексивный кросс-культурный образовательный опыт» [Sandell, p. 12].

Актуальным направлением исследований студентов является поиск подходов, связанных с их адаптацией к жизни в условиях неопределенности будущего. Так, Т. Ахмад предлагает подход, позволяющий использовать моделирование сценариев будущего для соответствующего развития мышления студентов [Ahmad]. С. Чаттерджи и К. К. Бхаттачарджи предлагают исследовать готовность образовательных общностей вузов применять новые технологии для совершенствования управления на основе прогноза «последствий образования». По их мнению, можно использовать модель «унифицированной теории принятия и использования технологий» [Chatterjee, Bhattacharjee, p. 3443].

Важным направлением в исследовании образовательных общностей является изучение неопределенности как константы функционирования современного высшего образования. В связи с этим в отечественной социологии развивается подход, связанный с трансформацией высшего образования на пути от линейной к нелинейной модели. Научной группой Уральского федерального университета

под руководством Г. Е. Зборовского предложены концептуальная основа, эмпирическая методология, методика исследования и основные условия построения нелинейной модели в высшем образовании [Нелинейная модель...].

В настоящее время активно изучаются возможности перехода высшего образования к нелинейной модели [Золотарева, Терновая], условия и ограничения реализации нелинейной модели в высшем образовании [Певная, Шуклина].

Нелинейный подход позволяет расширить возможности социологического изучения студенчества [Тузилов, Зинурова]. Он нашел применение в поиске путей качественной трансформации образовательных общностей в направлении приращения характеристик их образовательной успешности [Зборовский, Амбарова, 2019а]. Нелинейный подход применяется в исследовании новых образовательных стратегий студентов [Власова], возможностей развития их субъектности [Власова, Казакова]. Подход является перспективным для исследования новых образовательных практик различных образовательных общностей, в том числе и студентов «третьего возраста» [Зборовский, Амбарова, 2017].

Актуальными для рассмотрения вузовских образовательных практик выступают подходы к оценке их качества на основе обратной связи, но они недостаточно разработаны. Предпринимаются исследования мнений студентов [Сущенко, Сандлер], их удовлетворенности качеством высшей школы [Эзрох]. Предлагаются принципы создания внутренней социологической оценки качества высшего образования [Кудринская].

Методологические подходы

Для достижения поставленной в статье цели представляют интерес методологические подходы, позволяющие исследовать образовательные практики, ведущие к изменениям качественных характеристик студентов как образовательных общностей. В связи с этим основными для нас стали общностный и нелинейный подходы.

Студенты как образовательная общность являются разновидностью социальной общности, специфика такой общности определяется доминирующим значением образовательной деятельности в образе жизни студентов и «способностью к взаимодействию с другими, в первую очередь образовательными, социальными общностями» [Зборовский, Амбарова, 2019б, с. 389].

Общностный подход позволяет:

- анализировать студентов как «главных субъектов образовательной деятельности»;
- структурировать, типологизировать и классифицировать их;
- выявлять взаимодействие с другими социальными общностями в образовании, характеризовать их ресурсы;
- рассматривать связи и взаимодействия в различных сферах (семья, производство, бизнес, культура, наука, управление и др.);
- анализировать все указанные характеристики в их динамике [Там же, с. 390].

Нелинейный подход позволяет исходить из принципа неопределенности при установлении условий функционирования современного общества и его

подсистем, в том числе высшего образования. Применение принципов нелинейной системы высшего образования [Нелинейная модель..., с. 34–55] дает возможность изучать новые вузовские образовательные практики как следствие и неотъемлемую часть трансформационных процессов в высшей школе, связанных с ее переходом от линейной к нелинейной модели.

Основными принципами нелинейного подхода к высшему образованию и студенческим нелинейным образовательным практикам являются следующие:

- вариативность развития практик, их организационных форм и методов применения;
- активизация процесса самоорганизации и саморегуляции студентов;
- автономность образовательных практик от других образовательных систем;
- неопределенность и открытость образовательного результата;
- эквилибризм, поиск баланса между старыми и новыми практиками;
- высокий уровень сложности;
- альтернативность развития практик в разных пространственно-временных координатах;
- приоритет разнообразия и изменения;
- тонкие связи с внешней средой и неожиданные реакции на них в образовательных практиках.

Эмпирическая база и методы

Анализ различий линейных и нелинейных образовательных практик опирается на результаты работы пяти фокус-групп студентов. В них участвовали представители 2, 3, 4-х курсов бакалавриата и 1, 2-х курсов магистратуры. Фокус-группы были проведены в ноябре — декабре 2020 г. в Уральском федеральном университете. Кроме того, мы проводили анализ вторичных данных, полученных в исследованиях названной выше научной группы УрФУ.

Понятие линейных и нелинейных образовательных практик студентов

Образовательная практика студентов — это их регулярно повторяющаяся повседневная деятельность, связанная с освоением знаний, умений, навыков и компетенций, реализуемая на основе типизированных социальных и индивидуальных образовательных ресурсов, ведущая к количественным и качественным изменениям характеристик студенчества. Образовательные практики студентов мы рассматриваем как линейные и нелинейные.

Под линейными мы понимаем практики, осуществляемые студентами в рамках образовательного процесса, строящегося как ограниченный набор организованных вузом мероприятий, в которых должен принять участие студент. Долгое время ведущими практиками для студентов были и остаются: посещение лекционных, семинарских, лабораторных занятий, сдача экзаменов, зачетов, написание и защиты курсовых и выпускных квалификационных работ, прохождение

различных квалификационных испытаний. Вся существующая традиционная система обучения сводится к преимущественно пассивному прохождению студентом образовательного маршрута. Линейные образовательные практики при обоснованном построении образовательных программ являются относительно предсказуемыми, если студент ориентируется на принятые в вузе нормы и ценности, общие типовые требования, заложенные в стандартах обучения.

Между тем далеко не всегда стандартный формат организации формального образования в вузе способен удовлетворить образовательные потребности студента и обеспечить достаточное качество обучения. Поэтому в настоящее время осуществляется поиск направлений изменения линейного формата обучения. Активно распространяются новые, нелинейные образовательные практики. С одной стороны, к этому стремятся студенты, пробуя себя в различных видах новой образовательной активности: онлайн-курсах, дискуссионных клубах, семинарах, конференциях, проекте «Точки кипения» и т. п. С другой — поиск осуществляется вузами в связи с необходимостью создания условий, способствующих улучшению качества образования, привлечению студентов, усилению их мотивации, вовлеченности в образовательный процесс.

Нелинейные образовательные практики возникают как отрицание линейных вследствие необходимости трансформации последних. Введение понятия нелинейной образовательной практики связано с необходимостью изменения сложившегося подхода к пониманию образовательных практик в целом. Он тесно связан с устойчивым представлением о том, что образовательные практики студентов преимущественно могут и должны быть организованы вузами, т. е. осуществляются линейно, «сверху вниз». Линейные образовательные практики отражают пассивную или потребительскую позицию части студентов по отношению к получаемым знаниям, информации. Рассматриваемые практики основаны на выраженной конформистской позиции студентов.

Вуз создает условия для достижения ожидаемого результата, проявляющегося в обучении бакалавров и магистров по разным направлениям подготовки в соответствии с потребностями государства и бизнеса. Поэтому высшее образование в своей классической форме сохраняет основные функции, связанные с воспроизводством и развитием человеческого капитала [Нелинейная модель...]. Также оно выполняет функции социального лифта, ресурса социальной мобильности, который способен улучшить жизненные шансы, социальное и материальное благополучие человека [Ионов].

В условиях социальных, культурных и экономических изменений обучение в вузе не может гарантировать студенту стопроцентное трудоустройство в будущем, востребованность полученного им образования. Несмотря на высокую социальную роль института высшей школы и большое к нему внимание, в отношении его в последние годы высказываются резко критические мнения, связанные с тем, что он недостаточно гибко и качественно реагирует на потребности человека и задачи развития инновационной экономики. Поэтому возникает потребность в поиске путей трансформации линейных образовательных практик, которые осуществляются преимущественно по инициативе вуза.

Главное отличие нелинейных образовательных практик заключается в том, что они выходят за рамки стандартных задач, связанных с формированием компетенций, а активность студента направляется на поиск широкого и реального социального формата ее проявления. Например, такие проекты, как «Точки кипения», создаваемые на основе сетевого взаимодействия российских вузов, предоставляют возможности для взаимодействия и сотрудничества студентов, преподавателей, ученых, представителей бизнеса, госкорпораций [Соколяк]. Здесь у студентов появляется возможность осваивать новые ресурсы и проявлять перспективы социального и профессионального самоопределения. Главное состоит в том, что студенты могут участвовать в реальных проектах, в которых ставятся интересные задачи, связанные с непосредственным социальным взаимодействием, с деятельностью, приобретающей широкое социальное звучание и значение. В рамках таких проектов студенты могут самостоятельно определять и решать проблемы, организовывать мероприятия, к работе также могут быть привлечены известные специалисты, деятели науки и бизнеса. Таким образом, появляется возможность познакомиться с альтернативным опытом, инновационным знанием.

Нелинейные образовательные практики студентов имеют социальную направленность, являются своего рода мостом между имеющимися ресурсами, условиями, связанными с традиционной формой обучения в вузе, и новыми возможностями для текущей и будущей социальной активности. Возможно, что такой опыт лучше позволит удовлетворить актуальные познавательные, профессиональные и другие разнообразные интересы и потребности студентов. Возникает необходимость подробнее рассмотреть специфику нелинейных образовательных практик.

Специфика нелинейных образовательных практик

Во-первых, особенность нелинейных образовательных практик заключается в наличии активной субъектной позиции студента. Он сам определяет цели и средства удовлетворения своих потребностей. Он может решать вопросы, связанные с развитием актуальных компетенций, найти способы будущего профессионального самоопределения или удовлетворения актуальных потребностей.

Во-вторых, студент может самостоятельно осуществлять деятельность, связанную с удовлетворением его образовательных, социальных и иных потребностей в ходе нелинейных практик. Он сам может определять некоторые формы и способы осуществления своего образования, способствующие развитию его ресурсов, в целом профессионального самоопределения. В этом смысле нелинейные образовательные практики ориентированы больше, чем линейные, на достижение целей, связанных с реально эффективным удовлетворением индивидуальных потребностей. Это может быть индивидуальная научная деятельность, участие в научных конференциях, в которых студент может найти возможность для самореализации, проявления себя. Но в любом случае нелинейная образовательная практика реализуется по инициативе студента и осуществляется выбранным им путем.

В-третьих, осуществляя нелинейную практику, студент самостоятельно определяет варианты направленности своей активности. Например, может выбрать интересные для себя лекции, спикеров, по своей инициативе участвовать в проектах или организовывать мероприятия. Самостоятельный выбор студентом содержания и форм образовательной активности потенциально ведет к построению его индивидуальной образовательной траектории. С одной стороны, она может способствовать расширению возможностей, усилению ресурсов студента для будущей социальной и профессиональной адаптации и самореализации, а с другой — вести к освоению неэффективных способов социальной адаптации. Освоение студентом навыков самоорганизации, самообразования потенциально усиливает его адаптационный потенциал. Например, это может быть обучение на основе проектной деятельности, в которой студент проявляет творческую, поисковую активность. Такой опыт способствует улучшению способности студента принимать решения, действовать в условиях неопределенности.

В-четвертых, нелинейные образовательные практики могут быть связаны с непосредственным участием студентов в создании образовательных мероприятий, т. е. конструировании образовательных практик. В частности, платформа, на которой реализуются мероприятия проекта «Точки кипения», позволяет проявить активность любому участнику. Это могут быть преподаватели, студенты, представители бизнеса. То есть это те, кто хотел бы научить осуществлять исследовательский, учебный или реальный бизнес-проект, и те, кто хотел бы научиться.

В-пятых, нелинейные образовательные практики могут приобретать разнообразные формы, и их участниками становятся не только студенты и преподаватели, но и возможные работодатели. Это ведет к формированию «открытого» социально-образовательного вектора в осуществлении студентами своих нелинейных образовательных практик. Он может иметь положительную направленность, связанную с приращением образовательных ресурсов студента, и вести к продолжению образовательной и научной деятельности. Вместе с тем возможно достижение иных индивидуальных целей студента, не связанных с образованием. Так, это может быть начало собственного бизнеса или получение работы.

В-шестых, социальное взаимодействие в нелинейных образовательных практиках строится преимущественно в зависимости от интересов самих участников. Например, студенты могут объединиться в группу, осуществляя социальный либо научный проект. Приобретают значение и различные индивидуальные формы осуществления образовательных практик. В частности, в сетевом взаимодействии вузов на платформе национального проекта «Открытое образование» студент может самостоятельно выбирать различные онлайн-курсы, выстраивать собственную индивидуальную траекторию обучения.

В-седьмых, нелинейные образовательные практики характеризуются различной направленностью, связанной с углублением знаний. Это может быть научная деятельность либо осуществление научно-практических разработок. Имеет смысл говорить об участии в реальном исследовательском проекте, гранте, ознакомлении с достигнутым опытом в ходе производственной практики. Включенность студента

в различные мероприятия может быть связана и с его желанием развлечься, проявить досуговую активность.

Нелинейные образовательные практики могут осуществляться студентами автономно, параллельно, независимо от основного процесса обучения в вузе, а могут сочетаться с ним, дополнять и изменять традиционный формат обучения. «Смешанная» форма обучения, сочетающая академическую деятельность студента с его работой в сети Интернет, ведет к увеличению доли самостоятельной активности и сокращению работы в аудитории [Велединская, Дорофеева]. В этом случае наблюдается независимость студента. Происходит также расширение социальной и профессиональной перспективы образования, полученного в аудитории.

При внедрении массовых онлайн-курсов в традиционное обучение создается среда, в которой студент может проявить выбор и дополнить и/или заменить содержание основного образования [Зубков]. В то же время существует риск, что эти дополнительные виды активности могут оказаться недостаточно качественными, не применимыми к реальной действительности. Кроме того, качество обучения на онлайн-платформах во многом зависит от самого студента, навыков его самостоятельной деятельности.

Одно из популярных направлений трансформации традиционных образовательных практик связано с геймификацией процесса образования [Domínguez et al.]. Включение элементов игры, моделирование реальной профессиональной практики позволяет влиять на самостоятельную активность студента. Но в отношении геймификации в образовании высказываются критические замечания, так как введение игры в образовательный процесс может подменить образовательные цели, более того, сама игра может стать самоцелью. В этом случае образовательная практика студента остается в рамках линейной модели, так как она не самостоятельно строится студентом, а подчинена целям и правилам разработчика «игры».

Существенно дополняют традиционный образовательный процесс информационные технологии, которые позволяют моделировать бизнес-процессы, что расширяет представления студентов о реальной профессиональной деятельности.

Разнообразные виды образовательной деятельности, осуществляемые студентом и связанные с достижением самостоятельно определяемых целей, могут быть охарактеризованы как нелинейные образовательные практики. Их главное отличие от линейных практик заключается в ведущей роли студента в определении направленности процесса, использовании ресурсов и способов осуществления образовательной практики. Достигаемые результаты нелинейных образовательных практик являются не в полной мере предсказуемыми, так как зависят от субъективного фактора — активности самого студента.

Основные различия линейных и нелинейных образовательных практик

В таблице мы приводим основные различия линейных и нелинейных практик.

Сравнение линейных и нелинейных образовательных практик

Основание сравнения	Линейные практики	Нелинейные практики
Объектно-субъектные характеристики студентов	Объектные	Субъектные
Приоритет в образовании	Формальный	Неформальный и информальный
Предпочитаемые способы и ресурсы деятельности	Репродуктивные, шаблонные	Вариативные, творческие
Взаимосвязь образовательных ресурсов и возможностей их применения	Жесткая	Гибкая
Соотношение составляющих образовательной деятельности	Фрагментарность	Целостность
Влияние формальных правил, норм, стандартов	Большое	Небольшое
Образовательные результаты и достижения	Количественные, формальные	Качественные, неформальные

Объектно-субъектные характеристики студентов основаны на их различиях в возможностях влиять на построение собственных образовательных практик. Студенты, осуществляющие линейные практики, не видят возможности для реализации своих целей, так как считают, что во время обучения они должны следовать тому плану, который предлагает университет:

Хочу после окончания четвертого курса начать заниматься тем, что интересно, чем не было возможности заниматься во время учебы. Найти работу (здесь и далее приводятся фрагменты выступлений студентов университета на фокус-группах. — С. П.).

Студенты, реализующие нелинейные практики, проявляют субъектные характеристики, так как осознают собственные цели и необходимые для этого образовательные ресурсы:

После получения диплома попробую устроиться по специальности, чтобы накопить опыт работы с компьютером и документами. После планирую пройти дополнительные курсы и открыть свое дело.

Приоритет в образовании, связанный с формальными и неформальными аспектами обучения, отражает, в какой степени студенты интегрированы в образовательную деятельность. Линейная образовательная практика часто обуславливает поверхностное отношение к ней студентов. Они считают, что образовательная успешность — «это вполне измеримый параметр, который можно выявить на основе оценок студента, наличия/отсутствия академических задолженностей».

Студенты, реализующие нелинейные образовательные практики, полагают, что успешность означает достижение их собственных целей благодаря образованию:

Это возможность себя реализовать, достижение той цели, которую я преследую. Это могут быть как хорошие оценки, так и последующее трудоустройство на желаемую должность или в ту организацию, в которую хотел.

Предпочитаемые способы и ресурсы деятельности связаны с различиями в активности студентов в процессе образования. Линейные образовательные практики основываются на пассивной позиции студентов, которым достаточно знаний, предлагаемых университетом:

Нам предлагают дополнительные майноры, где расскажут о профилактике, социально-психологической адаптации, реабилитации, научат правильно взаимодействовать с определенной категорией людей.

Нелинейные образовательные практики означают предпочтение студентами нестандартных, творческих способов осуществления образовательного процесса:

Самая лучшая форма — та, которую заинтересованные студенты придумывают сами. Так они больше вовлечены в процесс. Надо дать студентам какие-то рычаги и возможности создания самих занятий.

Взаимосвязь ресурсов и возможностей в построении практик студентами определяет различия в ожидаемом эффекте от получаемого образования. Студенты, реализующие линейную практику, требуют быстрой и однозначной отдачи в результате обучения:

В университете дают хорошие фундаментальные знания, но оторванные от реального положения на рынке.

Студенты, реализующие нелинейную практику, считают, что формального образования недостаточно для достижения успеха. Поэтому необходимо самим приложить для этого усилия:

...важны не определенные знания в конкретной специальности, а возможность быть конкурентоспособным на рынке труда, то есть наличие гибких навыков и способности постоянно обучаться новому.

Соотношение составляющих образовательной деятельности в осуществлении практик различается в зависимости от способностей студентов интегрировать знания, разнообразную информацию. Линейная образовательная практика характеризуется противопоставлением студентами практически применимого и теоретического знания:

Лучше, конечно, дополнительные курсы. Мы можем практиковаться, взаимодействовать друг с другом, узнавать что-то новое. Практика помогает нам повышать уровень нашей работоспособности. Теорию мы можем узнать, когда угодно.

Нелинейная образовательная практика предполагает способность студентов интегрировать различные знания, информацию:

...проучившись на журналистике, я прокачала свои навыки в составлении писем разных видов. Также мне вспоминается предмет, на котором нас учили толерантности, как контактировать с людьми, не проявляя никакого негатива.

Влияние формальных правил, норм, стандартов на образовательные практики студентов отражает степень их ориентированности на внешние, формальные требования. Студенты, реализующие линейные образовательные практики, стремятся понять и воспроизвести «правильные» способы деятельности:

Студент не сможет корректно использовать свои теоретические знания на работе, если в университете его не научат правильно их применять.

Студенты, реализующие нелинейные практики, способны самостоятельно трансформировать знания для практического применения вместо воспроизводства неких стандартов:

...обучение в вузе традиционно предполагает в первую очередь изучение теоретического материала для легкого усвоения практических навыков в трудовой деятельности, поэтому возможное превалирование теоретических предметов является нормой.

Образовательные результаты и достижения. Отношение к ним студентов позволяет увидеть различия в понимании ими значения образования. Для студентов, реализующих линейные образовательные практики, значение образования ограничивается формальным результатом, получением диплома:

...после получения диплома не могу сказать точно, что будет, и чего хочу я.

Для студентов, реализующих нелинейные образовательные практики, важны реальный опыт, ресурсы, возможности:

...после того, как получу диплом, хочу попробовать поработать по специальности, если понравится, то хочу развиваться дальше в этой сфере.

Далее рассмотрим классификацию нелинейных образовательных практик студентов.

Классификация нелинейных образовательных практик студентов

1. **По субъекту** нелинейные образовательные практики студентов можно разделить на индивидуальные и групповые. В первом случае речь идет о нелинейных образовательных практиках индивидов — отдельных студентов. Так, к индивидуальным образовательным практикам можно отнести самообразование, поиск дополнительной информации и другую самостоятельную работу студента. В этих видах деятельности студенты выступают как создатели новых образовательных практик или пользователи ранее уже известных (к примеру, связанных с участием в конкурсах по профессиям, научных исследованиях). Во втором случае групповые практики означают включенность в них целых групп студентов (организация дискуссии и участие в ней). В индивидуально осуществляемых образовательных

практиках траектория и результат обучения определяются индивидуальными целями и ресурсами студента. В групповых образовательных практиках процесс и результат связаны с целями и ресурсами всех их участников. Поэтому здесь появляются возможности для взаимного влияния, обогащения ресурсов членов группы за счет коллективной деятельности. Участие студентов в групповой работе позволяет выходить за границы формальных целей обучения.

2. По объекту практики подразделяются на конструируемые для себя и для других. В качестве примера первых можно отметить участие в каких-либо проектах исключительно ради себя либо других, скажем, своих товарищей. Студент, к примеру, может удовлетворить свои познавательные потребности и тем самым достичь индивидуальных целей. Такие практики могут быть связаны с улучшением будущих профессиональных и социальных возможностей, о чем свидетельствует участие студента в конкурсе научных работ, научных конференциях. Это позволяет улучшить его портфолио и увеличивает шансы для будущего трудоустройства. Практики, которые студент конструирует для других, связаны с усилением его роли в качестве субъекта, который способен изменить социальный вектор образования. Создается нелинейный образовательный вектор, который ведет к иному качеству образования для отдельного студента. Становятся возможными изменения, инновации в образовании в связи с социальными потребностями в развитии практической профессиональной деятельности, бизнеса или науки. Студент может стать инициатором проекта, привлечь своих товарищей к участию в нем, получить грант и поддержку заинтересованных лиц. В результате учебный проект может превратиться в научный и/или значимый для реального производства/ бизнеса. Студенты же в этом случае становятся участниками социально и экономически значимой деятельности.

3. По вектору образовательные практики можно рассматривать как осуществляющиеся в рамках разных образовательных стратегий — научно-исследовательских, связанных с дополнительным образованием и др. В первом случае образовательные практики студента ориентированы на развитие компетенций, дополнение недостающего знания в связи с индивидуальными планами и потребностями в улучшении качества получаемого образования. Соответственно, студент привлекает образовательные ресурсы, организует свою исследовательскую и образовательную деятельность. Во втором случае деятельность студентов оказывается направленной не на образовательные цели. Так, студент может быть заинтересован прежде всего в общении со своими товарищами либо в своей самореализации как лидера какого-то социального (волонтерского, досугового и др.) проекта. Поэтому он может участвовать в различных мероприятиях, конкурсах с целью удовлетворения своих социальных потребностей. Отсюда следует, что образовательная потребность студента не всегда является ведущей. Происходит перераспределение акцентов по вектору образовательных практик, доминирующей становится социальная деятельность.

4. По характеру (содержанию) нелинейные образовательные практики студентов либо соответствуют нормам (требованиям) стандартов, образовательных программ либо оказываются альтернативными им. Это практики, связанные

с самообразованием, которые направлены на углубление и дополнение знаний, получаемых на аудиторных занятиях. Далее студент может начать получать образование, параллельное основному, пользуясь возможностями онлайн-обучения. Наконец, автономно реализуемые образовательные практики способны привести к достижению собственных, не связанных с основным образованием, целей. К примеру, это может быть обучение тому, как развить собственный бизнес.

Заключение

Нелинейные образовательные практики студентов — это одно из новых и важных направлений как современного, так и будущего развития высшего образования. Они связаны с реализацией студенческой активности и поиском новых форм организации учебного и научно-исследовательского процесса. Анализ нелинейных образовательных практик студентов показывает, что они предполагают прежде всего активное использование новых форм, форматов и образовательных технологий, среди которых выделяется дистанционное и онлайн-обучение. Однако их восприятие в студенческой среде далеко не однозначное и требует своего дальнейшего исследования.

Проведенное нами изучение нелинейных образовательных практик показало, что их применение позволяет определенным группам студентов, заинтересованных в достижении успехов и самореализации, больше и эффективнее удовлетворять собственные образовательные потребности. Это ставит перед вузовским менеджментом на всех его уровнях задачу создания условий для теоретико-эмпирического изучения нелинейных образовательных практик студентов и последующего внедрения их позитивного опыта в вузовскую жизнь. Можно с высокой степенью уверенности утверждать, что за нелинейными образовательными практиками студентов — успешное будущее в подготовке квалифицированных кадров специалистов с высшим образованием.

Велединская С. Б., Дорофеева М. Ю. Организация учебного процесса в вузе по технологии смешанного обучения // Новые образовательные технологии в вузе (НОТВ-2014) (Екатеринбург). 2014. № 11. С. 316–322.

Власова О. В. Неформальные образовательные практики студенчества в северном городе // Вестн. Сургут. гос. пед. ун-та. 2017. № 2 (47). С. 75–79.

Власова О. В., Казакова Е. Ф. Академическая мобильность в макрорегионе: социологический анализ (на примере эмпирического исследования в УРФО) // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. Вологда, 2018. С. 352–357.

Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. «Взросление» студенчества как феномен меняющегося высшего образования // Высшее образование в России. 2017. № 4. С. 38–49.

Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. Мечта о хорошем образовании: противоречия развития образовательных общностей в российских университетах // Мир России. Социология. Этнология. 2019а. Т. 28, № 2. С. 98–124.

Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. Социология высшего образования. Екатеринбург, 2019б. 539 с.

Золотарева К. Г., Терновая Л. О. Императивы перехода на нелинейную модель обучения в инженерном вузе // Вестн. Моск. автомобильно-дорожного гос. техн. ун-та (МАДИ). 2018. № 3. С. 3–8.

Зубков А. Д. Интеграция массовых открытых онлайн-курсов в образовательный процесс вуза: зарубежный опыт // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2018. № 2 (32). С. 94–98.

Ионов А. А. Глобальная социальная мобильность и высшее образование // Глобалистика-2020: Глобальные проблемы и будущее человечества: сб. ст. Междунар. науч. конгр. М., 2020. С. 488–491.

Касьянов В. В., Самыгин С. И., Мухина К. С. Кризис высшего образования в России и де-профессионализация студентов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 5. С. 59–63.

Кудринская Л. А. Принципы внутренней социологической оценки качества высшего образования (на примере Омского регионального опорного вуза) // Омские социально-гуманитарные чтения–2019. Омск, 2019. С. 18–22.

Нелинейная модель российского высшего образования в макрорегионе: теоретическая концепция и практические возможности / под ред. Г. Е. Зборовского. Екатеринбург, 2016. 336 с.

Певная М. В., Шуклина Е. А. Институциональные ловушки нелинейного развития высшего образования в России // Интеграция образования. 2018. Т. 22, № 1 (90). С. 77–90.

Соколяк Г. Точки кипения // Русский инженер. 2019. № 4. С. 28–29.

Сущенко А. Д., Сандлер Д. Г. Как студенты вовлечены в механизмы «обратной связи»: системная практика исследований в УрФУ // Университетское управление: практика и анализ. 2017. Т. 21, № 2 (108). С. 176–191.

Тузинов А. Р., Зинурова Р. И. Социология студенчества: теоретический статус и исследовательские практики // Высшее образование в России. 2019. № 6. С. 40–51.

Эзрох Ю. Повышение качества высшего образования: угол зрения студентов-экономистов // Общество и экономика. 2018. № 4. С. 92–109.

Ahmad T. Scenario based approach to re-imagining future of higher education which prepares students for the future of work // Higher Education, Skills and Work-Based Learning. 2019. Vol. 12, № 2. P. 217–238.

Benediktsson A. I., Ragnarsdottir H. Communication and Group Work in the Multicultural Classroom: Immigrant Students' Experiences // European Journal of Educational Research. 2019. Vol. 8, № 2. P. 453–465.

Chatterjee S., Bhattacharjee K. K. Adoption of artificial intelligence in higher education: A quantitative analysis using structural equation modelling // Education and Information Technologies. 2020. Vol. 25, № 5. P. 3443–3463.

Dominguez A. et al. Gamifying learning experiences: Practical implications and outcomes // Computers & education. 2013. Vol. 63. P. 380–392.

Jack A. A. (No) harm in asking: Class, acquired cultural capital, and academic engagement at an elite university // Sociology of Education. 2016. Vol. 89, № 1. P. 1–19.

Poort I., Jansen E., Hofman A. Intercultural group work in higher education: Costs and benefits from an expectancy-value theory perspective // International Journal of Educational Research. 2019. Vol. 93. P. 218–231.

Popov V., Brinkman D., Biemans H. J. A. et al. Multicultural student group work in higher education: An explorative case study on challenges as perceived by students // International Journal of Intercultural Relations. 2012. Vol. 36, № 2. P. 302–317.

Sandell E. J. Teaching University Students for a Multicultural Society // International Journal of Multiculturalism. 2020. Vol. 1, iss. 2. P. 11–31.

Статья поступила в редакцию 18.03.2021 г.

DOI 10.15826/izv1.2021.27.2.044
УДК 655.4/.5(470.5) + 347.78 + 808.2

И. Ю. Плотникова
О. В. Климова

**РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УРФУ:
УЧЕБНЫЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ
«ЕЕ ЖИЗНЬ. ПО МОТИВАМ РОМАНА А. Г. КОРЕВАНОВОЙ
“МОЯ ЖИЗНЬ”»**

В статье представлен студенческий издательский проект создания книги «Ее жизнь» как пример практико-ориентированной деятельности вуза. Издательский проект осуществлен по мотивам книги А. Г. Коревановой «Моя жизнь»: анализируются причины выбора материала для переиздания, сложности в процессе работы над проектом, достоинства и недостатки ведения проектной деятельности в издательской сфере. Проектная деятельность рассматривается как вид учебных занятий на базе кафедры издательского дела УрФУ и Издательства Уральского университета.

К л ю ч е в ы е с л о в а: издательский проект; проектная деятельность; издание; редактирование; верстка; авторское право; Агриппина Кореванова; книга

Для системы высшего и профессионального образования заказчиком выступает работодатель, поэтому при организации современного образовательного процесса в первую очередь учитываются требования заказчика к специалисту — выпускнику вуза. В связи с этим перед университетом стоит задача найти наилучшие методы обучения и применить их для получения максимального результата при подготовке высококвалифицированных специалистов, а также для повышения конкурентоспособности вуза в образовательной среде. В рамках процесса обучения для студентов кафедры издательского дела УрФУ важно не только в теории изучить, как профессионально подготовить издательскую продукцию, но и получить навыки будущей профессии.

Приказом № 1168 от 20 октября 2015 г. Министерством образования и науки РФ утвержден ФГОС ВО по направлению подготовки 42.03.03 «Издательское дело» (уровень бакалавриата) [Федеральный государственный образовательный стандарт...]. Стандарт представляет собой совокупность требований, обязательных при реализации основных профессиональных образовательных программ высшего образования. В характеристике профессиональной деятельности отражены виды профессиональной деятельности, к которой готовятся выпускники:

- научно-исследовательская;
- проектно-инновационная;

ПЛОТНИКОВА Ирина Юрьевна — заведующий редакционно-издательским отделом, старший преподаватель кафедры издательского дела Уральского федерального университета (e-mail: plotnikova.irina@urfu.ru).

КЛИМОВА Ольга Викторовна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры издательского дела, редактор редакционно-издательского отдела Уральского федерального университета (e-mail: o.v.klimova@urfu.ru).

© Плотникова И. Ю., Климова О. В., 2021

- редакционно-издательская;
- деятельность по продвижению и распространению издательской продукции;
- организационно-управленческая.

В рамках проектно-инновационной деятельности выделяются такие профессиональные задачи, как создание новых издательских проектов и разработка их концепции; принятие управленческих решений и оперативный контроль проектной издательской деятельности; информационно-библиографическое обеспечение и др.

В рамках редакционно-издательской деятельности ставятся следующие профессиональные задачи:

- участие в разработке новых издательских проектов;
- разработка концепции издания;
- редактирование авторских оригиналов;
- подготовка издательских оригиналов;
- обеспечение высокого уровня редакционно-издательской подготовки и культуры изданий и др.

Также в стандарте выделяются профессиональные задачи по продвижению издательской продукции, реализации и координации редакционно-издательских процессов; оперативному контролю производственных ситуаций; участию в маркетинговых мероприятиях и пр.

Кроме того, в ФГОС выделяются общепрофессиональные и профессиональные компетенции будущего выпускника-издателя: способности использовать современные языковые нормы и правила в практике редактирования (ОПК-3); выявлять механизмы образования текста, виды информации (ОПК-4); ориентироваться в нормативно-правовой области издательско-распространительской деятельности (ОПК-6); понимать сущностные характеристики произведения и издания (ПК-8); разрабатывать и обосновывать концепцию издания (ПК-9); совершенствовать содержание и форму произведений, обосновывая виды правки авторского текста (ПК-12); участвовать в разработке издательского проекта (ПК-17); оценивать авторские оригиналы (ПК-19); разрабатывать состав, структуру и аппарат издания (ПК-21); формировать оригинал-макет и готовить издание к выпуску (ПК-23); выполнять работу по одной или нескольким издательским профессиям, должностям служащих (ПК-26); владеть методами распространения цифровых изданий (ПК-33) и др. [Федеральный государственный образовательный стандарт...].

Как можно заметить, почти все требования ФГОС ВО отражают практико-ориентированность обучения, проектно-инновационную форму профессиональной деятельности. Именно поэтому становится важным организовать учебный процесс студентов-издателей с максимальным использованием практически применимых методов и приемов обучения.

Болонский процесс как важнейший компонент интеграции российского образования в европейскую систему предусматривает заимствование удачных педагогических практик и внедрение их в российское образовательное пространство. Многие отмечают, что в университетах, где внедрены технологии проектного

обучения, наблюдается повышение качества обучения студентов, активизация их самостоятельной работы, а также более высокий, чем при классической модели, уровень качества подготовки специалистов.

К тому же сегодня многие ученые — преподаватели вузов отмечают устаревание традиционных форм ведения занятий, аргументируя свою точку зрения доступностью сети Интернет, в которой студенты могут беспрепятственно получать интересующую их информацию, а также очевидный «проигрыш» классического преподавателя-лектора современным способам обучения, таким как видеолекции, 3D-модели и др. Так, Е. П. Тетюкова и Т. А. Белых отмечают, что «...методы ведения образовательного процесса университета для молодых людей, способных в век информационных технологий с легкостью погрузиться в интернет-пространство для получения новых знаний и навыков посредством просмотра видеуроков, онлайн-лекций, семинаров и пр., уже не являются столь интересными, актуальными. Многие университеты зачастую не успевают за образовательными потребностями молодого человека. При отсутствии мотивации к обучению даже сильный студент зачастую остается без глубокой фундаментальной базы» [Тетюкова, Белых, с. 349].

В целом, выражая свое согласие с приведенной точкой зрения, хотим добавить, что формирование серьезной теоретической базы возможно только на основе совмещения традиционных и современных способов обучения: именно классическая подача лекционного материала и систематизация его лектором (с включением материала, который отсутствует в сети Интернет на образовательных ресурсах и в отдельных видеуроках), дополненная хорошо продуманными способами практической отработки и закрепления материала, дадут качественный долгосрочный результат.

Использование в обучении проектной деятельности приближает процесс подготовки специалистов к реальной профессиональной среде, «...предоставляет возможности взаимообучения студентов и освоения ими программы курсов, а в случае продуманной организации работы над проектом, наличия ее постоянного контроля и объективной оценки независимыми экспертами конечного проектного продукта существенно стимулирует учебную мотивацию студентов и способствует росту их профессиональной компетентности» [Там же, с. 351–352]. Внедрение методики проектного обучения требует от студентов высокой степени самостоятельности, навыков делового общения, творческого подхода к исполнению заданий, высоких волевых качеств. Самостоятельность и творческий подход к проектной деятельности предполагают способность участников проекта к внештатным ситуациям, нестандартным решениям и персональной ответственности за свои действия. Активное взаимодействие в проектной группе и с руководителем проекта подразумевает коммуникативную грамотность, стрессоустойчивость и знание основ делового этикета. Таким образом, базовые умения и навыки, направленные на разработку и создание учебных проектов, основываются на активной жизненной и гражданской позиции обучающихся, их интеллектуальных и физических способностях, желании и возможности работать в проекте сверхурочно, волевых, лидерских и командных качествах.

В то же время необходимо отметить недостатки метода проектного обучения в целом. Прежде всего метод направлен на одаренных обучающихся и, как следствие, нередко негативно сказывается на работе, обучении и успеваемости слабых или не мотивированных на проектную деятельность студентов. Также стоит отметить, что проекты не должны реализовываться на начальных курсах обучения, когда студенты проходят адаптационный период в новой для себя учебной среде и новом коллективе. Чаще всего учебные проекты выполняются в рамках одной изучаемой дисциплины и под руководством одного преподавателя, в противном случае студенты должны иметь или право выбора проекта, или право отказа от него.

При современной практике образования крайне тяжело встроить настоящий проект (с реальным заказчиком) в рамки одного образовательного курса, нередко подобные проекты выходят за границы конкретной дисциплины и требуют от участников проектной деятельности полидисциплинарной подготовки. Возможно, для проектного обучения необходима комплексная перестройка учебного процесса, тщательное прогнозирование его конечных результатов, а также изменение подходов к преподаванию базовых дисциплин.

Также чрезмерное увлечение проектной деятельностью может сместить акцент обучения с комплексного на практико-ориентированное, с системного усвоения информации разных курсов на какую-то одну дисциплину, и, как следствие, возникнет образовательный и профессиональный дисбаланс, что может негативно сказаться на общей профессиональной базе выпускника вуза.

Еще одной негативной чертой проектной деятельности является риск срыва проекта в процессе работы над ним по субъективным (отказ группы работать, конфликты в коллективе, непризнание авторитета руководителя проекта) и объективным (болезнь руководителя проектной деятельности, нехватка времени, изменение требований заказчика и др.) причинам.

Ключевым звеном проектной деятельности становится куратор проекта, которым, как правило, выступает преподаватель-практик, совмещающий работу в вузе с деятельностью на производстве. Важной особенностью является производственная деятельность преподавателя-практика — руководителя проекта. Помимо производственной и преподавательской нагрузки, он берет на себя функции руководителя группы студентов, контролера за ходом выполнения работы.

Тем не менее приоритетным проектом «Вузы как центры пространства создания инноваций» предусмотрено, что к 1 декабря 2025 г. все образовательные программы инженерного, социально-экономического профилей и отдельные программы естественно-научного и гуманитарного профилей должны содержать практико-ориентированные компоненты, предполагающие командное выполнение проектов полного жизненного цикла. Кроме того, введение нового формата образования должно обеспечить устойчивую конкурентоспособность ведущих российских университетов на глобальном рынке высшего образования, науки и инноваций [Паспорт приоритетного проекта].

Проекты, реализуемые в вузе в рамках образовательной программы, должны быть направлены на более качественную подготовку выпускника к будущей профессиональной деятельности [Кудинова, Скульмовская].

С помощью проектной деятельности обучающихся может быть в некоторой степени решена проблема, которую обозначают большинство работодателей, когда принимают на работу выпускников вузов, — неготовность выпускников к решению профессиональных задач и необходимость их дополнительного обучения на производстве (об этом в ходе проведения настоящего исследования высказались 42 % участников экспертного опроса). Организовать проектную деятельность обучающихся с привлечением работодателей возможно в период прохождения практики, в качестве одного из направлений практико-ориентированного обучения (необходимость этого отметили 28 % экспертов). Однако, по мнению экспертов, эффективность проектной деятельности студентов в ходе прохождения практики в основном зависит от «качества образования, способности и готовности студента к самообразованию» (32 %), от «укрепления связей с работодателями, формирования совместных площадок, развития партнерства» (12 %). Возможность возникновения инновационных решений в ходе проектной деятельности отметили 34,6 % экспертов [Кудинова, Скульмовская].

Издание книги — сложный процесс и, к сожалению, профессионалов издательского дела остается все меньше. Меняются технологии предпечатной подготовки и подход к самой системе редакционно-издательских процессов. Количество специалистов, которые сегодня в своей работе ориентируются на старую редакторскую школу, сокращается, большинство издательств, снижая себестоимость издательской продукции, отказываются от корректуры. Для упрощения работ предпечатного цикла редактирование все чаще заменяется корректурой.

В связи с тенденцией сокращения расходов на подготовку рукописи к изданию и сокращения работ редакционно-издательского цикла необходимость подготовки высококвалифицированных специалистов по издательскому делу возрастает. Теоретической и практической подготовкой таких специалистов в Уральском федеральном университете совместно занимаются кафедра издательского дела и Издательство Уральского университета.

Проектный метод обучения позволяет студентам еще на учебной скамье приобщиться к основам профессионального мастерства, отточить профессиональные компетенции, заявленные в образовательном стандарте, попробовать себя в разных профессиональных качествах.

О проекте. В рамках направления подготовки 42.03.03 «Издательское дело» Уральского гуманитарного института (департамент журналистики) в Уральском федеральном университете преподается дисциплина «Технология редакционно-издательского процесса» для студентов третьего года обучения. В эту дисциплину входит не только обучение редактированию и корректуре как части редакционно-издательского процесса (РИП), но и разработка концепции издания с учетом полиграфических особенностей, знания стандартов и норм СаНПиНов, художественное оформление будущего издания и многое другое.

В рамках курса «Технология редакционно-издательского процесса» доцентом кафедры О. В. Климовой разработан авторский подход к освоению знаний: в дополнение к лекционным занятиям и теоретическим основам студентам

предлагается настоящая рукопись (авторский оригинал), которую необходимо подготовить к публикации. В ходе осуществления проекта учащиеся выполняют все предпечатные работы: набор текста (при необходимости), редактирование, корректуру, разработку концепции и согласование ее с автором/заказчиком, художественное редактирование, верстку, техническое редактирование и др.

В 2019/20 уч. г. таким учебным проектом стала книга Агриппины Коревановой «Моя жизнь». Идея переиздания книги появилась после выступления Ю. С. Подлубновой (литературный критик, доцент кафедры издательского дела УрФУ) на Международной практической конференции «Язык. Текст. Книга» в 2019 г., где были процитированы слова Александра Авдеенко об А. Г. Коревановой: «Старуха воскресла!» Эта яркая фраза стала источником вдохновения и причиной внимания кафедры издательского дела к роману «Моя жизнь».

Агриппина Кореванова родилась в 1869 г. в многодетной семье в г. Ревда Свердловской области. За свою наполненную событиями жизнь она множество раз переезжала и еще чаще меняла профессии: на территориях современных Свердловской, Тюменской и Челябинской областей работала на фабриках, стройках, баржах, была медсестрой, сиделкой в родильном и детском домах, прачкой, посудомойкой и заведующей в избах-читальнях. Условия жизни были настолько тяжелыми, что в молодости Агриппина пыталась покончить с собой. Став старше, нашла для себя отдушину в писательстве. Поначалу не придавала особого значения своим литературным попыткам и считала их обычными дневниковыми записями, называя «тетрадами». Со временем стала мечтать о публикации. Мечта сбылась благодаря Серафиме Дерябиной, заметившей творчество Агриппины Гавриловны и поспособствовавшей созданию цельного художественного произведения. В 1933 г. роман «Моя жизнь» был напечатан в журнале «Штурм» и по достоинству оценен Максимом Горьким, после чего Кореванова стала членом Союза писателей и звездой пролетарской литературы. «Пожалуй, спрос на книгу “Моя жизнь” был такой же, как и на роман “Как закалялась сталь” Н. Островского, вышедший в ту же пору. За обеими книгами были огромные очереди», — писал в журнале «Уральский следопыт» Аркадий Коровин в 1984 г.

Основная тема будущей книги (переиздания) была принята студентами кафедры издательского дела единогласно: жизненные травмы и переживания нашей землячки, ее борьба за выживание в нечеловеческих условиях. Тем не менее книгу необходимо было переработать с учетом потери актуальности партийной линии и идей большевизма, избавиться от случайных персонажей и субъективных суждений о событиях того времени, что предполагало полный цикл допечатной подготовки издания, начиная с набора текста.

Достоинства учебного проекта. В ходе освоения двухсеместрового курса дисциплины «Технология редакционно-издательского процесса» студенты не только получили теоретические и практические навыки, но и смогли подготовить *настоящий издательский продукт*, реализованный собственными силами (см. рисунок).

Практикоориентированность курса включает в себя полноценную работу редакторской и корректорской групп, группы верстальщиков (на этапе разработки

концепции будущего издания и ее деталей студенты часто предлагают различные варианты верстки текста), а также группы продвижения книги (в настоящее время маркетинговые стратегии являются неотъемлемой частью редакционно-издательского процесса).

а

б

Переиздание романа А. Г. Коревановой:
а — переплетная крышка; б — разворот книги

Необходимо отметить, что при работе над такими проектами новое поколение смотрит на старые вещи другими глазами, предлагает необычные идеи. Кроме того, студенты, снабженные современными технологиями, знаниями и умениями, могут реализовать свои идеи, что позволяет делать уникальные совместные проекты. Цель такого проекта заключается не только в подготовке высококвалифицированных специалистов-издателей (в ходе работы над изданием студенты приобретают навыки предпечатной подготовки, могут использовать полученные в ходе обучения теоретические знания), но и в возможности издавать интересные книги, реализовывать их публикацию при поддержке вузовского издательства, получать высококлассный издательский продукт, способный конкурировать на книжном рынке.

Широкомасштабность проекта и его протяженность во времени (учебный год, два учебных семестра) предполагают обязательное наличие *консультантов проекта*, которыми являются ведущие преподаватели кафедры издательского дела, а также специалисты-практики, например, И. Ю. Плотникова (заведующий редакционным отделом Издательства Уральского университета); М. М. Крюков (руководитель отделения графического дизайна Свердловского художественного училища им. И. Д. Шадра); И. Л. Шик, юрист, консультант по вопросам авторского права (старший преподаватель кафедры издательского дела); Е. Ю. Козьмина, ведущий жанролог России (профессор кафедры издательского дела); Ю. С. Подлубнова, лучший критик России по результатам конкурса критиков 2020 г. «Неистовый Виссарион» (доцент кафедры издательского дела); А. В. Подчиненов, директор Издательства Уральского университета и др. Такой уровень вовлеченности в издательский процесс позволяет студентам не только глубже

познакомиться с работой издателя, но и попытаться напрямую взаимодействовать со *специалистами-практиками*.

Помимо отработки практических навыков, студенты-издатели получают возможность еще на студенческой скамье попробовать себя в разных профессиональных ипостасях: нередко случаи, когда студент, занимаясь редподготовкой текста, начинает проявлять интерес к верстке или продвижению проекта. Эта «репетиционная» *смена приоритетов деятельности* позволяет учащемуся на следующем, четвертом, курсе осмысленно подходить к выбору темы дипломной работы и выбору профессии после окончания вуза.

Безусловно, РИП «живой» книги формирует у студентов настоящую *ответственность* — не учебную, а реальную, а также понимание сути издательского процесса как командной работы.

Командообразование происходит на начальном этапе курса, во время первых лекционных занятий. Решение о подготовке издательского проекта принимается большинством студентов группы путем явного и/или тайного голосования и является всецело инициативой самих учащихся, желающих попробовать свои силы на практике. Таким же способом (путем голосования и выбора большинства) происходит отбор текстового материала для будущего издания.

В нашем проекте студентам пришлось принять много непростых решений при поиске новой концепции содержания и оформления книги, чтобы издание стало интересным читателю XXI в. Новая концепция привела к изменению не только формы будущего издания, но и внутреннего облика. Особенно горячими были споры об оформлении будущей книги: какой выбрать формат, шрифт, обложку, иллюстрации... Единого мнения в издательской группе не было. Консультанты проекта помогали в выборе концепции издания, иллюстрационного оформления книги и даже конечного названия.

Следует отметить, что целью РИП является прежде всего погружение студентов в настоящую издательскую деятельность, а не извлечение прибыли, поэтому *репутационные риски* оцениваются не только студентами, но и преподавателями-практиками и консультантами проектов. Так, были случаи, когда студенты-издатели при первичном анализе текста отмечали низкий уровень его подготовки (содержательный, тематический и т. п.) и отказывали авторам в редподготовке таких изданий.

Издательский студенческий проект «Ее жизнь. По мотивам романа А. Г. Коровановой “Моя жизнь”» получил высокую оценку на конкурсе «Университетская книга 2020». Руководители конкурса «Университетская книга» Е. П. Шеметова (председатель, г. Москва) и И. С. Сковородина (эксперт, г. Москва) отметили высокое качество издания и профессионализм при подготовке книг в рамках студенческих издательских проектов. За все время существования конкурса «Университетская книга» ни один из вузов нашей страны не представлял подобные проекты, что подтверждает уникальность опыта совместной работы кафедры и издательства.

Актуальной в настоящее время стала отработка на практике деловых *коммуникативных навыков*: РИП — командная работа, требующая умения договариваться, слушать и слышать друг друга; учиться взаимодействовать в группе и решать производственные вопросы; отстаивать свою точку зрения или идти на компромисс.

И, конечно, важнейшим достоинством РИП является *проектное обучение*, столь востребованное в реалиях нашего времени, когда теория тесно переплетается с практикой. В то же время необходимо отметить недостатки подобного проектного обучения.

Недостатки проекта. Главным недостатком проектной деятельности при создании издательского продукта является *временная загруженность* и преподавателей, и студентов, о чем группа предупреждается до начала РИП. Как показывает практика последних трех лет (2018–2020), время, затрачиваемое группой и руководителем проекта, выходит далеко за часы учебной нагрузки. Конечно, это не отменяет другой учебной деятельности студентов и работы преподавателя — руководителя проекта. Книга по мотивам романа А. Г. Коревановой «Моя жизнь» готовилась к изданию 11 месяцев, два из которых пришлось на период отпусков преподавателей и каникул студентов.

Поскольку подготовка издания — учебный проект, авторы должны понимать, что при подготовке книги могут быть пропущены какие-то ошибки, например, опечатки. Так, в книге «Ее жизнь. По мотивам романа А. Г. Коревановой “Моя жизнь”» на с. 4 была допущена опечатка: вместо «Как закалялась сталь» (роман Н. Островского) напечатано «Так закалялась сталь». После обнаружения ошибки редгруппа в уже изданные экземпляры добавила наклейку о допущенной ошибке.

Серьезным риском является потенциальное *несовпадение ожидания с действительностью*, например, автор может быть недоволен изданной книгой (сразу оговоримся, что в нашей практике такого не случалось) или недовольными могут остаться участники проекта. Также существует риск не издать книгу, например, в результате отказа части группы от дальнейшей работы над проектом.

В нашей практике дважды случалось так, что часть группы через некоторое время после начала работы над изданием чувствовала свою некомпетентность (причины — слабые теоретические знания, отсутствие умения работать сверхурочно, плохая мотивация и пр.) и занимала выжидательную позицию, перекладывая часть ответственности на других, более компетентных, инициативных и исполнительных студентов. После окончания работы над проектом и выхода книги это приводило к *смене лидеров в группе и перераспределению социальных ролей*, к чему группа не всегда была готова. Такое перераспределение нередко связано и с *коммуникативными рисками и неудачами*, например, возникновением и разрешением споров/конфликтов, которые не в силах предсказать ни участники проекта, ни преподаватель — руководитель проекта. Опыт нашей проектной работы показывает, что конфликты в группе во время РИП неизбежны, как они неизбежны в жизни, и важно учить студентов основам коммуникации и на лекциях, и на практике. В настоящее время мы считаем нашей обязанностью до начала редподготовки предупредить студентов группы обо всех возможных рисках исходя из опыта прошлых лет работы. Как правило, это не останавливает юных исследователей.

Серьезным риском становится *большая нагрузка на руководителя проекта*. Помимо того, что он несет *ответственность* за качество подачи материала, он должен обладать *психологической и моральной устойчивостью*, уметь занимать

отстраненную позицию (в некоторых случаях, когда внутри группы развивается конфликт в рамках деловой коммуникации, ни руководитель проекта, ни консультанты не вмешиваются без крайней необходимости). Нередки ситуации, когда конфликт внутри группы РИП приходится анализировать и разбирать по стадиям, что требует от преподавателя дополнительных менеджерских навыков и, конечно же, времени. В нашей практике был случай, когда в группе, занимавшейся подготовкой переиздания книги А. Г. Коревановой, в выходной день в соцсети буквально за час возник конфликт, который перерос в адресные высказывания и оскорбления, что потребовало немедленного вмешательства руководителя проекта и, как следствие, сделало выходной день рабочим. В течение пяти часов после начала конфликта все коммуникативные претензии были выяснены и удовлетворены, ситуации коммуникативных неудач проанализированы со студентами, но это потребовало немалых усилий со стороны и руководителя проекта, и его консультантов.

Помимо менеджерской нагрузки, на руководителя проекта ложится и *профессиональная нагрузка* — как на ответственного редактора, гарантирующего качество конечного продукта. Случается, что во время обсуждений концепции издания или особенностей допечатной подготовки мнения руководителя и самой группы расходятся, и в этом случае также важно уметь отстаивать свою профессиональную точку зрения и соотносить ее с профессиональным видением других участников проекта.

Следует отметить, что этот проект не первый в рамках курса «Технологии редакционно-издательской подготовки», поэтому на основе опыта внедрения проектной деятельности в учебный процесс можно определить достоинства и недостатки подобной работы.

Достоинства:

- практикоориентированность курса;
- наработка профессионального опыта;
- взаимодействие со специалистами-практиками;
- оценка видов издательской деятельности и выбор приоритетов в работе;
- формирование ответственности;
- командообразование;
- создание имиджа (я делал успешную книгу) и портфолио;
- развитие коммуникативных навыков;
- проектное обучение;
- профессиональный рост (не только студентов, но и руководителя проекта) при решении сложных задач

Недостатки:

- значительные временные затраты;
- разочарование при несовпадении ожиданий с действительностью;
- перераспределение социальных ролей участников проекта;
- смена лидеров команды, оценка/переоценка собственных сил и возможностей;
- высокая нагрузка на руководителя проекта: профессиональная, моральная, психологическая

Выводы

Несмотря на все сложности и непредсказуемость каждого конкретного проекта в рамках курса «Технология редакционно-издательского процесса», в допечатной подготовке изданий на кафедре издательского дела участвует все больше студентов и консультантов. С каждым годом мы все подробнее описываем

студентам-издателям риски и негативные стороны подобной проектной деятельности и тем самым вызываем у них все больший интерес пройти это испытание, сравнить свои силы и знания с итогом деятельности студентов прошлых лет. Каждый год мы все серьезнее задумываемся, стоит ли тратить такое количество личного времени на неоплачиваемую работу со студентами, ставя под угрозу собственный отдых. И ежегодно готовим новый издательский проект, потому что это дает ощущение настоящей учебы и профессионального роста не только студентам, но и руководителям проекта, а также всем вовлеченным в подобную издательскую «игру».

Необходимо отметить, что актуальность внедрения проектной деятельности в современный образовательный процесс и «...существующий в УрФУ успешный опыт локального ведения проектного обучения, масштабирование этих практик на весь университет является сложной, нетривиальной задачей» [Ган].

Проектная деятельность и формат проведения такой работы предполагают совершенно новый уровень общения, ответственности, взаимопонимания, дружбы и совместного творчества. Реалии сегодняшнего времени показывают, что проектная деятельность студентов, как и в целом настоящая редакторская школа на кафедре издательского дела УрФУ и в Издательстве Уральского университета, когда теория подкреплена практикой, а слово — делом, помогают достигать желаемых результатов и в процессе подготовки высококвалифицированных специалистов, и в повышении конкурентоспособности вуза.

Ган О. И. Проектное обучение в отечественном образовании: опыт, реалии, перспективы // Совершенствование гуманитарных технологий в образовательном пространстве вуза: факторы, проблемы, перспективы : материалы Междунар. науч.-метод. семинара (Екатеринбург, 18 марта 2015 г.). Екатеринбург, 2015. С. 34–41. URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/32827?mode=full> (дата обращения: 08.03.2021).

Кудинова О. С., Скульмовская Л. Г. Проектная деятельность в вузе как основа инноваций // Современные проблемы науки и образования. 2018. № 4. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=27928> (дата обращения: 09.03.2021).

Паспорт приоритетного проекта «Вузы как центры пространства создания инноваций» : утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам, протокол от 25.10.2016 № 9. URL: <http://government.ru/projects/selection/645/25681/> (дата обращения: 08.03.2021).

Тетюкова Е. П., Белых Т. А. Проектное обучение — инновационный подход к организации учебного процесса в высших учебных заведениях РФ // Физика. Технологии. Инновации : сб. материалов VI Междунар. молодеж. науч. конф., посвящ. 70-летию основания Физико-технологического института УрФУ (Екатеринбург, 20–24 мая 2019 г.). Екатеринбург, 2019. С. 349–358. URL: <http://hdl.handle.net/10995/78833> (дата обращения: 08.03.2021).

Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 42.03.03 «Издательское дело» (уровень бакалавриата) : [текст документа]. URL: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/420303.pdf> (дата обращения: 09.03.21).

Статья поступила в редакцию 12.03.2021 г.

УГОЛ ЗРЕНИЯ

DOI 10.15826/izv1.2021.27.2.045
УДК 1(091) + 101(470) + 130.2 + 17.02

А. Ю. Коробов-Латынцев

НРАВСТВЕННАЯ ОПТИКА ИСТОРИОСОФИИ П. Я. ЧААДАЕВА

В статье рассматривается историософия Петра Яковлевича Чаадаева с позиции этики. Цель работы состоит в том, чтобы представить историософские построения Чаадаева как составную часть его философской системы, выявить в его текстах религиозно-нравственные мотивы, а саму его историософию определить, прежде всего, как нравственный проект, которому присущ пророческий пафос. Делается вывод, что взгляд на чаадаевскую философию истории как на критику истории России принципиально неверен и поверхностен.

Ключевые слова: Чаадаев; русская философия; философия истории; историософия; этика

Существеннее всего то, что Чаадаев никаких определенно философских ответов на важные философские вопросы не дает. Он сам только ставит вопрос. И в этом его незабываемая заслуга, определяющая его место в истории русской философии.

Г. Г. Шпет

Фигура Петра Яковлевича Чаадаева занимает особое место в русской философии. Его принимают за своего в противоположных идеологических лагерях, но он сам ни для одного лагеря своим не является, как это и пристало философу. Г. Г. Шпет не случайно замечает, что произошла «историческая ошибка в оценке Чаадаева» [Шпет, с. 85], и заключается она в том, что «в оценке Чаадаева до сих пор исследователи делают тот же промах, какой сделало правительство Николая

КОРОБОВ-ЛАТЫНЦЕВ Андрей Юрьевич — кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Донецкого высшего общевойсковое командного училища (e-mail: a.k-l@mail.ru).

© Коробов-Латынцев А. Ю., 2021

Павловича: его нравственно-религиозный призыв принимают за политический памфлет» [Шпет, с. 85]. Так смотрят на Чаадаева в том числе и европейские историки философии, в частности Анжей Валицкий, который пишет прямо, что ключ к чаадаевской философии истории надо искать в лабораториях социальной мысли: «Chaadaev's conception of the 'social sphere' and supraindividual social consciousness provides the key to his philosophy of history» [Walicki, с. 6].

В данной работе мы ставим цель показать, что философия Чаадаева, во-первых, представляет собой целостную систему, включающую в себя взаимосвязанные компоненты: этический, социально-философский и историософский; и во-вторых, что определяющим компонентом чаадаевской системы является именно этический. Собственно, вся историософия Чаадаева имеет этический пафос.

Шпет в черновиках к своим очеркам развития русской философии так характеризует тип философии Чаадаева: «Философско-религиозная проблема при опосредовании философско-исторической» [Шпет, с. 60]. В другом месте он прямо называет Чаадаева «моралистом», а также «прагматиком и резонером» [Там же, с. 76].

Так, Надеждин, в журнале которого было опубликовано первое философическое письмо, утверждал: «...первые письма Чаадаева, которые я читал, были третье и четвертое, произведшие на меня самое благоприятное впечатление своим нравственно-религиозным направлением. Особенно увлекло меня третье письмо, которое все говорит о покорности, об уничтожении личной воли человека, о безусловной преданности закону, не нашим произволом выдуманному, а вне нас находящемуся» (цит. по: [Там же, с. 85]). Надеждин даже назвал письма Чаадаева «нравственным трактатом» [Там же, с. 89].

Сам Петр Яковлевич Чаадаев, очевидно, так же воспринимал свои письма. Первое свое письмо он начинает с обсуждения тематики нравственной: «Прямодушие и искренность именно те черты, которые я в вас более всего люблю и ценю. Судите же сами, как меня должно было поразить ваше письмо. Эти самые любезные свойства ваши и очаровали меня при нашем знакомстве, они-то меня и побудили заговорить с вами о религии, когда все вокруг призывало к молчанию» [Чаадаев, 1989, с. 15]. Итак, Чаадаев начинает с религиозной темы, и далее мы еще больше убеждаемся, что именно религия есть главная тема его сочинения. Чаадаев пишет: «...если бы только я не был уверен, что религиозное чувство, пробужденное хотя бы частично в любом сердце, какие бы оно ни причиняло ему муки, все же лучше полного омертвения, мне бы пришлось раскаяться в своем усердии» [Там же, с. 16]. И далее философ рассуждает о нравственном смысле религии, которая должна быть построена «на высшем начале единства и непосредственной передачи истины в непрерывном преемстве ее служителей», дух такой религии «заключается *всецело в идее слияния всех, сколько их ни есть в мире, нравственных сил в одну мысль* (курсив мой. — А. К-Л.), в одно чувство и во все большем установлении социальной системы или церкви, которая должна водворить царство правды среди людей» [Там же]. Таким образом, Чаадаев мало того что на первых же страницах заявляет, что намеревается рассуждать на религиозную тему, но он также заявляет о тождественности религиозной теме теме

нравственной. При этом философ вовсе не ставит равенства между нравственностью и религиозностью, о чем говорят следующие строки: «Я считаю за счастье то, что способствовал обращению ваших мыслей к религии, но я признал бы себя очень несчастным, сударыня, если бы вместе с тем вызвал затруднения для вашей совести, которые в конце концов не могли бы не охладить вашей веры» [Чаадаев, 1989, с. 17]. И одновременно с тем Чаадаев как бы признает, что он проповедует мораль, замечая, однако, что не проповедует своей корреспондентке «мораль слишком аскетическую» [Там же, с. 18].

После этих самых первых пассажей на религиозно-нравственную тематику Чаадаев неожиданно меняет предмет своих рассуждений. Так, он пишет своей собеседнице совершенно в духе всего ранее им сказанного, что «есть режим для души, как есть режим для тела», а затем объявляет, что это избитая истина, однако «у нас она, кажется, имеет всю ценность новизны» [Там же]. С этого момента в философических письмах Чаадаева появляется тема истории, именно после этих строк он произносит свой знаменитый приговор истории России: «Одна из самых печальных особенностей нашей своеобразной цивилизации состоит в том, что мы все еще открываем истины, ставшие избитыми в других странах и даже у народов, в некоторых отношениях более нас отсталых. Дело в том, что мы никогда не шли вместе с другими народами, мы не принадлежали ни к одному из известных семейств человеческого рода, ни к Западу, ни к Востоку, и не имеем традиций ни того, ни другого. Мы стоим как бы вне времени, всемирное воспитание человеческого рода на нас не распространилось» [Там же]. Из сказанного очевидно, что к обсуждению исторического положения России Чаадаев приходит от нравственного вопроса — именно нравственная проблематика заставляет его перейти к проблеме историософской. В философии Чаадаева существует органическая связь между положением народа в истории, с одной стороны, и его нравственным развитием — с другой. Более того, от положения в истории зависит также и социальная составляющая, которая посредствует между историческим и нравственным развитием народа. Так, Чаадаев пишет, что мы «совсем лишены того, что в других странах составляет необходимые рамки жизни, естественно вмещающие в себе повседневные события, а без них так же невозможно здоровое нравственное существование, как без воздуха невозможно здоровое состояние физическое» [Там же]. «Рамки жизни», о которых говорит Чаадаев, очевидно, следует понимать как достойные социальные условия, которые являются воздухом, без которого невозможно нравственное здоровье, или, переводя на философский язык, социальная среда является тем пространством, в котором конституируется и проявляет себя нравственное чувство. Чаадаев здесь конкретизирует направление своей мысли: не просто нравственно-религиозное, но социально-нравственное. Можно выделить четыре составляющие его мышления, органично связанные между собой: 1) религиозная, 2) социальная, 3) нравственная и 4) историческая. Первая и третья связаны друг с другом, поскольку религия обеспечивает и облагораживает нравственное чувство; вторая, т. е. социальная составляющая, также обеспечивает третью, поскольку нравственность возможна только в социуме; в свою очередь, социум должен находиться на должном уровне исторического

развития, чтобы в нем могло развиваться нравственное чувство целого народа — это связь четвертой составляющей с первыми тремя. Таким образом, мы находим у Чаадаева целую систему, в которой органично связаны все части: историософская, этическая и социальная. И поэтому лишь кажется случайным то, что философ после рассуждения на нравственно-религиозную тематику вдруг обращается к проблеме исторического развития. Чаадаев сам вполне сознает это, и поэтому пишет так: «...поговорим сначала еще раз о нашей стране, мы при этом не выйдем из своей темы», затем более ясно артикулирует последовательность своей мысли: «Без такого предварительного объяснения вы не сможете понять, что я хочу вам сказать» [Чаадаев, 1989, с. 19]. И далее философ еще раз высказывает свой знаменитый упрек России. Но как он сам написал, это лишь предварительное объяснение, без которого мы не сможем понять того главного, что желает нам поведать философ. Получается, что историософия Чаадаева, будучи важной и органичной частью его системы, все-таки не является главной частью, хотя обыкновенно именно на ней центрируют свое внимание и защитники, и противники Чаадаева. Но главное все-таки не эта часть его философии. Какая же часть главная?

Очевидно, что именно нравственная, причем эта часть философии Чаадаева прямо звучит как призыв, как проект, задача. «Мы должны приложить наши старания к тому, чтобы создать себе общественную нравственность, которой у нас еще не имеется», — пишет Чаадаев в записке графу Бенкендорфу [Там же, с. 230]. Эта записка писалась философом уже после приговора 1836 г., но еще в 1826 г., при допросе Чаадаева по делу декабристов, ему задали такой вопрос: «Между бумагами вашими находится рекомендательное письмо англичанина Коока к приятелю своему Марриоту, в Лондон, в коем он пишет, что выедете в Англию для исследования нравственных причин благоденствия (курсив мой. — А. К.-Л.) того края, дабы ввести оные, буде можно, в Россию» [Там же, с. 245]. То есть уже в 1826 г. и даже раньше нравственная часть философии Чаадаева была ведущей. К этой центральной части философской системы Чаадаева стягиваются все остальные, в том числе и та часть, на которую чаще всего обращают внимание, а именно историософская. Задачи истории, по Чаадаеву, — это прежде всего нравственные задачи: «Истина едина: Царство Божие, небо на земле, осуществленный нравственный закон. Это есть предел и цель всего, последняя фаза человеческой природы, разрешение мировой драмы, великий апокалиптический синтез». «Эта высшая цель достигается для него посредством исторического процесса, который — провиденциален», — комментирует эти слова Левицкий [Левицкий, с. 581]. Роль России в достижении этой цели, этого синтеза, по Чаадаеву, будет решающей, и поэтому именно к России философ предъявлял повышенные нравственные требования. Более того, из-за необходимости проговорить вслух этот нравственный запрос для России Чаадаев идет даже на противоречие в своей системе, ведь оказывается, что Провидение не только не обошло Россию стороной, но предписало ей задачу всеисторической важности! «Мы самой природой, — пишет философ, — предназначены быть настоящим совестным судом по многим тяжбам, которые ведутся перед великими трибуналами человеческого духа и человеческого общества [Чаадаев, 1914, с. 227]. И еще: «...есть великие народы, — как и великие личности,

которые таинственно определяет верховная логика Провидения: таков именно наш народ» [Чаадаев, 1914, с. 195]. Таким образом, становится совершенно очевидным, что ни в коем случае невозможно воспринимать Чаадаева как западника. Чаадаев высказал мысль, дерзость которой была недоступна даже самым отъявленным западникам, глубина которой была недоступна даже самым злостным врагам России. Тем самым философ навлек на себя гнев своего Отечества, которому он был всею душой предан. Но мысль Чаадаева, ставшая тем самым выстрелом в темную ночь, о котором позже напишет Герцен, была необходимым этапом в его философии, отважившейся на вопиющее противоречие внутри себя самой, поскольку это противоречие было необходимо с точки зрения нравственного характера чаадаевской философии. Убежденный в великом призвании Отечества, Чаадаев вынужден с пророческим (иначе — нравственным!) пафосом отрицать всякое провиденциальное назначение России, и это отрицание в рамках его философии является нравственным бичеванием, без которого было бы невозможно подлинное пробуждение нравственного сознания нации. Князь В. Ф. Одоевский возмущался дерзостью Чаадаева: такое незнание струн, которых нельзя трогать! [Шпет, с. 87]. Но Чаадаев намеренно затронул эти потаенные струны народной души, чтобы пробудить их ото сна, это было необходимо. Теперь он мог говорить вольнее. Очевидной ошибкой будет думать, будто бы после своего приговора Чаадаев высказывал не свои мысли, как бы желая реабилитировать себя. Нет, как раз наоборот, из всей логики философии Чаадаева выходит так, что именно после своего приговора он смог высказываться вольнее и полнее, чем раньше, смог наконец полностью раскрыть свою нравственную философию. Окончательный вывод нравственной философии Чаадаева оказывается также выводом его историософии, звучит он так: «Провидение сделало нас слишком великими чтобы быть эгоистами, оно поставило нас выше интересов национальностей и поручило нам интересы человечества». Иными словами, путь на небо пролегает через Родину.

Левцкий С. А. Трагедия свободы: избранные произведения / вступ. ст., сост. и коммент. В. В. Сапова. М., 2008. 992 с.

Чаадаев П. Я. Сочинения / под ред. М. О. Гершензона : в 2 т. М., 1914. Т. 2. С. 227.

Чаадаев П. Я. Сочинения. М., 1989. 656 с.

Шпет Г. Г. Очерк развития русской философии. Т. 2 : Материалы. Реконструкция Т. Г. Щедриной ; [реконструкция, науч. ред., коммент., археограф. работа Т. Г. Щедриной]. М., 2009. 848 с.

Walicki A. Chaadaev, Petr Iakovlevich [вступ. и подгот. текста публ. Л. Е. Моториной ; пер. с англ. Д. О. Федуловой, Л. Е. Моториной] // Филос. образование. 2012. № 2. С. 3–17.

Статья поступила в редакцию 17.01.2021 г.

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

DOI 10.15826/izv1.2021.27.2.046
УДК 130.2 + 316.75 + 316.6 + 17.022.1

М. А. Мясникова

МАСКА ОБЪЯСНЯЕТ МИР

Рец. на кн.: Кириллова Н. Б. Культ маски: исторический контекст. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2020. — 324 с.

Статья представляет собой рецензию на книгу доктора культурологии, профессора Н. Б. Кирилловой, вышедшую в издательстве Уральского университета в самом конце 2020 г. Объектом исследования становится маска, главной способностью которой, по мнению автора анализируемой научной публикации, является способность быть посредником между человеком и социумом.

К л ю ч е в ы е с л о в а: феномен культуры; маска; социальные метаморфозы; медиатизация; медийность; медиум; имидж

Счастливая мысль вдохновила Наталью Борисовну Кириллову на создание ее новой книги, вовсе не случайной для автора, как может показаться на первый взгляд. Изучая явления сегодняшней быстротекущей жизни, исследователь ставит в центр рассмотрения маску как древнейшее социокультурное явление, неожиданно оказавшееся в последний год едва ли не самым часто употребляемым понятием из-за пандемии COVID-19. Эта книга органично вписывается в круг профессиональных интересов автора, культуролога, искусствоведа, специалиста по экранной и театральной культуре, известного в стране исследователя, пристально изучающего такое глобальное, разветвленное современное явление, как медиа в многообразии контекстов целого ряда наук — медиакультуры, медиафилософии, медисемиотики, медиаполитики, медиапедагогике, наконец, медиалогии, которую определяют как синтез гуманитарных наук. В центре внимания последней находится триада — общество — медиа — человек. Медиалогия, рожденная

МЯСНИКОВА Марина Александровна — доктор филологических наук, кандидат искусствоведения, доцент, профессор кафедры периодической печати и сетевых изданий Уральского федерального университета (e-mail: avt89@yandex.ru).

© Мясникова М. А., 2021

на рубеже XX–XXI вв. и только начинающая обосновываться в теоретическом поле, это дисциплина «о средствах, предназначенных для передачи знаний и традиций» [Кириллова, с. 6].

Культурной формой, служащей «выражением потребности человека познать мир и себя самого, создав “образ”, результирующий этот процесс» [Тихомирова, с. 29], как раз и выступает маска, которая, в свою очередь, тесно связана с понятием «имидж». Последний же как искусство «управления впечатлением» выступает в эпоху глобализации одним из инструментов «адекватной адаптации субъекта к происходящим трансформациям внутреннего (личностного) и внешнего социокультурного пространства» (с. 246)¹. Причем происходит это благодаря медиа. Исследователь обращает внимание на необходимость дальнейшей разработки теории имиджа, который порой толкуется чересчур расширительно, а то и противоречиво. Для нас любопытна трактовка автором характера взаимоотношений имиджа и маски. «Если маску можно по желанию “надеть”, подкорректировать, а затем снять, это уже можно считать процессом формирования имиджа» — пишет автор (с. 240). Маска может принести пользу, помочь влиться в среду обитания или соответствовать ей. Человек скрывает под маской свои психологические комплексы, страхи, недостатки, при этом выставляя напоказ не всегда истинные достоинства. «Какой бы ни была причина “ношения” психологической маски, она, как и маскарадная, скрывает истинное лицо своего носителя» (с. 241). Существование в нашем современном мире самых разнообразных масок, включая психологические, профессиональные, политические, подробно осмысляемые Н. Б. Кирилловой, делает исследование имиджа и маски как его культурной формы в значительной степени актуальным. А вообще-то «...маска — непреходящий фактор культуры, древней и современной. Ее истоки — в фольклоре и мифологии разных стран» (с. 6), напоминает автор, рассматривая предмет своих научных интересов на фоне разных эпох в контексте его социальных метаморфоз.

Концепция заключена в самой структуре книги, состоящей из пяти глав: 1. Культурогенез маски; 2. Маска в истории театральной культуры; 3. Феномен маски в русской культуре Серебряного века; 4. Маска и миф в экранной культуре XX века; 5. Маска в контексте медиакультуры глобализованного мира. Принципы построения текста — одновременно вертикальный и горизонтальный. Автор связывает события, разворачивающиеся в разных исторических временах и пространствах, последовательно освещая «жизнь» маски от эпохи к эпохе, начиная от каменного века и завершая нашей современностью, с одной стороны; а с другой — переходя от западной культуры (прежде всего театральной) к восточной, описывая маски европейских и голливудских кинодив, а следом — звезд советской «атлантиды», вводя всех в общемировой контекст. При этом под одной обложкой возникают неожиданные сопоставления, прежде в таком ракурсе не проводимые. Автором «управляют» не только хронология и география, но и стремление проанализировать наиболее яркие художественные направления, оценить вклад отдельных выдающихся личностей в мировую культуру, увидеть

¹ Здесь и далее в тексте в круглых скобках даются страницы рецензируемой книги.

историко-культурный след, оставленный созданными ими масками в памяти человечества. Применительно к театру — это маски, рожденные античностью, искусством средневековой Европы, «вихрями» итальянского карнавала, творчеством деятелей эпохи Просвещения, а также русских скоморохов и представителей Серебряного века в России, наконец, праздничной игровой культурой стран восточного мира, включая Индию, Китай, Японию, Корею. Здесь звучат имена Эсхила и Аристофана, Сенеки и Плавта, Карло Гоцци и Карло Гольдони, Пьера Бомарше, Ричарда Шеридана и Генри Филдинга, деятелей русской живописи, поэзии, балетного, драматического театров и даже эстрады — Александра Бенуа, Александра Блока, Сергея Дягилева, Михаила Фокина, Николая Евреинова, Александра Вертинского, Всеволода Мейерхольда, Евгения Вахтангова. В экранных медиа хранится память об Асте Нильсен, Грете Гарбо, Чарльзе Чаплине, Максе Линдере, с одной стороны, и Любви Орловой, Аркадии Райкине, актерах Леонида Гайдая, куклах политических телешоу «Куклы» и «Реальная политика» — с другой. Все они в свое время подарили публике яркие образы-маски, которые несли на себе печать разных времен и социумов.

Предложенный принцип рассмотрения эмпирического материала не выглядит эклектично. Автор проводит осознанный отбор фактов культурной жизни, с удовольствием излагая и разбирая их, чтобы заразить читателя своим глубоким, профессиональным интересом к ним. И здесь следует сказать о несомненной пользе книги для старшеклассников и студентов, которые, как показывает опыт общения с ними, довольно слабо ориентируются в описанном материале. Ведь в школе совсем не изучают историю и теорию театра или кино. Даже учителя имеют недостаточное представление о такой широко распространенной в мире дисциплине, как медиаобразование, служащей обучению восприятия медиа. Школьная программа по-прежнему исключительно логоцентрична.

«Маска как атрибут одновременно и материальной, и духовной культуры с самого начала своего возникновения была полифункциональным явлением», — пишет автор (с. 25), подробно изучая функции маски (эстетическую, гедонистическую, познавательную, интегрирующую, креативную, релаксационную), особое внимание уделяя посреднической и коммуникативной. Наше время обозначается как новая медийная цивилизация, для которой характерно мощнейшее влияние индустрии информации на бытие человека и человечества. Массмедиа стали полноценным социальным институтом, влияющим на развитие общества, которое все в большей степени зависит от них. В связи с этим автор пишет о процессах медиатизации, сущность которых сводится к интеграции медиа в различные сферы жизни общества и влиянию их на саму личность, к формированию так называемого «медийного» человека, «который вынужден постоянно менять стратегии медиапотребления, расширяя свои коммуникационные возможности» (с. 220). В результате трансформируются внешний и внутренний мир человека. Возникает новая социально-культурная среда его обитания — виртуальный мир, соперничающий с объективной реальностью. Причем человек в интернете «надежно укрыт» некой новой «маской» (в виде ника — интернет-псевдонима), «защищен, но зато и менее связан условностями, а потому и более откровенен»

(с. 229–230). Маска, несомненно, способствует общению людей, активизации культурных контактов, служит невербальным средством связей между людьми и даже «наглядно-образной формой объяснения действительности» (с. 28).

В нашем тысячелетии у маски, которая на протяжении истории культуры и искусства «наработала» множество значений, появляются новые функции и культурные коды. Дополнительные смыслы маска приобрела в период пандемии. Теперь маска — знак опасности и вовсе не фантазийная игра воображения, как прежде, а жесткая необходимость и бытовая реальность, с которой приходится считаться. Такие уроки получает для себя читатель благодаря этой яркой и полезной книге.

К несомненным ее достоинствам относятся: богатство эмпирического материала, широта охвата серьезных научных проблем, скрупулезность анализа, смелость историко-культурных сопоставлений, а также междисциплинарность, отвечающая современным трендам. Феномен маски изучают сегодня антропологи и этнографы, историки и социологи, культурологи и театроведы, что, как пишет автор, «свидетельствует об актуальности и неисчерпаемости самой темы» (с. 6), с чем, безусловно, стоит согласиться.

Кириллова Н. Б. Медиалогия. М., 2015. 424 с.

Тихомирова Е. Г. Маска как культурная форма // Наука. Искусство. Культура. 2017. Вып. 2 (14). С. 28–35.

Рецензия поступила в редакцию 29.03.2021 г.

DOI 10.15826/izv1.2021.27.2.047
УДК 070.1 + 070.4 + 378.6(470-25)

Р. Л. Исхаков

«БОЛЬШОЕ ВИДИТСЯ НА РАССТОЯНЬИ...»: ВЗГЛЯД НА ГАЗЕТОВЕДЕНИЕ ЧЕРЕЗ СТО ЛЕТ

Рец. на кн.: Фатеева И. А. Газетоведение как научно-образовательная школа в России: сто лет спустя : монография. — М. : МПГУ, 2020 — 368 с.

Впервые в исторической науке автор обращается к истокам теории журналистики, первым шагам исследования творчества газетных авторов. Многие годы после разгрома в 1930-х гг. школы газетоведения тема первых научных школ журналистики была закрытой. Автор монографии возвращает в научное сообщество имена первых исследователей журналистики.

К л ю ч е в ы е с л о в а: газетоведение; К. П. Новицкий; Московский институт журналистики; научная школа; самоорганизация

В Москве вышла в свет монография Ирины Фатеевой «Газетоведение как научно-образовательная школа в России: сто лет спустя». Монография представляет собой результат многолетнего изучения Ириной Анатольевной существовавшего в 1920–1930-х гг. отечественного теоретического направления, посвященного журналистике, — *газетоведения*.

Вчитываясь в книгу и мысленно конструируешь образ автора, который предстает на страницах книги. Впервые с Ириной Анатольевной Фатеевой довелось встретиться в Челябинске на состоявшейся 30 ноября — 2 декабря 2007 г. Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию высшего журналистского образования на Южном Урале. В конференции участвовали ученые и педагоги из Австрии, Чехии, Казахстана и России.

И. А. Фатеева и была вдохновителем научного симпозиума: конференция представляла некое, по ее же определению, «негеометрическое тело» под названием «СМИ — общество — образование: модели взаимодействия». Исследовательские интересы участников конференции отражали пять граней. Два последних раздела программы из пяти были посвящены педагогическим вопросам. Один из них назывался «СМИ и образование: профессиональное медиаобразование», другой — «СМИ и образование: массовое медиаобразование». Они отражали кредо Фатеевой — педагога по образованию и члена Союза журналистов с 1997 г. — медиаобразование.

Ныне И. А. Фатеева — профессор кафедры ЮНЕСКО медиа- и информационной грамотности и медиаобразования граждан Московского педагогического государственного университета.

ИСХАКОВ Рафаиль Лутфуллович — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры периодической печати и сетевых изданий Уральского федерального университета; член-корреспондент Академии энциклопедических наук (e-mail: rafail.iskhakov@urfu.ru). ORCID: 0000-0002-9655-7086

© Исхаков Р. Л., 2021

В 1987 г. она окончила Челябинский государственный университет по специальности «Филология». В 1987–1994 гг. работала учителем, заместителем директора средней школы в Челябинской области, в 1994–1995 гг. — заместителем директора по воспитательной работе средней школы № 89 областного центра. После окончания в 1995 г. аспирантуры в Литературном институте имени А. М. Горького работала старшим преподавателем, доцентом кафедры журналистики в Челябинском университете. В 2000–2002 гг. заведовала кафедрой научного обеспечения профессиональной подготовки журналистов ЧелГУ, в 2002–2015 гг. — кафедрой журналистики и медиаобразования.

В 2008 г. Ирина Анатольевна Фатеева защитила в Уральском государственном университете докторскую диссертацию «Журналистское образование в России: теория, история, современная практика» по специальности 10.01.10 «Журналистика». С 2015 г. проживает в Москве, в 2018 г. ей присвоено ученое звание профессора.

Интерес вызывает сам предмет изучения — газетоведение. Не первый день существует в научной среде феномен, который описывается в английской терминологии как *research swagger*, т. е. разновидность исследовательского чванства, непризнание научно-поисковых направлений, описываемых сложносоставным словом с исконно русской составляющей «-ведение».

Не потому ли на обочине наук с 1930-х гг. находилось отечественное краеведение, которое профессиональные историки многие годы не признавали? Этот вирус был передан и общественному мнению. Так, в новой книге Виктора Пелевина «Непобедимое солнце» (2020) действуют «полоумные историки-некроэмпааты». Лишь в конце XX в. встало на ноги религиоведение. Усилиями подвижников типа Бориса Васильевича Павловского, выпускника журфака УрГУ 1945 г., впоследствии — члена-корреспондента Академии художеств СССР, появилось искусствоведение; сегодня оно включает в свой состав музыковедение, театроведение, художественную критику.

Исходным для понимания является представление, что газетоведение — это научное знание, посвященное газете. Появление термина «газетоведение» связывают с именем К. П. Новицкого, который знал и англоязычный термин journalism, и немецкоязычный — Zeitungswissenschaft, и русскоязычное слово «книговедение». К. П. Новицкий придал этому слову значение научного термина, ибо к концу второго десятилетия XX в. уже были первые учебники П. М. Керженцева «Организация и техника газетного дела» (1919), С. Н. Срединского «Основы газетного дела» (1918), которые систематизировали изложение инструкций и советов по газетно-журнальному делу как практической деятельности. В современном толковом словаре русского языка Т. Ф. Ефремовой дано близкое мне понимание термина «ведение»: «Конечная часть сложных существительных, вносящая значение: наука или научная дисциплина, названные в первой части слова (востоковедение, литературоведение, машиноведение, обществоведение, товароведение и т. п.)» [Ефремова].

И. А. Фатеева пишет не только о газетоведении, но и о *научной школе* газетоведения. В истории журналистского образования были, для примера, Московский

институт журналистики, Мичуринская школа журналистики (1934–1938), Челябинская областная партийно-газетная школа, которые упоминаются в монографии. Кроме того, была сеть коммунистических институтов журналистики (КИЖ), кроме Московского и Ленинградского, работали Свердловский (с 1936), Алма-Атинский (с 1934), Куйбышевский, Харьковский (Всеукраинский), Минский (Белорусский) институты журналистики. В постановлении ЦК ВКП(б) «Главнейшие очередные задачи партии в области печати» от 6 февраля 1924 г. рекомендовалось организовать «секции газетного дела» в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ), Коммунистическом университете нацменьшинств Запада (КУНЗ).

Такой поворот в исследованиях сегодня имеет особую актуальность. В 1977 г. в подготовленном научными работниками СССР и ГДР сборнике «Школы в науке» появилась разносторонняя интерпретация понятия «научная школа» [Школы в науке]. Совет по грантам Президента Российской Федерации уже в 1998 г. разработал программу поддержки научных исследований молодых российских ученых-докторов наук и государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации [Ведущие научные школы...]. В 2003 г. программа была передана из ведения Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в Министерство науки РФ. В 2005 г. государственная поддержка в рамках субвенций была оказана 518 ведущим научным школам Российской Федерации.

К середине 1990-х гг. появились работы, которые наделяли научные школы зачатками институциональных структур. Понятие «научная школа» стали привязывать к организационным формам научной деятельности [Научные школы...]. Мы тоже отдали должное такому видению в нашей работе «Прикосновение к харизме», в которой институционально описали Свердловский государственный институт журналистики (ГИЖ) как уральскую школу журналистики [Исхаков, Ситникова].

Первые шаги в описании научной школы в области журналистики, безусловно, принадлежит И. А. Фатеевой, которая рассказала о возникновении, основных идеях и характерных чертах научной школы. До этого научные школы в 1977 г. описывали В. Б. Гасилов [Гасилов, с. 119–153], А. В. Огурцов [Огурцов, с. 248–262], В. П. Боярский и Н. А. Гаврюшин [Боярский, Гаврюшин, с. 354–363]. При этом как советские, так и российские научные школы всегда рассматривались скорее как локальный феномен, чем как явление, сопровождающее развитие мировой науки в целом. И. А. Фатеева рассматривает школу газетоведения в широком контексте международного признания отечественного газетоведения (гл. 1, § 10).

Общеизвестно, что научная школа — не только оформленная система научных взглядов, но и научное сообщество, придерживающееся этих взглядов.

Школа предполагает наличие научного лидера (учителя или идеи, после его смерти) и последователей (учеников). В отношении отечественного газетоведения можно определенно сказать, считает И. А. Фатеева, что одного-единственного общепризнанного лидера у него не было (с. 31). Однако выделяются несколько фигур — К. П. Новицкий, Ю. М. Бочаров, М. Ю. Левидов, Я. М. Шафир, А. Л. Курс

и М. С. Гус. Вместе с тем И. А. Фатеева, говоря образно, «загибает пять пальцев» в пользу К. П. Новицкого: во-первых, хронологически он первым употребил в названии своей монографии слово «газетоведение»; во-вторых, он и новую отрасль науки номинативно наименовал газетоведением; в-третьих, институционально был первым ректором первого журналистского вуза в системе формального образования; в-четвертых, предложил структуру новой науки и ее исследовательскую программу и, наконец, был редактором первого в стране периодического издания по журнализму — «Современник».

Автор впервые в литературе описал научную школу газетоведения: ее состав, эволюцию, обстоятельства возникновения и гибели, центры развития, проблематику, инструменты научной коммуникации, формы международного признания. Благодаря этому знания о газетах возводятся в ноосферу (от др.-греч. νοῦς — разум + σφαῖρα — шар; дословно «сфера разума»).

Важной особенностью монографии было персонифицированное представление газетоведения. В школе газетоведения, как и любой школе, должны быть учителя. Автор рассказала о шести лидерах газетоведения: К. П. Новицком (1879–1960), М. Ю. Левидове (1891–1942), Я. М. Шафире (1887–1938), Ю. М. Бочарове (1887–1936), М. С. Гусе (1900–1984), А. Л. Курсе (1892–1937) и их взглядах.

Фатеева возвращает в научный оборот имена ведущих исследователей центров газетоведения (с. 78–139): Н. К. Иванов (Грамен) (РОСТА); И. К. Ситковский, В. А. Кузьмичев (Московский институт журналистики); П. И. Болдин, Е. И. Журбина, П. Я. Хавин, Б. А. Вяземский, М. К. Урлауб (Ленинградский институт журналистики), а также А. С. Бубнов, И. Вардин (Мгеладзе), С. Б. Ингулов, С. И. Кататчиков, Р. П. Катанян, В. Г. Кнорин, В. И. Нарбут, Е. А. Преображенский, Л. С. Сосновский, С. И. Сырцов, Я. А. Яковлев (Центральное бюро секции работников печати ВЦСПС в 1922–1930 гг. и профильные отделы ЦК ВКП(б)).

И. А. Фатеева не соглашается с известным тезисом, что «школы — симптом незрелости науки» [Kuhn]. Мол, с утверждением парадигмы и переходом к «нормальной» науке школы сходят со сцены, ибо устанавливается общность теоретических и методических позиций всех представителей данной науки. В отдельной главе она рассказывает о попытках объединения газетоведов (с. 139–146).

В ноябре 1920 г. возник замысел учредить научный совет Московского института журналистики с правом присвоения почетных званий всем причастным к прессе. Целью деятельности научного совета декларировалась научная разработка: 1) вопроса организации книжного и газетного дела в Советской России и 2) теории газетного курса (ГАРФ [Гос. арх. РФ]. Ф. А-2306. Оп. 18. Д. 587. Л. 98 об).

Следующая попытка была предпринята Союзом российских писателей (СРП) на базе научного кабинета Дома печати (Никитский бульвар, 8): была создана самостоятельная общественная организация — Ассоциация газетной культуры. На организационном собрании выступивший с докладом инициатор создания Я. М. Шафир очертил вполне ожидаемый круг научных исследований: язык газеты, фельетон как жанр, публицистика как отрасль деятельности, изучение читателя, кампании в прессе, эволюция газеты, газетная техника, классификация

газет, иллюстрации в прессе и пр. Именно вокруг них будет в будущем выстраиваться исследовательская деятельность кабинета печати.

Наиболее масштабным способом объединения распыленных сил газетоведов Фатеева считает замысел создания научно-исследовательского института газетоведения на базе слияния двух реально функционировавших структур: научно-исследовательского кабинета ГИЖ и научного кабинета ЦБ СРП. Но проект не был реализован.

Кроме того, И. А. Фатеева обнародовала факт из середины 1920-х гг. Тогда была озвучена идея создания секции журналистики в Институте языка и литературы при Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИИОН), созданной в 1924 г. в Москве (с. 143). Говоря в 1927 г. об идее создания секции журналистики РАНИИОН, ректор ГИЖ С. Д. Муравейский предполагал, что при удачном опыте ее работы она со временем могла бы быть выделена в самостоятельный институт (ГАРФ. Ф. 5214. Оп. 1. Д. 10. Л. 35). В 1930 г. РАНИИОН был закрыт, структуры ассоциации были слиты с Комакадемией. После перехода в состав Коммунистической академии его стали называть ЛИЯ (Институт литературы, искусства и языка) Комакадемии. В нем появилась секция газетоведения и публицистики. Вывод очевиден: задача объединения усилий групп газетоведов так и не была решена по-настоящему. Более того, создание секции в ЛИЯ Комакадемии, происшедшее по инициативе партийно-государственных структур, фактически «знаменовало собой не развитие, а уничтожение научной школы» (с. 146). Большинству «старым» газетоведам был наложен запрет на исследования.

Говоря о научных школах, историк науки Т. Кун отмечал, что общность установок и видимая согласованность, которую научные школы обеспечивают, «представляют собой предпосылки для нормальной науки, то есть для генезиса и преемственности в традиции того или иного направления исследования» [Кун, с. 31].

В октябре 2011 г. в Москве было создано Некоммерческое партнерство «Национальная ассоциация исследователей массмедиа» (НАММИ), которое объединило как граждан РФ и иностранных граждан, так и юридических лиц (общественных и государственных). Мы видим прямое родство НАММИ с Московской школой газетоведения, которая породила региональные научные школы в вузах страны. Идея школы газетоведения 1920-х гг. реинкарнировалась в XXI в. в форме НАММИ.

В любой школе должны быть ученики. В апреле 1924 г. на заседании правления Московского института журналистики был конкретизирован список предметов, по которым вуз имел право оставить студента для подготовки к преподавательской деятельности: 1) всеобщая история печати; 2) история рабочей печати; 3) история русской критики и журналистики; 4) газетная техника; 5) публицистика; 6) фельетон; 7) издательское дело (ГАРФ. Ф. 5214. Оп. 1. Д. 2. Л. 30 об.). Наркомпрос РСФСР выделил ГИЖу четыре аспирантских места, их заняли М. Н. Бочарер (научный руководитель Ю. М. Бочаров), В. А. Кузьмичев (М. С. Гус), Н. Н. Наумов (М. И. Эйшишкин), И. К. Ситковский (Ю. М. Бочаров).

В 1924 г. ЦК РКП(б) принял постановления «Главнейшие очередные задачи партии в области печати» (6 февраля 1924 г.) [КПСС о средствах массовой информации и пропаганды, с. 206–209], «Об усилении партийного руководства

печатью и работой издательств» (22 февраля 1924.) [КПСС о средствах массовой информации..., с. 211–212]. Позднее ЦК ВКП(б) принял постановление «О кадрах газетных работников» (11 ноября 1930 г.) [Там же, с. 254–256]. В Московском государственном институте журналистики, по решению ЦК ВКП(б), «сосредоточивается научно-исследовательская работа в области журналистских дисциплин» [О кадрах газетных работников, с. 364]. Культпропотделу ЦК было дано поручение определить контингент аспирантуры [Там же].

В 1930-е гг. аспирантура как форма подготовки научно-педагогических кадров в системе журналистского образования продолжала существовать. В 1931 г. набор в аспирантуру Московского КИЖ вырос по сравнению с 1927 г. в 10 раз, до 40 человек. В Ленинградском и Украинском КИЖ набора в аспирантуру не проводилось, вся наука сосредоточивалась в столице.

Важнейшей характеристикой газетоведения можно назвать *самоорганизацию*. Газетоведение как научная школа не было единым и развивалось синергичными усилиями нескольких групп — РОСТА, Московского ГИЖ, Ленинградского ГИЖ, ЦБ СРП в ВЦСПС и профильных отделов в ЦК ВКР(б). Были сформированы основные разделы газетоведения:

- история отечественной журналистики (Ю. М. Бочаров, И. К. Ситковский, К. П. Новицкий, П. И. Болдин);
- теория информации и информационной деятельности (М. Ю. Левидов, Я. М. Шафир, А. Л. Курс, П. А. Корыхалов);
- теория журналистских жанров, особенно художественно-публицистических (Е. И. Журбина, М. Ю. Левидов, М. С. Гус, А. Л. Курс);
- социология журналистики (Я. М. Шафир, В. В. Кузьмичев);
- теория и практика выпуска и оформления периодических изданий (М. И. Щелкунов, М. Н. Бочарер, Б. А. Вяземский, Н. К. Урлауб);
- языковые аспекты журналистики (П. Я. Хавин, М. С. Гус);
- теория и практика журналистского образования (М. С. Гус, П. П. Блонский, К. П. Новицкий, С. Д. Муравейский).

В 1930-х началась кампания по дискредитации школы газетоведения. В журнале «Журналист» появились критические публикации («Для тревоги есть основания», 1931, № 12). Весь комплекс междисциплинарных изысканий был редуцирован до исключительно филологических исследований, на долгие годы определивших судьбу теории журналистики в СССР (так называемый «филологический флюс»).

Одной из причин прекращения деятельности школы газетоведения следует назвать определенное игнорирование ее создателями партийного руководства, их стремление к самоорганизации. С 1929 г., по мере ослабления оппозиции в партии и усиления генеральной (ортодоксальной) линии, усилилось влияние партийных структур на эволюцию газетоведения в силу его междисциплинарности (с. 138)¹.

¹ Сам И. В. Сталин вмешался во внутренние дела историков, направив в журнал «Пролетарская революция» письмо «О некоторых вопросах истории большевизма» (*Сталин И. В. Сочинения*. Т. 13. С. 84–102), и философов, инициировав принятие в январе 1931 г. постановления ЦК ВКП(б) «О журнале “Под знаменем марксизма”» (КПСС в резолюциях... Т. 5. С. 264–265).

Принятие в 1930 г. постановления ЦК ВКП(б) «О кадрах газетных работников», считает И. А. Фатеева, губительным образом отразилось на развитии независимой от партийных структур газетоведческой науки (с. 131), в 1930–1931 гг. 80 % профессорско-преподавательского состава было уволено. Все остальные центры газетоведения были ликвидированы, в январе 1931 г. срочно был расформирован научный кабинет Центрального бюро секции работников печати ВЦСПС.

Разгром школы газетоведения был первым организационным результатом идеологического контроля в науке. В 1930 г. подверглись разгрому и были запрещены как «троцкистские» первые исследования в области теории информации. Руководство Коммунистического института журналистики, в которое входили ученые М. С. Гус и А. Л. Курс, было объявлено «импортерами буржуазного газетоведения» [Алексеев; История цензуры в России XIX–XX вв.].

В начале XXI в. главными признаками ведущей научной школы называют:

– наличие нескольких поколений в связках «учитель – ученик», объединяемых общим, ярко выраженным лидером, авторитет которого признан научным сообществом;

– общность научных интересов, определяемых продуктивной программой исследований;

– в общем единый оригинальный исследовательский подход, отличающийся от других, принятых в данной области;

– постоянный рост квалификации участников школы и воспитание в процессе проведения исследований самостоятельно и критически мыслящих ученых;

– постоянное поддержание и расширение интереса (публикациями, семинарами, конференциями) к теоретико-методологическим проблемам данного направления науки [Левин, с. 151].

И в заключение о том, чего нет в монографии И. А. Фатеевой. В послесловии она приводит три поучительных истории из произведений Ю. Домбровского «Рождение мыши», Ю. Трифонова «Дом на набережной» и рассказа Вл. Войновича. Войнович вспоминает о встрече с Михаилом Семеновичем Гусом, ярким и амбициозным заведующим кафедрой печати Московского ГИЖа, которому досталась основная порция разоблачительной риторики в рамках кампании 1931 г. по дискредитации газетоведения; о том, что М. Гус в позднесоветский период, отработав свое место в гуманитарной номенклатуре публикациями на «злобу дня», критиковал В. Войновича как писателя, «придерживающегося чуждой нам поэтики изображения жизни “как она есть”». Принося свои извинения за это, М. Гус заплакал. Запоздалые слезы были оценкой битым-перебитым М. Гусом дебютной публикации начинающего, еще небитого Вл. Войновича.

В настоящее время в инструктивных материалах Рособрнауки понятие ведущей научной школы определяется следующим образом: «Ведущей научной школой Российской Федерации считается сложившийся коллектив исследователей различных возрастных групп и научной квалификации, связанных проведением исследований по общему научному направлению и объединенных совместной научной деятельностью» [Ведущие научные школы России]. За 10 лет (1998–2008) из определения научной школы исчез критерий наличия лидера школы.

Пропала также отсылка к историческим традициям организации научных исследований в российской науке. Организационно-идеологический разгром московской школы газетоведения в 1930-х гг. не означает аннулирование ее научных достижений. Развитие междисциплинарных исследований не означает, что не нужны узкодисциплинарные. Междисциплинарность предполагает расширение круга исследований, а не переориентацию.

Новое определение позволяет идентифицировать в качестве ведущей научной школы практически любой коллектив, совместно (в том числе временно) работающий над научным проектом.

Создание предпосылок совместного, синергетического исследования журналистики позволяет перевести теорию журналистики на этап неклассического типа рациональности. Этот факт не отменяет дальнейшего исследования газетоведческой темы. Таков оптимистический вывод из прочитанной монографии И. А. Фатеевой.

Алексеев А. Замечание об истории социологии «с человеческим лицом» // *Телескоп* : журн. (СПб.). 2008. № 3. С. 64.

Боярский П. В., Гаврюшин Н. А. Научная школа как коллективное творческое сознание // *Школы в науке*. М., 1998. С. 354–363.

Ведущие научные школы России : [справочник]. М., 1998. 622 с..

Гасилов В. Б. Научная школа – феномен и исследовательская программа науковедения // *Школы в науке*. М., 1998. С. 119–153.

Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. : ок. 160 000 слов. М., 2006.

История цензуры в России XIX–XX вв. : учеб. пособие. М., 2001. 358 с.

Исхаков Р. Л., Ситникова М. В. Прикосновение к харизме. Екатеринбург, 2006. 196 с.

КПСС о средствах массовой информации и пропаганды. М., 1987.

Кун Т. Структура научных революций. М., 1977.

Левин А. С. Итоги семилетнего функционирования программы поддержки ведущих научных школ и туманные перспективы ее дальнейшего существования // *Акустика неоднородных сред* : сб. тр. семинара науч. школы проф. С. А. Рыбака. М., 2002. С. 151.

Научные школы Уральского государственного технического университета: история и современность. Екатеринбург, 1995.

О кадрах газетных работников : постановление ЦК ВКП(б) от 11 ноября 1930 г. // *Справочник партийного работника*. М., 1934. Вып. 8. С. 364.

Огурицов А. П. Научная школа как форма кооперации ученых // *Школы в науке*. М., 1998. С. 248–262.

Школы в науке / под ред. С. Р. Микулинского, М. Г. Ярошевского, Г. Кремера. М., 1977. 524 с.

Kuhn T. S. *The Structure of Scientific Revolutions*. Chicago, 1962 ; Москва, 1975.

Рецензия поступила в редакцию 27.01.2021 г.

DOI 10.15826/izv1.2021.27.2.048
УДК 004.8 + 37.036 + 316.75 + 81'246

М. Ю. Гудова
Е. В. Рубцова
Н. А. Симбирцева

КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТРЕНДЫ В ЭПОХУ ПОСТГРАМОТНОСТИ: ОТ КРЕАТИВНОСТИ ЧЕЛОВЕКА К КРЕАТИВНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ЧЕЛОВЕКОМАШИННЫХ ГИБРИДОВ*

На основе материалов Пятой Международной научно-теоретической конференции «Коммуникационные тренды в эпоху постграмотности: полилингвизм, мультимодальность и поликультурность как предпосылки новой креативности», прошедшей в Уральском гуманитарном институте УрФУ 26–28 ноября 2020 г., анализируются основные коммуникационные тренды, сложившиеся под влиянием пандемии COVID-19 в сфере информационно-коммуникативного взаимодействия в пространстве социокультуры в течение 2020 г. В качестве основного тренда рассматривается использование искусственного интеллекта в таких сферах социокультуры, как коммуникации, медиа, образование. Уточняется понятие креативности, выясняются креативные возможности и пределы человеческого и искусственного интеллекта, анализируются угрозы и опасности, связанные с развитием искусственного интеллекта и внедрением его в разные сферы человеческой жизни — в образование и воспитание, журналистику и массовое

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ №17-29-09136/20 «Полилингвизм в эпоху постграмотности: философско-культурологические предпосылки и методико-педагогические основания модели полилингвального образования».

ГУДОВА Маргарита Юрьевна — доктор культурологии, доцент, профессор кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры Уральского федерального университета (e-mail: MargGoodova@gmail.com).

РУБЦОВА Елена Валерьевна — кандидат философских наук, доцент кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры Уральского федерального университета (e-mail: rbtsvelena@rambler.ru).

СИМБИРЦЕВА Наталья Алексеевна — доктор культурологии, доцент, заведующий кафедрой философии, социологии и культурологии Уральского государственного педагогического университета (e-mail: simbirtseva.nat@yandex.ru).

© Гудова М. Ю., Рубцова Е. В., Симбирцева Н. А., 2021

информирование, современное искусство и музейно-выставочную деятельность. Делается вывод о необходимости дальнейших междисциплинарных исследований искусственного интеллекта в гуманитарной сфере.

К л ю ч е в ы е с л о в а: искусственный интеллект; креативность; коммуникационные тренды; мультимодальность; полилингвизм; поликультурность; эпоха постграмотности; информальные практики в образовании

С 26 по 28 ноября 2020 г. в УрФУ, при поддержке гранта РФФИ 20-011-22081, состоялось значимое научное событие — Пятая Международная научно-теоретическая конференция «Коммуникационные тренды в эпоху постграмотности: полилингвизм, мультимодальность и поликультурность как предпосылки новой креативности». Конференция была организована учеными научной группы Уральского гуманитарного института УрФУ «Полилингвизм и поликультурность в эпоху постграмотности» (научный руководитель — доктор культурологии, профессор М. Ю. Гудова) при участии кафедры философии, социологии и культурологии Уральского государственного педагогического университета (заведующий кафедрой — доктор культурологии, доцент Н. А. Симбирцева). Конференция объединила ученых разных научных специальностей (лингвистика, философия, журналистика, культурология, педагогика, социология, искусствоведение, международные отношения) и континентов (Европа, Азия, Австралия, Северная Америка, Южная Америка). В конференции приняли участие 144 человека из России и 25 человек из стран ближнего и дальнего зарубежья. На пленарных и секционных заседаниях, на мастер-классах конференции прозвучало 46 устных докладов, еще 21 доклад был представлен в стендовой форме. 15 докладов были представлены коллегами из-за рубежа и 52 доклада сделаны российскими учеными. 34 из 67 докладов представляли результаты исследований, полученные при поддержке авторитетных российских и зарубежных научных фондов — РФФИ, РНФ, Фонда академической поддержки исследований Кореи, а также Министерства образования и молодежной политики Свердловской области.

Прологом к конференции стала открытая дискуссия «Образование: уроки COVID-19 и опыт дистанта» в формате проекта «Умная среда» в джаз-клубе EVERJAZZ (г. Екатеринбург, 25 ноября 2020 г.). В открытой дискуссии в качестве спикеров участвовали ученые УрФУ — кандидат филологических наук В. А. Гудов и доктор культурологии М. Ю. Гудова, представители среднего общего образования — директор гимназии № 9 г. Екатеринбурга Л. И. Кулькова, педагог-психолог А. Кирьякова, основатель Национальных ассоциаций робототехники и промышленного интернета, основатель проекта Университет 2.0 В. Недельский, кандидат политических наук, профессор ВШЭ УрФУ. Участники дискуссии с разных сторон обсуждали происходящие под давлением пандемии COVID-19 цифровые изменения в образовании и пришли к выводу об их объективной необходимости и неизбежности в мире, где совершилась культурно-цивилизационная революция в медиа и в системах коммуникации. Был зафиксирован факт, что образование — это система, которая обладает очень большой устойчивостью и на разных уровнях своей организации может либо предвосхищать будущее, либо соответствовать

запросу настоящего момента, либо уступать желаниям и оставаться неизменной. Между тем логика развития истории техники и технологий, истории медиа убеждает в том, что в условиях цифровых медиа становление нового типа образования — электронного образования и цифровой педагогики, новых способов мотивации и оценивания неизбежно.

В ходе последующих научных дискуссий на конференции обсуждались культурфилософские и философско-антропологические аспекты процессов цифровизации и медиатизации социально-коммуникационной подсистемы культуры: «Что происходит с человеком, его сущностью и креативностью?», «Каково экзистенциальное самоощущение человека в ситуации локдауна?», «В чем смысл перемен бытия?»; социологические аспекты: «Что происходит с социальностью под влиянием медиа, как меняется отношение людей к разным формам медиа, как относятся студенты и преподаватели к переходу обучения в мультимедийную среду?»; лингвистические аспекты: «Какие языки и коды становятся наиболее востребованными при доминировании интернет-коммуникаций?», «Как научить общаться на разных языках в условиях удаленного обучения и общения в глобальной медиасреде?»; наконец, общие вопросы: «Какие креативные подходы, элементы научного, художественного, педагогического творчества способны помочь человеку освоить бытие в новых алгоритмизированных и мультимодальных онтологиях?»

Основным понятием, вокруг которого была сосредоточена дискуссия, стало понятие креативности, конкретизирующее проблематику проводимой ежегодно конференции.

Креативность в современной культуре: своеобразие проблемы во время пандемии COVID-19

Проблема креативности была проанализирована в контексте новых социокультурных обстоятельств, сформированных в мировой культуре под воздействием COVID-19, когда почти все социальные коммуникации стали осуществляться по алгоритмам, прописанным для различных систем искусственного интеллекта. На конференции был представлен и обсуждался в ходе дискуссий среди отечественных и зарубежных ученых большой эмпирический материал, накопленный в процессе наблюдения исследователей за тем, как в 2020 г. осуществлялся перевод всех коммуникаций в сфере массмедиа, науки и образования в удаленный формат, когда все уровни межличностных и социальных взаимодействий в сфере науки и образования должны осуществляться при посредничестве определенных информационных ресурсов и сервисов, предоставляемых искусственным интеллектом.

Всемирная коммуникационная сеть Интернет была рассмотрена как особая реальность, в которой осуществляется виртуализированная повседневная жизнь, включающая все формы социокультурного взаимодействия — производство, обмен и распределение благ, а также информацию и свободное время. В социально-коммуникативной подсистеме социокультуры, представленной общением, образованием, искусством, происходит становление качественно новой формы

грамотности — постграмотности, вбирающей в себя все предыдущие формы грамотности, выработанные человечеством, и поднимающей их на качественно новый уровень, позволяющий создавать и обрабатывать мультимодальные и полилингвальные тексты и интерпретировать их в сложных поликультурных контекстах.

Креативность, мыслимая в 2010-х гг. как способность человека к производству коммерчески успешных, эффективных решений в сфере творческих индустрий, в ходе дискуссий была переосмыслена как способность к созданию непосредственно искусственным интеллектом, а также во взаимодействии с человеком новых творческих продуктов.

Креативность и человек, робот и человекомашинные гибриды

Человек. Проблеме взаимодействия человека и образовательных искусственных систем, имеющих агентный характер участия в социокультурных процессах, был посвящен доклад М. Ю. Гудовой «Человек в мире алгоритмов и онтологий: новая экзистенциальная ситуация» [Гудова]. Основная идея заключалась в том, что именно образование сегодня оказалось той областью, где встречаются «умные машины», под чьим влиянием возникают новые модели человеческого существования — новые онтологии, и всем представителям образовательного сообщества отныне приходится существовать по заданным этими алгоритмизированными онтологиями программам. Что произошло с экзистенциальным самоощущением представителей образовательного сообщества при погружении в мир алгоритмов в условиях онлайн-образования? Анализируя новую экзистенциальную ситуацию одновременного нахождения современного человека, живущего и работающего в удаленном режиме, в физической и виртуальной реальности, т. е. одновременного бытийствования в двух разных онтологиях — онтологии физической и онтологии виртуальной реальности, где первая онтология определяется физическими законами пространства-времени-движения, а вторая — созданными программистами математическими алгоритмами, описывающими порядок движения информации в определенной искусственной интеллектуальной системе, был сделан вывод о том, что каждое рефлексирующее сознание обречено на экзистенциальный кризис. Одновременное существование в двух онтологиях, каждая из которых живет по своим законам и правилам и диктует их человеку, вызывает у человека экзистенциальный дискомфорт, преодоление которого является, по мнению докладчика, актуальной задачей не только программистов, но и гуманитарного сообщества: психологов, социологов, культурологов, педагогов.

Осмыслению креативных возможностей и пределов искусственного интеллекта был посвящен доклад, предоставленный в стендовой форме И. П. Ямщиковым [Gudova, Guzikova and Yamshchikov, с. 14–16]. В докладе осмыслялась зависимость искусственного интеллекта от интеллекта человеческого, осуществляющего загрузку данных в нейросеть и обучение нейросети вести себя рациональным и иррациональным образом, симулируя творческое поведение и творческое безумие в том числе. Развитие искусственного интеллекта и его креативных возможностей И. П. Ямщиков ставит в прямую зависимость от возможностей ученых

обучать искусственный интеллект путем формирования нейросети и насыщения ее большими данными. Такая методика на данном этапе обучения делает, по его мнению, невозможным превосходство интеллектуальных возможностей креативного искусственного интеллекта (ИИ) над креативными возможностями интеллекта человека.

В качестве полигона для испытаний ИИ и его влияния на развитие современной социокультуры используется сфера современного искусства, где, как было представлено в докладе К. И. Охват [Okhvat], искусственному интеллекту поручаются все более сложные креативные задания, а сам ИИ маскируется под интеллект человека. В качестве иллюстрации И. П. Ямщиков представил проект «Нейрооборона», который был разработан совместно с А. Тихоновым и др.; К. И. Охват проанализировала проект создания визуальных произведений искусства. При анализе художественных экспериментов в современном искусстве было выявлено, что новые приемы музыкального творчества, такие как паузирование, использование тишины, затихания, технического, индустриального, городского шума (стендовый доклад Т. Н. Смирновой) [Smirnova], синтез достижений науки и художественной практики (мастер-класс А. Ярмош) [Yarmosh], всегда создаются людьми (художниками, учеными, программистами, техниками, в их содружестве и сотворчестве), а вот функции тиражирования, воспроизведения, распространения и транслирования новаций лучше всего выполняют системы ИИ или другие автоматические или автоматизированные системы.

Соответственно, формы креативности в современном искусстве все время усложняются, развитие креативности происходит за счет расширения возможностей специфических художественных языков (стендовый доклад Т. Н. Смирновой о языке современной музыки, стендовые доклады А. С. Темляковой и Р. Тангалычевой о языке кинематографа), а также путем экспериментов в сфере создания различных мультимодальных текстов, так называемых текстов «новой природы». С позиций истории формирования научных подходов к построению мультимодальной грамматики эта проблема была затронута в стендовом докладе М. Ю. Гудовой и Д. Д. Глазковой [Gudova, Glazkova]. Новым формам текстов, где художественное и визуальное пересекается с биологическим, где визуальное трансформируется в звуковую смысловую реальность, или наоборот, акустическая реальность порождает новые визуальные эффекты, были посвящены устные доклады А. С. Ярмош, М. Г. Чистяковой и В. Г. Богомякова, Р. Тангалычевой, Юань Мэнмэн. О том, какие существуют философские предпосылки для осмысления таких синтетических практик новой креативности, говорилось в стендовом докладе П. Головатиной-Мора, Е. Рубцовой и К. Федоровой [Golovatina-Mora, Rubtsova, Fedorova]. Креативный потенциал использования текстов «новой природы» (мемов, построенных на сочетании вербальных и визуальных элементов текста) в изучении и преподавании современного и классического искусства, языков и литературы анализировали в своих докладах М. Аксенова, Г. Боева, Л. Мирзоева, О. Сюрмен.

Значительная часть докладов была посвящена проблемам **человекомашинных гибридов и их агентных функций**. С теоретической точки зрения вопрос

о гибридности был рассмотрен в докладе Ю. Ю. Черного «Маршал Маклюэн — 2020: путеводитель по цифровой эпохе» [Черный], где был сделан обзор основных идей канадского социолога, основоположника современной медиафилософии, с точки зрения того, какие недостатки человеческой природы восполняются искусственными интеллектуальными системами в процессе научно-образовательного общения и какие недостатки человека как природного существа во взаимодействии с искусственным интеллектом усугубляются. Была выявлена потребность сохранения человеческой сущности и человеческих форм общения и взаимодействия в опосредованной гаджетами и алгоритмами интернет-коммуникации, несмотря на все трансформации человеческого, установлено частичное расширение когнитивных возможностей человека за счет приобретения внешних устройств памяти и обработки больших данных, объединения разрозненных интеллектуальных усилий в работе над единым культурным проектом или продуктом и частичная утрата способов общения на энергично-сенсорном уровне.

В практическом плане этот вопрос был рассмотрен в докладе Е. А. Зверевой «Взаимодействие “журналист — рожурналист”: коммуникационные преимущества и социальная ответственность». Автор проанализировал проблему на примере использования рожурналистики в отечественных СМИ в 2016–2019 гг. Вслед за Замковым, Крашенинниковой, Лукиной и Цынаревой, под термином «рождурналистика» автор понимает «алгоритмы, созданные как для обработки роботами медиатекстов с целью выявления связей между их структурами, так и для автоматизированной генерации самих текстов» [Zvereva, с. 537]. Е. А. Зверевой были выявлены и проанализированы такие креативные возможности «рождурналиста», как генерация ленты контента, классификация инфоповодов и автоматическое назначение тегов, прогнозирование рейтинга инфоповодов, оценка восприятия и адаптация контента под адресата, персонализация контента на основе системы предыдущих интересов. Были перечислены преимущества рожурналиста: обработка большого объема данных, точность и высокая скорость обработки инфоповодов, точность и быстрота оценки пользовательских предпочтений аудитории. Были выявлены следующие недостатки рожурналистики: создание эхо-камер, фейков и инфопузырей, отказ от профэтики журналиста. Был сделан вывод о необходимости инструментального и ответственного использования рожурналистики, при главенстве человека и приоритете общечеловеческих ценностей и открытого информационного пространства.

В качестве инструментов гибридизации в научно-образовательной практике рассматривались платформы удаленного образования: Moodle, Teams, Canva, Miro, Scholar и др. Профессор Б. Коуп, представивший в качестве проекта цифровой педагогики и образования будущего научно-образовательную социальную сеть SCHOLAR, показал, что такая научно-образовательная сеть четвертого поколения способна предоставить человеку преимущества, освобождающие его самый дорогой ресурс — время для творческого педагогического труда, когда рутинная и повторяющаяся часть педагогического труда перекладывается на плечи машин — проверка и оценивание заданий, а творческая часть педагогического труда — разработка содержательного контента, его выразительное оформление

и создание заданий и критериев оценки, а также живое дискуссионное и полемическое общение остается привилегией человека — преподавателя и ученого [Cope, Kalantzis, 2020, 24 June]. Такое распределение человеческих и машинных усилий, по мнению Б. Коупа, позволяет человеку проявить его наиболее человеческие и творческие качества, а машине остаться в пределах задач автоматизации систем рутинного производства физических или умственных усилий.

М. Калантцис, раскрывшая в своем выступлении укрепившиеся в эпоху COVID-19 представления о будущем образования и роли новой системы оценивания в удаленном образовании, сделала акцент на необходимости постоянной поддерживающей мотивации обучаемых к освоению изучаемого материала и коммуникативных навыков, последнее обусловлено необходимостью развития социальности современного человека в условиях удаленных коммуникаций и физического и социального дистанцирования [Cope, Kalantzis, 2020, 24 Apr.]. По мнению профессора М. Калантцис, если преодолеть физическую разобщенность невозможно при помощи систем ИИ, то преодолеть эмоциональную, социально-энергетическую разобщенность в образовательном процессе с помощью использования новых визуально-художественных способов выставления оценок вполне реально, так как благодаря художественно-выразительной форме воплощения эти оценки утрачивают репрессивный и ретроспективный характер и приобретают характер вдохновляющий и прогрессивный. М. Калантцис предлагает в каждом учебном задании оценивать три компонента: фокус/целеустремленность, помощь/взаимодействие, знания/умение применять полученные знания и навыки. Все это, по мнению докладчика, позволит создать новую педагогическую модель педагога-фасилитатора и модель обучения как вдохновляющего и целеустремленного взаимодействия.

Проблемы мотивации студентов к онлайн-обучению, т. е. обучению не посредством прямого взаимодействия человека и человека, а при опосредованном человеко-машинно-человеческом взаимодействии, затрагивал в своем докладе о культуре оценивания Д. Леонтьев [Leontjev, Rasskazova]. Он предложил двустороннюю систему оценивания обучающихся и обучаемых, включающую оценивание системы взаимодействия, а не отдельных взаимодействующих персон, что вызвало большой интерес у участников дискуссии. С точки зрения уважаемого ученого из Финляндии, беспрецедентное экстренное дистанционное обучение создало уникальные проблемы: преподаватели столкнулись с более высокими требованиями, предъявляемыми к ним, поскольку они должны обеспечивать качественное преподавание, обучение и оценку в условиях ограниченного времени и дополнительных обязательств в своей профессиональной деятельности и личной жизни. В докладе были представлены существующие теории оценивания, применимые как к онлайн-обучению, так и к традиционным классам. Были намечены пути помощи педагогам в преодолении проблемы обучения в онлайн-среде и понимании того, какие онлайн-методы позволяют лучше оценивать учащихся.

Идеи, представленные в докладах ключевых спикеров, были развиты в секционных докладах российских и зарубежных ученых, исследующих то, как системы искусственного интеллекта в образовании способствуют педагогическому

творчеству преподавателей, и отрефлексированы участниками конференции в мастер-классах, посвященных развитию креативности внутри педагогического процесса. Примерами могут послужить мастер-класс Р. А. Мора и П. Головатина-Мора, М. О. Гузиковой и доклады на секциях (И. Белякова, С. Троцюк, Сы Сюй и др.).

Рауль Альберто Мора и Полина Головатина-Мора в формате мастер-класса говорили о том, что пандемия заставила всех преподавателей и ученых покинуть традиционные рабочие пространства и зоны комфорта, по крайней мере на время. И хотя будущее образования и науки остается сегодня неопределенным, но уже возможно предвидеть сценарии, в которых в дальнейшем проявятся различные степени гибридности [Mora, Golováina-Mora]. Частично задача развития педагогической культуры взаимодействия будет заключаться в создании учебных ситуаций, которые максимизируют обучение на основе имеющихся у нас навыков и ресурсов. Здесь возможно использовать идеи из приема сортировки, применяемой в медицине при чрезвычайных ситуациях, чтобы задуматься о том, как должна выглядеть более устойчивая модель обучения в мире во время и после пандемии. Каждому из участников мастер-класса было предложено самому определить при помощи визуализации, на каком из уровней гибридации педагогического мастерства он находится. Этот мастер-класс был открытым приглашением к знакомству с новыми формами гибридности, которые используются сегодня учеными и педагогами и которые нужны научно-образовательному сообществу в будущем для максимально эффективного обучения (начиная от простейших форм сотовой связи и электронной почты, машинного ввода и автоматизированного перевода текста — до сложных инструментов конвертации учебных материалов в научные достижения ученых и обучаемых). Предложенный молодыми колумбийскими исследователями подход позволяет переосмыслить роль цифровых инструментов в сегодняшних сценариях обучения и изменить восприятие идеи мультимодальности, которая сегодня выходит за рамки использования устройств и возвращается к принципам креативного и гуманного обучения.

На мастер-классе, посвященном полилингвальному обучению детей, Ю. Р. Ефремова и Н. А. Симбирцева подняли вопрос о формировании языковой и культурной идентичности внутри семей, где родители либо являются носителями иностранного языка, либо организуют практики освоения иностранного языка и «другой» культуры на повседневно-бытовом уровне. Это обеспечивает преодоление бинарных оппозиций в восприятии различных культур и способствует развитию культуры диалога в современном коммуникативном пространстве. В процессе обучения и дети, и родители, и педагоги сталкиваются с вопросами использования медиа и обучающих игрушек-роботов для речевого развития в раннем детстве. Соответственно, встают вопросы о том, кто и как формирует мышление полилингвов и билингвов в монолингвальной среде. Обсуждение данной темы в аудитории, имеющих большой опыт воспитания детей-полилингвов, позволило выявить важность и ценность частного опыта, поскольку каждая ситуация обладает и уникальностью, и типичностью: опыт родителей и значимых взрослых транслируется детям исходя из ожиданий взрослых и потребностей

современного мира, в который дети только-только начинают входить и осваивать его формы и механизмы взаимодействия [Efremova, Simbirtseva].

В развивающих и уточняющих эти идеи секционных докладах были рассмотрены как образовательные, так и коммуникативные особенности различных медиаресурсов и социальных сетей. Была выявлена следующая тенденция: потребность в интерактивном взаимодействии и формировании тесных интеллектуальных и эмоциональных, сенсорных и когнитивных связей внутри образовательного сообщества студентов и преподавателей приводит к спонтанному предпочтению в неформальной и нерагламентированной образовательной деятельности тех мультимедийных образовательных инструментов, которые по своим коммуникационным возможностям приближаются к социальным сетям — Scholar (М. Калантцис и Б. Коуп), LSLP (Р. А. Мора) или существуют в социальных сетях, таких как YouTube, Instagram, WhatsApp, TikTok.

В то же время было осмыслено и изменение восприятия научно-образовательной общности. В докладах многих участников конференции и в последующих дискуссиях отмечалось, что вторжение в процессы «обработки людей людьми» алгоритмов и роботов привело к тому, что в научно-образовательном сообществе под давлением COVID-19 происходят процессы реструктуризации. Обучаемые и обучающие, представляющие ранее сообщества педагогов и сообщества учеников, в онлайн-образовании взаимодействуют персональным образом, каждый из них единолично обращается к экрану гаджета и получает из него информацию. Соответственно, они не представляют больше ни коллектив кафедры или предметной секции, ни коллектив класса или учебной группы, они составляют научно-образовательное сообщество обучающихся и обучаемых по определенной образовательной программе, где важной частью становятся индивидуальные образовательные цели, задачи и траектории (М. Ю. Гудова, С. В. Юрлова, В. Г. Бокуменко). В связи с этим, как говорила в докладе А. А. Карташева, огромную роль получает эмоциональный дизайн образовательных программ, который должен не только привлечь студента в определенный университет, но и организовать его эмоциональное, вовлекающее прохождение всей траектории обучения [Kartasheva].

Креативность и новые практики использования искусственного интеллекта в медиа и в медиаобразовании

Особое место в системе современной социокультуры занимает феномен медиакультуры. Анализу понятия «медиакультура» в сравнении с понятием «культура медиа» был посвящен доклад Е. Н. Ярковой. Автором были выявлены основные теоретические подходы к научному описанию феномена медиакультуры XX в. (франкфуртская школа критической социологии, британские cultural study и французский постструктурализм-постмодернизм); прослежены механизмы деконструкции понятия медиакультуры в понятия медиатехнологий и медиареальности; выявлена специфика понятий медиа, медиакультура и СМИ (средства массовой информации), СМК (средства массовой коммуникации), доказано

более широкое содержание понятия медиа нежели СМИ и СМК; выявлена необходимость создания новых теоретических подходов к анализу понятий «медиа-технологии» и «медиа-реальность», соответствующих сложившимся практикам в сфере медиа в культуре XXI в. [Yarkova].

Социологами УрФУ (Н. Антонова, А. Гурарий, В. Хафизова) были представлены исследования субкультур «аналогового» и «цифрового» поколений медиапотребителей, особенности их языка и медиапредпочтения, выявлены противоречия и перспективы межпоколенческого диалога. В условиях сегментации медиаресурсов и персонализированной адресности новых медиа, различных тематических предпочтений и семиотических способов передачи информации и эмоционального отношения были найдены общие тематические поля (А. Сумская, П. Сумской, В. Соломеина) — это поля повседневности: здоровый образ жизни, стиль и красота, дом и интерьер, дороги и путешествия, города и достопримечательности, общая информационно-коммуникативная сеть — YouTube [Sumskaaya, Sumskoj, Solomeina]. Была отмечена постоянная динамика в освоении старшими поколениями новых медиа и стремление молодого поколения к формированию все новых сетей, все новых свободных медиакоммуникационных экономических ниш, дающих возможности получения прибыли на основе эмоциональной привлекательности и адресной точности товаров и услуг.

Современная медиакультура была рассмотрена в единстве «старых» медиа, работающих на основе журнализма, таких как традиционное телевидение и радио, и новых медиа, развиваемых поколениями медиакоммуникаторов и представленных различными социальными сетями. В качестве средств новых медиа были проанализированы социальные сети YouTube, Instagram, TikTok, «ВКонтакте». Выявлены отличительные черты новых медиа: использование гипертекстов, сложных креолизованных, мультимодальных текстов с разными способами передачи контента (вербальные, аудиальные, визуальные, видеоязыки); полилингвальных текстов, основанных на различных сочетаниях элементов простых языков, а также текстов, активно использующих прецедентные и заимствованные тексты. Особенности текстов и языков новых медиа, развивающихся в глобальном мире межкультурных интернет-взаимодействий, характер взаимодействия между текстами предшествующих эпох и современности были рассмотрены в докладе Магсара Цэвэна (Улан-Батор) «О некоторых особенностях русских культурных констант, присутствующих в монгольском языке и культуре». Автор проанализировал, как в условиях глобальных коммуникаций усиливается взаимовлияние языков общения, расширяется коммуникативный репертуар акторов. Были рассмотрены такие константы русской культуры, перешедшие в монгольский язык и культуру в XX в., как «пылающая душа Данко», «человек с метлой», «волшебная палочка», «крокодиловы слезы», «жадная старуха», «падшие духом», «стоп-кадр» [Magsar Tseven]. Была показана специфичность бытования константных элементов русской культуры, присутствующих в монгольском языке и культуре, активно употребляемых в социально-бытовой сфере общения и в настоящее время. Данную тему развивала в своем докладе «Прецедентный текст как особый вид кода в интернет-коммуникации» Л. Ю. Мирзоева (Алматы). Она предложила

рассмотреть следующие социально-коммуникативные функции прецедентного текста в интернет-коммуникации: указание на общие фоновые знания собеседников, если они обладают такими знаниями; специфическое кодирование положительных и отрицательных эмоций и способов их выражения, особенно при общении через интернет [Mirzoeva, Syurmen]. Особенности мультимодальных и полилингвальных рекламных текстов в современных медиа, таких как социальные сети «ВКонтакте», Instagram, были раскрыты в сообщениях Д. Глазковой, А. Литвиновой. Критическое отношение к мультистраничности и мультимодальности современных медиа высказали представители дизайнерского сообщества — профессор М. В. Панкина и доцент Ю. В. Калайкова, поставившие рациональность использования мультимодальности и мультистраничности новых медиа в зависимость от перцептивных возможностей сенсорики человека и возможностей продуктивной интерпретации параллельных вербальных и невербальных информационных потоков [Kalaykova, Pankina].

Противоречивое воздействие интернет-коммуникации на участников коммуникационного процесса и способность человека и сообществ использовать новые медиа и интернет-коммуникацию как в гуманных, так и в антигуманных целях была подробно проанализирована в пленарном докладе профессора И. Я. Мурзиной и в серии докладов, прозвучавших на секции «Информальные медиапрактики и поликультурность», которую организовали и провели ученые УрГПУ Н. А. Симбирцева и Е. В. Прямякова. Профессор И. Я. Мурзина подчеркнула важность не только научно-образовательного, но и воспитательного взаимодействия в формальном и неформальном коммуникационно-образовательном процессе, осуществляющемся при помощи онлайн-технологий. В ходе анализа медиаресурсов и медианструментов патриотического воспитания она указала на целый ряд резервов креативности, которые можно применять в дизайне процессов патриотического воспитания в мультимедийной среде с использованием открытого мультимедийного электронного ресурса «Наш адрес: Урал, Россия». На материале трех кейсов — «75 лет Великой Победы», «И тут появился изобретатель...», «Урал в годы Великой Отечественной войны» было показано комбинированное использование мультимодальных текстов различной природы и жанровой принадлежности в пределах одной экранной страницы с помощью QR кодирования информации, встраивания системы гиперссылок, по которым возможен переход от текста учебника к текстам исторических документов, художественных произведений или мемуарной литературы, актуализирующей историческое прошлое Уральского региона и России. Такой сложный гипертекстуальный и мультимодальный текст, по мнению автора доклада, обладает высокими аттрактивными и суггестивными качествами, вызывает эффект эмоциональной причастности к осваиваемой информации, что позволяет в комплексе осуществлять воспитательное воздействие педагога на обучаемых [Murzina].

В рамках секции обсуждались и другие вопросы, связанные с информальными практиками медиaprостранства, которые включены в процесс формального образования и/или отражают значимые стороны повседневной жизни, актуальные для личностного и профессионального становления. В частности, О. В. Кружкова,

И. В. Воробьева представили типичные стресс-факторы городской среды в ее виртуальном преломлении в контексте субъективной оценки их значимости для городской молодежи. Было проанкетировано 210 респондентов в возрастном диапазоне от 18 до 30 лет, проживающих в двух крупных городах Уральского федерального округа — Екатеринбурге и Тюмени. Исследователи выявили типичные стресс-факторы: к наиболее часто упоминаемым молодежью можно отнести переизбыток информации и нарушение юзабилити информационного контента, а к наиболее стрессогенным — навязчивость сервисов виртуального города и деанонимизацию [Vorobyova, Kruzhkova].

Е. В. Прямикова и М. Н. Вандышев рассказали об опыте использования мультимедийных практик в корпоративных музеях [Pryamikova, Vandyshev]. Всего в исследование было включено 11 корпоративных музеев в нескольких городах Уральского региона. В заключение был сделан вывод, что самыми оснащенными из них являются корпоративные музеи экономически успешных заводов, таких как УГМК, УВЗ и др. Множество вопросов и комментариев вызвал доклад Ю. Р. Тагильцевой об использовании мультипликационных персонажей в экстремистском интернет-дискурсе [Latu, Tagiltseva]. Автор рассказала об особенностях технологии «мягкого воздействия» и привела ряд примеров из практик, которые уже идентифицированы как нарушающие российское законодательство. Не оставил равнодушными слушателей и доклад О. В. Блиновой о маргинальных политических практиках молодежи, рассматриваемых как один из коммуникационных трендов в эпоху постполитики [Blinova, Gorbunova, Deviatovskaia]. Готовность и желание молодежи участвовать в решении политических вопросов связаны с возрастными особенностями и личностными установками, а также со знанием основ правовой и политической грамотности. И. А. Симонова сделала доклад на тему «Концепция национальной идеи в поликультурном медиапространстве: формальные vs информальные логики», в котором автор познакомила слушателей с проведенным анализом двух доминирующих логик: формальной (традиционной), где национальная идея понимается как некоторая директива, которая формируется элитами и определяется централизованно для широкой общественности вне зависимости от локальных культурных особенностей ее членов; и информальной, появление которой обусловлено индивидуализацией, гетерогенностью, поликультурностью современного общества и предполагает апелляцию к множественности оснований и культурных нюансов, пересекающихся локальных практик, как базы для построения новой концепции национальной идеи [Simonova]. В рамках второго варианта национальная идея рассматривается как «национальная идея для меня», формирующаяся в перекрестном потоке официальных источников информации наряду с неформальными сообществами, личными связями, альтернативными версиями других наций. Было отмечено, что большое значение имеют различия языка описания и форм трансляции, обуславливающие формальную и информальную версии национальной идеи, циркулирующие по различающимся каналам и отличающиеся соответствующим контентом.

Таким образом, ученые, объединившиеся для обсуждения актуальных научных проблем и поисков путей их продуктивных научных решений, рассмотрели такие

фундаментальные проблемы философии культуры и философской антропологии, как характер и предпосылки креативности в современной культуре, особенности агентов креативности в современной культуре (человек, робот, человекомашинные гибриды), способы адаптации человека и культуры к новым условиям внутреннего и внешнего бытия, и сформулировали несколько принципиальных направлений для уже проводимых и предстоящих комплексных гуманитарных исследований:

1. Представления о человеке и человеческой сущности, человеческом и человечности, гуманности и гуманизме, экзистенциалах и экзистенциальности в эпоху человекомашинных гибридов и искусственного интеллекта.

2. Концепции человека будущего — о будущем социокультурной сферы и о путях формирования, воспитания и обучения человека, чье будущее предопределено культурно-цивилизационной и технико-технологической революцией в области медиа и искусственного интеллекта, что выражается в необходимости разработки новой цифровой педагогики и новой, внедидактической, вдохновляющей и коллаборативной модели образования для человека будущего.

3. Теории о человеческом интеллекте и об искусственном интеллекте, их когнитивных качествах и возможностях, формах и пределах их креативности, социокультурных условиях, позволяющих человеку сохранять программирующие отношения, а искусственному интеллекту выполнять сервисные функции.

4. Знания о медиа как о виртуальной среде обитания системы современной социокультуры, где происходят не только процессы массовой коммуникации и информирования, но и процессы производства, управления и потребления всего спектра социокультурных благ: образования, здравоохранения, торговли и т. д.

5. Представления о нейрокогнитивных предпосылках полилингвизма и мультимодальности, трансформационных грамматиках и практиках полилингвального и мультимодального интермедиального перевода в современном искусстве на основе трансформационных грамматик в медиа.

Авторы не имеют конфликта интересов.

Conflict of Interest The authors have no conflict of interest to declare.

Acknowledgment. This research was financially supported by the Russian Foundation for Basic Research (Grant No. 17-29-09136/20 “Multilingualism in the Era of Post-literacy: Philosophical and Cultural Studies and Methodological and Pedagogical Development of a Multilingual Education Model”).

Гудова М. Ю. Онтологии и алгоритмы: экзистенциальные кризисы в эпоху роботов в образовании // Facebook. URL: <https://www.facebook.com/tatiana.rasskazova.14/videos/10215212655184347> (дата обращения: 31.01.2021).

Черный Ю. Ю. Маршал Маклюэн — 2020: путеводитель по цифровой эпохе // Facebook. URL: <https://www.facebook.com/maria.guzikova/videos/10221155501290025> (дата обращения: 31.01.2021).

Blinova O., Gorbunova Y., Deviatovskaia I. Marginal Political Practices of Youth as a Communication Trend in the Post-Politics Era. <https://doi.org/10.15826/B978-5-7996-3081-2.26> // Communication Trends in the Post-Literacy Era: Polylingualism, Multimodality and Multiculturalism As Preconditions for New Creativity / ed. by R. Simpson. Ekaterinburg, 2020. P. 379–392.

Cope B., Kalantzis M. The Future of Online Learning // Youtube. 2020. 24 June. URL: https://www.youtube.com/watch?v=dfKPbRaHsBw&feature=emb_logo (accessed: 31.01.2021).

Cope B., Kalantzis M. Schools after COVID-19: Seven Steps Towards a Productive Learning Revolution // Illinois College of Education : [website]. 2020. 24 Apr. URL: <https://education.illinois.edu/about/news-events/news/article/2020/04/24/schools-after-covid-19-seven-steps-towards-a-productive-learning-revolution> (accessed: 31.01.2021).

Efremova Yu., Simbirtseva N. Formation of Cultural Identity of Bilingual Children in the Conditions of Russian Everyday Life // Communication Trends in the Post-Literacy Era: Polylingualism, Multimodality and Multiculturalism as Preconditions for New Creativity / ed. by R. Simpson. Ekaterinburg, 2020. P. 210–228. <https://doi.org/10.15826/B978-5-7996-3081-2.15>

Golovatina-Mora P., Rubtsova E., Fedorova K. Media and Audio Practices: a Search for Philosophical Background of Analysis // Communication Trends in the Post-Literacy Era: Polylingualism, Multimodality and Multiculturalism as Preconditions for New Creativity / ed. by R. Simpson. Ekaterinburg, 2020. P. 749–760. <https://doi.org/10.15826/B978-5-7996-3081-2.53>

Gudova M., Glazkova D. Use of New Nature Texts in the VKontakte Social Network // Communication Trends in the Post-Literacy Era: Polylingualism, Multimodality and Multiculturalism as Preconditions for New Creativity / ed. by R. Simpson. Ekaterinburg, 2020. P. 368–378. <https://doi.org/10.15826/B978-5-7996-3081-2.25>

Gudova M., Guzikova M., Yamshchikov I. Creativity in the Age of Robots: A Polemic, Philosophical and Cultural Preface to a Discussion // Communication Trends in the Post-Literacy Era: Polylingualism, Multimodality and Multiculturalism as Preconditions for New Creativity / ed. by R. Simpson. Ekaterinburg, 2020. P. 8–20.

Kalaykova J., Pankina M. Boundaries of Multimodality in Virtual Information Environment Design // Communication Trends in the Post-Literacy Era: Polylingualism, Multimodality and Multiculturalism as Preconditions for New Creativity / ed. by R. Simpson. Ekaterinburg, 2020. P. 353–367. <https://doi.org/10.15826/B978-5-7996-3081-2.24>

Kartasheva A. Emotion Design in the Educational Program “Intelligent Systems in the Humanities” // Communication Trends in the Post-Literacy Era: Polylingualism, Multimodality and Multiculturalism as Preconditions for New Creativity / ed. by R. Simpson. Ekaterinburg, 2020. P. 35–43. <https://doi.org/10.15826/B978-5-7996-3081-2.03>

Latu M., Tagiltseva J. The Use of Cartoon Characters in Extremist Internet Discourse as a ‘Soft Impact’ Technology // Communication Trends in the Post-Literacy Era: Polylingualism, Multimodality and Multiculturalism as Preconditions for New Creativity / ed. by R. Simpson. Ekaterinburg, 2020. P. 414–423. <https://doi.org/10.15826/B978-5-7996-3081-2.29>

Leontjev D., Rasskazova T. Assessment Cultures and Virtual L2 Teaching and Learning // Communication Trends in the Post-Literacy Era: Polylingualism, Multimodality and Multiculturalism as Preconditions for New Creativity / ed. by R. Simpson. Ekaterinburg, 2020. P. 193–209. <https://doi.org/10.15826/B978-5-7996-3081-2.14>

Magsar Tseven. Some Peculiarities of Russian Cultural Constants in the Language and Culture of Mongolia // Communication Trends in the Post-Literacy Era: Polylingualism, Multimodality and Multiculturalism as Preconditions for New Creativity / ed. by R. Simpson. Ekaterinburg, 2020. P. 289–301. <https://doi.org/10.15826/B978-5-7996-3081-2.20>

Mirzoeva L., Syurmen O. Precedent Text as a Special Kind of Code in the Internet Communication // Communication Trends in the Post-Literacy Era: Polylingualism, Multimodality and Multiculturalism as Preconditions for New Creativity / ed. by R. Simpson. Ekaterinburg, 2020. P. 648–659. <https://doi.org/10.15826/B978-5-7996-3081-2.45>

Mora R. A., Golovatina-Mora P. Triaging Learning in These Remote(ly). Online Times // Facebook. URL: <https://www.facebook.com/tatiana.rasskazova.14/videos/10215225025173589> (accessed: 31.01.2021).

Murzina I. Introduction to the Historical Past: Informal Educational Media Practices in Modern Russia // Communication Trends in the Post-Literacy Era: Polylingualism, Multimodality and

Multiculturalism as Preconditions for New Creativity / ed. by R. Simpson. Ekaterinburg, 2020. P. 424–445. <https://doi.org/10.15826/B978-5-7996-3081-2.30>

Okhvat K. Nikolai Ironov: How Neuronets Create Digital Visual Culture // Communication Trends in the Post-Literacy Era: Polylingualism, Multimodality and Multiculturalism as Preconditions for New Creativity / ed. by R. Simpson. Ekaterinburg, 2020. P. 775–781. <https://doi.org/10.15826/B978-5-7996-3081-2.55>

Pryamikova E., Vandyshev M. Multimedia Practices in Corporate Museums: Tribute to Fashion or Canon Transformation // Communication Trends in the Post-Literacy Era: Polylingualism, Multimodality and Multiculturalism as Preconditions for New Creativity / ed. by R. Simpson. Ekaterinburg, 2020. P. 738–748. <https://doi.org/10.15826/B978-5-7996-3081-2.52>

Simonova I. The Concept of a National Idea in a Multicultural Media Space: Formal vs Informal Logics // Communication Trends in the Post-Literacy Era: Polylingualism, Multimodality and Multiculturalism as Preconditions for New Creativity / ed. by R. Simpson. Ekaterinburg, 2020. P. 446–458. <https://doi.org/10.15826/B978-5-7996-3081-2.31>

Smirnova T. Renewal of the Language of Music through Silence // Communication Trends in the Post-Literacy Era: Polylingualism, Multimodality and Multiculturalism as Preconditions for New Creativity / ed. by R. Simpson. Ekaterinburg, 2020. P. 761–774. <https://doi.org/10.15826/B978-5-7996-3081-2.54>

Sumskaya A., Sumskoy P., Solomeina V. Subcultures of the “Analogue” and the “Digital”: Prospects of Intergenerational Communication // Communication Trends in the Post-Literacy Era: Polylingualism, Multimodality and Multiculturalism as Preconditions for New Creativity / ed. by R. Simpson. Ekaterinburg, 2020. P. 550–572. <https://doi.org/10.15826/B978-5-7996-3081-2.38>

Vorobyova I., Kruzhkova O. Stress Factors of the Virtual Environment of a Metropolis: Perception of Youth // Communication Trends in the Post-Literacy Era: Polylingualism, Multimodality and Multiculturalism as Preconditions for New Creativity / ed. by R. Simpson. Ekaterinburg, 2020. P. 393–402. <https://doi.org/10.15826/B978-5-7996-3081-2.27>

Yarkova E. The Notion of Media Culture: An Attempt at Deconstruction // Communication Trends in the Post-Literacy Era: Polylingualism, Multimodality and Multiculturalism as Preconditions for New Creativity / ed. by R. Simpson. Ekaterinburg, 2020. P. 319–335. <https://doi.org/10.15826/B978-5-7996-3081-2.22>

Yarmosh A. S. Art & Science Potential in the Development of Russian Scientific Communication in the Museum Exhibition Policy Context // Communication Trends in the Post-Literacy Era: Polylingualism, Multimodality and Multiculturalism as Preconditions for New Creativity / ed. by R. Simpson. Ekaterinburg, 2020. P. 708–718. <https://doi.org/10.15826/B978-5-7996-3081-2.50>

Zvereva E. Interaction “Journalist – Robot Journalist”: Communicative Advantages and Social Responsibility // Communication Trends in the Post-Literacy Era: Polylingualism, Multimodality and Multiculturalism as Preconditions for New Creativity / ed. by R. Simpson. Ekaterinburg, 2020. P. 536–549. <https://doi.org/10.15826/B978-5-7996-3081-2.37>

Статья поступила в редакцию 10.02.2021 г.

ТЕЧЕНИЕ ЖИВОЙ МЫСЛИ

2–3 апреля 2021 г. силами кафедры русской и зарубежной литературы Уральского гуманитарного института УрФУ была проведена IV Всероссийская (с международным участием) научно-практическая конференция молодых ученых «INITIUM. Художественная литература: опыт современного прочтения».

С 2018 г. (года, связанного с появлением в департаменте «Филологический факультет» Уральского федерального университета новой структурной единицы — кафедры русской и зарубежной литературы) проводится ежегодная Всероссийская (с международным участием) научно-практическая конференция молодых ученых «INITIUM. Художественная литература: опыт современного прочтения», материалы которой выходят в одноименном сборнике статей (отв. ред. Т. А. Снигирева, Л. А. Назарова)¹. В отличие от большинства конференций для молодых ученых, проводимых в крупных академических центрах Урала, INITIUM не имеет многолетней истории, находясь в процессе утверждения магистральных исследовательских векторов. Нынешняя конференция — подтверждение поискового характера молодежного форума. Новшеством этого года стал смешанный формат мероприятия, позволивший, с одной стороны, вернуться к живому общению участников (в том числе с приехавшими гостями из Санкт-Петербурга, Смоленска, Москвы), с другой — расширить географию докладов за счет режима онлайн, в котором были прослушаны сообщения молодых исследователей из Словакии, Болгарии, России (Казань, Липецк, Ярославль, Рязань, Петрозаводск, Челябинск и др.). Всего на конференции выступили 54 докладчика. Особую, филологическую атмосферу мероприятия его участники почувствовали благодаря многолетнему партнеру конференции — Объединенному музею писателей Урала, традиционно предоставившему для проведения секций свои дома-музеи знаменитого Литературного квартала Екатеринбурга, архитектура и предметный мир которых хранят особую ауру. Как заметил один из участников конференции, это — место «литературной силы».

Смысловой особенностью конференции стало присутствие в ней магистрального научного сюжета теоретического характера: феномен эго-текста в мировой литературе, при сохранении традиционных (главным образом жанровых) подходов к произведениям фольклора и древнерусской литературы. Обозначенные вектора были заданы пленарным заседанием. В докладе А. Поповича «Знаки империи и образ именитых людей Строгановых в “Путнике” Иоанна Тобольского (Максимовича)» был представлен малоизвестный и недооцененный памятник поэзии позднего барокко, обозначено место автобиографического сочинения в истории русской литературы переходной эпохи, продемонстрировано органическое сплетение в его тексте личных переживаний частного человека и государственного интереса строителей империи. Доклад М. Щавлинского «“Храм Солнца” И. А. Бунина как эго-текст о путешествии: вымысел и реальность» стал

¹ Со сборниками конференций можно ознакомиться по следующим ссылкам: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/60606>; <https://elar.urfu.ru/handle/10995/74347>

демонстрацией методики скрупулезного сопоставительного анализа текстологического характера и убедительности его научной результативности. Доклад Я. Двоенко «Графические референсы к поэзии Э. Кирсанова (на основе записных книжек и рисунков поэта)» для многих открыл талантливый мир культурного героя Смоленска «нулевых», активного участника литобъединения «Персона», автора книг стихов «Круг чтения. Квадрат окна. Треугольник души», «В крошечной тьме — я маленькая точка...». В докладе А. Меньшиковой «Записные книжки Анны Ахматовой: жанрово-тематическое разнообразие» было показано, что изучение контекста, которым объединены подчас кажущиеся автономными записи, характера и техники исправлений в черновиках и письмах позволяет прийти к выводу, что «Записные книжки» могут быть осмыслены как пространство диалога поэта с эпохой и пре-текст, открывающий новые возможности интерпретации творческой судьбы Анны Ахматовой. Доклад М. Брызгаловой «Блог Татьяны Толстой как эго-текст» посвящен интернет-дневнику как виртуальному продолжению писательского эго-текста, определены его функции, среди которых продвижение других проектов, прямое общение с читателями, ведение дневника, черновые записи, в целом — «творческая лаборатория» для осуществления новой стратегии художественного текста².

Дальнейшая работа первого дня продолжилась в офлайн-режиме по следующим четырем секциям: «Древнерусская литература и фольклор: образная система и жанр», «Дневники, эпистолярное наследие как эго-текст», «Воспоминания, записки, записные книжки как эго-текст», «Травелоги, актуальные эго-практики». На второй день к работе уже в режиме онлайн присоединилась секция «Художественный текст и эго-текст: соотношение понятий». Сквозной сюжет конференции сложился из обсуждения нескольких аспектов, связанных с эго-текстом. Это, во-первых, жанровая природа эго-документов, нередко предполагающая гибрид традиционных дневниковых записей, мемуаров, писем и путевых заметок. Так, записные книжки, предполагающие соседство записей бытового, повседневного характера, набросков стихов или прозы, эпизодов автобиографии, писем или переводов, в силу своей природы совмещающие разные дискурсы, стали объектом пристального рассмотрения. В ходе обсуждений, посвященных воспоминаниям, дневниками, травелогам, письмам, были затронуты перспективы работы с разными жанровыми модификациями эго-текста, предполагающие внимание к каждому индивидуально-творческому случаю в отдельности, как при анализе идейно-содержательной составляющей жанра, так и при проведении текстологических исследований или интерпретации их результатов. Материал новейшего времени, что следует из ряда докладов, — радио и телевыступления, интервью, а также блоги, персональные страницы на интернет-порталах, генетически связан с природой эго-текста и проблемами его изучения. Так, рассмотрение блогов актуализировало вопрос сохранения черновых вариантов и возможности их последующего

² Запись пленарного заседания можно посмотреть на YouTube-канале Объединенного музея писателей Урала: <https://www.youtube.com/channel/UCKggtnuKMfljVU4jrBwAjg>

анализа как элементов творческой лаборатории и становления текста в условиях тотальной цифровизации.

В дискуссиях, развернувшихся в ходе работы каждой секции, обсуждение докладов порой выходило за пределы рассмотрения собственно жанровой природы или содержания избранного для анализа текста, участники обращались то к изучению личности пишущего через характеристики предмета описания (записные книжки, записки, мемуары), то к попыткам проследить этапы полемики в переписке современников (эпистолярное наследие), то к реконструкции системы координат, *своего* и *чужого* в сознании автора — представителя своего времени (травелоги). Одной из ключевых проблем изучения эго-документов стал вопрос соотношения документального, автобиографического и художественного и, следовательно, функции эго-документа в пространстве произведения / творческого мира автора. Актуальность проблемы отразилась и в программе конференции: секция, на которой разбирались вопросы соотношения понятий *художественный текст* и *эго-текст*, стала самой многочисленной, объединившей исследования, проведенные как в традиционном ключе анализа субъектной организации лирического произведения или образной системы романов современной литературы, так и в русле междисциплинарном, предполагающем обращение, например, к методам психолингвистики и психологии.

Весь ход конференции доказал справедливость утверждения Поля Рикера: «...всякое чтение текста, к тому же связанное с <...> вопросом о том, “с какой целью” он был написан, всегда осуществляется внутри того или иного сообщества, той или иной традиции, того или иного течения живой мысли, которые имеют свои предпосылки и выдвигают собственные требования...»³ Опираясь на традиции старших коллег, сохраняя преемственность в развитии научных литературоведческих школ, новое поколение ученых, представленное учениками СУНЦа, студентами, магистрантами, молодыми кандидатами наук, обнаружило готовность длить течение живой научной филологической мысли.

А. М. Меньщикова,
кандидат филологических наук,
ст. преподаватель кафедры
русской и зарубежной литературы УрФУ

Л. А. Назарова,
кандидат филологических наук, доцент,
завкафедрой русской и зарубежной литературы УрФУ

Т. А. Снигирева,
доктор филологических наук, профессор,
проф. кафедры русской и зарубежной литературы УрФУ,
ведущий научный сотрудник центра истории литературы
Института истории и археологии УрО РАН

³ Рикер П. Конфликт интерпретаций : очерки о герменевтике / пер. с фр., вступ. ст. и коммент. И. С. Вдовиной. М., 2008. С. 189.

SUMMARY

JOURNALISM AND MASS COMMUNICATION

- Sumskaya A. S., Sumskoy P. F.* Thematic Dominants and Perspectives of Intergenerational Media Communication5
- One of the characteristics of the post-literacy era is the emergence of the communication gap between “analogue” and “digital” media generations. Among their distinctive features are not only different media practices, often in mismatched media environments, but also various thematic orientations of generational media communications. Based on the author’s socio-cultural concept of media generations and the use of the Sketch Engine, a modern cloud tool for studying large text collections, thematic generational dominants in the media were identified and the perspectives for intergenerational media communication are formulated.
- Key words:** communication gap; media-generations; generational media communication; intergenerational interaction in the digital media environment
- Nesterova V. E.* The Strategy of Evaluative Argumentation as a Means of the Police Image Linguistic Modeling in Russian and American Newspaper Discourse (by the Example of Pro-Government Newspapers)22
- This article deals with the study of the Police image’s linguistic modelling in Russian and American newspaper discourse. In particular, it touches upon the issue of using the strategy of evaluative argumentation in news represented in the pro-government newspapers. The author concludes that the image of the Police in Russian-language and English-language publications is formed via such components as “protection”, “security”, “law”, “professionalism”, “order”, “morality” and “ethic”.
- Key words:** image; law enforcement agencies; newspaper discourse; linguistic modeling; communicative strategy; tactics; speech technique; evaluation category
- Bukina T. G.* Means of Creating a Comic Effect in the Entertainment Radio Broadcast35
- The article highlights the means of creating a comic effect in the evening show “RUSH” belonging to the broadcasting network of the music and entertainment radio station “Europe Plus”. The author divides all means into two groups: extralinguistic and linguistic. Extralinguistic techniques are connected with the presenters’ behavioral characteristics and the program’s content elements. Linguistic techniques are based on the language mechanisms of creating the comic. It is concluded that humour saturation of the broadcast depends on the personality of the radio presenter.
- Key words:** radio broadcast; linguistic means of creating a comic effect; extralinguistic means of creating a comic effect
- Litvintsev A. E.* Media Researches’ Transformation: Experience in Data Analysis.....44
- The article reveals the most frequently used words in the titles of dissertations related in the field of journalism and adjacent areas that were published in Russia during 2000-2019. Thus, the frequency of words “newspaper” and “magazine” shows steady growth, the frequency of the word “radio” demonstrates weak growth, the use of the word “television” is going down. Among the tags that are widely used are the ones that mark the academic interest to the digital media.
- Key words:** dissertation research; media research; media; newspapers; magazines; radio; television

Golousova E. S. Hispanic media in the USA: current trends and future prospects59

The relevance of this topic is primarily related to the change in the status of Hispanic media in the United States. Considering that in the middle of the last century most of the Americans listened to the Fox News, CNN, MSNBC, New York Times, Washington Post, today they are focused mostly on the La Opinion, CNN En Espanol, Telemundo, NBC News Latino, Remezcla and others. The changes in the status of Latino/Hispanic media are only one of components in shaping a new reality, where the Latin American population starts playing a much more active role than it did a couple of decades ago. The author reveals the main trends typical for Latino Media of the new era, analysing the content of the modern Hispanic media.

K e y w o r d s: Hispanic media; Latin Americans; trends; identity

SCHOLAR'S ROSTRUM

Kupina N. A. The Guiding Values of Russians in the Era of the Coronavirus Pandemic74

The article develops the M. M. Bakhtin's idea of guiding values, which determine both personal and collective axiological choice. The object of analysis is statements that reflect the value preferences of the Russians during the coronavirus pandemic, extracted from media texts, as well as conversational dialogues and polylogues. The author suggests the interpretation of the axiologemes nominating the guiding values and distinguishes the factors of the axiological lexicon activation.

K e y w o r d s: axiologeme; axiological lexicon; culture constants; guiding values; media texts

Kuvaeva I. O., Strelnikova A. M. The features of Coping with a Specific Challenging Situation (COVID-19 pandemic)84

The empirical results of the research devoted to the problem of coping behavior with stressful and the pandemic situations among youth ($n = 100$) are discussed. The instruments are the following: Coping Inventory for Stressful Situations (N. S. Endler, J. D. A. Parker) and Ways of Coping Questionnaire (R. Lazarus, S. Folkman). The problem-oriented coping style is predominant among participants aged 17–31. Significant differences in coping strategies related to pandemic between the respondents who have been exposed to COVID-19 and respondents who were not infected with COVID-19 were not found ($p > 0.50$). Respondents who have been exposed to COVID-19 demonstrated social avoidance style in stressful situations ($p = 0.021$). The structure of coping behavior in group of participants who have been exposed to a new coronavirus infection included a greater number of correlations between stable coping styles and strategies for overcoming the pandemic situation. The female respondents demonstrated higher rate of avoidance behaviour and tend to seek social support more often than male respondents.

K e y w o r d s: COVID-19 pandemic; coping behavior; difficult situation; stress; respondents with new coronavirus infection

LITERARY STUDIES

Menshchikova A. M. “Celebrate the Last Anniversary”: Akhmatova's Anniversaries in the Reception of the Following Generations92

In this article, the author attempts to trace the transformation of Anna Akhmatova's image and status in the context of the changing social and cultural situation as well as the change of the generation of readers during the period between the poet's centenary in 1989 and her anniversaries in the 21st century. Establishing correlation between the selection of material that is related to the posthumous fate of the image of “a great Russian poet” with the author's individual framework allows to make conclusions about the main changes in Akhmatova's reception within the last 30 years using bibliography, websites and her portrayal in films.

K e y w o r d s: Anna Akhmatova's reception; generational aspect; Anna Akhmatova's anniversary

Kosheleva O. D., Prashcheruk N. V. On the Metaplot of Reading Aloud in the Novels by F. M. Dostoevsky102

The article is devoted to the four episodes of reading the passages from Holy Scripture in the F. M. Dostoevsky's novels. These include The Raising of Lazarus in “Crime and Punishment”, Messages to the Angel

of the Laodocian Church in “Demons” and the Marriage at Cana in “The Brothers Karamazov”. There are several shared characteristics of the content and structure in noted episodes. First of all, there are always heroes-who-read and heroes-who-listen. Secondly, while heroes-who-read are usually having a strong faith, heroes-who-listen are facing the crisis of belief. Finally, each passage is meant to be an allegory, by which the readers are trying to point a new way in life for listeners, and motivate them to work on themselves instead of giving them ready answers. In conclusion, all of the above-mentioned episodes could be summarized into a metaplot of reading in the F. M. Dostoevsky’s novels.

Key words: F. M. Dostoevsky; metaplot; Biblical Studies; Book of Revelation; “Crime and punishment”; “Demons”; “The Brothers Karamazov”

Podlubnova Yu. S. “I’m Looking Outside the Window When the Mountains Begin”: the Genre of the Book “A Trip to the Urals” by Elizabeth Polonskaya 110

The article examines the genre originality of the book “A Trip to the Urals” by E. G. Polonskaya, written as a result of the writer’s business trip to Sverdlovsk and the Ural Region, while working as a reporter for Leningradskaya Pravda in 1926. “A trip to the Urals”, which first came into the focus of close research attention, is perceived a journalistic text created in the era of Soviet construction, reconstruction of factories and cities. EG Polonskaya succeeds in capturing not just the restoration of production after the Civil War, but proceeding to fixing “our achievements”; the scale of her vision in many ways anticipated a new era — industrialization. The article concludes that in terms of genre, the book continued the traditions of travel literature and became the Soviet version of the travel guide, consisting of a compilation of travel notes, a feuilleton and production essays.

Key words: Russian literature of the 1920s; E. G. Polonskaya; “A Trip to the Urals”; travelogue; essay on industry; image of the Urals

CULTURE STUDIES

Shuklina E. A., Pevnaya M. V. Inclusive Theater: Audience Characteristics and Problems of Participation 120

The article provides a comparative analysis of the inclusive theatre audiences in the Sverdlovsk region. The authors identified characteristics of the inclusive theatre audience, considered the problem of isolation in inclusive projects and their audiences. The article defines the potential to overcome these problems through the tools of social participation. The authors consider the socio-cultural and pro-social aspects of audience participation in the life of inclusive theatre.

Key words: inclusion; inclusive culture; inclusive theatre; cultural policy; social participation

Shakleeva A. I. Foolishness in Modern Russian Theater (Based on the Director’s Concept of Lev Ehrenburg) 132

The article examines the foolishness as one of the ways of a new representation of reality in art on the example of the director’s concept of Lev Ehrenburg. The author analyzes the performances of the Nebolshey Drama Theater in St. Petersburg in the 1990-2010s, tracing the influence of the aesthetic paradigm of foolishness on the director’s method. On the basis of the analysis, the author examines the reflection of the typological features of foolishness in the work of Lev Ehrenburg: belonging to the purl world, the marginality of heroes, the search for a lost paradise, the desire to overcome the boundaries of one’s own “I”. The author indicates the possibilities for further in-depth study of the issue, in which the aesthetic paradigm of foolishness can be considered in connection with the concept of total theatricality of Nikolai Evreinov, the performative turn in modern theater, as well as in other director’s concepts (N. Kolyada, A. Artemov, K. Bogomolov, A. Adasinsky).

Key words: foolishness; marginality; theatre; Russian theater; art; culture; Russian culture; directing

Bystrova T. Yu., Tao Mengting. Santai ceramics in the Context of Life and Death Concepts 140

The article examines the author’s hypothesis about the use of santai ceramics in the “magnificent” burials of the Tang era in China in connection with the very nature of ceramics, and not just their decor or symbolism. The influence of Buddhist and Taoist ideas during the Tang period leads to strengthening of the interpretation of life and death as an integral process that does not have internal oppositions.

Key words: santai; Tang tricolor ceramics; everyday culture of the Tang Dynasty; burial objects; lavish funerals; meaning; cultural concepts of life and death

Baranova S. I. Interiors of Moscow Palaces of the Second Half of the XVIIth Century: Experience of Inventory-Taking.....151

The article is dedicated to investigation of the palaces' interiors of the XVIIth century. No genuine palace interior of that time has survived in Russia; therefore, inventories of palaces including the wooden palace which was built in Kolomenskoye are analysed. The goal of the study is to check the possibility of interiors' visualization on the basis of detailed criss-cross study of documents, pictures and authentic items presented by archaeological findings from museum collections. Both published as and unpublished materials were considered by author. The earlier attempts of such reconstructions took place and were successful in their own ways. However, the researchers restricted themselves with the information contained in written sources. A critical analysis of those attempts is provided. In general, involvement of the survived items and rare pictures as analogues used for saturation of interiors of the 17th and the 18th centuries with items was tested as early as in 2010s when interiors in a copy of the palace in Kolomenskoye were restored in nature. Such experiment in itself demands understanding and scientific substantiation, that is related to a source study task. One of the way to solve it is to evaluate the very possibility of forming of complete inventories of the modern type for palaces' interiors of the XVII-early XVIII centuries.

Key words: palace's inventories; interior; Palace in Kolomenskoye; reconstruction; archaeology; tile for ovens; furniture

Ablaeva E. S. The Role of the Cultural and Symbolic Image of Crimea in the Formation of the Region's Brand.....159

The article examines the role of the cultural and symbolic image of Crimea in the formation of the region's brand. The cultural resources that form the basis of the peninsula's symbolic capital include unique events, historical sites of global importance, festivals and events in the region.

Key words: image; reputation; brand; city

PSYCHOLOGY

Lyubyakin A. A., Sokolov V. A. The Study of the Feelings of Subjective Loneliness and Psychological Internet and Social Media Addiction Among Students169

The article describes the results of a study on a student sample of the relationship between the feelings of subjective loneliness and Internet and social media addiction. In the article are used following diagnostic methods: «Differential questionnaire of the experience of loneliness (DOPO-3)», «Methodology for assessing changes in psychological boundaries when using technical means (MIG-TS-2)», «The Generalized Problematic Internet Use Scale 3 (GPIUS-3)». As a result of the study it was found the link between indicators of feelings of subjective loneliness and indicators of psychological Internet and social media addiction.

Key words: psychological loneliness; feelings of subjective loneliness; communication addiction; Internet addiction; social media addiction

EDUCATION: CHALLENGES OF THE MODERN WORLD

Ambarova P. A., Shabrova N. V. Socio-cultural Prerequisites of Educational Failure /Success of Students.....178

The article examines the socio-cultural factors that affect the educational achievements of students (schoolchildren and students) and determine their educational failure / success. The purpose of the paper is to identify and consider cognitive, axiological and behavioral factors of educational failure / success that have a socio-cultural nature. The paper is based on the data of the interdisciplinary research «Transfer of human capital of educational communities: from failure to success», carried out in 2019–2020. In the course of the empirical study, the methods of expert interviews with representatives of educational organizations of the Sverdlovsk region and secondary analysis of data from pedagogical, socio-psychological, and sociological studies reflecting the socio-cultural prerequisites of educational failure / success were used.

Key words: educational failure; educational communities; socio-cultural factors of educational activity; culture of intellectual work; pedagogical culture

- Pankova S. N.* Non-linear Educational Practices of Students of Russian Universities in Conditions of Social Uncertainty193

The study of Russian students' non-linear educational practices is necessary to understand the changes taking place in university youth's qualitative characteristics. The article is aimed at studying new non-linear educational practices carried out by students of Russian universities. To achieve this goal, the author determines the concepts of linear and non-linear educational practices for the students are determined. The specificity of non-linear educational practices is revealed, and their classification is carried out.

Key words: linear and non-linear educational practices; students of Russian universities; uncertainty in higher education

- Plotnikova I. Yu., Klimova O. V.* Implementation of Project Activities in UrFU: Educational Publishing Project "Her Life" (Based on the Book by A. G. Korevanova)207

The article analyzes the student's publishing project of creating the book "Her Life" as an example of practice-oriented activities carried out during college year. The publishing project was based on the book written by A. G. Korevanova "My Life". The reasons for the choice of material for reprinting, the difficulties in the process of working on the project, the advantages and disadvantages of conducting project activities in the publishing sector are indicated. The project activity is considered as a type of training on the basis of the Department of Publishing of the Ural Federal University and the Publishing House of the Ural University.

Key words: publishing project; project activities; publication; editing; layout; copyright; Agrippina Korevanova; book

POINT OF VIEW

- Korobov-Latyntsev A. Yu.* The Moral Optics of P. Ya. Chaadaev's Historiosophy218

The article deals with the philosophical history of Pyotr Yakovlevich Chaadaev from the point of view of ethics. The purpose of the work is to present Chaadaev's philosophy of history as part of his philosophical system, to consider the religious and moral motives of the philosopher. Conclusion: the understanding of Chaadaev's philosophy of history as a critique of Russia is incorrect.

Key words: Chaadaev; Russian philosophy; philosophy of history; historiosophy; ethics

BOOK REVIEWS

- Myasnikova M. A.* The Mask Explains the World223

Review of: *Kirillova N. B.* The cult of the mask: a historical context. — Yekaterinburg : Ural University Press, 2020. — 324 p.

The article is a review of the book by N. B. Kirillova, the Doctor of Cultural Studies, Professor, Head of the Department of Cultural Studies and Socio-Cultural Activities of the Ural Federal University. The book was published by the Publishing House of this university at the very end of 2020. The object of the research is a mask, the main ability of which, according to the author of the analysed scientific publication, is the ability to be a mediator between an individual and society.

Key words: the phenomenon of culture; mask; social metamorphosis; mediatization; media; medium; image

- Iskhakov R. L.* «Great Things Seen at a Distance...»: View of Newspaper Studies in a Hundred Years ...227

Review of: *Fateeva I. A.* Gazetovedenie as a scientific and educational school in Russia: one hundred years later: a monograph. — Moscow: MPSU, 2020 — 368 p.

For the first time in historical science, the author turns to the origins of the theory of journalism, the first steps of the study of the creativity of newspaper authors. For many years after the destruction of the school of newspaper science in the 1930s, the topic of the first scientific schools of journalism has been ignored. The author

of the monograph reveals the names of the first researchers of journalism and shares them with them the academic community.

K e y w o r d s: gazetovedenie; K. P. Novitsky; Moscow Institute of Journalism; scientific school; self-organization

SCIENTIFIC LIFE

Gudova M. Yu., Rubtsova E. V., Simbirtseva N. A. Communication Trends in the Post-literacy Era: from Human Creativity to the Creativity of Artificial Intelligence and Human-machine Hybrids.....235

The article is based on the materials of the Fifth International Theoretical Scientific Conference “Communication trends in the post-literacy era: polylingualism, multimodality and polyculturalism as preconditions for new creativity”, which took place at the Institute of Humanities in November 26–28, 2020. The authors analyze the main communication trends that have developed under the influence of the Covid-2019 pandemic in the sociocultural space in 2020. The main trend is the use of artificial intelligence in such areas of socioculture as communication, media, education. The concept of creativity is clarified, the creative possibilities and limits of human and artificial intelligence are considered, the threats and dangers of the artificial intelligence’s development and its implementation in various spheres of human life are analyzed, such as education, socialization and inculturation, journalism and mass information, contemporary art, museum and exhibition activity. The conclusion is made about the need for further interdisciplinary research of artificial intelligence in the humanitarian sphere.

K e y w o r d s: artificial intelligence; creativity; communication trends; multimodality; polylingualism; multiculturalism; the era of post-literacy; informal practices in education

The Flow of Living Thought (*A. M. Menshchikova, L. A. Nazarova, T. A. Snigireva*)250

ИЗВЕСТИЯ
УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия 1
Проблемы образования, науки и культуры
2021. Т. 27. № 2

Журнал не подлежит маркировке в соответствии с п. 2 ст. 1
Федерального закона РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
как содержащий научную информацию

Редактор и корректор *Н. В. Чанаева*
Компьютерная верстка *Л. А. Хухаревой*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-48319 от 27.01.12.
Учредитель – Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина».
Адрес учредителя: 620002, Свердловская обл., г. Екатеринбург, ул. Мира, 19.

Дата выхода в свет 30.06.2021. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 21,5. Усл. печ. л. 21,29. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Тираж 300 экз. Цена свободная. Заказ 154.
Издательство Уральского университета.
620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в типографии Издательско-полиграфического центра УрФУ.
620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 358-93-06, 350-58-20, 350-90-13
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru
<http://print.urfu.ru>

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры»

- зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–48319 от 27.01.2012 г.;
- зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) 28.03.2012 г. с присвоением международного стандартного номера ISSN 2227–2275;
- электронно-сетевая версия журнала зарегистрирована в Национальном агентстве ISSN Российской Федерации 01.12.2017 г. с присвоением международного стандартного номера сериального издания ISSN 2587–7151;
- включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук;
- в соответствии с рекомендациями Президиума Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, журнал публикует статьи по двум отраслям науки: 10.00.00. **Филологические науки** (группа специальностей 10.01.01. **Русская литература**, 10.01.10. **Журналистика**); 24.00.00. **Культурология** (24.00.01. **Теория и история культуры**, 24.00.03. **Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов**).
Решение по публикации научных материалов по другим отраслям принимается индивидуально, в каждом конкретном случае;
- включен в объединенный каталог «Пресса России». Индекс 43138;
- материалы журнала включены в информационную систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки. Полнотекстовая версия журнала размещается на портале Уральского федерального университета: <http://urfu.ru/science/proceedings/>

О порядке предоставления и рецензирования рукописей

1. Автор высылает в редакцию по электронной почте (izvestia_1@urfu.ru) **текст статьи, не публиковавшийся ранее (представленный только в наше издание)** (см. ниже требования к оригиналу) и **анкету статьи** (см. на сайте журнала <http://izvestia1.urfu.ru>). Статьи без анкеты не рассматриваются.

2. Статья передается одному из рецензентов, включенному в редакционный список рецензентов по основным научным направлениям, освещаемым в журнале. Назначенный редакцией рецензент в течение 10 дней готовит мотивированный отзыв на статью и передает его в редакцию.

3. Редакция на основании представленной внешней рецензии и заключения назначенного рецензента выносит решение либо о принятии статьи к опубликованию, либо о повторном рецензировании (после исправления автором текста в соответствии с замечаниями рецензента), либо об отказе в публикации. Все рецензии на статьи хранятся в архиве редакции в течение 5 лет.

4. По электронной почте редакция уведомляет автора о том, принят или не принят материал к рассмотрению, и если принят, сообщает автору замечания по содержанию и оформлению рукописи, которые необходимо устранить до передачи текста на рецензирование.

5. Редколлегия обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки РФ при поступлении соответствующего запроса.

6. Редакция согласовывает с автором исправления, дополнения и т. п., которые необходимо внести в статью по рекомендации рецензентов. Автор пересылает исправленный текст в редакцию по электронной почте.

7. Статьи, одобренные редколлегией, печатаются бесплатно.
8. Отправка статьи для публикации в журнале означает согласие автора на обработку персональных данных и размещение статьи в открытых интернет-источниках.

Требования к авторскому оригиналу

1. Авторский оригинал должен иметь следующую структуру:
 - а) сведения об авторе: фамилия, имя, отчество — полностью, ученые степень и звание, должность, место работы, телефоны, в т. ч. сотовые, e-mail (обязательно!), домашний почтовый адрес. Аспирантам и докторантам необходимо указать, в сфере каких наук они выступают соискателями ученого звания;
 - б) инициалы и фамилия автора на русском языке;
 - в) заголовок статьи на русском языке;
 - г) краткая, 5–7 строк, аннотация к статье на русском языке (ГОСТ 7.9.—95; включает характеристику основной темы, проблемы, объекта, цели работы и ее результаты, указывает, что нового несет в себе данная статья в сравнении с другими, родственными по тематике и целевому назначению; ее рекомендуется писать простыми предложениями, без сложных синтаксических конструкций);
 - д) ключевые слова по исследуемой проблеме;
 - е) инициалы и фамилия автора, заголовок статьи, аннотация к статье, ключевые слова на английском языке (обращаем внимание авторов на необходимость представления качественного перевода, неадекватный перевод может стать основанием для отклонения статьи);
 - ж) основной текст статьи с отсылками на затекстовые библиографические ссылки;
 - з) список затекстовых библиографических ссылок в алфавитном порядке (см. образцы оформления).

2. Оформление библиографического аппарата.

После написания статьи автор оформляет библиографические ссылки в соответствии с требованиями ГОСТа Р 7.0.5—2008 «Библиографические ссылки. Общие требования и правила составления»:

- а) цитируемые литература и другие источники располагаются в алфавитном порядке по первой букве фамилии авторов или первой букве названия других источников. Литература и источники на иностранных языках располагаются в конце затекстового списка по латинскому алфавиту. Для публикаций, имеющих DOI, необходимо указывать соответствующую ссылку. Например:

Бернштам Т. А. Приходская жизнь русской деревни. СПб., 2005.

Выступление Президента на сборе руководящего состава Вооруженных сил от 16.11.2006 г. : [сайт Президента РФ]. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 14.02.2007).

Герцен А. И. С того берега // Соч. : в 9 т. М., 1956. Т. 3. С. 58–112.

...

Коробкин М. Уральское хозяйство и внешний рынок // Хоз-во Урала. 1925. № 27. С. 8–10.

Куропаткин А. Н. Отчет генерал-адъютанта Куропаткина : в 4 т. Санкт-Петербург ; Варшава, 1906–1907. Т. 1.

Николаев И. А., Марушкина Е. В. Бедность в России // Экономический анализ. М., 2005. URL: <http://www.fbk.ru> (дата обращения: 12.01.2012).

Шаццло К. Ф. Консерватизм на рубеже XIX–XX вв. // Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / под ред. В. Я. Гросула. М., 2000. С. 56–64.

Smyth A. Nationalism and modernism. URL: <http://www.e-bookspdf.org/download/nationalism-and-modernism-anthony-d-smith-pdf.html> (accessed: 02.09.2014).

Walker B. M. No more heroes any more: the 'older brother' as role model. <https://doi.org/10.1080/03057640701706169>

- б) во внутритекстовых ссылках в квадратных скобках указываются фамилии авторов (если документ создан 1–3 авторами) или заглавие (4 и более авторов, коллективные сборники), при цитировании — номер страницы. При ссылке на многотомное издание в скобках после фамилии автора ставится номер тома и номер старницы. Год издания указывается лишь в том случае,

если есть ссылки на другие книги этого автора. Если один и тот же автор опубликовал в одном году несколько работ, на которые делаются ссылки, то и в тексте и в списке к году добавляется литера. Если в квадратных скобках нужно указать несколько источников, то фамилии авторов разделяются точкой с запятой.

Примечание. При цитировании электронных ресурсов страницы не указываются.

в) отсылки на архивные документы в тексте оформляются аналогично: в квадратных скобках, между элементами отсылки ставится точка (возможен вариант: ссылки на архивные документы даются только в тексте, в круглых скобках, между элементами отсылки ставится точка). Ссылки на архивный источник за текстом — по правилам оформления затекстовых ссылок. Название архива, если оно не является общепринятым, расшифровывают:

ГАСО (Гос. арх. Свердл. обл.). Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14–14 об.

РГИА. Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14–14 об.

3. Работы докторантов (до 0,5 а. л., 20 000 знаков с пробелами) и аспирантов (до 0,4 а. л., 16 000 знаков с пробелами) должны содержать основные совокупные, а не фрагментарные результаты проведенного научного исследования.

4. Диаграммы, графики и схемы в тексте должны быть доступны для редактирования (редакторами Word или Excel), рисунки прилагаются к основному тексту отдельными файлами в формате .jpg.

Адрес редакции: 620000, Свердловская обл., г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51. УрФУ, ИПЦ
Редакция журнала «Известия УрФУ. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры».
Главному редактору *Амирову Валерию Михайловичу*.

Материалы принимаются в Издательстве УрФУ:
Екатеринбург, ул. Тургенева, 4, Издательство УрФУ
(для *Ларисы Александровны Хухаревой*).
Электронный адрес журнала: izvestia_1@urfu.ru